

Получилъ ГОЛЬДБЕРГА 14027 руб. телеграфир
есть расчетъ, могу платить кромѣ 12000 еще

Петроградъ, Сергіевская 81. КОЗЛОВСКОМУ. Ню
нѣ требуетъ доплаты 15300 кронъ дифференци зал
ричина упадокъ курса.

Переведите денегъ

Сальтшэбденъ

Пусть ЛЕНИНЪ сейчасъ

Б. В. НИКИТИН
**РОКОВЫЕ
ГОДЫ**

5-го мая

РАБОТНИК
Т ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ
РАВСТВО

№ МОСКВА.
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТЪ

КАРТОЧКА.
НА
ХЛѢБЪ или МУКУ
на **ОДНО** лицо
на августъ 1917 года.
Издатель: карточка:

хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ
1	1	1	1	1	1
26 авг.	21 авг.	16 авг.	11 авг.	6 авг.	1
хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ
1	1	1	1	1	1
27 авг.	22 авг.	17 авг.	12 авг.	7 авг.	2 авг.
хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ	хлѣбъ
1	1	1	1	1	1

В. И. ЛЕНИНЪ
РОКОВЫЕ ГОДЫ

(НОВАЯ ПОКАЗАТЕЛЬ ЭМАСТИКА)

Сальтцбаденъ
Пусть **ЛЕНИНЪ** сейчасъ

1. Lenin.
2108/25
10

9. Proletariat
D. Proletariat
10 25/5 10 5.

КОЗЛОВСКИМЪ ДѢЛУ КУВЫ.
5-го мая 1917 года.

Переведите денегъ сколько можете

Б Е Л А Я Р О С С И Я

Б. В. НИКИТИН

РОКОВЫЕ ГОДЫ

НОВЫЕ ПОКАЗАНИЯ
УЧАСТНИКА

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2007

УДК 94(47).084.1

ББК 63.3(2)535

Н62

*Книга публикуется в год 90-летия роковых потрясений,
постигших Россию в 1917 г.*

В подготовке издания принимали участие:

д. и. н. Ю. Н. Емельянов, д. и. н. С. В. Волков,
к. и. н. К. М. Александров

Редакция выражает глубокую признательность сотрудникам архива Гуверовского института при Стэнфордском университете (США), а также Бернару Фавру и Л.Ю.Тремсиной за содействие при подготовке материалов для настоящего издания.

Оформление *А. М. Драгового*

Никитин, Б. В.

Н62 Роковые годы (Новые показания участника) /
Б. В. Никитин; предисловие Ю. Н. Емельянова — М.:
Айрис-пресс, 2007. — 384 с. — (Белая Россия).

ISBN 978-5-8112-2740-2

Воспоминания полковника Б. В. Никитина, в подчинении которого с марта по июль 1917 г. находилась контрразведка Петроградского военного округа, написаны в эмиграции и посвящены одному из самых драматичных моментов российской истории. Автор описывает, как в обстановке хаоса, воцарившегося в Петрограде после Февральской революции, при поддержке некоторых членов Временного правительства и петроградского Совета лидеры большевиков развернули активную борьбу за захват власти. Подробно изложен ход спровоцированного большевиками Июльского восстания, которое удалось остановить, лишь предав гласности данные контрразведки о прогерманской деятельности большевиков, в том числе телеграммы, которыми они обменивались с сотрудниками германского агента Парвуса.

Текст книги воспроизводится по прижизненному изданию (Париж, 1937), в современной орфографии. В дополнение к воспоминаниям впервые публикуются архивные материалы из документов российского военного атташе в Дании С. Н. Потоцкого, хранящиеся ныне в Архиве Гуверовского института (США), а также некоторые публикации Б. В. Никитина в эмигрантской прессе.

ББК 63.3(2)535

УДК 94(47).084.1

ISBN 978-5-8112-2740-2

© ООО «Издательство «АЙРИС-пресс»,
оформ., предисл., коммент. 2007

Б. В. НИКИТИН И ЕГО СВИДЕТЕЛЬСТВА О «РОКОВОМ СЕМНАДЦАТОМ»

История русских революций 1917 г. — Февральской и Октябрьской — и по сегодняшний день хранит много тайн. В их числе дискуссионные вопросы о том, предпринимались ли на самом деле какие-либо попытки по заключению сепаратного мира и получали ли большевики деньги от германского Генерального штаба на «развертывание революционной агитации». В истории революции определение источников денежных средств, находившихся в распоряжении большевистских лидеров, имеет первостепенное значение для выяснения причин их успеха в октябре 1917 г. Таким образом, постановка вопроса о возможном финансировании Генеральным штабом Германии партии большевиков в период подготовки ею государственного переворота в России является не только исторической, но и политической проблемой.

Какова же суть этой проблемы? В ходе Первой мировой войны, к 1916 г., Германия исчерпала все свои резервы и, будучи не в состоянии продолжать борьбу на два фронта, когда инициатива окончательно перешла к Антанте, сделала ставку на партию большевиков, которая в своей революционной пропаганде ориентировала массы на поражение своего национального правительства для ускорения революционного взрыва. С этой целью немецкая сторона в апреле 1917 г. организовала проезд в запломбированном вагоне из Швейцарии в Петроград группы руководителей партии большевиков во главе с В. И. Лениным. Более того, для развертывания ими революционной агитации под видом «борьбы за мир» была налажена пересылка из Германии значительных финансовых средств по торговым каналам немецкого агента Парвуса. В условиях того времени это не составляло трудностей, ибо Февральская революция уже сумела разрушить общественные связи в стране, деморализовать армию и тем самым подорвать авторитет государственной власти. Все это в совокупности и дало большевикам возможность справиться с по-

ставленной задачей более чем успешно: они не только довели дело до победного конца, заключив сепаратный мир с германским блоком, но и утвердились у власти. Такова краткая канва этого исторического сюжета.

Эта проблема явилась мучительной загадкой как для современников, так и для последующих поколений отечественных и зарубежных историков и общественных деятелей.

Обратимся к кругу свидетельств, исходящих от современников тех лет.

Первой в этом ряду стоит ценная книга воспоминаний Б. В. Никитина¹, служившего в марте—июне 1917 г. начальником Петроградской контрразведки, а в июне—июле 1917 г. генерал-квартирмейстером штаба Петроградского военного округа.

Большую часть своей работы Никитин написал до 1929 г., о чем упомянул в интервью для газеты «Возрождение»². Несколько глав книги первоначально были им опубликованы в 1932 г. в Париже в газете П. Н. Милюкова «Последние Новости»³ и в 1935 г. в журнале «Часовой»⁴, а целиком книга была издана в Париже в 1937 г.

В 1938 г. книга вышла в английском переводе, с благожелательным предисловием английского генерала Альфреда

---

¹ *Никитин Б. В.* Роковые годы (Новые показания участника). Париж. [Le Polonais en France], 1937, 271 с.

² См.: *Любимов Л.* Июльское восстание большевиков. Беседа с Б. В. Никитиным // *Возрождение* (Париж). 1929, 27 апреля. С. 2–3. Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976), журналист. В эмиграции с 1919 г. Сотрудничал в газете «Возрождение» и в других русских эмигрантских изданиях. В 1947 г. вернулся в СССР.

³ См.: *Никитин Б. В.* В дни революции. Воспоминания б[ывше-го] нач[ачальника]контрразведки и ген[ерала]-квартирмейстера // *Последние Новости* (Париж). 1932. 16, 23 и 25 июля (№№ 4133, 4140, 4142); 2, 8, 16, 22, 30 августа (№№ 4150, 4156, 4163, 4170, 4177); 16, 23 сентября (№№ 4195, 4202) и 4 октября (4213). Машинописный текст части одной главы, с рукописными исправлениями автора, хранится в архиве Гуверовского института Стэнфордского ун-та, США (коллекция Б. И. Николаевского, Архив газеты «Последние Новости», коробка 641, д. 32).

⁴ См.: *Часовой* (Брюссель). 1935. № 148/149. С. 21–23; № 151. С. 10–11; № 152. С. 24–27; 1967. № 488. С. 12–13.

Уильяма Нокса (Кнох) (1870—1964), служившего в 1911—1918 гг. британским военным атташе в России¹.

В России ранее было осуществлено два издания книги Б. В. Никитина. В первом, неполном, были опубликованы главы: «Немецкие деньги», «Июльское восстание», «Последняя карта», «Нахамкес» и «Еще два слова»². Второе отечественное издание представляется некачественным, так как книга была опубликована с искаженным названием и множеством серьезных опечаток³.

Приведем известные нам сведения об авторе этой книги.

Никитин Борис Владимирович (1883—1943), сын генерала от артиллерии Владимира Николаевича Никитина (1848—1922), героя русско-турецкой войны 1877—1878 гг., награжденного за свои отличия в этой войне орденом Св. Георгия III степени. Принимал участие в обороне Порт-Артура, попал в плен, при освобождении был представлен к ордену Св. Георгия IV степени. Под началом В. Н. Никитина служил в 1911—1913 гг. Лавр Георгиевич Корнилов, сохранивший о нем «теплые воспоминания»; по замечанию сына, это внесло «задушевную ноту» в их взаимоотношения в 1917 г. В 1907 г. Б. В. Никитин окончил в Петербурге Институт путей сообщения, в 1915 г. — Николаевскую академию Генерального штаба, по окончании ее служил на должностях Генштаба. Служил в Л.-Гв. 1-й артиллерийской бригаде и произведен в капитаны, затем старшим адъютантом штаба Кавказской Туземной конной дивизии. Был контужен в грудь, что явилось причиной начала неизлечимой болезни сердца. С февраля 1916 г. — старший адъютант штаба 2-го кавалерийского корпуса. 30 ноября 1916 г. назначен помощником старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии, с 12 марта по конец июня 1917 г. — начальник контрразведки Петроградского военного округа, в июне—июле

---

¹ См.: *Nikitine B. V. The Fatal Years: Fresh Revelations on a Chapter of Underground History.* Transl. by D. Hastie Smith. Preface by Sir Alfred Knox. London, Hodge and Company Ltd., 1938, 312 p.; репринтное изд. — Westport, Connecticut: Hyperion Press, 1977, 312 p.

² См.: Литература русского зарубежья. М., 1998. Т. IV. С. 351—390.

³ См.: *Никитин Б. В. Роковые годы: новые воспоминания участника.* Мемуары начальника военной контрразведки Петроградского военного округа. М.: Правовое просвещение, 2000, 256 с.

1917 г. — генерал-квартирмейстер штаба Петроградского военного округа. Генерального штаба полковник. Неудача Корниловского выступления в конце августа привела к отъезду Никитина на Кавказский театр военных действий, где он закончил войну после подписания Брестского мира, о чем и поведал в главе «Забутые могилы» своей книги. В эмиграцию выехал после 1920 г.; вместе с отцом, матерью и сестрой жил в Париже. Был принят на работу в электротехническую фирму «Als-Thom». В 1938 г. удостоен диплома и серебряной медали Союза деятелей электротехники («Sindicat Général de la Construction Electrique») за проведение электрификации железной дороги Париж—Лион. Состоял членом объединения Л.-Гв. 1-й артиллерийской бригады, а также был председателем Союза русских дипломированных инженеров. Сотрудничал в газетах «Возрождение» и «Последние Новости», а также в журнале «Часовой». Умер Б. В. Никитин в Париже, похоронен на кладбище Батиньоль. На его смерть откликнулась траурным некрологом газета «Парижский Вестник»¹.

К работе в качестве начальника Петроградской контрразведки Никитин приступил по приказу главнокомандующего Петроградского военного округа генерала Л. Г. Корнилова и начал с ее реорганизации в новых условиях. В дальнейшем, после ухода с поста Корнилова, эта работа протекала в постоянных контактах с главнокомандующим войсками округа генералом П. А. Половцовым², генеральным прокурором, затем министром юстиции П. Н. Переверзевым, а также с контрразведывательными службами союзников — французским капитаном Пьером Лораном (Laurent) и английским майором Аллеем (Alley), а также военным агентом Британии генералом А. Ноксом. Эта работа протекала в тяжелых условиях постоянного давления Петроградского Совета, который уже 22 марта потребовал передать в его подчинение контрразведку и «поручить ей борьбу с контрреволюцией», что, кстати, никогда не входило в сферу действия контрраз-

---

¹ Парижский Вестник (Париж). 1943, № 61, 14 августа, С. 3; № 67, 25 сентября, С. 5.

² О чем также см. воспоминания последнего: «Дни затмения: записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 г.». Paris, 1927.

ведки, особенно в условиях войны. Кроме того, было бы прямым нарушением статуса подразделения, которое еще при своем оформлении объявлялось как «учреждение вполне самостоятельное, никем не контролируемое, ни перед кем не ответственное»¹. Керенский, будучи товарищем Председателя Петроградского Совета, тем не менее, отменил это распоряжение. В этой связи любопытно, что член Исполкома Совета А. М. Коллонтай имела неограниченный доступ к телеграфному пункту, принадлежащему Совету и расположенному в Таврическом дворце. Это интересное обстоятельство объясняет ее осведомленность в обстоятельствах разыгрывающихся событий.

В предисловии к английскому изданию 1938 г. Альфред Нокс, сам находившийся в Петрограде в 1917 г., отмечает: «Никитин повествует о трудностях общения с политиками, которым невозможно было доверять, а также об успешном поиске убедительных доказательств связей большевиков с немецкими агентами. Никитин считает, что Керенский упустил свой последний шанс, когда отказался дать санкцию на арест большевистских лидеров и заменил приказ о разоружении населения на смехотворный призыв к несуществующему [уже] патриотизму людей с требованием вернуть оружие, необходимое фронту. Особый интерес представляет глава XIX «В музей Ленина», содержащая интересные сведения о карьере основоположника большевизма».

Автор книги утверждает, что при активном содействии германской разведки был спровоцирован апрельский кризис Временного правительства, в результате которого из его состава были выведены министр иностранных дел П. Н. Милюков и военноморской министр А. И. Гучков, известные своей приверженностью к Антанте и выполнению союзнических обязательств до конца. В этой связи со всей очевидностью просматривается шпионская деятельность, как говорит Никитин, «известного драматурга и публициста», некоего К. Примечательно, что в 1929 г. в первом выступлении Никитина в печати по этой теме (в интервью журналисту Л. Любимову) фамилия «публициста К.» была ука-

---

¹ Петроградская контрразведка накануне революции. Из воспоминаний сотрудника // Былое. 1924. № 26. С. 222.

зана полностью — Колышко¹. Иосиф-Адам-Ярослав Иосифович Колышко (1862—1938), пользовавшийся также литературным псевдонимом «Баян», был известным в России и в эмиграции публицистом и драматургом, личностью авантюристического склада. Осенью 1932 г., вскоре после публикации Никитиным в «Последних Новостях» глав из его готовящейся книги (в которых, кстати, вместо фамилии значилось лишь «публицист К.»), И. И. Колышко не замедлил направить в редакцию этой газеты гневное «опровержение», которое также было опубликовано 25 октября 1932 г.² Интересны воспоминания об этом журналиста И. Троцкого³: «Спасая лицо, он поместил в газете Милюкова «Последние Новости» письмо в редакцию, в котором пытался обелить свое имя, запятнанное предательством. Письмо это, представляющее последнюю попытку Колышко оправдаться и встретить сочувствие политической эмиграции, успеха не имело». В ответ Б. В. Никитин был вынужден подтвердить правдивость своих заключений все в тех же «Последних Новостях»⁴ (текст см. в Приложении 3 к настоящему изданию).

Об И. Колышко пишут также А. Земан и В. Шарлау⁵. В конце мая 1917 г. при обыске в гостинице Европейской у

---

¹ См.: *Любимов Л.* Июльское восстание большевиков. Беседа с Б. В. Никитиным // *Возрождение* (Париж). 1929, 27 апреля. С. 2—3. (См. текст этого интервью в Приложении 3 к настоящему изданию.)

² Письмо в редакцию журналиста К. // *Последние Новости*, 1932, 25 октября, № 4234, с. 4.

³ См.: *Троцкий И.* Со ступеньки на ступеньку (Из записных книжек журналиста) // *Новое Русское Слово*. 1967, 3 июля. См. также: *он же.* Обесчещенный талант // *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк). 1962, 24 ноября; *он же.* Со ступеньки на ступеньку (К портрету И. И. Колышко) // Там же. 1962, 2 декабря. Троцкий Илья Маркович (1879—1969), до Первой мировой войны был берлинским корреспондентом московской либеральной ежедневной газеты «Русское Слово». В годы войны был корреспондентом этой газеты в Копенгагене. После Октябрьской революции переехал в Берлин, затем в Нью-Йорк.

⁴ См.: *Никитин Б.* Ответ журналисту К. Письмо в редакцию // *Последние Новости* (Париж). 1932, № 4248, 8 ноября.

⁵ *Земан А., Шарлау В.* Парвус — купец революции. Парвус-Гельфанд: политическая биография. Москва. 1991; 1-е изд.: *Scharlau W. B., Zeman Z. A. B., Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand: eine politische Biographie.* Köln, 1964; на англ. яз.: *Zeman A. B., Scharlau W.* The Merchant of Revolution. London; New York. 1965.

Колышко был обнаружен проект договора о сепаратном мире на 12 страницах. В результате он был арестован по подозрению в деятельности в пользу противника и получении денег от немцев для учреждения в России прогерманской газеты. Правда, в сентябре он был освобожден «по причине слабого здоровья». После этого Колышко счел за благо эмигрировать, и позже неоднократно и назойливо пытался доказывать свою непричастность к шпионажу. Позже «деяниям» Колышко посвятили свои воспоминания В. П. Крымов¹, публицист Илья Троцкий (см. выше) и Г. Аронсон². Как отметил последний, появление целого ряда статей о Колышко в 60-х гг., спустя десятилетия после его смерти, было связано с публикацией документов из германских архивов³, «разоблачающих Колышко как немецкого агента». Так сведения о «публицисте К.», изложенные в книге Никитина, получили еще одно документальное подтверждение.

О непрерывных контактах Петрограда и Берлина свидетельствует и такой факт. Французский резидент Пьер Лоран сообщил Никитину, что в берлинской прессе опубликована вся программа предполагаемой демонстрации большевиков, намеченной на 18 июня, которая, как известно, и состоялась именно в этот день. Уже 20 июня подробный отчет об этих событиях появился на страницах берлинской газеты «Local Anzeiger».

По наблюдению Никитина манифестация 18 июня прошла при колоссальном количестве флагов, плакатов и другой бута-

---

¹ См.: *Крымов Вл.* Портреты необычных людей // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952, 30 сентября; *он же.* Поросло травой забвения // Новая Заря (Сан-Франциско). 1962, 17 ноября. Крымов Владимир Пименович (1878–1968), писатель, журналист. В эмиграции с 1917 г.

² См.: *Аронсон Г.* Чемпион сепаратного мира (по новым данным немецких архивов) // Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1963, 26 декабря. Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968), меньшевик, публицист. В 1922 г. выслан из советской России.

³ *Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from archives of the Foreign Ministry.* Edited by Z. A. B. Zeman. London, New-York: Oxford University Press, 1958; *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschlands 1914–1918. Düsseldorf, Droste-Verlag, 1961).

фории. Никитин при этом замечает, что, конечно же, «не скудный поденный заработок рабочего оплатил эту бутафорию, а только богатая касса большевиков могла поднять такие расходы». Возникает законный вопрос — а откуда у партии, которая только что вышла из подполья, появились деньги, и самое главное — немалые.

Контакты российской контрразведки с резидентами союзников были довольно доверительными и продуктивными. Так, по свидетельству Никитина, он уже в последних числах марта получил от английских и французских коллег список из 30 лиц (во главе с Лениным), которые через пять дней должны были прибыть к границе России. Все его попытки воспрепятствовать приезду этих лиц в Петроград ни к чему не привели. По требованию Исполнительного комитета Петроградского Совета было приказано не препятствовать их свободному въезду в страну. Именно Пьер Лоран вскоре, 21 июня, передал Никитину сначала 14, а позже еще 15 телеграмм, свидетельствующих о контактах большевиков с немецкой стороной. Никитин опубликовал 29 телеграмм, переданных ему Лораном, в своей книге и написал также, что «общее число телеграмм было гораздо больше; оно было изъято военной цензурой после восстания»¹.

Беспрепятственный проезд Ленина и его «соратников» из Швейцарии через территорию воюющей с Россией Германии, его прибытие в Петроград 3 апреля 1917 г. и заявление уже на следующий день в так наз. «Апрельских тезисах» о необходимости вести борьбу в направлении перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, не могли не вызвать общественного беспокойства, что и нашло свое немедленное отражение в столичной прессе. В этих публикациях, как правило, повторялись слухи и подозрения, основанные на косвенных фактах, но не имевшие тогда прямых доказательств.

Так, еще в 1915 г. Г. А. Алексинским была передана информация А. В. Амфитеатрову, известному писателю и публицисту, редактору газеты «Русская Воля», о контактах социал-демократа Парвуса с немецким правительством. Эти све-

---

¹ См.: Никитин Б. В. Роковые годы. Париж, 1937. С. 111–114.

дения легли в основу статьи Амфитеатрова, помещенной в московской либеральной газете «Русское Слово»¹.

В марте 1917 г. в московской газете народных социалистов (энесов) «Утро России» (№ 69) была опубликована заметка (без подписи) «Социал-демократ Г. А. Алексинский о войне», в которой приводились выдержки из его письма к жене Т. И. Алексинской, перехваченного Департаментом полиции и переданного затем Московскому охранному отделению. Алексинский, входивший в группу Г. В. Плеханова «Единство», в частности, сообщал, что «видел одного знакомого, едущего из Швейцарии в Россию», и тот рассказал ему «много интересного о похождениях Парвуса и о других мерзавцах» и добавлял: «готовлю еще разоблачения», которые не замедлили вскоре появиться.

Петроградская контрразведка уже обладала к этому времени достаточным количеством убедительных свидетельств, подтверждающих факт получения немецких денег и «контактов с вражескими агентами»². Контрразведке удалось установить, что деньги для финансирования подрывной деятельности большевиков поступали в Петроград из Берлина через Стокгольм. Из Стокгольма перевод денег осуществлялся польским революционером, одновременно и российским социал-демократом (большевиком) Яковом Фюрстенбергом (он же Ганецкий)³ и русско-немецким социал-демократом Александром (Израилем) Гель-

---

¹ См.: Амфитеатров А. В. Парвус // Русское Слово. 1915, 3 (16) октября. С. 2.

² См.: Никитин В. Роковые годы. Париж. 1937. С. 102–103, 108–109.

³ Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Самойлович (1870–1937), деятель польского и российского революционного движения. В 1907–1910 гг. член ЦК РСДРП. В августе 1914 г. сыграл важную роль в освобождении Ленина и других большевиков, интернированных австрийскими властями. В 1915 г. возглавил в Копенгагене Торгово-экспортную компанию, основанную Парвусом. С апреля 1916 г. фирмой совместно владели Парвус и Георг Скларц (Sklarz), работавшие на германскую военную разведку. Мог ли кто предположить, что этот директор через три года вложит большой собственный капитал в объявленное вознаграждение за убийство германских социалистов Карла Либкнехта и Розы Люксембург? В конце января 1917 г. Ганецкий переехал в Стокгольм, где вскоре выступил в качестве главного организатора возвра-

фандом (Парвусом)¹. Основными получателями денег в Петрограде были польский революционер и большевик Мечислав Козловский² и некая Евгения Маврикиевна Суменсон. Она и Козловский в этот момент, как явствует из переписки, занимались торговым бизнесом — очевидно, в качестве прикрытия финансовых операций с Фюрстенбергом, в результате чего перевод германских денег выглядел как легальная торговая, чисто коммерческая операция.

Несколько слов о Евгении Маврикиевне Суменсон (урожденная Рундо) (1880—?), также известной под фамилиями Симонсон или Симмонс. По свидетельству Никитина, а также Г. М. Каткова³, она являлась представительницей «столичного полусвета». О ней известно немного, до сих пор не установлена даже дата ее смерти. Ничего также не дает и обращение к комментариям из собрания сочинений В. И. Ленина, гласящим по сему поводу следующее: «частное лицо, проживала в

шения Ленина в Россию. В апреле 1917 г. он стал членом большевистского Заграничного бюро в Стокгольме, наряду с Карлом Радеком и его деловым партнером Вацлавом Воровским. Вернулся в Россию после свершения Октябрьского переворота 1917 г. В годы советской власти занимал видные должности в комиссариатах финансов, торговли и иностранных дел. В 1932—1935 гг. возглавлял администрацию цирков и парков отдыха в Москонцерте, а с апреля 1935 г. стал директором Центрального государственного музея революции в Москве. 26 ноября 1937 г. был арестован и вскоре расстрелян.

¹ *Парвус* (Гельфанд) Александр Израиль Лазаревич (1869—1924) — участник социал-демократического движения России и Германии, редактор «*Sächsische Arbeiter-Zeitung*» («Саксонской Рабочей газеты»). Меньшевик. Во время Первой мировой войны социал-швинист, немецкий агент, занимался крупными спекуляциями.

² *Козловский Мечислав* (1876—1927) — юрист, член соц.-дем. партии Польши и Литвы. В 1906—1909 гг. жил в Париже. В 1909 г. переехал в Петербург. С лета 1915 г. работал юрисконсультom фирмы Парвуса—Фюрстенберга и был главным ее представителем в России. После февраля 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета. 6 июля был арестован, за две недели до октябрьских событий освобожден под залог. Впоследствии работал в Комиссариате юстиции и ВЧК. В 1922—1923 гг. был Генеральным консулом в Австрии. В середине 1920-х гг. исключен из партии, в конце жизни служил юрисконсультom в Комиссариате железных дорог.

³ *Катков Г. М.* Февральская революция. М., 1997. С. 130.

Петрограде, никакого отношения ни к русскому, ни к международному рабочему движению не имела. Коммерческую переписку Суменсон с Ганецким, проживавшим в Стокгольме, прокуратура, толкуя как условную и зашифрованную, пыталась использовать в качестве обвинительного материала против Ленина¹. Евгения Суменсон, родственница Ганецкого, по одним сведениям — его двоюродная сестра, работала местным агентом в петроградской конторе скандинавской торговой фирмы «Фабриан Клингсланд АО», принадлежащей к обширной коммерческой сети Гельфанда. Есть интересное свидетельство, что на эту работу Сименсон была направлена по личной договоренности Ганецкого с Парвусом, с одобрения А. М. Коллонтай. С апреля 1916 г. эта фирма вела торговлю медицинскими товарами от имени «Торгово-экспортной компании». Она также заведовала финансовыми операциями копенгагенской фирмы «Handels og Eksportkompagniet» («Торгово-экспортная компания»), управляющим которой был Ганецкий (Фюрстенберг). Имея доверенность от фирмы «Клингсланд», Сименсон контролирует все деловые счета в Сибирском банке (Русско-Азиатском) в Петрограде, председателем правления которого был, между прочим, Абрам Живатовский, дядя Л. Троцкого по материнской линии², и Азово-Донском коммерческом банке. Трансферты производились через «Ниа Банкен» в Стокгольме, директором которого был Олоф Ашберг³, в 1918 г. разоблаченный союзниками как агент Германии.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 561.

² Живатовский (иногда Животовский) Абрам Леонтьевич (ум. 1928, Ницца) — видный петроградский банкир. После Октября 1917 г. эмигрировал в Париж, где в 20-х гг. входил в совет директоров Российского банка торговли и промышленности.

³ Ашберг Олоф (Улоф) (1877—1960) сочувствовал социалистам и поддерживал тесные личные и деловые контакты с Фюрстенбергом — Ганецким и Л. Красиным. После прихода большевиков к власти хранил их средства в своем банке и помогал большевистскому правительству в нелегальном приобретении иностранной валюты. О своих связях с большевиками «красный банкир» впоследствии поведал в воспоминаниях. (Ашберг У. Между Западом и Россией. 1914—1924. Из воспоминаний «красного банкира» // Альманах «Из глубины времен». Вып. 2. СПб., 1993. С. 3—94.) Подробнее см.: Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. М., Русская идея, 2005. С. 59—68.

Как было установлено контрразведкой, а позже подтверждено историком С. П. Мельгуновым, Е. М. Суменсон располагала крупным счетом в Сибирском банке. Финансовой экспертизой в дальнейшем было подтверждено, что этот счет составлял более 1 млн руб., с которого накануне революции было снято около 800 000 руб. Наблюдением было установлено, что Козловский по утрам обходил разные столичные банки и в иных получал деньги, а в других открывал новые денежные счета. Как было позже подтверждено, через руки Суменсон прошло более 2 млн рублей¹. Бесспорно, факт обладания такой колоссальной суммой незаметным «бухгалтером» и «счетоводом» не может не вызвать законного подозрения.

Министр юстиции Переверзев, получив от Никитина эти данные, отдает 5 (18) июля приказ о задержании Суменсон. Ей было предъявлено обвинение в финансовых сделках, связанных с изменой родине и шпионаже в пользу Германии. При первом же допросе она добровольно признается в роли «денежной женщины» для главной большевистской кассы, а также в том, что сумма в 2 030 044 рублей прошла через руки ее и Ганецкого и что никакого отношения к каким-либо торговым операциям она не имела. Она также сообщила, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому, «члену ЦК РСДРП», какие бы суммы денег он ни потребовал, и притом без всякой расписки. Становится очевидным, что упоминаемые в телеграммах «чулки, карандаши» являются не чем иным, как шифровкой (что почему-то отрицается историком С. Ляндресом, о чем см. ниже). 20 сентября она была отпущена под залог, и с этого момента данных о ней нет.

Собранный контрразведкой материал в результате наблюдений за лидерами политических партий достаточно убедительно обличал Ленина и многих деятелей партии большевиков в связи с немцами. Тем не менее, Петроградский Совет выступил с запретом обнародования этих данных.

В этой связи внимание Никитина не мог не привлечь обильный поток телеграмм между Стокгольмом и Петрогра-

---

¹ *Волкоганов Д. А.* Ленин. Политический портрет. Т. I. М., 1994. С. 209–212.

дом, в том числе с телеграфной станцией Петроградского Совета (находившейся в Таврическом дворце). Характер содержания этих телеграмм дал возможность не без основания утверждать о связях большевиков с немецким Генштабом. Никитин говорит о 29-ти таких телеграммах, которые были им переданы министру юстиции П. Н. Переверзеву¹. Интенсивная переписка Петрограда с Парвусом шла через Финляндию по линии Выборг — Торнео. В этот район постоянно выезжала Александра Михайловна Коллонтай. В начале июля был задержан уходящий с ее дачи некто Лурье с письмом, адресованным Парвусу. Автор этого письма настойчиво упрашивал адресата «прислать побольше материала». Произведенная графологическая экспертиза установила почерк ... Ленина². И здесь круг замкнулся.

Улик против большевиков набралось уже более чем достаточно для ареста, который и был намечен на 7 июля. Об этом плане Никитин сообщил Половцову для передачи Временному правительству, которое давно, со слов последнего, ждало от Никитина «обличения большевиков в измене». Особую заинтересованность проявлял А. Ф. Керенский. Никитин позже признавался, что совершил большой промах, сообщив эти сведения, что наглядно подтвердили события начала июля. В большевистских кругах, несомненно, к этому отнеслись настороженно. 2 июля Ленин вдруг спешно стал готовить план восстания, в то время как большинство из его сторонников признавали, что оно для них стало полной неожиданностью. Кстати, спешка и очевидная неподготовленность явились причиной неудачи восстания, когда была расстреляна демонстрация, идущая под лозунгом «Вся власть Советам!».

Данные Петроградской контрразведки, основанные на анализе 29 телеграмм, приведенных в книге Никитина, были переданы Переверзевым для обнародования, как говорится — по адресу, Г. А. Алексинскому и народовольцу В. С. Панкратову, отбывшему вскоре в Тобольск для наблюдения за арес-

---

¹ Об этом см.: П. Н. Переверзев об июльском восстании 1917 г. (письмо в редакцию) // Последние Новости (Париж). 1932, 31 октября.

² См.: *Никитин Б.* Указ. соч. С. 111.

тованной царской семьей в качестве комиссара Временного правительства.

4 (19) июля 1917 г. Алексинский выступил с публичным заявлением о том, что он располагает документами, подтверждающими обвинение против большевиков в получении немецких денег. Вечером того же дня министр юстиции Временного правительства П. Н. Переверзев отдал распоряжение опубликовать эти материалы. На следующий же день газета «Живое Слово» (1917, 5 июля) опубликовала эти материалы под заглавием «Ленин, Ганецкий и К^о — шпионы», за подписью Алексинского и Панкратова, которые были перепечатаны и другими столичными газетами¹. В этой публикации воспроизводились отрывки из показаний прапорщика Ермоленко (которые, как оказалось, были фальшивкой), содержащие обвинения Ленина в сотрудничестве с немецким Генеральным штабом, а сами телеграммы были лишь упомянуты. Авторы письма в редакцию лишь фиксируют, что «военная цензура обнаружила непрерывный поток телеграмм политического и финансового характера между немецкими агентами и лидерами большевиков». Кроме этого, в статье содержался призыв к Временному правительству незамедлительно начать расследование этих связей большевиков с немцами. В результате очевидных решительных действий Переверзева по обнародованию информации, вызвавших, к слову, уже 6 июля отставку его самого и его непосредственных подчиненных, заставили, тем не менее, Временное правительство отдать приказ об аресте В. И. Ленина и его окружения. Ленину и Зиновьеву удалось избежать ареста и скрыться в «Разливе», а затем перебраться в Финляндию. Созданная Временным правительством Следственная комиссия под председательством прокурора Петроградской судебной палаты С. Н. Каринского 21 июля предъявила обвинения в государственной измене Ленину, Зиновьеву, Ганецкому, Козловскому, Суменсон, Коллонтай, Красину, Семашко, Рошалю, Луначарскому и Парвусу². Телеграммы были использованы комиссией в качестве основного свидетельства для предъявления большевистским лидерам государственного обвинения.

---

¹ См.: Речь. 1917, 7 июля; Русская Воля. 1917, 7 июля.

² См.: Русская Воля. 1917, 22 июля.

Известно, что Ленин отмел все обвинения в свой адрес, направив 11 июля письмо в редакцию «Новой Жизни». Здесь же он счел остановиться на личности «какой-то Суменсон, но которой никогда и в глаза не видел»¹.

Предварительное (досудебное) расследование было проведено известным в Петрограде юристом П. А. Александровым, дальнейшая судьба которого в СССР оказалась предсказуемо трагической.

Известно, какой шок испытало общественное мнение после первой же публикации Г. Алексинского. Так, Н. В. Валентинов передает в своих воспоминаниях разговор по этому поводу с Г. В. Плехановым, который заявил, что о получении денег от немцев «ничего определенного» сказать не может, что установить все это — «дело разведки, следствия» и суда, но при этом заметил, что «Ленин менее чистоплотен, чем, например, Бланки или Бакунин», а посему «арестовать Ленина после июльских дней, конечно, было необходимо».

Плеханов, убедившись в неопровержимости фактов, сообщенных Алексинским, выступил 9 июля в газете «Наше Единство» с заявлением. Он считал, что «беспорядки на улицах столицы русского государства, очевидно, были составной частью плана, выработанного **внешним врагом** [выделено мною. — Ю. Е.] России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому, со своей стороны, явиться составной частью русской национальной самозащиты»².

Несмотря на очевидность фактов и доводов, Алексинскому из-за противодействия, прежде всего, Петроградского Совета, а также беспомощной позиции самого Временного правительства не удавалось опубликовать полностью документы, полученные им от Переверзева. Для доказательства точности сообщенных сведений ему пришлось провести дополнительную работу. Историк С. Ляндрес, работающий в США, приводит следующие данные своих

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 6. Другую статью, аналогичного содержания, под заглавием «Ответ тов. Н. Ленина», он опубликовал в №№ 3 и 4 газеты «Рабочий и Солдат» (там же. С. 21–32).

² Валентинов Н. Наследники Ленина. М., 1991. С. 190.

архивных исследований¹: 11 июля 1917 г. появляется обличительная статья Г. Алексинского в первом номере специально созданного им еженедельника «Без лишних слов»². Публикация содержала протокол допроса Ермоленко, который был проведен в Ставке 16 мая 1917 г., а также 51 телеграмму. 37 из них были опубликованы в тот же день в вечернем выпуске газеты «Русская Воля». Остальные 15 телеграмм (из 66 отобранных для обвинения большевиков) Алексинский опубликовал 19 июля во втором выпуске «Без лишних слов»³.

Согласно мнению представителей контрразведки, участвовавших в предварительном расследовании, телеграммы представляли собой зашифрованную переписку и служили прямым доказательством «контактов между большевиками» и немецкими агентами. Подобная интерпретация, принятая Временным правительством в качестве официального заявления, послужила началом юридического преследования партии большевиков и ее лидеров.

О роли этих телеграмм в раскрытии возможного получения немецких денег большевиками появились в последнее время и иные, неожиданные толкования. Так, Семен Ляндрес⁴, работающий в США, не отвергает сам факт немецкого финансирования русской революции, который подтверждается данными из архивов министерства иностранных дел Германии⁵. Однако он

---

¹ *Lyandres S. The Bolshevik's "German Gold" Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusations. Pittsburgh, PA, 1995 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 1106), С. 34. (Перевод названия: «К пересмотру проблемы «немецкого золота» большевиков»).*

² Без лишних слов, № 1, 11 июля 1917 г., с. 3–4. С. Ляндрес отмечает, что ему удалось обнаружить это издание лишь в архиве Г. Алексинского (Коллекция рукописей Г. Алексинского, коробка 17, Бахметьевский архив Колумбийского университета, США).

³ Без лишних слов, № 2, 19 июля 1917 г., с. 3.

⁴ *Lyandres S. Указ. соч., 1995; Ляндрес С. Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1914 году: Новые подходы и взгляды. Сб. научных статей. Вып. I. СПб.: Третья Россия. 1993. С. 60–64; он же. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году // Отечественная история. 1993. № 2. С. 128–143.*

⁵ См.: *Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from archives of the Foreign Ministry. Edited by Z. A. B. Zeman. London, New-York: Oxford University Press, 1958.*

считает в то же время, что сам текст телеграмм ни в коей мере не подтверждает причастности большевиков к получению немецких денег. Этот довод основан им на анализе характера этих телеграмм, которые, по его наблюдению, представляют собой какую-то «странную смесь сведений политического характера и денежных операций», хотя при этом во всех телеграммах упоминаются руководители партии большевиков. По замечанию Ляндреса, «неразгаданность» характера самих телеграмм и сыграла решающую роль в решении Министерства юстиции «поспешно» обвинить большевистских лидеров в получении немецких денег через бизнес Парвуса, а телеграммы считать «прикрытием» этих операций.

Ляндрес при этом допускает вполне вероятную возможность снабжения Парвусом большевиков финансами через другие каналы, в частности, через агентов разведки самого Парвуса. Известно, что в 1915 г. Парвус получил от немецкой стороны первый миллион рублей для подготовки революции. С этой целью им была основана в Копенгагене специальная организация, работавшая одновременно на его «Институт изучения социальных последствий войны» и импортно-экспортный бизнес.

В результате, как полагает Ляндрес, для контрразведки в этой связи главным было не содержание телеграмм, а просто упоминание лиц, подозреваемых ею в связях с немцами. Это и определило принцип отбора «по фамилиям» всех 66 телеграмм, использованных для обвинения большевиков в публикациях Г. Алексинского в июле 1917 г. (см. Приложение 1 к данному изданию). Подобного подхода не отрицает и сам Никитин, говоря, что часть телеграмм была иносказательного характера и, конечно же, их содержание наводило на известные *размышления*. Прикрытие коммерческой перепиской — обычный прием. В этой связи вся ценность телеграмм заключалась не в тексте, а в адресах. Для контрразведки важно было определить круг лиц, причастных к этим телеграммам, а отсюда — основной задачей контрразведки и было стремление доказать существование связей между большевистскими лидерами и их агентами в Стокгольме, которые подозревались в контактах с немцами. Но так как контрразведка еще не владела в достаточной степени всей информацией о политиче-

ских эмигрантах, эти сведения были зачастую отрывочными и даже искаженными, что и сказалось на отборе телеграмм.

Из всех этих лиц наиболее точная информация имела у контрразведки относительно Фюрстенберга-Ганецкого. Во-первых, контрразведке было известно, что он работал в торговой фирме Парвуса и был замешан в контрабандном ввозе германских товаров в Скандинавию и Россию. Во-вторых, из телеграмм, полученных от французской разведки, стало известно, что он был, в свою очередь, представителем Ленина в Стокгольме и что он и польский социал-демократ Ганецкий — одно и то же лицо. По мнению Ляндреса, все 66 телеграмм так или иначе касаются лишь личности Фюрстенберга-Ганецкого; в большей части из них (47) он является получателем или отправителем. Более того, адресаты и получатели остальных телеграмм были либо теми, с кем Ганецкий переписывался, либо адресатами его адресатов. Некоторые из телеграмм представляли собой переписку между партнерами по бизнесу, другие — сообщения частного порядка. В итоге, по мнению С. Ляндреса, — обвинение, предъявленное правительством большевикам, не имело под собой достаточных оснований, — вывод более чем неожиданный¹.

Это заключение следует признать не вполне обоснованным, ибо исследователь проигнорировал ряд очевидных фактов, говорящих об обратном. Почему именно весна—лето 1917 г. отмечены началом и небывалой активностью обмена телеграммами? Неужели было недостаточно случая с задержанием Лурье с письмом Ленина и связанной с этим фактом А. М. Коллонтай? А факт признания Суменсон на допросе о деньгах, которые прошли через ее руки, и о том, что она не имела никакого отношения к «коммерческой деятельности»? И т. д. и т. п.

Совершенно необоснованно Ляндрес не склонен особенно доверять свидетельствам самого Никитина, считая, что главную роль в этом расследовании играл вовсе не он, а Центральное контрразведывательное отделение Главного управления Генерального штаба, с которым у Никитина были якобы «натянутые отношения», а потому он мог «многого и не

---

¹ *Lyandres S. The Bolshevik's "German Gold" Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusations. Pittsburgh, PA, 1995, с. 101–102.*

THE FATAL YEARS

FRESH REVELATIONS ON A CHAPTER OF
UNDERGROUND HISTORY

BY

COLONEL B. V. NIKITINE

With a Preface by

SIR ALFRED KNOX, K.C.B., M.P.

LONDON

EDINBURGH

GLASGOW

WILLIAM HODGE AND COMPANY, LIMITED

1938

*Титульный лист английского издания книги
Б. Никитина «Роковые годы»*

знать». Однако эти утверждения не подкрепляются соответствующими ссылками. По мнению Ляндреса, единственная серьезная попытка интерпретировать и систематизировать 29 телеграмм, опубликованных Никитиным, была предпринята лишь С. П. Мельгуновым в его книге «Золотой немецкий ключ к большевистской революции» в 1940 г. Но и тот не пришел к окончательному выводу по поводу того, подтверждают ли телеграммы факт передачи немецких денег большевикам. Мельгунов лишь подтвердил, что они представляют собой зашифрованную переписку, которая могла служить прикрытием подозрительной деятельности.

В этой связи следует более внимательно отнестись к оценке книги Никитина современниками. Так, Альфред Нокс, автор предисловия к английскому изданию книги 1938 г. и очевидец событий в Петрограде в 1917 г., отмечает, что книга «имеет весьма важное значение для истории», ибо представляет информацию из первых рук о событиях весны—лета 1917 г. в Петрограде. Кроме того, она является и «общечеловеческим документом, запечатлевшим все надежды и опасения ее автора-патриота» старавшегося остановить то разложение, которое началось в Петрограде¹.

Павел Николаевич Милюков, сам участник событий того времени, считает, что работа, «проведенная совместно с разведывательными службами союзников, с помощью подлинных документов точно устанавливает тот факт, что большевики получали деньги из иностранных источников». «Свидетельство полковника Никитина рассеяло» его «последние сомнения на этот счет... В своем повествовании автор тщательно ограничивается лишь утверждениями, подкрепленными свидетельствами третьих лиц, что значительно повышает ценность этой книги»².

В. В. Руднев, один из редакторов «Современных Записок» писал, что «руководимой Никитиным контрразведке пришлось сыграть крупную роль в раскрытии подозрительных сношений большевиков с центрами германского шпионажа за

---

¹ См.: *Nikitine B. The fatal years.* London. 1938. Preface, p. v-vi.

² См.: *Les Derniers Nouvelles.* 1937. Цитируется по: *Nikitine B. The fatal years.* London, 1938, p. XIII.

границей. Сообщаемые автором подробности этого дела оставляют впечатление полной достоверности и подкрепляют тезис о предательстве большевиков»¹.

Рецензент недоумевает, почему Никитин решил сохранить псевдоним «публицист К.», хотя у всех давно было на слуху имя «вполне известного германского разведчика, сотрудника газеты «Гражданин» Колышко. Его имя давно оглашено в печати, в частности в книге сослуживца Никитина по Петрограду, генерала Половцова «Дни затмения» (см. сноску на с. 9 в этом предисловии).

Временному правительству не удалось довести следствие до конца. После Октябрьской революции все материалы следствия, проводимого по распоряжению министра юстиции П. Н. Перверзева, были изъяты победителями. Советская власть постаралась ликвидировать все возможные улики в адрес большевиков. Так, например, газета «Новая Жизнь», издаваемая Максимом Горьким, была закрыта еще весной 1918 г. за сообщение уже *post factum* о секретном заседании в Ставке 22 декабря 1917 г., происходившем при участии видных большевистских деятелей и представителей немецкого командования.

В 1918 же году был закрыт и орган народных социалистов (энесов), газета «Народное Слово», лишь только за один намек на дополнительные пункты к Брест-Литовскому договору. Согласно этим дополнительным пунктам, речь шла не только об освобождении немцами Мурманского побережья (то есть от англичан, которые находились там как союзники России начиная с 1914 г.), но даже и о возможном вступлении немецких войск в Петроград. По личным наблюдениям того же С. П. Мельгунова, взаимоотношения новой власти с немцами устанавливались самые тесные. Следует заметить, что и сами большевики не отрицали участия немецких военнопленных в борьбе с белочехами, говоря, правда, о незначительном числе немецких военных формирований. Но дело в том, что эти формирования были не только на театре военных действий, но функционировали даже и в Москве. Подобная ситуация дала возможность П. Н. Милюкову говорить об «искусстве германского Генерального штаба, сумевшего орга-

---

¹ Современные Записки (Париж). 1937. № 65. С. 456.

низовать измену внутри неприятельской стороны и заставить русских сражаться за Германию в Петрограде и Москве»¹. Еще Никитин в своей книге отмечал подозрительную вольность в поведении немецких военнопленных весной 1917 г., когда они активно использовали режим свободного передвижения, появлялись даже на митингах, а в провинции позволяли себе принимать участие в большевистских демонстрациях.

Со ссылкой на своего «знакового», который сумел войти в доверие «немецко-большевистской контрразведки» и передал Мельгунову список лиц, «подлежащих уничтожению при подходе оккупационных войск», Мельгунов называет 583 фамилии. Любопытна резолюция относительно лишь одной личности: «Сведения будут даны после проверки, но, во всяком случае, Алексинского щадить не должно»².

Или другой пример. В 1924 г. в журнале «Былое» (№ 26, см. примечание 10) П. Е. Щеголев публикует большую статью анонимного автора «Петроградская контрразведка накануне революции», снабдив ее примечанием, что она написана по горячим следам одним из сотрудников контрразведки (бывшим ее «секретным» агентом) еще в апреле 1917 г., «по добровольному побуждению автора». Щеголев пообещал, что продолжение статьи будет напечатано в следующих номерах «Былого». Вполне понятно, что никаких «продолжений» не последовало, ибо сам журнал был закрыт в 1926 г. А ведь речь идет в данном случае о журнале, который до этого пользовался широкой финансовой поддержкой советского правительства, и сам М. Н. Покровский, активно сотрудничавший в «Былом» до Октябрьской революции, оценивал его публикации очень высоко.

Советская власть прибегала в данном случае и к более радикальным мерам — просто-напросто «убирались» те люди, которые в той или иной мере были причастны к этой тайне. Так, упоминавшийся ранее судебный следователь Павел Александрович Александров (1866—1940) не эмигрировал после Октябрьской революции 1917 г., он остался в России, жил и

---

¹ Милуков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 54.

² Голос минувшего на чужой стороне. Кн. I. (XIV). Париж, 1926. С. 166.

работал в Москве. За свою роль в судебном разбирательстве в июле 1917 г. дважды арестовывался органами ОГПУ-НКВД (в 1918 и 1925 гг.), но был отпущен. В 1939 г. следствие занялось его делом всерьез. Александрова взяли под стражу 17 января 1939 г., долго допрашивали, а в 1940 г. он был расстрелян за необоснованное обвинение вождя пролетариата В. И. Ленина в сотрудничестве с германским Генеральным штабом¹.

Такая же судьба была уготована и другому судебному деятелю — Павлу Николаевичу Малянтовичу (1869—1940), последнему министру юстиции Временного правительства. Активно сотрудничая с советскими властями, он, тем не менее, в 1930 г. был арестован и в 1931 г. приговорен к 10-летнему заключению, но был освобожден. В 1937 — новый арест и в 1940 г. расстрел. В 1991 г. Малянтович был реабилитирован.

Дошла очередь и до непосредственных агентов Ленина. 18 июля 1935 г. Ганецкий (Фюрстенберг) вместе с женой и сыном был арестован², как свидетель всех подробностей финансирования революции. После краткой, 15-минутной обвинительной речи, без всякого процесса, он был приговорен 26 марта 1937 г. к расстрелу как «шпион и троцкист». Судьба хранила Козловского, он умер своей смертью от сердечного приступа в Москве, на улице.

Карл Радек — самый осведомленный свидетель денежных транзакций, лучше всех информированный и о событиях революции в целом — 30 января 1937 г. был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к заключению в ГУЛАГ, где и погиб в 1939 г.

В 1939 г. был арестован сын Парвуса Е. А. Гнедин, который 16 лет провел в лагерях и тюрьмах. А другого его сына, Льва, по приказу Сталина пытались вызвать в Москву из Рима, где тот в 1939—1940 гг. работал поверенным в делах в советском представительстве.

---

¹ Анисимов Н. Л. Обвиняется Ульянов-Ленин // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 3—9.

² Фюрстенберг-Ганецкая Гиза (Гизела) Адольфовна (урожд. Адлер; 1889—1937) — родственница лидера австрийской социал-демократии Виктора Адлера. Сын — Станислав (Стас) расстрелян вместе с родителями; дочь Ханка (Хана) сослана в лагерь и вернулась в Москву лишь после смерти Сталина.

Но тайну хранили не только большевики. И правительство Веймарской республики, и Гитлер держали под семью замками документы, раскрывающие взаимоотношения кайзеровской Германии с большевиками. Знающие люди, как, например, германский государственный контролер Рихард Кюльман (главный творец Брест-Литовского мирного договора 3 марта 1918 г.), генерал Эрих Людендорф и другие, предпочитали обходить этот деликатный вопрос.

Существенный вклад в исследование проблемы «немецкого золота» большевиков был внесен известным русским историком Сергеем Петровичем Мельгуновым (1879–1956), сумевшим свести воедино различные данные (в том числе и данные из книги Б. В. Никитина), подвергнув их при этом тщательному сопоставительному анализу. В результате он получил довольно мозаичную, но вполне убедительную картину. Да, немцы субсидировали русскую революцию, и, более того, без их поддержки она вряд ли могла и состояться. Недаром свою работу он назвал «Золотой немецкий ключ к большевистской революции»¹.

Разбирая имеющийся в его распоряжении документальный материал, Мельгунов заявляет, что постарается подойти к нему «критически» и «по возможности объективно вскрыть то, что может быть заподозрено в своей политической недоброкачественности», а также, что у него совершенно нет «претензии на раскрытие тайны до конца»². В этом смысле Мельгунов в своем подходе к раскрытию этой тайны намного предпочтительнее некоторых современных историков, заявлявших, что их выводы основательны и являются истинной в последней инстанции. Что же мог знать Мельгунов о немецком золоте? А знал он многое и о многом догадывался, что и подтвердилось позднейшими публикациями. В его рас-

---

¹ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж. «La Maison du livre étranger». Paris. 1940; последующие репринтные издания (Нью-Йорк. «Телекс». 1985, 1989) вышли под заглавием «Золотой немецкий ключ большевиков». В России, впервые в кн.: Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. М.: Айрис-пресс, 2005, с. 511–632.

² Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 11.

поряжении имелся колоссальный материал, который он начал собирать еще с весны 1917 года.

Косвенным свидетельством, подтверждающим факт финансирования Германией революции и большевиков, является судьба самого Мельгунова, который за обладание этой тайной расплатился дорогой ценой. Не последнюю роль во всей этой истории сыграло его знакомство и сотрудничество с историком М. Н. Покровским, однокурсником по Московскому университету.

Так, в сентябре 1917 г. после возвращения Покровского из парижской эмиграции в Москву он был приглашен на квартиру Мельгунова на заседание редакции журнала «Голос минувшего». Известно, что Покровский был активным автором журнала, поместив в разные годы на его страницах десять статей и развернутых рецензий. Данное обстоятельство давало право редакции журнала считать Покровского членом авторского коллектива, не числа при этом его «в рядах... близких друзей» ввиду принадлежности «к большевистской фракции». Этой встрече предшествовали известные июльские события, сопровождавшиеся разоблачениями Г. И. Алексинского и В. С. Панкратова. В подобных условиях вполне естественным был вопрос Мельгунова к Покровскому как к члену большевистской партии о его отношении к ленинской политике и о немецких деньгах, о которых в те дни говорила вся страна. Покровский, не колеблясь, ответил утвердительно: «Деньги дали немецкие социал-демократы на общие революционные цели». Свое признание он сопроводил осуждением всей ленинской тактики и заявил, что «не выходит из партии только потому, что намерен бороться внутри с ее опасным направлением». Учитывая всю серьезность сообщенных сведений, участники заседания решили их запротоколировать. Мельгунов позже заявлял, что протокол должен находиться в его домашнем архиве, оставленном в Москве в 1922 году. То же подтверждает и его жена Прасковья Евгеньевна Степанова-Мельгунова¹.

---

¹ Известно, что после выезда Мельгунова из Москвы его архив был передан в распоряжение Коммунистической академии, а затем расформирован на три фонда. Вполне естественно, что ни в одном из этих фондов данный протокол нами не обнаружен.

Все эти данные были приведены Мельгуновым в 1924 году в рецензии «Большевицкий историк о революции»¹ на книгу Покровского «Очерки истории революционного движения в России в XIX и XX вв.» (М., 1924). Рецензия четко характеризовала не только данный труд, но и его автора. Подытоживая свои воспоминания, Мельгунов замечает: «вскоре мы увидели на практике всю искренность признания недостаточно еще ориентировавшегося в момент посещения нашей редакции историка-марксиста». Реакция Покровского, этого «большевицкого сановника и историка», по определению Е. Д. Кусковой², была вполне определенная. Это реакция человека уверенного в том, что все компрометирующие его материалы уже ликвидированы. В результате в своем сборнике статей «Октябрьская революция» он уже спокойно пишет о «германском золоте» как о «провокации охраны с целью очернения большевиков»³.

Мысли и наблюдения Мельгунова, связанные с проблемой получения большевиками денег от германского Генерального штаба при содействии германских социал-демократов, вскоре получили свое подтверждение, исходящее от самих большевиков. На данное обстоятельство внимание историка обратила опять же Е. Д. Кускова, выступившая с рецензией на опубликованный в СССР «Дневник» А. М. Коллонтай (М., Госиздат. 1925). Рецензент приводила свидетельства этой «излишне болтливой дамы», срывающие покров таинственности с истории перемещения российских социалистов из Германии в Россию. Этот план существовал и обдуманно реализовывался не только Э. Людендорфом, но и немецкими социал-демократами, в данном случае Гере и Фуксом, которые стремились использовать российских социал-демократов, в частности большевиков, своих «классовых союзников (!)», в кампании по развертыванию антивоенной пропаганды в России с целью подрыва страны изнутри.

---

¹ См.: На чужой стороне. Кн. VIII. Берлин; Прага. 1924. С. 307–311.

² Кускова Е. Д. Во имя чего? // Последние Новости (Париж). 1932, 23 апреля.

³ Покровский М. Н. Октябрьская революция. Сб. статей. 1917–1927. М., 1929. С. 124–125.

Сама Коллонтай в то время задавалась вопросом: не находятся ли эти лица в связи с немецким Генеральным штабом и не действовали ли они по его указанию? Видимо, сомнения Коллонтай стали основанием для изъятия впоследствии ее дневника из библиотечного обращения. Для Коллонтай эти сомнения были минутным проявлением совести. Но то, что она не просто выехала из Германии в Россию с помощью немецких партийных товарищей, но и выполняла, мягко говоря, «определенные обязательства», подтверждают факты ее дальнейшей деятельности уже по возвращению в Россию. Мы уже говорили о наблюдении Петроградской контрразведки за Коллонтай, о задержании идущего с ее дачи некоего Лурье с письмом к Парвусу, в котором содержалось требование «прислать побольше материала», читай — денег.

Кускова для доказательства своей догадки о причастности большевиков к получению немецких денег ссылается на высказывание Виктора Адлера, лидера австрийских социал-демократов, хлопотавшего перед австрийскими властями об освобождении Ленина, арестованного сразу же после начала Первой мировой войны. Свою просьбу Адлер якобы дополнил заверением, что Ленин сможет «оказать большие услуги при настоящих условиях»¹.

В изданной в 1940 г. книге «Золотой немецкий ключ к большевистской революции» Мельгунов ставит окончательную точку в данной истории. Большевики деньги брали. А что это было именно так, говорит и судьба самой книги — она увидела свет в мае 1940 г., но уже в июне того же года, перед вступлением немцев в Париж, ее тираж был почти полностью уничтожен издателем фирмы «La Maison du livre étranger». Небольшая часть тиража, чудом спасенная автором, распродавалась им уже после окончания Второй мировой войны в освобожденном Париже².

Позже Мельгунов вновь вернется к этому сюжету. Говоря о причинах неудачи Февральской революции, одну из них он

---

¹ Кускова Е. Д. Человеческий документ // Последние Новости (Париж). 1925, 11 февраля; она же. Документы для истории // Там же. 1925, 20 февраля; она же. Клеветнические выпады // Там же. 1925, 3 марта.

² Свободный Голос (Париж). 1946, июль, с. 31.

видит в той роли, которую сыграли «крайне безответственные фантасты, сумевшие при помощи немецкого золота опереться на демагогию и аморальные в выборе методов для достижения своих целей: в этом отношении большевики действительно “бесы” Достоевского»¹.

Выводы и наблюдения Никитина и Мельгунова получили убедительное подтверждение после Второй мировой войны, когда на Западе появились публикации соответствующих материалов из германских архивов (некоторые из них спустя много лет, уже после «перестройки» были опубликованы и в России). В конце войны в руки американских оккупационных властей в Германии попали архивы германского министерства иностранных дел, находившиеся в пяти замках, расположенных в горах Гарца. Материалы этих архивов отражали внешнюю политику Германии с 1867 по 1920 г. Среди этих документов находились тысячи отчетов, писем и телеграмм, касающихся отношений между большевиками и правительством Вильгельма II². Некоторые из этих документов были опубликованы в 1956 г. в лондонском журнале «International Affairs», затем в 1957 году в немецкой социал-демократической газете «Forwärts» и гамбургской демократической газете «Die Welt». В том же году в Голландии вышел под редакцией и с предисловием Вернера Халвега сборник под заглавием «Возвращение Ленина в Россию в 1917 г.» (на нем. яз.)³, содержащий целый ряд документов, касающихся организации и устройства поездки Ленина в запломбированном вагоне в Россию через Германию. Эти документы с очевидностью свидетельствуют об участии имперской Германии в свершении «пролетарской Октябрьской революции в России».

Существенный вклад в разработку данной проблемы внес З. А. Б. Земан, составитель и автор предисловия и коммента-

---

¹ Мельгунов С. П. Ответ на вопросы о русской революции. (Два письма племяннику от 1948 г.) // На темы русские. Сборник статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965, с. 307.

² Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850–1920). Сборник статей. Издание «Нового журнала». Нью-Йорк, 1969.

³ Hahlweg W. Lenins Rückkehr nach Russland 1917. Die deutschen Akten (Leiden, 1957); на рус. яз.: Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Германские документы. М., 1990.

риев к сборнику документов из обнаруженных германских архивов под заглавием «Германия и революция в России. 1915—1918. Документы из архива германского министерства иностранных дел», Лондон, 1958 (на англ. яз.)¹. В сборник были включены документы о планах использования русских революционеров для главной цели германской политики: заключения сепаратного мира с Россией и прекращения войны на два фронта.

В том же году на ту же тему в Лондоне была издана книга другого английского исследователя — А. Моохиды².

Земан не оставляет этой темы и через несколько лет в соавторстве с В. Шарлау издает монографию, посвященную Парвусу³.

Авторы этих работ, основанных на многочисленных источниках и обширной литературе, пришли к однозначному выводу о причастности Израйля Гельфанда (Парвуса) к тщательно законспирированной связи немецкого правительства с российской социал-демократической партией, и в частности с ее большевистским крылом, возглавлявшимся Лениным. Таким образом, предположение о том, что правительство Германской империи принимало непосредственное участие в поддержке и распространении революционного движения в России во время Первой мировой войны получило теперь документальное подтверждение, так же как и догадка Мельгунова о том, что «в кармане Парвуса, связанного и с социалистическим миром, и с представителями немецкого Генерального штаба, надо искать тот “золотой немецкий ключ”, которым открывается тайна необычайно быстрого успеха ленинской пропаганды»⁴.

---

¹ *Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from archives of the Foreign Ministry.* Edited by Z. A. B. Zeman. London, New-York: Oxford University Press, 1958.

² *Moohead A.* History of Russian Revolution. London, 1958.

³ *Scharlau W. B., Zeman Z. A. B.* Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand: eine politische Biographie. Köln, 1964. Краткий обзор этих материалов см.: Ленин и немецкие деньги // Часовой (Брюссель). 1987. № 663, январь, с. 12–17.

⁴ *Мельгунов С. П.* Критика чешского ученого // Голос минувшего на чужой стороне. Кн. 4 (XVII). Париж, 1926, с. 311.

Столь же категорична в своих суждениях и австрийская исследовательница Элизабет Хереш, которая приводит в своей книге новые доказательства причастности большевиков к получению «немецких денег»¹.

Этой же точки зрения придерживаются немецкие исследователи Герхард Шиссер и Йохан Трауптман, приводящие данные из германских архивов².

Выводы и наблюдения С. П. Мельгунова получили свое подтверждение и в монографии Д. Волкогонова, который полагает, что «в результате анализа огромного количества самых различных советских и зарубежных материалов» он пришел к выводу, что «немецкий фактор» — «не мистификация, а историческая тайна, с которой уже давно шаг за шагом стягивается непроницаемый полог». Автор не склонен сам ставить точку в этом вопросе, так как «тайна сия велика есть» и очень многие документы после Октября были уничтожены, тем более что «Ленин умел хранить тайны»³. Наряду с этим следует заметить, что состоятельность трактовки Волкогоновым темы немецких денег зачастую снижается из-за его некритичного подхода к анализу источников, что и приводит к очевидному казусу. Так, он считал подлинными некоторые подделки из пресловутых «документов Эдгара Сиссона», известных под названием «Германо-большевистский заговор»⁴. О том, что это подделка, поведал все тот же Мельгунов еще в 1926 г.⁵, делая при этом оговорку, что «это не значит, что в основе их не лежит истина». Изыскания последних лет подтвердили, что «документы Сиссона» о германо-большевистском заговоре являются подделкой, что они вышли отнюдь не из недр германского Генерального штаба, а сочинил их Оссендовский Антон Мартынович (наст. имя

---

¹ Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М.: Олма-Пресс, 2004.

² Шиссер Г., Трауптман Й. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М.: Астрель, 2004.

³ Волкогонов Д. Указ соч. С. 200.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Голос минувшего на чужой стороне. Кн. 4 (XVII). Париж, 1926, с. 311.

Фердинанд Антоний; 1878–1945), известный польский писатель, журналист и «талантливый авантюрист»¹.

Архивы, еще хранящие много неизвестных науке документов, несомненно, способны внести больше ясности в запутанные вопросы истории. Настоящее издание книги Б. В. Никитина дополнено ценными документальными материалами, хранящимися в Архиве Гуверовского института (США). Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляют материалы фонда российского военного атташе в Дании ген. С. Н. Потоцкого, изучением которых одним из первых среди отечественных исследователей занимался историк К. М. Александров².

В предлагаемом издании впервые воспроизводятся тексты 116 перехваченных контрразведкой телеграмм из этой коллекции (см. Приложение 1), которыми обменивались большевики со своими агентами в Скандинавии в мае–июле 1917 г. В их число входят и те 66 телеграмм, которые были использованы Г. Алексинским для обвинения большевиков в июле 1917 г. (29 из них вошли в книгу Б. Никитина).

Кроме того, в фонде С. Н. Потоцкого обнаружены еще 14 документов, касающихся проблемы немецко-большевистских связей и финансового участия Германии в Октябрьском перевороте. Эти документы впервые публикуются с предисловием и комментариями к. и. н. К. М. Александрова (см. Приложение 2).

Редакция сочла возможным опубликовать некоторые статьи, дополняющие книгу «Роковые годы» ценными подробностями: интервью Б. В. Никитина газете «Возрождение» в апреле 1929 г. и его же «Ответ журналисту К.» («Последние Новости», 8 ноября 1932 г.) (см. Приложение 3).

Публикация телеграмм и других архивных документов предоставит исследователям и всем любителям отечественной истории возможность составить свое собственное мнение о характере сообщаемых в них сведений.

---

¹ *Старцев В. И.* Немецкие деньги и русская революция. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006, с. 5.

² *Александров К. М.* Октябрь для кайзера. Заговор против России в 1917 г. // Посев. 2004, № 1, 2.

В заключение автор выражает благодарность Л. Ю. Тремсиной и французскому коллеге Бернару Фавру (Bernard Favre) за содействие в подборе новых материалов, существенно подтверждающих и уточняющих наш взгляд и подход к данной теме.

*Ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН,
доктор исторических наук
Ю. Н. Емельянов*

В оформлении книги использованы следующие материалы:

Переплет:

В. И. Ленин (Ульянов).

Фрагменты телеграмм большевиков и их заграничных агентов, которые были перехвачены органами контрразведки весной—летом 1917 г.

Фрагмент фотомонтажа «История Великой Октябрьской революции (1917–1920)»

1-й форзац:

Группа большевиков во главе с Лениным в Стокгольме при возвращении из Швейцарии в Россию 31 марта (13 апреля) 1917 г.

Список лиц, пропущенных вместе с Лениным в запломбированном вагоне через территорию воюющей Германии.

Л. Д. Троцкий (Бронштейн)

А. Парvus (И. Л. Гельфанд)

2-й форзац:

Сцены июльского восстания, спровоцированного большевиками.

Статья из газеты «Нива» за июль 1917 г. о германском шпионаже.

Военный министр Врем. пр-ва А. Ф. Керенский.

Л. Д. Троцкий (Бронштейн).

Поддельный паспорт, сделанный для Ленина после провала июльского восстания.

Б. НИКИТИНЪ

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(НОВЫЯ ПОКАЗАНИЯ УЧАСТНИКА)

ПАРИЖЪ

Achevé d'imprimer par l'Imprimerie
«LE POLONAIS EN FRANCE»,
263-bis, rue Saint-Honoré, Paris I.
le 7 Mai 1937.

*Надпись на последней странице книги
Б. Никитина «Роковые годы»*

ОТ АВТОРА

Настоящее издание запаздывает по независящим от меня обстоятельствам.

Цель книги — записать детали событий, не получившие широкой огласки. Они были известны и другим участникам расследований и на короткое время отражались с разных сторон в местной прессе 1917 и 1918 годов.

Взвешивая каждое слово, я стремился изложить только факты, которые в своих существенных чертах все могут быть доказаны историком.

В то же время я вычеркивал фразы и страницы, стараясь избежать острых углов, подавить страсти, приблизиться к эпосу. Трудно. Разве можем мы, участники и современники, говорить объективно о драме, которая еще продолжается? Не новый экземпляр истории той эпохи я выпускаю, а только привожу мои воспоминания.

Читатель сам легко отделит все личное, взглянув на книгу сквозь мою призму, которую найдет в эпитафии на следующей странице.

1. НА РАЗВАЛИНАХ

7 марта 1917 года мне пришлось по личным делам попасть в Петроград. Я был отпущен с фронта на три дня.

Еще в вагоне мне неотступно приходило на мысль, какой простор для немцев открывала в России революция и как упрощались их задачи.

Увы... иронией судьбы именно мне же и выпал жребий быть начальником контрразведки в Округе, возглавившем революцию.

По прибытии в Петроград я отправился являться в Главное управление Генерального штаба и там встретился с князем Тумановым и Туган-Барановским*. Оба стали уговаривать меня остаться в Петрограде, а на мои отказы и уверения, что я должен вернуться на фронт для продолжения интересной задачи, мне неизменно возражали, что все равно оставят меня именем военного министра. Мои споры не привели ни к чему; через три дня я получил приказ о назначении в распоряжение Главнокомандующего Петроградского округа генерала Корнилова.

12 марта вечером я явился Корнилову, а последний сразу же назначил меня начальником контрразведки. Разговор был в дружеской форме в присутствии начальника Штаба — генерала Рубец-Масальского. Я упорно просил избавить меня от деятельности, не свойственной моему характеру и которой к тому же я никогда не занимался. Корнилов настаивал, ободрял приятной для моего самолюбия уверенностью в успехе; а Рубец-Масальский шутил, играя словами, говоря, что раз-

---

* Один — товарищ военного министра, другой — начальник Канцелярии и, как «младотурки»¹, были из тех, кто вершили судьбы военного министерства. — *Прим. автора.*

¹ *Младотурки* — участники буржуазно-революционного движения в Турции (Османской империи) в конце XIX — начале XX в., ставившие своей задачей замену султанского самодержавия конституционной монархией. — *Прим. ред.*

ведка, знакомая мне по войне, или контрразведка — почти одно и то же.

Наконец, мне указали, что я должен принять на себя выполнение задач, имеющих при новых условиях чрезвычайное государственное значение, и должен пересилить себя для блага Родины. Те же доводы неизменно приводил впоследствии и Туган-Барановский, когда при наших встречах я никогда не упускал случая поблагодарить его за столь дружескую услугу.

А положение было следующее.

Как известно, в дни февральского переворота из тюрем Петрограда было выпущено до 10 тысяч уголовных преступников. Все они были освобождены толпой под видом людей, пострадавших за убеждения при старом режиме. Конечно, на свободу попали и все уличенные в шпионаже.

Февральские события, по большинству их исторических описаний, принято называть стихийными: монархия пала стихийно; так же был сожжен Окружной суд; толпа стихийно разбила тюрьмы, свергла полицию и т. д. Таковы, как объясняют, размах и поэзия февральских дней. Как выходит просто, как красиво. Стоит лишь сослаться на историческую причинность, чтобы все стало сразу понятным. Здесь я хотел бы привести лишь справку об одном явлении той же категории, разгромившем дотла старую контрразведку и о котором мне пришлось произвести весьма подробное расследование*.

Один из неприятельских агентов — Карл Гибсон, которого, кстати, я вновь поймал через полтора месяца и водворил в тюрьму, выскочив на свободу при февральском перевороте, первое же, что сделал, это привел толпу и ворвался с ней в помещение контрразведки под предлогом, что пришел громить «охранку». Начав разгром, он прежде всего разыскал свое досье в делах по алфавиту и, конечно, унес его с собою. Толпа, руководимая Гибсоном, переломала шкафы, сожгла и перерва-

---

* Я не исследовал участия немцев в других фазах февральской революции за недостатком времени. Приходилось смотреть только вперед. Случайно в главе «Из журнала контрразведки» я привожу подробности дела одного штабного офицера, связанного с немцами и принявшего также заметное участие в февральских событиях.

В этих же рамках читатель сам проследит за Нахамкесом; прямых документов для него у меня не было.

ла много бумаг, разбросала по полу до 300 тысяч регистрационных карточек, хранившихся в алфавитном порядке.

Служащих тут же захватили и поволокли в Государственную Думу, где их намеренно представили как политических агентов охранного отделения и посадили в отдельную комнату. А на Знаменской улице к дверям контрразведки был приставлен караул от революционных войск, а само отделение опечатано*.

Прежде всего, предстояло удалить караул, снять печати. Но проделать это было не так просто: для сего надо иметь ордер из Государственной Думы, а чтобы попасть в последнюю, — получить пропуск.

Пропуск я получил 12-го вечером, а 13-го с утра отправился в Таврический дворец.

Тут попадаю во всевозможные толпы и хвосты и несколько раз отсылаюсь обратно.

Сюда на первых порах устремились те, кто хотел сконструировать власть. Но революция уже покрыла их новой волной: 13 марта я попадаю прямо в Совдеп. В многочисленных комнатах — секции, комитеты и комиссии, которым надлежит ведать буквально всеми государственными вопросами.

Но большая их часть завалена бесконечным числом мелких частных дел, как-то: арестом, расследованием либо освобождением лиц, причастных к старому режиму.

На разных дверях читаю плакаты с надписями вроде следующих: «Агитаторы для отправки на фронт от такой-то партии» или: «Группа агитаторов-республиканцев», «Запись агитаторов на фронт» и даже «Курсы агитаторов».

В коридорах толпы народа; всё, казалось, перепуталось.

Вдруг, после нескольких часов ожидания, я неожиданно добираюсь до очень важной персоны — нового адъютанта коменданта. Как сейчас помню эту фигуру среднего роста, в морской форме, с серебряными погонами с одной звездочкой.

Узнав, кто я и зачем пришел, он, сразу переменив тон, становится отменно любезным.

Только через три дня, когда мне пришлось поехать в Таврический дворец и арестовать этого адъютанта, только

---

* Проживающий в Париже старый контрразведчик полковник Соколов мог бы привести детали истории Карла Гибсона.

через три дня я понял его желание угодить мне при первой встрече*.

Однако возвращаюсь к этой первой встрече. Адъютант ведет меня к коменданту; последний выдает необходимые бумаги; наконец, адъютант же, расталкивая толпу, провожает до самой улицы, прося, конечно, использовать его в предстоящей мне работе.

Прохожу через караул, снимаю печати; нахожу поломанные столы, взломанные шкафы и горы обгоревшей и разорванной бумаги.

Но если фасад был обращен в обломки, то уже внутренняя сеть просто исчезла.

В самом деле, до революции главным источником всякого рода осведомлений было вездесущее охранное отделение Министерства внутренних дел. Само же министерство имело в своем распоряжении все средства страны — прямые и вспомогательные.

Эта громадная машина добывала всякого рода сведения, поэтому вплоть до революции и в деле осведомления контрразведки большую роль играла полиция.

Но февральская революция с корнем вырвала не только политическую полицию, но все органы государства, ограждающие общество от всякого рода нарушителей закона, деяния которых везде и при любом строе караются суровым судом.

Удары наносились в марте по Министерству внутренних дел с особым злорадством.

В печати шла травля часто по непроверенным подозрениям; отдельные шайки (кстати, не могу назвать их иначе) гонялись за теми, чьи имена кем-нибудь и как-нибудь производились.

Поэтому те, кто служил раньше в полиции, навсегда спрятались, а секретные агенты, вероятно, сами старались забыть о своей службе.

Конечно, эти преследования имели свои причины: исторические, бытовые, несомненно, психологические и, может быть, национальные. Я хочу только подчеркнуть этот факт, имевший место в русской революции и внесший впоследствии так много трагичности в деятельность не одной только контрразведки.

---

* См. гл. «Петроградская трясина».

В Германии после ноябрьской революции 1918 года вся полиция осталась на своих местах. Новая власть проявила к ней чуткую заботу: обращалась к населению с особыми званиями, приглашала служащих не покидать своих постов. Сохранив таким путем органы, поддерживающие общественный порядок, немецкие правительства имели в дни испытаний и аппарат противодействия.

Совсем иначе было в России. Уже в ночь с 1-го на 2 марта несколько делегатов от Совета солдатских и рабочих депутатов, возглавляемых Нахамкесом, предъявили членам Временного правительства ряд условий, на которых они согласны мириться с его существованием. Одним из первых пунктов было требование о замене полиции милицией с выборным началом. Временное правительство, которое еще было в периоде своего формирования, пыталось, в лице своих отдельных членов, смягчить ультиматум в отношении других вопросов, но молча согласилось на учреждение милиции. Тотчас же в провинцию полетели телеграммы о свержении полиции, телеграммы, содержание которых всем нам было хорошо известно из повседневной печати. Это тоже «стихийное» явление, налаженное не без Нахамкеса¹ и его единомышленников, резко ударило по контрразведке, так как лишало ее не только налаженной годами секретной агентуры, но и поддержки административных органов всей страны.

С наружным личным составом было не лучше: мне предстояло освободить его из-под ареста, пересмотреть и часть уволить, так как оставлять на службе лиц, в какой-либо мере причастных к политической полиции, я официально уже не мог.

Приходилось еще посмотреть, что можно еще извлечь из более уцелевшего Военного ведомства.

В Петрограде в ведении Военного министерства было два органа, имевших касательство к контрразведке: центральный, на всю Россию, и мое отделение. Первый состоял в Главном

---

¹ *Нахамкес* (Нахамкис) Овший Моисеевич, псевдоним: Юрий Михайлович Стеклов (1873—1941) — в 1917 г. большевик (до этого был меньшевиком), с марта 1917 г. один из лидеров петроградского Совета, член «контактной комиссии», предназначенной для связи Совета с Временным правительством.

управлении Генерального штаба и не занимался разработкой дел, а только регистрировал подозреваемых лиц по донесениям из всех округов. Он же ведал заграничными агентами, посольствами, и через него же округа получали кредиты. Мое же отделение — активный орган для Петроградского округа.

Я отправляюсь к генерал-квартирмейстеру Главного управления Генерального штаба — генералу Потапову¹. Тот вызывает полковника Генерального штаба Раевского, и вот с этого памятного для меня часа начинается серия наших беседований и бесконечных сюрпризов. Эти удивительные люди продолжали жить в прошлом столетии. Они смотрели только на свой письменный стол, на котором лежала старая инструкция.

На вопрос мой, на какой кредит может рассчитывать мое отделение, они ответили буквально: «Пока ничего... но вы будете участвовать в междудементальной комиссии по составлению новой инструкции. Применительно к этой, то есть будущей инструкции, вы составите план работы и смету. Представите в Главное управление Генерального штаба, которое их предварительно рассмотрит».

— А потом? — поинтересовался я.

— Потом, если Главное управление Генерального штаба их одобрит, они поступят в Канцелярию Военного министерства, которое их пересмотрит и внесет на рассмотрение Военного совета.

— Значит, Военный совет и санкционирует кредит? — спросил я.

— Нет, после Военного совета ваш проект будет отправлен в Ставку. Вот уже Ставка по его рассмотрению может открыть вам кредит.

— Позвольте, выходит, что вам предстоит сперва выработать новую междудементальную инструкцию, потом план работ, да сверх того на прохождение всех перечисленных этапов уйдет не меньше четырех месяцев, и то при удаче, что мой проект будет попадать перед очередными заседаниями.

---

¹ *Потапов* Николай Михайлович (1871–1946) — с 13.04.1917 генерал-квартирмейстер ГУГШ. Генерал-лейтенант (1917). После октября 1917 г. сразу начал сотрудничать с новой властью.

Мои доводы, что при таком положении вещей я не могу даже нанять служащих, так как им не из чего платить жалованье, успеха не имеют. Мне отвечают, что все равно теперь контрразведка работать не может, что сначала надо составить инструкцию и подготовить и обучить новый личный состав.

Тогда я предлагаю такой выход: не ожидая инструкции, я немедленно подаю свой план и смету; но в предвидении открытия новых кредитов пусть мне, по крайней мере, не закрывают старый кредит в 45 тысяч рублей в месяц, который отпускаясь на мое отделение при старом режиме и уже вошел в смету Военного ведомства.

— Нет, — отвечают Потапов и Раевский, — ни копейки, никаких исключений.

Перехожу через Дворцовую площадь в Штаб округа; не перестаю твердить про себя все перечисленные инстанции, стараясь заучить их наизусть.

В Штабе округа центральная фигура — помощник начальника Штаба, полковник Балабин¹. Умный, энергичный, решительный, со стальными нервами, Балабин прекрасно разбирается в обстановке и уже через несколько дней заслуженно получает пост начальника Штаба.

В приемной и у дверей его кабинета обычная толпа народа. Протискиваюсь не без труда, рассказываю о неудаче с кредитами.

Балабин на первых порах думает, что я шучу: он сухо отвечает, что у него нет времени для составления сборника веселых рассказов. Однако, быстро убедившись, что мне совсем не до смеха, Балабин берет меня за рукав и ведет к Главнокомандующему. Корнилов терпеливо выслушивает весь перечень будущих этапов моей будущей сметы и едва успевает пообещать внести вопрос во Временное правительство, как его увлекают на какое-то срочное заседание; а Балабина тоже уводят по неотложным делам.

Очевидно, кредиты придут не скоро.

---

¹ Балабин Филипп Иванович (1881–1938) — в 1917 г. помощник начальника штаба Петроградского военного округа, с мая 1917 г. начальник штаба округа. В июле 1917 г. снят с должности и назначен в резерв Главного управления Генерального штаба.

2. ПО-НОВОМУ

Деньги на контрразведку ишу в долг у знакомых: другого выхода положительно не придумую.

Частным образом занимаю у Сергея Гавриловича Тарасова (коммерсант из Армавира) 12 тысяч рублей*. Выдаю ему расписку на своем официальном бланке с печатью, что занимаю у него 12 тысяч «для выдачи жалования служащим и обязуюсь вернуть их по получении казенных денег».

Теперь уже запастись терпением придется не мне одному, но и Тарасову.

Корнилов и Балабин сначала недоумевают, а потом приходят в восторг, но ненадолго.

Не ожидая выработки новой междуведомственной инструкции, 21 марта представляю свой мотивированный план и смету на 60 тысяч рублей в месяц.

Много раз тщетно стараюсь добиться хотя бы аванса; много раз Корнилов требует кредитов Военного ведомства; много раз Балабин предлагает разогнать весь личный состав канцелярии Потапова вместе с ее шефом. Наконец, через полтора месяца, в конце апреля, мне условно выдают 45 тысяч с оговоркой Потапова: «Эта единовременная выдача в виде аванса отнюдь не означает, что вам открыт ежемесячный кредит. Что будет дальше — еще посмотрим».

Сколько времени предполагал смотреть Потапов, и куда именно, — я не знаю; но вопрос разрешился и для него, и для меня совершенно неожиданно.

Проходит еще около месяца, и вот в мае Потапов приглашает меня приехать и довольно-таки смущенный заявляет:

— Вновь назначенный начальник Генерального штаба Романовский (Юрий), вступив в должность, сразу же обратил особое внимание на контрразведку. Он сам утвердил ваш план и приказал за своей личной ответственностью немедленно начать выдавать вам 60 тысяч в месяц. Вот видите, вы добились того, чего хотели. Так лучше: теперь, по крайней мере, если дело не пойдет, то виноваты будете вы; в противном случае вы бы сказали, что виноваты мы.

---

* В настоящее время С. Г. Тарасов зарабатывает себе хлеб тяжелым трудом в Париже.

Трудно было усвоить логику Потапова о виноватом при той задаче, которая передо мною вырастала, мне никогда и на мысль не приходило, что я имею право спрятаться за чьей-нибудь спиной.

Смета, утвержденная Романовским, так, кстати, и не успела доехать до Ставки.

Освобождаю служащих из-под ареста. Некоторые из них, затравленные незаслуженными преследованиями, уходят сами. Другая часть постепенно отсеивается; но решительно оставляю около половины старого состава; без него мы не стали бы на ноги.

Предстоит набирать новый личный состав. Но ведь служба в контрразведке весьма деликатное *métier* (*фр.* ремесло. — *Ред.*), на которое не только обучают, но воспитывают, и к которому надо иметь призвание; а пользоваться старым источником отнюдь не могу.

Тут мне приходит мысль, которая выручила меня самого и сразу вывела контрразведку на большую дорогу: решаю, что наиболее пригодны будут юристы, особенно лица со следственным опытом.

Еду к прокурору Петроградского Окружного суда, навожу справки и с большой осторожностью выбираю первого — бывшего секретаря суда Каропачинского. Осматриваемся уже вдвоем. Выбор облегчается тем, что многие испытанные следователи попали в опалу; среди них и Павел Александрович Александров — судебный следователь по особо важным делам, имя которого знакомо всей России. Захватываю Александрова, и нас уже трое.

Дальше набор происходит без усилий с моей стороны: каждый новый, предварительно осмотренный, становится уже своим и старается тоже проверить или подыскать нескольких и т. д. К концу марта тщательно проверенный личный состав уже готов полностью; он доведен, согласно моему новому плану, до 21 юриста и 180 агентов и прочих служащих. Но общее явление: все, от первого до последнего, сначала с ужасом отскакивают и отказываются, так как боятся, что втяну их в политику. Даю заклятия, что буду преследовать только «немцев», а затем уговариваю в сущности теми же словами, какими убеждал меня самого Корнилов.

Контрразведку превращаю в целый департамент, к полному ужасу Главного управления Генерального штаба. Потапов и Раевский с невозмутимой последовательностью пытаются мне напомнить, что канцелярия контрразведки Штаба армии на Галицийском фронте состояла из трех человек. Пробую им объяснить разницу положений, но остаюсь при впечатлении, что мое красноречие для них оказывается недостаточным.

Назначаю себе восемь помощников-следователей; из них шесть превращаются в столоначальников, седьмой помощник — шеф моей канцелярии, а восьмому — Александрову — отдаю всех агентов наружного наблюдения. Выдавая этим агентам задания, ему приходится предварительно знакомиться, хотя бы вкратце, со всеми делами, и таким путем предоставляется всюду вносить свое столь ценное творчество. Но должен отметить другую, едва ли не еще большую заслугу Александрова: он так натаскал своих агентов, что через два месяца их нельзя было узнать, что мне в один голос свидетельствовали все помощники.

Не так просто с насаждением новой секретной агентуры. Здесь нужна абсолютная тайна, невозможно открыто наводить даже справки. Сверх того, постоянно остерегаюсь наскочить на ненадежных людей, которых вдруг стало везде так много, и, наконец, всюду встречаю упорнейшее нежелание, вызванное страхами попасть в беду по недавнему примеру. Медленно разбрасываю сеть, начиная с главных точек.

Каропачинскому поручаю отделить из уцелевших бумаг все дела, которые не относятся к контрразведке; от меня их резко и настойчиво требует памятная Чрезвычайная следственная комиссия, которая под председательством Муравьева разыскивала преступления главнейших деятелей старого режима. Здесь с полной очевидностью выясняется, что все обвинения на старую контрразведку, будто она занималась не только своим прямым делом, но и политикой, — были несправедливы и напрасны. Все старые дела имели мотивом преследование неприятельских агентов. Правда, некоторые из них доходили до политических партий, устраивавших забастовки на заводах, работающих на войну; но вполне естественно было поискать в этом направлении влияние наших

врагов. Что же касается политических расследований, то в этой области охранное отделение слишком ревниво оберегало свои права, чтобы уступить их в другие министерства.

Среди досье контрразведки нашлось только одно исключение — дело Манусевича-Мануйлова, совсем не имевшее отношения ни к немцам, ни к политике. Оно было начато по инициативе Ставки, которая не хотела доверить Манусевича полиции, «из опасения, что последняя может свести на нет крупное шантажное дело», в котором к тому же были замешаны и банки.

Для своей контрразведки намечаю новую общую линию: она должна затруднять всякого вида вредную деятельность неприятельских агентов, а в частности — быть основана на широком применении административных высылков.

В самом деле, в современном государстве, при нормальных условиях, удастся поймать всего только нескольких шпионов в год. Но я не могу тянуть дела годами, а с другой стороны, если ограничусь этой узкой задачей, то вся деятельность контрразведки не принесет никакой пользы, когда революция довела работу немцев в России до чудесной простоты; от них всего лишь требуется расшатать остатки государственности и затруднить новое строительство, а вовсе не кража каких-нибудь секретных планов. Конечно, при новой системе полетят щепки, неизбежны ошибки, но ведь все равно и судебные ошибки неминуемы, когда нельзя рассчитывать на прямые улики и находить на политическом агенте компрометирующих документов.

Эти соображения, простые, как мне казалось, до очевидности, подверглись впоследствии жестокой критике в своем исходном положении в понятии о контрразведке. Корнилов всецело одобрил намеченный мною курс — предупредительных мер и административных высылков. Он всегда искал крутых решений.

Но вот в один прекрасный день апреля открыла свои заседания большая комиссия, собранная под председательством Потапова, для выработки обещанной инструкции. Первым пунктом ставится на обсуждение определение понятия о самом слове — контрразведка. После долгих дебатов, к концу второго заседания я ясно почувствовал, что рискую

остаться в меньшинстве, что роль контрразведки в ее защите общегосударственных интересов будет сведена лишь к выполнению нескольких чисто военных задач: ограничится преследованием фотографов на крепостных верках, подрывателей мостов на стратегических направлениях и т. п. Тогда я спрашиваю председателя, под какое понятие будет отнесено преследование тех немецких агентов, которые разваливают государство по всем направлениям и на какое именно ведомство этого рода деятельность будет возложена. Присутствовавшие при этом представители других ведомств не замедлили признать неделимость контрразведки, а понятие, наконец, получило свое надлежащее толкование: контрразведка ведает всеми «немцами», но, само собою, не принимает на себя функций политической полиции.

Поверку всей денежной отчетности возлагаю на специальный комитет, выбранный всеми служащими, еще в последних числах февраля. В него вошли старшие юристы, а председателем комитета был избран товарищ прокурора Гредингер.

21 марта Балабин передает мне с разрешения Корнилова свое факсимиле: «Я так занят, — говорит Балабин, — что у меня никогда не будет времени изучать ваши дела; а при таких условиях вы всегда будете осведомленнее меня, я же буду подписывать так, как вы доложите. К чему же эта комедия и потеря времени для нас обоих? Ставьте сами мое имя, только скрепляйте его своею собственною подписью». Дело заключалось в том, что в важных случаях приходилось действовать именем Главнокомандующего, что составляло исключительное право начальника Штаба; Балабин как бы передавал мне свои полномочия по контрразведке. Трудно было сделать иначе: мы виделись урывками, по ночам, всего раз или два в неделю.

22 марта ко мне на Знаменскую вваливается несколько членов Совета солд. и раб. депутатов; они объявляют, что Совет решил подчинить себе непосредственно мою контрразведку и поручить ей борьбу с контрреволюцией. Это заявление, само собой, выражается голосами и жестами, в весьма внушительной форме. Слухи о таком мудром решении до меня уже доходили, когда приходилось бывать в Таврическом дворце для освобождения старых служащих, и наслушиваться разных обещаний разогнать всех, начиная с нового началь-

ника. Что касается сей последней угрозы, то мне трудно упрекать Совет в ее необоснованности, так как вряд ли я подходил к намеченной им новой роли. Отвечаю, что, пока буду начальником я, контрразведка будет заниматься только немцами, а не политикой.

Под впечатлением столь любезного прямого обращения, еду к Балабину, прекрасно понимая, что вмешательство Совета может иметь самые пагубные для дела последствия. Балабин так же оценивает положение, но сам бессилён помочь; он советует обратиться к Керенскому, который, состоя министром юстиции, числится одновременно товарищем председателя Совета солд. и раб. депутатов.

На другой день застаю Керенского утром, до выхода на прием; передаю ему во всех подробностях требование Совета. Говорю, что борьба с немцами совершенно самостоятельная государственная задача, которую нельзя сейчас ни с чем смешивать; прошу воздействовать на Совет. Керенский вполне соглашается, обещает свою поддержку; и действительно, через несколько дней пресловутое решение отменяется.

Еду договариваться с прокурором Судебной палаты, которому контрразведка обычно направляет свои законченные расследования. Прокурор Палаты Переверзев¹ сразу же, при первой нашей встрече, говорит мне, что для него нет ничего более важного, как контрразведка, которой он готов отдать свои силы; он просит верить в его всемерную поддержку и содействие.

Как-то в апреле он сообщает мне, что назначается министром юстиции. «Ну, теперь прощай контрразведка», — гово-

---

¹ *Переверзев* Павел Николаевич (1871—1944) — адвокат, присяжный поверенный С.-Петербургской Судебной палаты. За ряд докладов по настоянию В. К. Плеве выслан на 3 года в Архангельск, в ссылке вступил в партию эсеров, сотрудничал с партией народных социалистов. В феврале 1915 г. вместе Н. Д. Соколовым и др. защищал членов с.-д. фракции большевиков в Гос. Думе. После февральской рев. — прокурор Петроградской судебной палаты, с 24 апреля — министр юстиции и ген. прокурор Врем. пр-ва. 7 июля ушел в отставку после опубликования документов о связях большевиков с германским ген. штабом. После октября жил в Крыму, эмигрировал в Тунис, позже во Францию.

рю я ему после подобающих случаю поздравлений. «Вот и ошибаетесь, теперь-то я вам и помогу», — энергично протестует Переверзев. И он сдержал свое обещание контрразведке, мне же дал бодрость духа, без которой я не мог бы уцелеть от травли Совета солд. и раб. депутатов.

В своем основном плане я допускал развитие нашей деятельности только при наличии доверия и поддержки всего русского общества. Со своей стороны, Переверзев стремился привлечь к нашему делу русскую общественность. Нам, прежде всего, необходимо снять с контрразведки тот полицейский ярлык, который на нее повесили в феврале не столько за ее прошлую деятельность, как с легкой руки Карла Гибсона и его «не ведающих, что творят», помощников.

Переверзев устраивает несколько заседаний при участии представителей общественности. Он старается показать, что в контрразведке сидят люди, которым можно принести сведения, можно доверить свои сомнения. Немало интереснейших дел пришло к нам именно этим путем. Конечно, не обходилось и без комического элемента. Однажды мы собрались в Мариинском дворце. Присутствуют Керенский и несколько министров. Совершенно неожиданно для нас появляются несколько членов Исполнительного комитета Совета солд. и раб. депутатов, в том числе и социал-демократ Н. Д. Соколов. Прослушав о начинаниях русской общественности, они видимо задеты, что не получили приглашения, и сами прикатали посмотреть, все ли идет в должном порядке. Как всегда, мне приходится отвечать на всевозможные вопросы. На одном конце стола вижу несколько знакомых фигур, а перед ними толстые портфели, туго набитые, как полагаю, попросту газетной бумагой...

Вот эти, по обыкновению, будут загадочно говорить, глядя по портфелю, что он полон важнейших разоблачений. Но их никто никогда не откроет. Им хочется денег. Они присматриваются, ищут повода со мною познакомиться, так как уверены, что у начальника контрразведки — миллионы; они не знают о моей долговой расписке Тарасову.

С другой стороны стола гудит Соколов. Он наивно касается вопроса секретной агентуры, который у нас никогда не подымается; Соколов очень категоричен в своих указаниях,

что я ни под каким видом не должен вербовать «осведомителей» в социал-демократической партии. Впрочем, через два месяца я убедился, что он имел полное основание беспокоиться, если не за себя лично, то, во всяком случае, за своих очень близких друзей.

Коротко отвечаю Соколову, что не сомневаюсь, что социал-демократическая партия сама мне выдаст немецкого шпиона, если бы таковой оказался среди ее членов. Сидящий рядом со мною Главный военный прокурор генерал Апушкин поспешно наклоняется и говорит: «А если хотите знать мое мнение, так делайте, что хотите, только бы добиться результатов».

После собрания задерживаемся с Апушкиным на несколько минут, вспоминаем инцидент, и оба начинаем смеяться.

Мои помощники стараются оповестить всех, кого только могут, что в контрразведке нет жандармов; они ревниво следят, чтобы на всех исходящих бумагах отчетливо стоял мой бланк офицера Генерального штаба.

Поручаю молодым юристам Щукину и Данилову открыто набирать студентов для выполнения самых разнообразных, но не сложных поручений. Труды Щукина и Данилова увенчались полным успехом. Студенты, особенно в начале, охотно откликнулись на призыв; они помогали нам в первые трудные переходные месяцы. Для их организации мы наняли особое помещение, пригласили на жалованье из их же среды двух секретарей.

Керенский, как генерал-прокурор, обещает поддержать мою программу, но категорично возражает против отдела пропаганды, который я предлагаю открыть в противовес той, что ведется на митингах нашими врагами — немцами. Он считает, что этим отделом не может руководить лицо, состоящее на службе; он говорит, что пропаганду поручит Савинкову. То был вопрос общей политики, так никогда и не получивший своего разрешения.

В конце марта посылаю Корнилову на конфирмацию первый пакет о высылке 33 иностранцев — перенатурализованных немцев, которых много раз разоблачала старая контрразведка. Для высылки за границу требуется собственноручная подпись

Главкомандующего. Балабин передает мне по телефону, что Корнилов с нескрываемым удовольствием утвердил мои постановления, смеялся и приказал меня спросить:

— «Почему 33, а не 133?» Но на следующий день его приемная полна народу. На каждого из 33 пришло по крайней мере два негодующих заступника и ходатая. Корнилов спешно меня вызывает; начинаем вместе рассматривать каждого высланного в отдельности.

Дело № 1: коммерсант — Бемме — скупает сычуги, телячьи желудки, для выделки питательного экстракта; пересылает их через Данию в Германию. Лучшие желудки — на Волге, но Бемме два года упорно ездит по прифронтовой полосе, все тщетно ищет годовалых телят, четыре раза арестовывается и столько же раз, за недостатком прямых улик, выпускается.

Далее, по делам №№ 2, 3 и 4 проходим через злостную спекуляцию на скандинавские, швейцарские и датские банки с неизбежным немецким оттенком.

Корнилов приходит в ярость, не хочет слушать пятого дела, вызывает адъютанта и лаконически приказывает передать ходатаям, что если бы не современное положение, то он расправился бы с высылаемыми иначе.

3. ПЕТРОГРАДСКАЯ ТРЯСИНА

Описание городской обстановки начну с неудач моих агентов. Они уходят за справками, но часто возвращаются с пустыми руками и в недоумении докладывают, что в участках милиции сразу же наталкиваются на бежавших арестантов, исполняющих там должностные обязанности.

Нередко старшие чины контрразведки в милиционерах, стоящих на улицах, тоже узнают своих старых клиентов.

При моих поездках в Градоначальство меня обыкновенно встречает один и тот же вопрос помощника градоначальника, полковника Симсон фон Гимельшерна: «Что, опять приехали нас бранить?..»

Требую, чтобы мне указали хотя бы двух или трех человек на участок, к которым мы могли бы обращаться без риска быть спровоцированными. Контрразведке нет дела до этого преступного мира; но он положительно заградил ей дорогу. Однако Градоначальство не в силах исполнить столь скромной просьбы. Посылаю студентов обходить участки для регистрации милиции; помогаю выкидывать отдельных лиц, провожу своих кандидатов.

Особенно не давались районы Нарвской и Спасской частей.

Уходит месяца три, и только в июне получаю уверенность, что в каждом участке встречу двух-трех надежных людей.

Приблизительно к этому времени значительные отделы Градоначальства уже были закрыты, опечатаны и попали под суд.

В эту пору из всех щелей выступили бойкие авантюристы, нередко с темным прошлым, и, сообразуясь, подлаживаясь к новым настроениям, начали развивать бешеную энергию. Они первые оценили новые возможности. Градоначальство прежде всего стало жертвой именно этих паразитов. В его приемных, в передних высших должностных лиц государства, в кулуарах Совета кишит толпа добровольцев, пришедших со всевозможными сенсационными предложениями, открытиями и удивительнейшими разоблаче-

ниями. Для успеха они просят выдать им ордера на арест или обыск*.

Некоторые представители власти, поддавшись искушению, подписывали надлежащие приказы. Но обыски в таких случаях заканчивались жалобами новых жертв, что у них пропали драгоценные вещи, деньги и проч. Нередко выдавшие ордера обращались ко мне с просьбою — помочь извлечь их обратно. Бывали и такие курьезы, что, скомпрометировав себя уже в другом месте, новый радетель государственных интересов являлся предлагать мне свои услуги, а из моей приемной попадал в тюрьму.

Еще в марте комендантское управление Таврического дворца просит меня убрать своего адъютанта. По своему прошлому он оказывается более чем подозрительным проходимцем, а в настоящем изобличается в кражах и вымогательствах**. Пробую отклонить от себя эту честь, предлагаю с подобными делами не обращаться в контрразведку. Но Таврическое комендантское управление, ослепленное ответственной ролью при перевороте своего нового адъютанта, никак не может прийти в себя, что попало на бандита. В Таврическом дворце считают этот случай делом государственной важности и просят их выручить.

А вот и сам комендант петроградской Городской управы К. Этот уже маркой повыше, а потому с ним приходится прибегнуть к старому персидскому способу: Корнилов вызывает К. по службе к себе в кабинет, задает ему вопрос, а мы с ротмистром Егиазаровым быстро снимаем с него оружие и растерянного сдаем на гауптвахту. Но тесен мир Божий. В 1919 году встречаю К. в Баку, где он уже под именем венгерского графа С. выдает себя за делегата Энвера-паши, посланного в Азербейджан для формирования какого-то турецкого корпуса. И удирает же он от меня, когда я подошел к нему и назвал его петроградскую фамилию!

В Градоначальстве, в милиции, в больших учреждениях и гостиницах вы неизменно встречаете будто из земли

---

* А сколько их бегало без ордеров!

** Морской офицер. Через месяц выяснилось, что состоял под судом за взятки во время плавания по Амуру.

выросших комендантов и им подобных. В февральские дни некоторые из них проявили лихорадочную деятельность, будто бы помогли проделать революцию и отстоять свои учреждения от разгрома толпы. Все они прочно пустили корни, своевременно заручившись сертификатами Таврического дворца. Те, кто проскочил в гостиницы, благоденствуют: пользуются помещением, прекрасным столом, всячески стараются подобрать в свои руки все предприятие. Только с их разрешения можно получить комнату; они же командуют в погребе и всех терроризируют, начиная с администрации.

Подобным деятелям очень хотелось пристроиться к контрразведке: они приходили даже с рекомендациями.

Классом ниже других обыкновенно представлялись протеже Совета. «Посмотрите, какой молодец, — говорит мне мой знакомый Б., — теперь он получает ордера от Совета; но в феврале по собственной инициативе арестовал самого генерала Сухомлинова». Смотрю, — матрос, по внешности положительно Стенька Разин, каким его можно себе представить. Даже жаль тратить такие силы на опального при старом режиме старика.

— Благодарю, но я выдаю ордера только моему личному составу, а принять на службу сейчас не могу.

Мне незачем брать на фильм этот тип, целыми сворами блуждающий по столице. Его гораздо лучше представят последователи Максима Горького, придав его героям широкий революционный размах и гарантировав им полную безнаказанность. Не забудем, что они рыскали, драпируясь модным лозунгом «охрана завоеваний революции».

Все вместе взятые, разных калибров, они с десятью тысячами зарегистрированных, что выскочили из петроградских тюрем, составили авангард тех главных сил, которые подошли из Сибири и других мест ссылки и заключений. По всей России весь старый уголовный мир был выпущен на свободу и фатально сгустил первую революционную накипь.

Я не могу пройти мимо этого коэффициента, взятого из общей формулы разложения России. Как бы он ни был известен, но он гораздо значительнее, чем кажется со стороны, и много виднее тем, кто с ним сталкивался.

В революциях чернь, подняв голову, местами проскакивает на поверхность. Здоровые начала с ней борются, только постепенно ее снимают.

Но наш черед пришел в разгар небывалой мировой войны. Немцы повели наступление на слабом внутреннем фронте таким бешеным темпом, что хронометр истории не успел отсчитать своих положенных часов. Более того: немцы поддерживали именно русский острог, в котором большевицкая партия вербовала свои кадры, не стесняясь немецкими деньгами. Те, кто был в Петрограде, хорошо помнят, из каких подонков состояли комитеты большевизирующих полков, их ораторы, агитаторы, всевозможные делегаты и вооруженные головные отряды. Мы не встречали среди них служителей идеи равенства или людей, озлобленных тяжелым трудом, а узнавали именно тех, кто до сего не показывался при дневном свете из страха перед отдельными статьями уголовного закона.

В хронологическом порядке первыми показались на авансцене низы, лишённые моральных норм. Большевики, как партия, начали пристраиваться к ним только в апреле. В свою очередь, выступившие первыми и все, кто быстрее других освободились от «моральных предрассудков», хлынули именно к тем, кто мог навсегда забыть их старый, порочный актив.

В Петроград свободно ехали со всех концов земли и бесследно в нем проваливались. В первые месяцы Адресный стол не существовал, тогда как в старые годы он выписывал до 30 000 новых карточек в день. Открыть его удалось позднее, и только к июлю довести запись до скромной цифры 7000, столь далекой от систематической регистрации. Бывали случаи, когда агенты и студенты контрразведки отбивали подряд целые кварталы, чтобы разыскать один новый адрес. Но столь дорогой прием можно было применять только в делах большой важности, да и он не всегда давал желанный результат.

Визы для выезда за границу ставило Министерство иностранных дел, предварительно запрашивая Главное управление Генерального штаба. Последнее давало заключения самостоятельно, не считаясь с тем, что половина его архива в 1916 году переехала в Ставку, и не запрашивая даже Петроградскую контрразведку. Отъезжающие добирались до Бело-

острова, иногда до Торнео; но на каждой из этих станций попадали на пункты, подчиненные Северному фронту и пережившие свою довольно бурную революцию. Отсюда их, за малыми исключениями, возвращали обратно в Петроград для какого-то расследования, направляя, конечно, в местный орган — в мое отделение. Так продолжалось довольно долго, пока Потапов, наконец, не согласился, чтобы при нем по утрам ежедневно состоял мой представитель.

Что касается комендантов Торнео и Белоострова, то эти почему-то всегда и даже чересчур ретиво бросались исполнять мои приказания.

За границу мог ехать только опальный класс; выезд был скорее затруднен. Но зато для въезда в свободную Россию революция разбила все заставы. К нам возвращались политические эмигранты, поэтому Временное правительство, по требованию Совета солд. и раб. депутатов, распорядилось впускать решительно всех. Наши студенты предназначались, прежде всего, для эмигрантов. Казалось бы, нет ничего обидного, если вас встретят именно студенты, а не подозрительные чиновники или милиционеры, и зададут три самых невинных вопроса: кто вы? где остановитесь? и кого знаете в Петрограде? Наши противники-немцы заставляли приезжающего проходить длинный ряд экзаменов, сажали его в самую настоящую химическую ванну из опасения, что у него на коже могут быть сделаны записи.

Я поставил для начала всего три вопроса, но и они были приняты за орудия пытки. В лучшем случае студентам грубо отвечали по третьему пункту — «кого вы знаете в Петрограде?», называя при этом какое-нибудь общеизвестное имя вроде «Керенский» или «Чхеидзе». Обыкновенно же раздавались истерические вопли: «Мы приехали в свободную Россию, а нас встречает охранка!» И легко себе представить, как наша идейная молодежь рассыпалась в разные стороны под улюлюканье толпы. В те времена лучше было попасть под оружейный огонь, чем получить в общественном месте кличку охранника.

Может быть, эмигранты имели право стать нервными после всех невзгод, перенесенных за долгие годы изгнания. Но из этого не следует, что всякий, кто пожелает поехать

в Россию, будь то шпион, не только обязательно получит визу, но может, строго сохранив свое инкогнито, отплыть с Финляндского вокзала в неизвестном направлении. Поэтому — после нескольких неудач в самом Петрограде, я стал посылать студентов в Белоостров. Там не было толпы; туда никогда не приезжали для встреч именитые члены Совета солд. и раб. депутатов, и дело пошло много лучше. Бывали случаи, когда в Белоострове группы иммигрантов сами просили обратить внимание на отдельных лиц, приставших к ним по дороге. Некоторым из таких привелось из вагона прямо попасть под замок. Но надолго ли?.. Петроградская толпа периодически стала разбивать двери всех домов заключения. Каждое отчетное шествие по улицам, новый день больших демонстраций приносили свободу немецким избранникам, запертым всего лишь накануне. Теперь двери уже разбивались отнюдь не для освобождения политических заключенных: таких совсем не было, потому что до июльского восстания не допускалось ни одного политического преследования.

По такой системе в делах контрразведки установился своеобразный полный оборот: около месяца на расследование и задержание, не более месяца заключения, затем разгром, свобода, старая исходная точка и т. д. И завертелась контрразведка как белка в колесе.

Чувствую, что на этот раз уже окончательно приехали в тупик.

Обращаюсь в Министерство внутренних дел. Директор департамента разводит руками, просит немного подождать. Он говорит, что перевести дома заключения сейчас положительно некуда, что, согласно общей директиве, народу предоставлено сконструировать власть на местах; что руководящие принципы нового творчества уже разрабатываются министерством. Часть их, действительно, приводилась в печати в последних числах апреля; но обещаний, даже подкрепленных светлыми принципами, нам недостаточно. Провожу неделю в полной безнадежности, в сознании, что вся деятельность контрразведки теряет смысл.

После нового разгрома тюрьмы еду опять в Министерство внутренних дел, а оттуда прямо к министру и Главе государства — князю Львову. Прошу его увозить из Петрограда

в более спокойное место тех заключенных, дела которых я передаю прокурору Палаты. Князь Львов обещает срочно рассмотреть вопрос и известить меня о принятых мерах. Через два дня директор Департамента общих дел привозит вполне искренний ответ: «Не спрашивайте с нас: мы бессильны что-либо сделать! Вы не можете себе представить того развала, который идет по всей России! Но мы хотим вам предложить: выберите сами любое место России, где хотите; посылайте туда с вашими караулами кого хотите; и устраивайте их там, как хотите. Мы не будем вам препятствовать».

Вот спасибо! До такой импровизации я бы никогда не додумался. Какие там могут быть споры, что нас не касаются функции других министерств!

Денег нет; поднимать вопрос о кредитах — бесполезная трата времени. Выбираю район, далекий от всяких стратегических направлений; прошу Министерство путей сообщения указать мне какую-нибудь строящуюся ветку на Урале, где нужны рабочие. Со старыми коллегами-путейцами сговариваюсь в один день: ветка налицо, а еще больше желание выручить.

В конце мая провожаю первую партию. Ее везут так называемые солдаты, то есть мужики, зачисленные в полки Петроградского гарнизона. Путевые довольствия в общей суматохе выписываются за счет полков. Отношение этих конвойных команд к обличаемым в шпионстве самое брезгливое. От некоторых из них имел сведения о благополучном прибытии; но охотно допускаю, что были и такие случаи, когда изменялись маршруты или с полдороги покупались обратные билеты*.

Конечно, таким путем нельзя было спрятать от петроградских демонстраций всех, кого мы преследовали. Но те, кто в ожидании суда испытывали на Урале некоторые неудобства, бесспорно, заслуживали худшей участи. Постановления контрразведки были всегда сугубо мотивированными. Прокурорский надзор не переставал благодарить моих юристов за обстоятельность расследований и обоснованность обвинений. Не было случая, чтобы нашим опытным следователям предложили пересмотреть статью обвинения.

---

* Всего уехало четыре партии. С последней закончилась и моя «система» административных высылки!

Можно себе представить, какой гул поднял бы Совет солд. и раб. депутатов, если бы узнал о зарождающемся новом поселении, и с каким торжеством издалека посмотрел на нас Аракчеев. Но представителям закона мы ответим: у нас отменили во время войны смертную казнь изменникам.

Положение верховного блюстителя закона, генерал-прокурора Переверзева было, в сущности, безнадежное. Его неудачи начинаются с первых же дней, когда он, как прокурор Судебной палаты, пробует бороться с самоуправством. Его заявления, что он один представитель закона, в лучшем случае обходят молчанием. Но зато иногда приходят ответы, составленные в самых нецензурных выражениях заборной литературы, вроде той телеграммы, которую он получил от первого президента первой Шлиссельбургской республики. Помню, нас обоих даже удивило, как это почта могла пропустить подобный текст.

На память приходит его выезд в республику Кронштадт для спасения от линчевания морских офицеров. Троцкий и Луначарский, так много потрудившиеся за независимость Кронштадта, имели здесь своего достойного сподвижника — Рошалья¹. Этот поначалу был студентом, украл партийные деньги, а, убегая от суда, искал спасения у большевиков. В красной армии и по сие время сохраняется полк славного имени Рошалья.

Переверзев едет в Кронштадт, требует от комитета выдачи ему морских офицеров. Переговоры протекают очень успешно; но к вечеру появляется Рошаль, после чего дебаты сразу принимают иное направление. Рошаль обещает подчиниться только воле всего народа. Поддержанный комитетом,

---

¹ *Рошаль* Семен Григорьевич (1896—1917), из буржуазной семьи, исключен из учебного заведения за револ. пропаганду. Член РСДРП с 1914 г. В декабре 1915 г. арестован за агитацию среди рабочих и солдат на фронте, освобожден в февральские дни. С марта 1917 г. председатель Кронштадтского комитета РСДРП, член Исполкома кронштадтского Совета. В июльские дни арестован Врем. пр-вом, освобожден в октябре 1917 г. Участник ликвидации Ставки верховного главнокомандующего и ареста генерала Духонина. В качестве комиссара участвовал в переговорах с командующим Румынским фронтом в Яссах, в декабре 1917 г. расстрелян офицерами.

он требует, чтобы Переверзев вышел на большой митинг, устраиваемый на другой день утром на Якорной площади. Там, мол, будут вынесены всенародные решения, которые для всех обязательны. При этом в предложениях Рошалья какая-то неясность: будет ли народ обсуждать только офицерский вопрос, или пожелает, чтобы Переверзев разделил судьбу офицеров. Переверзеву ничего не остается, как согласиться. Двери дома, где происходили заседания, как будто случайно занимают вооруженными матросами, а Рошаль уходит наладить свободное выражение народной воли. Переверзева спасает только находчивость его секретарей, особенно Данчича, которому ночью посчастливилось вытащить его из Кронштадта.

Через несколько дней кронштадтцы все же отпустили небольшую часть — человек 20 офицеров, конечно, под обещание самого строгого суда над ними. Они привозят эту партию в истерзанном виде в Петроград, сажают в Комендантское управление на Садовой; но здесь возникают новые трудности. «Не придумаю, что делать с этими офицерами, — как-то говорит мне Переверзев, — самое лучшее для них было бы под каким-нибудь предлогом исчезнуть из Петрограда. Но кронштадтцы держат круглые сутки свои патрули на Садовой, осматривают всех, выходящих из Комендантского управления. Обещаю им сослать офицеров без суда, например, в Сибирь; но матросы именно этого и боятся, так как вполне осведомлены, что происходит в Сибири». Однако время и штатское платье сглаживают последнее препятствие, и все 20 человек постепенно исчезают.

Получив портфель министра юстиции, Переверзев продолжает искать практических решений. Как-то в моем присутствии, едва вступив в должность, он одним росчерком пера заметно сократил сферу деятельности Чрезвычайной комиссии Муравьева и одновременно выдвинул проект нового закона о специальном ускоренном судопроизводстве. «Вот где мне эта комиссия», — говорит новый министр, делая выразительные жесты выше головы. Какой вызов тем, чье большое воображение видит везде и во всем контрреволюцию... А вероятнее всего — официальное объявление мира между небольшим «прогрессивным блоком» и теми интеллигентными силами всей страны, что служили старому порядку и без

которых не могло строиться повое государство? Нет сомнения — крушение монархии ошеломило громадную часть последних: потребовалось известное время, чтобы они, переломив психологию, вступили на путь своего лояльного творчества. В этой среде мы видим и Потаповых, ожидающих новых междудементственных инструкций; среди нее встречаем и тех, кто с трудом отходил от паники.

Помню свои поездки за справками, когда подбирали личный состав контрразведки. Помню растерянные лица у всех семей и квартирантов, выбегающих на звонки в переднюю, испуганных, дрожащих, встречающих меня — всего-то штабного офицера — уверениями, что главы семьи нет дома. Уходило немало времени, прежде чем показывался сам хозяин и, к общему удовольствию, поняв цель визита, с радостью давал мне характеристику одного из своих знакомых.

Наконец, прыжок из абсолютной монархии в бездонную республику требовал времени для приведения в равновесие тех мировоззрений, которые привыкли оставаться в точных границах закона.

Так или иначе, но выступление лояльного и дееспособного большинства, того самого, которое нам оставила история, слегка задерживается.

Но власть не в состоянии обеспечить ему свободный путь. Она спешит отменить старые законы с теми институтами, которые обеспечивали их применение; а дерзкие захватчики смеются над тезисами и резолюциями: их может сбросить только штык. В столице штыков, действительно, много; но все они в лучшем случае воткнуты в землю.

Перед глазами проходит наша маленькая драма контрразведки. Из прежней тесной квартиры на Знаменской мы перешли в большой дом Императорского Конвоя на Воскресенской набережной, где заняли два нижних этажа. Третий этаж предназначался для какого-то второстепенного отдела Штаба округа и временно пустовал. В первых числах июня, в одно прекрасное утро приезжаю и глазам не верю: верхний этаж занят «Боевым отделом Литейной части партии большевиков». Сюда уже перевезены все доспехи, как флаги, плакаты, брошюры и арсенал; тут блестят и поднятые штыки. Все, что угодно, но не мириться же с присутствием в вашем доме той

самой партии, о которой вы уже полным ходом ведете расследование. Все мои люди наружного наблюдения попадают под обзор противника, не говоря уже об удобствах общего подъезда, внутренних сообщений и митингов перед домом.

Так и просидели над головой до июльского восстания. Ездил к Главнокомандующему и просил их убрать. Половцов¹ сам уговаривал казаков, а для привлечения пехотных солдат посылал меня к своему помощнику по политическим делам Округа — Козьмину. Оба получили одинаковый отказ: части не пошли; тут и политика, и, в сущности, обязанности судебного пристава, и полиции, которым не место в свободном государстве. Половцов посоветовал мне поехать к Дутову, председателю общеказачьего союза. Обращался к Дутову, наконец, к своим старым приятелям прямо в полки, и искренно пожалел, что не успел обучить ружейным приемам чинов контрразведки. Именно этого нам не хватало.

Стоит ли приводить оскорбления, которые получал Переверзев, когда требовал от штаб-квартиры большевиков очищения дома Кшесинской? К нему бесцеремонно являлся с отказом юрисконсульт партии большевиков, член Исполнительного комитета Совета солд. и раб. депутатов Козловский². «Первый раз вижу его без шапки, — сказал я Переверзеву, встретив Козловского в министерской приемной. — Когда он во главе целой банды врывается с наглыми криками и угрозами в мою приемную, он никогда не снимает шляпы».

Но зачем искать примеры среди тех трудных случаев, когда самоуправство прикрывалось левыми лозунгами. Вот передо

---

¹ *Половцов* Петр Александрович (1874—1964) — с февраля 1916 г. начальник штаба Кавказской Туземной конной дивизии. 22.05.1917 назначен Главнокомандующим Петроградского военного округа. 12.07.1917 отстранен от должности. 02.09.1917 назначен командующим Кавказским Туземным конным корпусом, который был передислоцирован на Северный Кавказ. Генерал-лейтенант (09.1917). Эмигрировал во Францию.

² *Козловский* Мечислав Юльевич (1876—1927) — член РСДРП с 1900 г. После февраля 1917 г. член Исполкома Петросовета, ВЦИК 1-го созыва. После июльских событий арестован. После октябрьского переворота — председатель Чрезвычайной следств. комиссии, член коллегии Наркомюста, с 1922 г. на дипломатической работе.

мной военный агент, румынский полковник. Его дело много проще, и в нем нет никакой политики. Кстати, это и было единственное дело, не имевшее никакого отношения к контрразведке и которое, в свою очередь, выпало на мою долю.

Крупный биржевой делец Филотти бежал из Румынии с несколькими миллионами чужих денег; само собой, он не мог выбрать более удобного убежища, как Петроград. Румынский полковник имел кое-какие сведения о пребывании Филотти. Он объездил всякого рода милиции, градоначальство, даже министерства, и везде на просьбу помочь ему захватить Филотти получал отказ. Ему отвечали, что заняться поимкой некому*.

И действительно, вопрос о формировании уголовной милиции был поднят только 2 июля.

Военный агент едет к Главнокомандующему, объясняет свои бесплодные поиски власти, просит содействия. Корнилов указывает ему на меня, предупреждая, как говорит мне военный агент, что если я не помогу, то ему не стоит никуда обращаться.

Поручаю дело Данилову. Молодой, увлекающийся, способный юрист, Данилов никогда не мог успокоиться, пока не справится с принятым на себя расследованием. Он берет двух агентов, проваливается на 36 часов и возвращается с Филотти, скрывавшимся по подложному паспорту Фроскатти. Данилов в пыли, похож на трубочиста; военный агент ликует. «Вот что, — говорю я ему, — вы видите, мы поймали Филотти. Так я вам его дарю. Мои люди сейчас доставят его к вам в миссию, и делайте там с ним, что хотите. А пожелаете, так увозите его к себе на родину». «Я даже не смел просить вас о такой любезности», — снова благодарит румынский полковник. Какой странный человек! Да тут нет никакой любезности: я просто не хочу каждый месяц терять время на новые розыски Филотти или посылать Данилова сопровождать его до румынской границы.

Как внимательно ни перечитывать страницы первых четырех месяцев революции, мы не найдем в них следов о при-

---

* Чтобы представить себе состояние Петрограда, обращаю внимание на это показание постороннего лица.

нятии мер защиты против левой политической опасности. Февральским победителям она была невидна. Они долго продолжают с испугом оглядываться только назад, на тех, кто нагнал на них страху за прошлую эпоху. Вот для этого-то направления Совет солд. и раб. депутатов открывает свой отдел по борьбе с контрреволюцией.

И как раз обратно, по другую сторону — свобода мнений и пропаганды зорко охраняются самой верховной властью. Тут отдельные ее представители просто отказываются от самых лояльных методов политической борьбы, принятых в Европе, считая их за нарушение объявленных вольностей.

Первый министр юстиции Керенский рассказывает мне, что к нему обратились гимназисты и гимназистки с просьбой разрешить им устроить демонстрацию Ленину против дома Кшесинской. «Я запретил демонстрацию, — говорит Керенский, — в свободной стране — свобода слова»... Но почему же, чтобы не мешать Ленину, можно в том же самом отказать русской молодежи?!

Временное правительство вычеркивает все статьи закона о ниспровержении существующего строя. Старый строй только что ниспровергнут, и как будто неловко новой власти на первых же шагах искать виновных в нарушении этих статей. Да совсем и недостаточно приказать вернуть закон из архива. Прокурор не имеет вооруженной силы для приведения в исполнение своих постановлений; он не может найти и одной винтовки. В его распоряжении нет организации для охраны существующего порядка, без которой не обходится ни одно государство. Вот когда поистине можно сказать, что охранка отомстила революции после своей смерти. Самое название, даже мысль о политической полиции не допускается к открытому обсуждению, — мы о них толковали только в тиши кабинета.

Но уже второй министр юстиции Переверзев просит меня показать нескольким из его людей метод поисков и расследований контрразведки. «Пусть Министерство внутренних дел не решается; я открою политический отдел при Министерстве юстиции». Однако новая постройка не ладится. Через несколько недель собирается конфиденциальное заседание: Переверзев, начальник Генерального штаба Рома-

новский, Половцов, Балабин, я и Миронов. Последний — очи и уши Керенского; я его вижу уже второй раз. Наша первая встреча носила скорее комический характер. Балабин как-то предупредил меня, что ко мне приедет доверенный Керенского, которого тот просит принять. И действительно, через несколько дней открывается дверь, входит Миронов и спрашивает: «Скажите, вы занимаетесь провокацией?» Я предоставляю каждому привести за меня тот единственный ответ, который можно услышать на подобный вопрос.

Миронов был переутомлен интересными археологическими раскопками, которые производил в недрах Министерства внутренних дел; вероятно, этим можно было объяснить его выступление не на тему на памятном конфиденциальном и коротком заседании. Переверзев сообщает нам, что в его политический отдел никто не идет. Вдруг, к общему удивлению, Миронов мрачно и неожиданно нападает на меня: «А все-таки в вашей контрразведке вы оставили охранников...» Резко отвечаю, что мне уже довольно этих угроз от Совета солд. и раб. депутатов; что личный состав контрразведки — моя гордость и в ней нет ни одного охранника. Затем обращаюсь к Переверзеву и говорю, что он никогда не наберет людей в свой политический отдел, пока будет продолжаться не только бесполезная, но вредная для государства травля лиц, служивших в политической полиции. Переверзев заявляет, что он попытается остановить кампанию прессы, ведущуюся в этом направлении. И действительно, на другой день изыскания в архивах Министерства внутренних дел прекращаются, а проскрипционные списки исчезают со столбцов газет.

Однако всем нашим начинаниям было суждено повиснуть в воздухе. Через три недели после июльского восстания все, присутствовавшие на памятном заседании, ушли от власти, кроме Миронова, который так и продолжал до 25 октября душиить «контрреволюцию».

Исполнительный комитет Совета солд. и раб. депутатов с его министрами упорно смотрели на полярную звезду, спорили и не отдавали себе отчета в той жуткой действительности, которая видна была тем, кому было приказано спуститься на землю.

4. ВОЙСКА

Революция пришла в Армию с тыла.

Возьмем начало военной катастрофы так, как его записала телеграфная лента разговора 3 марта между новым военным министром Гучковым и начальником штаба Верховного Главнокомандующего генералом Алексеевым. Подлинная лента этого разговора из Петрограда с Могилевом лежит у меня на столе перед глазами. Ее прислал Гучков Великому Князю Михаилу Александровичу¹.

Вот она*:

«здесь у апп.** военный министр александр иванович гучков. просит начальника штаба верховн. главноком.** подойти к аппарату. здравия желаю александр иванович у аппарата алексеев. не имея возможности говорить с председателем государственной думы**** я очень прошу взять на себя передачу ему серьезнейшего для армии вопроса сегодня в 6 часов утра м. в. родзянко***** просил меня задержать обнародование манифеста 2-го марта точка хотя манифест этот дошел только до высших начальствующих лиц но этим вопрос в отношении армии совершенно не решен скрыть акт столь великой важности в жизни россии немыслимо он должен быть безотлагательно обнародован в установленном по-

---

¹ *Михаил Александрович Романов* (1878–1918) — Великий Князь, брат Императора Николая II. В 1914–16 гг. командовал Кавказской Туземной конной («Дикой») дивизией. В январе–феврале 1917 г. генерал-инспектор кавалерии. 2 марта 1917 г. Император Николай II отрекся от престола в его пользу, 3 марта 1917 г. М. А. также отрекся, оставив вопрос о верховной власти на волю Учредительного Собрания. Убит большевиками близ Перми 13 июля 1918 г.

* Княгиня Н. С. Брасова² предоставила мне ленту для напечатания.

² *Брасова* Наталия Сергеевна (1880–1952), с 1910 г. морганатическая жена Великого Князя Михаила Александровича. После 1918 г. в эмиграции.

** Аппарата.

*** Верховного Главнокомандующего.

**** Слова Алексеева.

***** Председатель Государственной Думы.

рядке точка слух о нем просочился уже в войсковую среду и в население губерний фронта точка главнокомандующие в течение всего дня настоятельно указывают что дальнейшее промедление объявления войскам содержания этого акта может теперь же повлечь за собою сначала недоумение а потом последствия весьма грозные — этот голос всех старших начальствующих лиц должен быть услышан в петрограде они доносят о том что стало болезненным вопросом для всей действующей армии точка выход должен быть найден путем соглашения с лицом должностным вступить на престол — совершенно не исключена возможность выработки по успокоению страны всех подробностей того или иного государственного устройства точка нужно памятовать что борьба с внешним врагом в данное время все же остается главнейшей обязанностью каждого русского человека точка расшатав же действующую армию скрывая от нее истину и действительные намерения правительства мы подготовим себе печальную участь точка главнокомандующие единогласно свидетельствуют, что сегодня или завтра крайний срок осведомления войск о чем я донес и великому князю николаю николаевичу ожидая его указаний точка второй вопрос до настоящего времени правительство приняв власть в свои руки не желает обратиться к действующей армии с горячим воззванием выполнять свой святой долг заключающийся в упорной борьбе с внешним врагом — желательно также воззвание к народу чтобы он спокойно продолжал свою деятельность напрягая все силы к той же общей великой цели точка третий вопрос считаю себя обязанным настоятельно просить чтобы все сношения с армиями все распоряжения органов правительства велись только через вверенный мне штаб и по второстепенным вопросам через главнокомандующих точка только при этом условии мы сохраним столь важные для армии устои подчиненности и порядка без каких нет вооруженной силы точка возвращаясь к первому вопросу полагаю вполне возможным в первом манифесте нового царствования объявить о том, что окончательное решение вопросов государственного управления будет выполнено в согласии с народным представительством хотя бы по окончании войны или наступления успокоения точка для прочности нравственной и боевой наших

войск это вопрос исключительной важности и не допускающий никакого отлагательства — пять миллионов вооруженных людей ждут объяснения совершившегося — пока кончил алексеев».

«3 марта 18/2 минут

здравствуйте михаил васильевич отвечаю вам* по пунктам первое манифест 2-го марта был передан мне государем вчера вечером во пскове — обнародование его петрограде встретило препятствие в том, что великий князь михаил александрович пососоветовавшись с составом совета министров вопреки моему мнению и мнению милюкова решил отказаться от престола точка предполагается одновременное обнародование как манифеста 2-го марта так и манифеста 3-го марта об отказе со стороны михаила александровича точка обнародование обоих манифестов произойдет в течение предстоящей ночи точка у власти остается временное правительство с князем львовым во главе и в составе вам известном до созыва учредительного собрания которому надлежит разрешить окончательно вопрос о государственном устройстве точка срок созыва собрания не определен точка пункт второй воззвание к армии будет безотлагательно составлено точка пункт третий ваше совершенно справедливое желание чтобы сношения действующей армией производились исключительно через ставку или через главнокомандующего с допуском исключения только по мелочным вопросам будет принято к исполнению кончаю не имеете ли что-либо мне сказать».

«имею александр иванович — неужели нельзя было убедить великого князя принять временно до своего избрания власть это сразу внесло бы определенность в положение россии вообще в серьезные для данной минуты отношения к союзникам а главное явилось бы отличным способом влиять на настроение армии хорошим примером служит ревель где при получении первых сведений о манифесте наступило успокоение среди флотских частей и соприкасающихся с ними сухопутных а когда появился там текст манифеста то образовалось хорошее приподнятое настроение точка трудно пре-

---

* Слова Гучкова.

дусмотреть как примет стоящая в окопах масса манифест третьего марта разве не может она признать его вынужденным со стороны теперешнюю действующую армию нужно беречь и беречь от всяких страстей в вопросах внутренних ведь теперешний петроградский гарнизон разложившийся нравственно бесполезен для армии — вреден для государства — опасен для петрограда от этого нам нужно сохранить все части действующей армии ибо жестокая борьба еще далеко не закончена и каждый боец необходим отечеству — хотя бы непродолжительное вступление на престол великого князя сразу внесло бы...* и уважение к воле бывшего государя и готовность великого князя послужить своему отечеству в тяжелые переживаемые им дни уверен что на армию это произвело бы наилучшее бодрящее впечатление а в этом ведь теперь залог успешного решения важнейшей государственной задачи — через полгода же все выяснится ближе лучше и всякие изменения протекнут не столь болезненно как теперь — вот что я считаю своим священным долгом добавить к ранее высказанному — слишком тяжелая ответственная задача лежит на армии и ее начальниках и нужно облегчить им возможность иметь все мысли и силы направленными против врага внешнего и спасти их от всяких колебаний точка алексеев 3 марта 18 часов 35 минут».

«отвечаю вполне разделяю ваши опасения а также мнение что в интересах быстрого успокоения страны возвращения ее к нормальной жизни а также в интересах армии являлось бы крайне важным чтобы престол был безотлагательно замещен кем-либо хотя бы временно до санкции учредительного собрания точка однако мои доводы никого не убедили и решение великого князя было принято свободно и бесповоротно точка приходится подчиниться совершившемуся факту столь громадной исторической важности и попытаться честно и добросовестно упрочить новый строй и не допустить серьезного ущерба для армии точка с этим намерением принял я предложенный пост и приложу все мои силы выполнению этой задачи кончаю гучков 6 часов 33 минуты.

---

* Пропуск слова.

еще одно слово могу ли официально сообщить сейчас же главнокомандующим что предстоящей ночью манифест второго марта будет обнародован.

повторяю оба манифеста будут обнародованы одновременно об этом можете сообщить официально кончил гучков очень благодарен будьте здоровы алексеев».

Аппарат умолк. Он точно записал, что еще в 6 часов утра Родзянко просил Алексеева задержать обнародование манифеста Государя об отречении.

Великий Князь Михаил Александрович отрекся только после полудня*.

Гучков, отвечая в 6 часов вечера, объясняет, что обнародование манифеста Государя встретило препятствие в том, что Великий Князь решил отказаться от престола. Но телеграфная лента не дает ответа, почему же Родзянко просил задержать манифест Царя еще в 6 часов утра, то есть до отказа Великого Князя вступить на престол? Из нее же мы достоверно узнаем, что генералы согласились — указывали крайний срок молчания.

Из всех противоречий вытекает неоспоримый факт задержания обнародования манифеста об отречении Императора в пользу брата — популярного в стране, имевшего за собой преданные ему воинские части, среди которых он провел войну. В Петрограде предпочли объявить России одновременно два манифеста — два отречения.

Если бы промедления не было, то Великий Князь до принятия решения узнал бы по многим, многим проводам, в том числе и от молчавших генералов, подлинное к нему отношение всей России, которого он не мог знать по своей удивительной скромности в момент решительного разговора с министрами, не желавшими, кроме двух, с ним работать.

Та же телеграфная лента приводит точную оценку Петроградского гарнизона; но в ней не найти следов, какие военные силы должны обезвредить петроградские войска и спасти от них тыл, фронт, Верховную Власть, всю страну.

---

* Совещание Великого Князя с министрами началось после 10 часов утра.

На фронте — на позициях не говорили об усталости от войны. За все время до катастрофы ни в частях, ни среди близких друзей мне никогда не приходилось услышать вопроса: «Скоро ли кончится война?..»

В печати иногда приводят несколько примеров отказа частей идти в атаку, принимая их за признаки революционных настроений. Подобные случаи отказа бывали во второочередных частях, и в самом начале войны всегда будут повторяться. Все эти примеры обыкновенно начинаются с ошибочного указания на ненадежное состояние 7-го Сибирского корпуса. Запишем, что за последние месяцы, предшествующие революции, позиции его под Бржезанами были труднейшие: до противника по всему фронту 25—50 шагов; упорная минная война в нескольких пунктах; бомбометы, бомбочки не прекращались; наши тыловые подступы под ружейным обстрелом. Едва ли не каждые две недели специальные штурмовые батальоны противника атаковывали отдельные участки. Начальник Штаба 7-й армии генерал Н. Н. Головин поручал объезжать каждому из своих офицеров Генерального штаба какой-нибудь корпус, а мне как раз выпало специально близко наблюдать за 7-м Сибирским. Командовал корпусом герой войны — старый сибирский стрелок генерал Ступин. Тяжелее обстановку в позиционной войне трудно придумать. И все же полки не дрогнули: дух героя-командира, дух старого русского солдата был с ними.

Если глубокому тылу — всей стране тяжелы были долгие годы испытаний и 2 миллиона 400 тысяч убитых, то зато славные традиции полков Великой Армии жили с ними в боевой линии. Особенности этих традиций и быта войсковых соединений внесли у себя корректив в общие явления, общей революции.

Молча переносит психологический перелом класс военной интеллигенции. Идеалы офицера Императорской Армии сожжены; но воинская честь и любовь к России оставляют его в окопах. Расстреливаемый с фронта и с тыла, он не допускает мысли, что можно покинуть поле чести, и везде на длинном русском фронте появляются новые могилы, вырытые революцией.

Первые дни русские войска продолжают выполнять свои боевые задания. На фронте уже нет Императорской Армии,

но это так трудно понять тем, кто привык считать войска за последнюю преграду к выполнению своих планов. Они спешат по-своему переломить Армию; да их идеология и конечные цели так далеки от военной мысли!

Агитаторы Совета солдатских и рабочих депутатов несутся на фронт разъяснять войскам значение происшедших событий; они отъезжают ежедневно пачками, вагонами и экстренными поездами со всех петроградских вокзалов.

Помню безвыходное положение петроградского Главнокомандующего Корнилова, когда он говорил мне и Балабину об этом для него самом больном вопросе, которому он с первого же дня придавал первостепенное значение.

Разъяснители идут из Таврического дворца. Совет и слышать не желает о каких-либо ограничениях в этом направлении. Все караулы, в том числе те, что на вокзалах, ставятся Советом и ему подчиняются. Даже мне, чтобы снять часовых с контрразведки, потребовался ордер Таврического дворца; а отдел нарядов караулов удалось перетащить в Штаб округа уже Половцову, только три месяца спустя.

Среди туч совсем ненужных и вредных наставников, что двигались на фронт, следовало поискать и тех, кто был снабжен немецкими инструкциями.

Для этого мы составляем маленькую стратегию: Главнокомандующий постарается добиться, чтобы все отъезжающие хотя бы являлись ему, а адъютанты будут составлять списки представляющихся, затягивать прием и вызывать чинов контрразведки. После долгих настояний Корнилову удастся вырвать от Совета обещание направлять к нему всех едущих в Армию. Но обещание это фактически не выполняется; за все время явилось всего-то несколько, и то официальных делегаций.

Руководители из революционного центра в большинстве случаев осаживаются в тылу армий, где встречают своих коллег, с беспокойством смотрящих на запад в сторону фронта. Здесь уже дело налаживается в большом масштабе. Запасные батальоны превращаются в школы, где читается и проходит на практике полный курс развала армии. Идейное руководство центра торопится отменить начала дисциплины; для этого отдельные его представители выпускают из комнаты

Таврического дворца военный приказ № 1¹ — в старой, заграничной редакции; его проводит председатель собрания — убогий Н. Д. Соколов, близкий друг и официальный покровитель зарегистрированного шпиона — очень неубогого, хитрого Козловского.

Запасные батальоны посылают из провинции в боевую линию сотни тысяч пополнений, только что прошедших курс разрушения и принимающих на себя роль инструкторов.

Мнимая опасность у одних, реальная угроза левому крылу и, наконец, настойчивые требования свобод — все вместе двигает революционную мысль в одном направлении.

Временное правительство, любясь светлыми идеалами, отменяет смертную казнь: в его составе нет военного. Не все, но большинство министров грозят уходом «в отставку», если прольется хоть одна капля крови*.

После первых потрясений появляются большевики, которые на немецкие деньги заостряют агитацию о захвате земель и прекращении войны.

Несколько так называемых младотурок, ведомых горным инженером Пальчинским, задумывают спасти положение, поставив во главе Военного ведомства самого популярного в то время оратора, и едут к Керенскому. Один из них мне рассказывал впоследствии, что им пришлось поехать несколько раз, так как при первом визите Керенский был буквально ошеломлен столь неожиданным предложением.

Представители социалистических партий стоят за продолжение войны; но причиненное зло уже не исправить уговариванием.

Однажды, проходя по залам Мариинского дворца, я остановился посмотреть, как Керенский принимал одну из многочисленных делегаций солдат с фронта. Правая рука военного министра забинтована; он раздает рукопожатия левой

---

¹ Приказ № 1 петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов от 1 марта 1917 г., отменявший титулование офицеров, лишавший их дисциплинарной власти и ставивший воинские части под контроль солдатских комитетов.

* Чтобы избежать острого угла, я не называю фамилий тех и других.

рукой и произносит речь, в которой говорит, что русская армия получила столько свобод, каких не имеет ни одна армия в мире, и что теперь пора вернуться к боевым действиям.

Переход в наступление вызывает Тарнопольские, Калушские и другие катастрофы. Они были необходимы, чтобы доказать очень многим в Петрограде и за границей, что скопища вооруженных людей, наделенных всеми свободами, не надо рассматривать как армию.

Невольно вспоминаю, как еще в марте на меня едва не набросились с кулаками три наших «младотурка», когда я имел неосторожность сказать, что война кончена.

16 июля восстанавливается закон о введении смертной казни на фронте. Обсуждение боевых приказов в митинговом порядке затихает; большая часть солдат начинает вспоминать о дисциплине; а солдатская накипь без особого сопротивления переливается в тыл, для которого страшный закон остается отмененным.

Но все усилия по возрождению только одной военной зоны совершенно бесполезны, если не привести в порядок и тыл. Они не могут спасти ни фронта, ни тем более всей страны.

Верховный Главнокомандующий Корнилов получает серию обещаний и отказов Верховной Власти о восстановлении закона о смертной казни для тыла армии и проведении твердых реформ на фронте.

Из всей львиной группы социалистов поднимается в защиту закона только Церетели. На бурном собрании при обсуждении этого вопроса он один против нескольких сот голосует за смертную казнь в столице; только ему одному как будто не страшны воспоминания о других революциях, когда построившие эшафот сами восходили на него впоследствии.

Наконец Корнилов, с согласия Временного правительства и Управляющего Военным министерством, двигает кавалерийские части к Петрограду для проведения в столице военного положения, но в последнюю минуту становится жертвой великой провокации и направляет войска против Временного правительства. Два кавалерийских корпуса останавливает у самой окраины Петрограда только старый престиж Верховной Власти, сохранившийся в провинции.

«Да если бы мы только знали, что у вас здесь делается!» — говорили мне на другой день старые друзья — командиры головных полков Кавказской Туземной конной дивизии.

Неудача кавалерийского рейда вызывает новое потрясение, упрощает последний ход противника.

Совсем иначе проходят восемь месяцев Временного правительства для войск Петроградского округа. Тут прежде всего в ночь с 1 на 2 марта правительство, опять-таки молча, принимает пункт ультиматума, предъявленного Нахамкесом, Чхеидзе¹ и другими от имени Совета солд. и раб. депутатов и в силу которого оно давало обязательство о «неразоружении и невыводе на фронт воинских частей, принимавших участие в революционном движении».

Всякого рода делегаты не замедлили разъяснить войскам в полках и на митингах, что они предназначаются для «охраны революции»; эти основные положения были твердо усвоены всеми частями округа: охраняя революцию, солдат спасал самого себя от отправки на фронт.

Трудно придумать более удачное постановление об охране, чтобы именно погубить февральскую революцию. В Петрограде и его окрестностях расквартировывалось около 300 тысяч войск. Они были представлены: 16-ю гвардейскими запасными батальонами, по 5—8 тысяч каждый; четырьмя запасными пехотными полками по 15 тысяч; техническими войсками и двумя казачьими полками. Около двух третей, то есть примерно 200 тысяч солдат было сосредоточено в самом Петрограде и его ближайших окрестностях.

Итак, решением Совета солд. и раб. депутатов для войск Петроградского округа мировая война была закончена уже 2 марта.

Эти войска заведомо не предназначались к отправке на внешний фронт, а привлекались к участию в политике, как бы на случай междоусобной войны. Но какой войны, на каких внутренних фронтах и за какие политические програм-

---

¹ Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926) — один из лидеров меньшевиков, депутат 3-й и 4-й Гос. Дум. В 1917 г. председатель Петросовета, ВЦИК. С 1918 г. предс. Закавказского сейма, Учредит. собрания Грузии. С 1921 г. в эмиграции.

мы они узнали только через восемь месяцев. Для них, прежде всего, исчезла идея самого формирования военных частей. Полки превратились в отряды специального назначения. Но и эти отряды так и остались без конкретно выраженной цели своего существования.

Почти одновременно, 2 марта, выпускается приказ № 1, а вслед за тем 14 марта выходит полуофициальное издание декларации прав солдата. Оба вместе отменяют власть начальников, вводят комитеты, уничтожают дисциплину.

Без идеи, без дисциплины перед нами были не войска, а вооруженная толпа, для всех одинаково опасная. Она была одета в шинели, получала от казны продовольствие, пользовалась казенными квартирами. Среди нее, приблизительно один на четырехста, виднелись офицеры, которым пришлось взять на себя неблагоприятную задачу уговаривать не увлекаться модными и приятными лозунгами. Им кричали: «контрреволюция!» Среди тыловых офицеров, в некоторых местах пригорода и столичных командах, сразу появляются революционные коменданты из старых и убежденных противников дисциплины. Нельзя также обойти молчанием другой тип, правда — немногочисленный, но знакомый армии. Обыкновенно — это поручик, обязательно со скверной боевой репутацией, митингующий, посылающий делегации и добивающийся выборным порядком должности командира полка.

Сами по себе отдельные случаи не были опасны, но зато подавали дурные примеры, которые толкали к быстрому разрушению.

Уже в конце марта в Петрограде трудно было найти стоящих на часах солдат: все часовые сидели на стульях и табуретах, а около них стояли прислоненные к стене винтовки. К этому надо добавить, что, идя на пост, солдат никогда не забывал запастись семечками и папиросами.

О занятиях в частях можно сказать очень немного. Прежде всего, солдаты поняли, что на войну их не пошлют, а потому самое обучение военному делу считали для себя бесполезным. Они не имели представления о внутреннем фронте гражданской войны; а для охраны революции их собирали на митинги, выводили на демонстрации, и все кончалось общим торжеством и удовольствием. Кроме того, помещения в ка-

зармах часто были заняты большими собраниями и митингами. Да, наконец, не было и дисциплинарной власти, которая бы имела право и могла вернуть солдата в строй.

Праздное и бесцельное проживание естественно привело к тяге в город. И вот улицы заполняются гуляющими; а более практичные отправляются на вольные работы, продают газеты, семечки, заводят свои маленькие, переносные торговые лотки, подметают улицы, преобразовываются в носильщиков и даже зачисляются в милицию.

Для усиления офицерского состава, его авторитета и единения с солдатами, Корнилов стал производить унтер-офицеров в прапорщики по 20 на батальон. Новые офицеры сразу прониклись идеей порядка; они прилагали все усилия, чтобы воздействовать на солдат, обращались с ними по-своему, не останавливаясь перед рукоприкладством.

Балабин назначал для разрешения всевозможных личных вопросов смешанные комиссии из солдат и офицеров. В большинстве случаев офицерам удавалось удерживать за собою руководство расследований, доводить их до благополучного конца.

Вопрос о реорганизации многочисленных запасных батальонов в полки нормального состава был поднят Корниловым и проведен в приказе. Военное министерство согласилось на него в принципе, но приступить к переформированию не решило.

Власть Главнокомандующего была номинальна. Петроград официально узнал об этом 21 апреля. В этот день Корнилов вызывает батарею и батальон для защиты Верховной Власти против вооруженной «манifestации», устроенной перед Мариинским дворцом. Выступление было организовано большевиками при участии немцев, как выяснилось по делам публициста К. и Степина*. Председатель Совета солд. и раб. депутатов Чхеидзе телеграммой отменяет наряд: вызванные части остаются в казармах. «Только Исполнительному комитету принадлежит право располагать вами», — пишет Чхеидзе в своем обращении ко всем частям гарнизона. Войска послушались Чхеидзе. Права Главнокомандующего упраздняются. Корнилов уходит.

---

* См. главы «Прямые улики» и «Немецкие деньги».

Новому Главнокомандующему Половцову с трудом удастся добиться компромисса, в силу которого приказы будут все же подписываться Главнокомандующим, но обязательно контрассигноваться двумя из шести и точно поименованными членами Исполнительного комитета Совета.

Чтобы стать ближе к солдатам и в противовес разлагающему влиянию Таврического дворца, Половцов заводит так называемое «Совещание при Главнокомандующем», составленное из выборных всего гарнизона. Здесь на собраниях, руководимых Балабиным, делегаты полков охотно следовали сдерживающему призыву разумных указаний. Совещание при Главнокомандующем состояло только из призывных солдат и нескольких офицеров, а потому гораздо вернее представляло полки, чем военная секция Совета. В последней отдельные члены ее нередко одевали в первый раз военные гимнастерки под крышей Таврического дворца, где украшали их своими старыми университетскими значками. Переодеться было совсем нетрудно, так как некоторые полки, особенно большевизирующие: 1-й пулеметный, 2-й запасный, Московский, Гренадерский, разные команды свободно зачисляли в свои списки людей со стороны; они даже проводили их в свои полковые комитеты, как то было, например, в 1-м пулеметном полку. Полковые собрания зачастую переходили в многолюдные митинги, на которые приваливали из города одни и те же летучие резервы, приводимые большевиками. Солдат полка брали измором: часть их постепенно расходилась, а митинги все затягивались и заканчивались революциями, обязательными для полковых комитетов.

Меры, принимаемые Военным командованием, не могли остановить разрушительного действия пропаганды.

Обыкновенно, возвращаясь домой около 3 часов ночи, я проезжал мимо штаба большевиков, занимавшего дом Кшесинской, и всегда видел на площади немного поредевшую за день, но все еще большую толпу солдат. Иногда, сойдя с автомобиля, я пробивался к балкону, с которого говорил очередной оратор. Мои разведчики шли своими путями. Меня просто интересовал вопрос: о чем можно говорить каждые сутки, с утра до такого позднего часа, чтобы иметь столь многочисленную аудиторию. Но выходило так, что здесь не

говорили, а систематически повторяли, а значит, можно думать, сюжет был настолько интересен, что его хотелось прослушать много раз. Речь каждого оратора продолжалась в среднем полчаса. Его без задержки сменял другой. Организованные станции Т. С. Ф.¹ могли бы позавидовать такой пунктуальности, особенно при работе, рассчитанной без малого на круглые сутки. Содержание речей было одинаково и давно нам знакомо из любого митингового выступления. Оно только дополнялось измененными рассказами, цинизм которых не уступал фантазии; но зато неизменно заканчивалось непосредственным призывом, обращенным к солдатам, стоящим под балконом, идти, идти именно им и взять то, что принадлежит другим*. Солдат стоял, молчал и слушал. Рабочие митинговали, возвращались к станкам; они так или иначе были заняты заботами о куске хлеба. Напротив, солдаты жили на всем готовом, гуляли по улицам и выслушивали преувеличенные рассказы.

Уже на четвертом месяце революции гарнизон шел значительно впереди рабочей массы, если не считать нескольких заводских очагов, большевицко-немецких.

Солдаты, составлявшие подавляющую часть всех выступавших в разные дни, все больше и больше отрывались влево по мере подхода к октябрю.

Действие пропаганды в городе поражало своей быстротой. После июльского восстания дом Кшесинской был очищен от большевиков; там был поставлен 1-й самокатный (велосипедный. — *Ред.*) батальон, только что пришедший с фронта. При своем прибытии в столицу солдаты этого батальона обращали на себя внимание своей дисциплинированностью. Их можно было принять за юнкеров. Мы даже не представляли, что на пятом месяце революции можно было увидеть таких отчетливых и выправленных людей.

Командир батальона мне с гордостью говорил, что его солдаты хватают без разговора и приводят к нему всякого проповедника, появлявшегося в расположении батальона.

---

¹ Т. С. Ф. (*фр. télégraphie sans fil*) — беспроводной телеграф. — *Прим. ред.*

* Ленинское «разрешение аграрной проблемы» путем организованного захвата земель.

Через три месяца, в октябре, этот самокатный батальон штурмовал Зимний дворец, в котором закончило свое существование Временное правительство.

Наша удачная экспедиция 18 июня на дачу Дурново лишний раз подтвердила во всех своих подробностях об отсутствии власти Главнокомандующего. В обществе составилось и отчасти сохранилось до сих пор представление, что петроградские войска подчинялись не Главнокомандующему, а Совету солд. и раб. депутатов. Это — большое заблуждение. День 4 июля была та дата, когда Совет мог воочию убедиться, что у него уже нет ни одного солдата: в Петрограде не было войск, а была солдатская толпа, и она никому не подчинялась*.

Мысль о том, что мы не выскочим из этого хаоса без своей собственной организации, ясно сознавалась некоторыми из нас с первых же дней.

Потерпев фиаско со своим предложением открыть отдел пропаганды, но ободренный удачным набором личного состава контрразведки, я сейчас же поехал к Балабину и предложил ему приступить к новому специальному и поименному формированию. Мы составили небольшой проект о «культурно-просветительном отделе при Штабе округа», и Балабин начал хлопоты об отпуске соответственных кредитов. Мы вовсе не хотели мафии, но имели в виду положить начало организации, которая могла бы вывести в нужный момент дисциплинированных людей для поддержки Временного правительства. Судьба ходатайств Балабина была та же, что и других подобных.

В уговариваниях проходят три месяца, и вот в разгар июльского восстания, когда на улицах заговорили пулеметы, Балабин неожиданно, не без иронии приносит приятное известие: «Поздравляю. Временное правительство решило открыть тебе кредит в 250 тысяч рублей на «Культурно-просветительный отдел Штаба округа». О таких суммах мы и не мечтали. Был ли кредит открыт в действительности — мне неизвестно.

---

* Таким образом, Петроградский гарнизон нельзя ни подсчитывать общепринятыми приемами, ни противопоставлять числу штыков.

В сущности, только путем индивидуального набора кадров в тылу и были сформированы впоследствии все русские армии от белых до красных включительно.

Перестроить громадную Императорскую Армию в окопах под лозунгом «спасения революции» оказалось невозможным.

Приложение

В своих «Воспоминаниях» А. И. Гучков сообщает о «больших кредитах», открытых им, как военным министром, Корнилову, на пропаганду в Петроградском округе.

Должен сказать, что узнал об этом через 20 лет. О каких кредитах может быть речь, если Корнилов с таким трудом добился ассигнований на мой шестой стол пропаганды и на необходимую ему контрразведку. По следующей главе можно убедиться, как письменные требования Корнилова передавались военным министром (Гучковым) в Главное управление Генерального штаба, где их «клонило ко дну».

5. СОЮЗНИКИ

Конечно, контрразведка не могла обойтись без зарубежных агентов. Дополнительные сведения из заграницы были особенно необходимы ввиду упрощенного въезда в Россию, а также состояния самого Петрограда. Я уже не говорю о том, насколько было бы важно без моих запросов получать от наших заграничных агентов необходимые предупреждения. При своих первых шагах на обращение по этому вопросу в Главное управление Генерального штаба я получил от Потапова такой ответ, который положительно затмил по своей неожиданности все сюрпризы, когда-либо мне поднесенные этим удивительным человеком.

Он сказал мне, что у Главного управления Генерального штаба нет не только в центральных европейских державах, но даже в Стокгольме, ни одного секретного агента. Ответ был необычный; я невольно усомнился в его правдивости, но своим недоверием только задел Потапова. К сожалению, то был факт, и на получение от Главного управления Генерального штаба столь необходимых сведений раз навсегда следовало поставить большой крест.

Выхожу от Потапова. Чувствую, что опять провалился; но вдруг вспоминаю о союзниках, спускаюсь этажом ниже, вхожу в комнату английской делегации. Меня сейчас же провели к майору Alley (Аллеем. — *Ред.*), которому я сказал, что хотел бы «координировать» нашу работу. Высокий, симпатичный, с открытым лицом англичанин выразил полную готовность идти навстречу моему предложению. Я высказал пожелание о совместной работе, которая могла бы выразиться в дополнении моих сведений данными английской контрразведки за границей.

С майором Alley мы скоро подружились. Он стал, не теряя времени, расширять круг моих связей среди иностранцев.

Английский военный агент генерал Кнох (*Нокс. — Ред.*)¹ поддерживает его инициативу, предлагает свое содействие.

---

¹* *Нокс* Альфред Уильям (1870–1964), Sir Alfred William Knox — английский генерал и политический деятель. В 1911–1918 гг. — британский военный атташе в России, во время Первой мировой войны — глава английской военной миссии при Ставке, в 1917 г. военный агент

Alley устраивает мне свидание с представителем французской делегации *Commandant Guibert* (Жибером. — *Ред.*); таким образом я получаю возможность пользоваться сведениями и из французских источников.

Наконец, министр иностранных дел Терещенко знакомит меня немного позднее с энергичным офицером французской службы — капитаном *Laurent* (Лораном. — *Ред.*), который впоследствии передал мне особенно ценные сведения о большевиках*.

Только через союзников я и получал из-за границы те данные, без которых не может обойтись ни одна контрразведка**.

Нередко они сами привозили интересные разоблачения, но иногда я просил их о наведении какой-нибудь конкретной справки. В этом случае меня никогда не спрашивали о цели задания и обыкновенно через несколько дней привозили самые исчерпывающие телеграфные ответы.

Из острых мер особенно остро чувствовалась необходимость в строгом контроле на границах России, так как лиц, приехавших из-за границы, не было возможности регистрировать в самом Петрограде.

Разобрав подробно с майорами *Alley* и *Guibert* постановку дела в Англии и Франции, я обратился с просьбой в Главное управление Генерального штаба ввести новый метод контроля на границах; но *Потапов* ответил, что ни ему, ни *Раевскому* сейчас некогда заниматься подобными вопросами.

Как раз после столь неудачного разговора, еду на завтрак к майору *Guibert*, где застаю кроме самого хозяина, а также его шефа — генерала *Lavergne* (Лавернь. — *Ред.*) и майора *Alley*. Напомнив собравшимся, что для въезда в Россию открыты всего четыре пункта: Торнео, Мурман, Кяхта и Владивосток, я спрашиваю, согласны ли они прикомандировать на каждый из них по офицеру от английской и французской

в Петрограде. В 1918—1920 гг. возглавлял английские союзные войска в Сибири, активно поддерживал А. В. Колчака. В 1924—1945 гг. являлся членом Палаты общин Британского парламента. Способствовал изданию книги Б. В. Никитина на английском языке в 1938 г.

* См. гл. «Немецкие деньги».

** По старому положению, эти сведения должно было мне передавать Главное управление Генерального штаба.

контрразведки. Наличие таких офицеров дало бы возможность непосредственно использовать их заграничную агентуру. Кроме того, присутствие иностранных офицеров при наших комендантах подняло бы престиж последних, что было положительно необходимо. С полной готовностью и к общему удовольствию, тут же за столом получаю формальное согласие союзников.

К вечеру составляю проект на двух страницах о пограничных пунктах с прикомандированными французским и английским офицерами и применении для въезжающих системы, аналогичной английской, — по трем фотографическим карточкам.

Придавая этому проекту громадное значение именно для округа столицы и боясь, что он может попасть под сукно, решаю провести его прямым путем — через Главнокомандующего во Временное правительство.

Корнилов приписывает свое убедительное заключение, везет мой рапорт в Мариинский дворец, где лично в апреле вносит его на заседание Временного правительства и приводит благоприятный ответ.

Alley, Guibert и я уже празднуем победу. Мысленно укоряю себя, что раньше не придумал такого прямого пути воздействия; несколько дней хожу полный гордости своим новым изобретением. Но... я упустил из виду, что «все дороги ведут в Рим».

Через несколько дней меня срочно вызывает Потапов. К полному ужасу, узнаю у него в руках мою записку; выслушиваю вопли о том, что я наделал, что Главному управлению Генерального штаба предложено свыше дать заключение, а ему положительно нет времени созывать новую комиссию для рассмотрения моих писаний. Тщетно стараюсь объяснить, что мой шеф — Главнокомандующий, вправе подавать свое мнение туда, куда он находит нужным, что никакой комиссии не требуется, а надо только подтвердить состоявшееся уже соглашение с союзниками и дать приказание соответствующему отделению утверждать визы на въезд в Россию только по получении дополнительных сведений из-за границы; что раз он заведомо не может получать таких сведений из русских источников, то их следует взять у иностранцев.

Но раз моему рапорту было предопределено пройти все этапы большой «потаповской дороги», то становилось совершенно безнадежным ожидать осуществления намеченного плана. Корнилов несколько раз настаивал перед Временным правительством, — столько раз Потапов заверял меня, что рапорт будет рассмотрен подлежащими инстанциями; а теперь мне жаль потерянного времени на составление проекта. Но тогда, в 1917 году, мне было еще неловко перед своими новыми знакомыми, что не сумел провести в жизнь столь необходимой общей меры.

Однако наша первая неудача не смутила Alley и Guibert. Они, видимо, знали о моих затруднениях гораздо больше, чем показывали, и твердо решили поддерживать своего союзника — русского офицера.

В последних числах марта ко мне приезжает сильно озабоченный Alley. Он привозит список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин, предупреждает, что их пропустила Германия и что они примерно дней через пять придут к нашей границе. Он хорошо знает, что вопросы о визах меня не касаются, а проходят только через Главное управление Генерального штаба, но выражает сомнение, что последнее в силах воспрепятствовать въезду этих 30 эмигрантов.

Беру список, обхожу три инстанции. Подаю рапорт с протестом Главнокомандующему. Корнилов сам увозит его Временному правительству. Затем в Главном управлении Генерального штаба с удовольствием констатирую, что Потапов совершенно разделяет наше мнение, обещает протестовать, но предупреждает, что визы ставит не он, а Министерство иностранных дел. От Потапова иду к министру иностранных дел. Милюкова не застаю, меня принимает товарищ министра Нератов. Говорю ему, что формально меня эти вопросы не касаются, но никак не могу допустить, чтобы именно на меня, а не на кого другого свалился целый plombированный вагон. Нератов обещает протестовать, сделать все возможное.

Дня через два из всех инстанций получаю всем хорошо известный, одинаковый ответ: по требованию Исполнительного комитета Совета солд. и раб. депутатов, приказано и этим 30 эмигрантам не препятствовать к свободному въезду в Россию.

Вызываю телеграммой коменданта Белоострова, есаула Савицкого, подчиненного Северному фронту.

— «Вот вы, — говорю ему, — все просите у меня живого дела. Вам так хочется вынуть шашку и пройти лавой весь Белоостров. Так я Вам даю задачу много проще: силой или как хотите, но не пропустите их через границу».

Казак выражает полную готовность, много обещает, уезжает. Но, как рассказывал потом, «люди не вышли».

Чем дальше обнаруживалось отсутствие власти, тем большую смелость проявляли наши враги — немцы.

В конце июня капитан Laurent сообщает мне о весьма характерном случае беззастенчивости их наемников.

В Петрограде 18 июня состоялась демонстрация большевиков*. Laurent меня извещает, что за два дня, еще 16 июня, в берлинской прессе приводились подробная программа и все лозунги этой подготовляемой демонстрации, а 20 июня обстоятельный отчет о ней уже появился на страницах «Local Anzeiger». Laurent сообщает, что этот отчет был передан в Берлин по телеграфу через Стокгольм со станции петроградского Совета солд. и раб. депутатов. Эти срочные и заблаговременные донесения уже указывали на существование своего рода «прямого провода» между двумя враждующими столицами.

Приступаю к расследованию. Ехать на станцию Таврического дворца или посылать агентов контрразведки — бесполезно, так как до шкафов с лентами и документами нас Совет солд. и раб. депутатов все равно не допустит, а наше появление лишь вызовет сенсацию, которая повредит расследованию.

Еду к Главному начальнику почт и телеграфов — Похвисневу, своему старому знакомому; запираюсь с ним в его кабинете; объясняю, в чем дело, спрашиваю, есть ли у него верный человек, которого он мог бы послать по службе на советскую станцию, как бы по какому-либо другому делу и чтобы тот извлек мне подлинный текст упомянутой телеграммы и узнал, кто именно ее отправил.

---

* См. гл. «Дача Дурново».

Похвиснев горячо берется за выполнение моей просьбы. На другой день он, смущенный, привозит мне ленту этой телеграммы, которую действительно отправили из Таврического дворца в Стокгольм по адресу Ганецкого. Но говорит, что подлинный текст пропал, а телеграфисты, конечно, точно не помнят, кто был отправитель, но, по-видимому, ее принес из редакции «Правды» Бронислав Веселовский*.

21 июня Laurent передал мне первую пачку иносказательных телеграмм, которыми обменивались лидеры большевиков с заграничными немецкими агентами в Стокгольме**. Дня через два министр иностранных дел Терещенко, переговорив предварительно с Laurent по телефону, привез его вечером к Председателю Временного правительства князю Львову, на квартире которого собрались еще несколько министров, в том числе Некрасов.

Laurent прочел министрам телеграммы и на вопрос князя Львова пояснил, что такой живой обмен телеграммами, сам по себе, независимо от их содержания, является прямой уликой против большевиков, обличающей их в тесной связи с немцами. Князь Львов слушал, но не высказывался. Терещенко склонялся к мнению Laurent. Против выступил Некрасов. Он заявил, что иносказательный характер телеграмм лишает их всякого значения. Laurent настаивал, что именно иносказательный текст заслуживает специального внимания, указывал на фактическую связь, доказанную документально; наконец, сказал министрам, что во Франции таких телеграмм, рассылаемых немцам и получаемых от немцев, во время войны было бы совершенно достаточно, чтобы их отправители были арестованы и преданы суду. Резкое различие мнений Laurent и Некрасова только заострилось.

Некрасов продолжал разъяснять, что телеграммы не могут служить поводом для ареста. Остальные министры колебались. Спорящие стороны остались при своих мнениях; участники совещания разъехались, а колебания все продолжались....

---

* См. гл. «Немецкие деньги».

** Читатель найдет подробный текст этих телеграмм в главе «Немецкие деньги».

Приложение

1 марта 1935 г. Commandant Pierre Laurent скончался.

В 1918 г. в Москве он продолжал свою работу против большевиков, его преследовавших. Скрываясь от них, он заболел в тяжелых условиях дифтеритом, последствия которого и свели его преждевременно в могилу. По описаниям в главе «Немецкие деньги» особенно очевидно, как многим обязана ему русская разведка 1917 года, как много ясности внесли его труды в наше общее дело. Говорю *наше*, так как Pierre Laurent от своего большого сердца до последних минут любил Национальную Россию.

Я надеюсь, что читатель поймет и разделит со мной те чувства восхищения и грусти, которые мне диктуют настоящие строки у свежей могилы нашего друга и союзника.

6. ГЕНЕРАЛ BRANDSTRÖM

Главнокомандующий посылает меня к шведскому послу договориться об обмене пятнадцати военнопленных.

— Я знаю, — говорит Корнилов, — что этот вопрос нас не касается, а подлежит ведению Главного управления Генерального штаба; но шведский посол генерал Brandström (Брандстрём. — *Ред.*) обратился ко мне лично; мне было неудобно отказать и направить его в другое учреждение.

Самый факт обращения генерала Brandström к Главнокомандующему не заключал в себе ничего особенного, так как после объявления войны Швеция официально приняла на себя защиту интересов немецких подданных, оставшихся в России.

Новое поручение как нельзя лучше совпадало с расследованиями, занимавшими контрразведку.

Среди выпущенных из тюрем и бежавших из концентрационных лагерей при февральском перевороте, по нашим сведениям, десятка полтора засели сразу в бест (карточная игра. — *Ред.*) в шведское посольство, чем поставили посла в неудобное положение. Он хотел от них избавиться.

Некоторые из этих незваных гостей, особенно один пожилой врач, настолько осмелели, что выходили погулять по городу. Я не торопился нарушать их мирного режима: за гуляющими ходили мои агенты, выясняли их маршруты и записывали новые адреса.

Еду к генералу Brandström вечером; не называя своей должности, прошу доложить, что к нему приехал офицер от Главнокомандующего.

Посол принимает меня. Начав с обычных приветствий, переходим на длинный дипломатический разговор на французском языке.

Brandström говорит, что у него в Посольстве живет 15 «несчастливых», сильно перепуганных революцией, которых он с удовольствием отправил бы в Германию.

Он делает мне первое предложение — вместо названных 15-ти человек, отпустить из Германии только 7 русских военнопленных. При этом сам же улыбается. Я тоже. Стараюсь отвечать ему в том же духе дипломатической непроницаемос-

ти, без упоминания о прогулках доктора. Говорю, что те несчастные, о которых он заботится, очевидно, так прекрасно устроены в его доме, что другие могли бы им позавидовать. Затем благодарю за столь высокое мнение о русских, которое я всецело разделяю и усматриваю в его оценке, вытекающей из предложения дать двух немцев за одного русского. Но при этом выражаю опасение, что при соблюдении формальностей Главное управление Генерального штаба может не согласиться с нашими расчетами и оказать препятствие.

По существу, я ничего не имел против того, чтобы отпустить спрятавшихся шпионов и других к себе на родину, тем более что их связи были уже достаточно выяснены. Какая тюрьма могла их сохранить до суда и где, наконец, по каким законам они будут отбывать наказание?

В разбираемом частном случае шведский посол весьма кстати не только брался сам их вывезти, но еще являлась возможность вернуть кого-нибудь из концентрационных лагерей Германии. Конечно, я не мог согласиться с его первой арифметической формулой. Brandström осторожно настаивает, ссылаясь на несогласие германского Главного командования, очевидно готовясь к моему контрпредложению с цифрами, переставленными в обратном порядке. Я не заставляю себя ждать — высказываю предположение, что было бы правильно разобрать оба списка поименно, так как легко может оказаться, что следует выписать как раз обратно — 30 русских за 15 немцев.

Свидание затягивается. Посол предполагает запрашивать Берлин через Стокгольм. Встаю уходить, говорю на прощание, что для этих «несчастных», может быть, лучше всего остаться в посольстве, и прошу, на всякий случай, записать адрес и мою должность — «Начальник контрразведки».

Едва успел я произнести эти фатальные слова, как мне пришлось, уступая выразительным жестам Brandström, снова занять свое место.

Он долго молчал. Мы сидели друг против друга, не произнося ни слова, как долго — не знаю; мне казалось, бесконечную минуту, пока я не заговорил первый. Я сказал, что дело военнопленных не может у нас вызвать разногласий, тем более что я со своей стороны всецело поддерживаю же-

ление Главнокомандующего оказать любезность лично шведскому послу, а потому полагаю, что вопрос можно закончить теперь же, обменяв 15 на 15, но, конечно, против тех, находящихся в Германии, кого выберет Главное управление Генерального штаба. Заканчиваю свое предложение уверенностью, что Главное немецкое командование, очевидно, тоже пожелает сделать любезность послу Швеции и не замедлит изменить свои инструкции. Brandström соглашается. Поблагодарив друг друга, мы расстаемся после долгого рукопожатия.

На другой день утром мне докладывают, что ко мне приехал шведский посол. Принимаю его в своем кабинете. Он входит в сопровождении свиты из трех старших чинов посольства; говорит, что приехал с визитом, представляет мне своих спутников. Рассаживаю гостей. Об обмене пленных — ни полслова.

Brandström высказывает пожелание, чтобы наше знакомство не прекращалось. Наши «длинные дипломатические фразы» исчезают. Он любезно просит меня обращаться к нему лично по всем вопросам, которые будут относиться к его ведению. Мы расстаемся в наилучшем настроении, в прекрасных отношениях. Я несколько раз заезжал к Brandström, по делам одного госпиталя, где самоуправство военнопленных доставляло много хлопот контрразведке, а главным образом, по вопросам о полчищах военнопленных, которые, пользуясь режимом свободы передвижения, начали показываться на митингах. В провинции бывали случаи массового участия немецких солдат в большевицких демонстрациях. Большевики трубили по этому поводу о торжестве интернационала; но Brandström, не разделяя их точки зрения, соглашался со мною, что интернационал пока что выходит односторонним. В Петрограде не доходило до массового выступления военнопленных. Но отдельных из них, называющих себя больными, здоровых, переодетых и всяких, мои агенты часто вылавливали и на улицах, и на митингах, особенно в районе Финляндского вокзала. Brandström всегда очень охотно помогал мне брать их на учет. Положение его, как посла нейтральной державы, принявшей защиту интересов подданных нашего противника, было, конечно, крайне трудным.

Падкая на дешевые сенсации молва сплетала кругом посольства всевозможные простейшие легенды о шпионаже. Их авторы не давали себе отчета, что шпионы ищут скрытых путей, а не открытой вывески. Вероятно, эти необоснованные слухи задевали Brandström, побудили его со мною ближе познакомиться, демонстративно представить мне своих старших подчиненных.

В наших встречах он всегда строго соблюдал нейтралитет, я оставался в официальных рамках. Только мы не вели игры, как при первом свидании. Я видел его всегда таким, каким он был у меня с ответным визитом — приветливо настроенным, как мне казалось, — ко мне расположенным и всегда лояльным. Именно таким сохраняется он в моей памяти.

7. ПРЯМЫЕ УЛИКИ

В начале апреля появляется в Петрограде известный публицист К.¹ Он прямо из Стокгольма и, остановившись в гостинице «Европейской», начинает вести свой обычный широкий трэн (от *фр.* *traine* — ловля рыбы бреднем. — *Ред.*). Но не проходит и несколько дней, как до меня доходят сведения, что К. будто бы послан в Россию немецким Главным штабом для выполнения каких-то важных поручений. Наблюдение контрразведки на первых же шагах усиливает первое неясное подозрение. К. трактует (то есть ведет переговоры, от *фр.* *tractation* — переговоры. — *Ред.*) с несколькими членами Совета солд. и раб. депутатов о заключении сепаратного мира Германии с Россией*. Одновременно выясняется, что К. хочет приобрести контрольный пакет русской газеты с большим тиражом; но его первые поиски в этом направлении не имеют успеха. Конечно, он не открывает источников кредитов, но тем не менее ему отказывают. Наблюдение за К. усиливается, и скоро одна за другой открываются все немецкие карты его преступной игры.

Нам становится известным, что он привез с собой проект договора о сепаратном мире, составленный немецкой Главной квартирой. Мы уже знаем, что в первом пункте этого договора, перед перечислением условий оставлено место в кавычках для проставления даты, а за этим местом стояли слова: «месяца мая сего года», когда должно начаться перемирие. У нас начинает слагаться впечатление, что ему через скандинавские страны открыты кредиты до 3 миллионов рублей на приобретение газеты для пропаганды германофильских идей.

Следить за ним среди общего развала, особенно за его корреспонденцией, было очень трудно.

Но как ни был хитер К., но склонность к широкой жизни заставила его делать промахи; некоторыми из них и удалось воспользоваться. Я не мог утверждать, что вся его корреспонденция попала на мой письменный стол; я не мог рассчитывать

---

¹ Под этой криптограммой автор скрыл имя И. И. Колышко. Новые сведения о нем см. в Приложении 3. — *Прим. ред.*

* Этот факт был также известен Г. Эрлиш.

собрать о нем исчерпывающие данные. Но и того, что удалось получить, оказалось достаточно, чтобы на основании документов выделить его в группу лиц, продавших Россию немцам.

Среди телеграмм, отправленных К. в Стокгольм, из тех, что попали мне в руки, обращали на себя внимание сообщения о трениях в каком-то «бюро» и о «Богданове», служившем в этом бюро. Большая часть телеграмм шла в Стокгольм по адресу госпожи Брейденбейд, а некоторые из них — на имя Гуревича. Все они были на французском языке. Содержание нескольких в переводе дословно такое: «Из-за несогласий в бюро ожидаются скорые перемены его состава», — «Богданов, по всей вероятности, скоро покинет бюро», — «Богданов покидает бюро», — «Переведите полмашины в Стокгольм, полмашины в Христианию»¹. Эти телеграммы обыкновенно были зашифрованы довольно примитивным шрифтом — вставкой лишних слов в известном порядке. Читать их стало совсем просто после того, как удалось скопировать шифр, которым пользовался К.

Приурочивая содержание телеграмм к известным политическим событиям, талантливый судебный следователь В. уже через 2 недели высказал мне гипотезу, что если в телеграммах К. заменить слово «бюро» словами «Временное правительство», а «Богданов» — «Милюковым», то по датам эти телеграммы приобретают значение точных донесений о несогласиях среди членов Временного правительства и удаления министра иностранных дел Милюкова. Как известно, Милюков стоял за безоговорочное продолжение войны и в этом вопросе поддерживался политикой английского посла Бьюкенена.

Эти предположения мы считали уже весьма обоснованными после получения мною двух телеграмм, отправленных К. одновременно: одной, зашифрованной, на имя Брейденбейд, а другой, официальной, своему частному знакомому, русскому послу в Швеции Н., телеграмм, посланных вслед за уходом Милюкова. Первая гласила: «После разногласий Богданов удален из бюро». Вторая — «Ожидается назначение Терещенко. Искренне поздравляю»*.

---

¹ Христиания — столица Норвегии, с 1925 г. — Осло.

* Милюкова сменил Терещенко.

Чтобы проникнуть в дело К., мне необходим был Стокгольм, и майор английской миссии Alley с неизменной готовностью точно выполнял по телеграфу мои многочисленные просьбы. На исполнение каждой из них уходило всего 2—3 дня. Этим путем мне и были доставлены почти все перечисленные телеграммы, которые я отчаялся разыскать в Петрограде. Майор Alley установил через английскую разведку в Стокгольме, что Брейденбейд интимно связана с К.; уже через неделю он привез мне ее фотографические карточки и доказал, что она постоянно сносится с немецким Главным штабом.

Тем временем К. продолжал объезжать редакции больших газет. После неудачных попыток в Петрограде он задумывает поехать на несколько дней в Москву постучаться в «Русское Слово». С ним в вагон, будто случайно, усаживаются неизвестные ему спутники, возглавляемые Каропачинским.

Тут, при отходе поезда, происходит небольшое приключение с двумя дежурным агентами, тоже приехавшими на вокзал по следам К. Второпях снаряжая Каропачинского, мы не успеваем послать им приказание не ехать по железной дороге. Эти двое доходят до станции, но здесь их останавливают советские рогатки, для прохода которых надо иметь пропуск на выезд из Петрограда, а достать его мог далеко не всякий. Они спешат в комиссариат станции; но милиция относится к их объяснениям с недоверием, а также к их документам, усматривая в наших двух агентах скрывающихся контрреволюционеров, желающих бежать от суда народного. Время уходит в разговорах, а на платформе один за другим раздаются звонки, уже слышится свисток паровоза. Тут один из двух, выдающийся старший агент Касаткин, не выдерживает: не желая расстаться с К., он, к удивлению бдительной стражи, бросается в дверь, выскакивает на платформу, бежит к отходящему поезду, вскакивает на подножку и уносится, как был, — без билета и без денег — в неизвестное для него направление. Уже в вагоне он, к удивлению своему и радости, попадает на Каропачинского.

После бегства Касаткина положение его оставшегося коллеги становится совсем незавидным. Его арестовывают, допрашивают, передпрашивают, препровождают в Тавриче-

ский дворец и уже оттуда, внимая просьбам самого потерпевшего, под конвоем доставляют в контрразведку.

Поездка в Москву нам представлялась как путешествие в неизвестное государство. Мне было неясно, что происходит в Округе моего соседа, а о сношениях шифрованными телеграммами нельзя было и подумать. Снабжаю Каропачинского на всякий случай письмом от Переверзева к прокурору Московской Судебной палаты об оказании ему всяческого содействия.

В «Русском Слове» К. также постигает неудача. Каропачинский едет в редакцию узнавать подробности и на вопрос, почему газета так категорически отвергает сотрудничество К., один из редакторов ответил, что еще перед революцией, примерно в 1916 году, К. прислал несколько статей, но их редакция не пропустила. «Внешним образом статьи эти, — говорит редактор, — удовлетворяли всем условиям для напечатания: темы интересны и в высшей степени патриотичны, а форма изложения не оставляла желать лучшего. Однако после прочтения у вас остается какой-то неприятный осадок — *aggrège goût* (*фр.* привкус. — *Ред.*); вы лишены возможности обличить автора, ибо его выводы одинаково патриотичны, как и все содержание. Но на его статью у вас самого вывод напрашивается совершенно иной, а в результате мысли, им затронутые, оказываются для вас отравлены».

В Москве мои агенты переусердствовали: К. замечает, что за ним следят, старается замести следы, проходит через дома с двойными выходами, через общественные места, фойе театров и т. п.

Через несколько дней он возвращается Петроград, где продолжает вести переговоры и главным образом через своих старых знакомых публицистов. Убедившись, что большая пресса не склонна воспользоваться предлагаемой ей поддержкой, К. начинает обращаться в небольшие газеты, которые «держал до сих пор в резерве». Так, по крайней мере, выражался он в разговоре с некоторыми из окружавших его друзей.

Из лиц, посещавших К. в этот период, к нам в первый раз попадает на учет некий Степин. Наблюдение сразу подтверждает его активную роль среди большевиков, а самостоятельное расследование, законченное уже после дела К., обнару-

живает, что Степин был агентом Ленина по найму солдат и рабочих для участия за деньги в демонстрациях большевиков.

К Степину мы вернемся еще несколько раз. С К., по моим сведениям, он часто виделся. О том, что К. мог передать какие-нибудь деньги Степину, не могло быть и речи: небольшие авансы, полученные им в Стокгольме, иссякли; он сам уже начинал испытывать денежные затруднения. У меня составилось тогда впечатление, что через этих двух людей связывались две различные немецкие сети.

Наконец, 18 мая секретные агенты сообщают, что в 5 часов дня К. окончательно заключил договор с какой-то газетой, а наружное наблюдение доносит, что он провел эти часы у Нотовича, в редакции «Петроградского Курьера». Отсюда нетрудно было сопоставить, с кем состоялась сделка.

Расследование продолжалось месяц; затягивать дальше я уже не хотел, тем более что по тексту договора о сепаратном перемирии оно должно было начаться в мае, а май подходил к концу. Но, с другой стороны, в те времена для ареста кого-нибудь из тех, кто имел заступников в Совете солд. и раб. депутатов, надо было вооружиться прямыми исчерпывающими уликами по обвинению в шпионаже. Да и в таких случаях в контрразведку вваливалась банда с криками «охранка!» и обещаниями стереть нас «в порошок»; а заключенного выпускали на свободу в день демонстрации.

Так или иначе, найти Степина с деньгами было недостаточно; за ним следовало последить, чтобы точно доказать происхождение денег и представить юридические доказательства. Эти соображения привели меня к решению закончить дело К. по приобретению газеты и заключению сепаратного перемирия. Но до поры до времени отмежевать от него Степина и компанию.

Таким образом, я не показывал большевикам, что мне известен один из путей расходования денег, и тем получал возможность не повредить новому расследованию.

Министр юстиции Переверзев был в курсе всех подробностей. Он одобрил мое решение и сам предложил заключить К. прямо в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, так как собранные данные уже приводили к ясным выводам. Как генерал-прокурор, он выдал мне на это специальный ордер.

Главный вопрос, который меня заботил, было обязательно найти текст договора о сепаратном перемирии и осторожно осветить связи Степина. Для сего являлось необходимым широкое производство обысков. Того же требовали и финансовые связи К. Поэтому пришлось мобилизовать всех юристов контрразведки, а также пригласить двух финансовых экспертов. Но так как и этих сил оказалось недостаточно, то Переверзев прислал судебного следователя, которому предстояло передать следствие в Министерство юстиции.

В ночь с 22-го на 23 мая я произвел в Петрограде 19 обысков и 5 арестов, а одновременно же в Москве моим личным составом — 6 обысков.

В гостиницу «Европейская» пришлось выехать самому, чтобы по ходу дела тут же решить еще 2 обыска: мне было известно, что в финансовой комбинации К. принимали участие два датчанина из живущих в гостинице; но кто именно — я не знал; там же их проживало пять.

Все прошло в полной тишине, если не считать одного маленького происшествия.

Дело в том, что во время своих разъездов по Петрограду К. несколько раз виделся с так называемым «королем биржи» — Манусом¹. Предвидя, что для реализации крупных кредитов, открытых К., ему придется провести ряд финансовых операций, я не мог оставить без внимания эти визиты к Манусу, тем более что комбинации были направлены на скандинавские банки, а контрразведка подготавливала именно по этим путям на Германию свое самостоятельное выступление.

Учитывая все обстоятельства, я подписал ордер на обыск у Мануса, хотя не имел против него никаких улик. Около 2-х часов ночи мне в «Европейскую» позвонил по телефону дежурный по контрразведке, товарищ прокурора Гредингер, и доложил, что молодой юрист, посланный к Манусу, не был впущен последним в его квартиру, а на предложение открыть

---

¹ Манус Игнатий Порфирьевич — мещанин из Бердичева, разбогатевший на биржевых спекуляциях в Петербурге. В годы 1-й мировой войны был обвинен в шпионаже в пользу Германии. Франц. посол М. Палеолог считал его «главным распределителем германских субсидий». В 1918 г. арестован большевиками, 30 октября приговорен к расстрелу за предложение взятки комиссару.

дверь именем Главнокомандующего, Манус открыл стрельбу из револьвера.

Я приказал Гредингеру поехать лично, выломать дверь и привести Мануса в контрразведку, что и было исполнено. Манус объяснил свое сопротивление тем, что думал, будто к нему явились не представители власти, а шайка, прикрывавшаяся именем Главнокомандующего.

Заключительный акт не только подтвердил предварительные выводы, но, не скрою, по ценности улики то, что мы получили на обысках, превзошло наши ожидания.

Проект сепаратного договора Германии с Россией был найден в чемодане самого К. Он состоял из 12 печатных листов большого формата. По одному из печатных приложений к договору можно было заключить, что при его передаче в Стокгольме К. должен был получить авансом в два приема 20 тысяч рублей; при этом тут же оговаривалось, что означенная сумма должна быть увеличена, но не указывалось, до какой цифры, и было неясно, к какому именно времени.

В самом тексте бросалось в глаза требование самостоятельности Финляндии и Украины; о других народностях ни слова. Меня тогда же поразило совпадение, что Ленин в своей пропаганде также не переставал призывать к отделению только Финляндии и Украины; я даже решил приобщить к делам Ленина и этот договор в немецкой редакции, как косвенную улику*.

Нотович сразу же подтвердил, что продал К. свою газету «Петроградский Курьер». Он говорил, что не знал о происхождении денег. Уступая просьбе моих следователей, я его отпустил.

---

* Уже много позднее я узнал, что отношение Ленина к финляндскому и украинскому вопросам удивило не меня одного, но даже... Дзержинского. Ученик Розы Люксембург, Дзержинский выступал против права наций на самоопределение. На конференции большевизской партии 24—29 апреля 1917 г. Дзержинский обвинял Ленина в покровительстве сепаратистским тенденциям, ослабляющим пролетариат России, он сказал: «Я могу упрекнуть его (Ленина) в том, что он стоит на точке зрения польских, украинских и других шовинистов». (См. *Троцкий. Февральская революция*, с. 364.) Очевидно, интернационалист Ленин провозглашал самоопределение Финляндии и Украины согласно обязательств, принятых им перед немцами.

Но самое главное было привезено на другой день из Москвы, это — собственноручное письмо К., написанное им, когда он был в Москве, но не отправленное по почте, а переданное «шведу» Дитрихсу для провоза через границу в Стокгольм, письмо, адресованное Брейденбейд.

Дитрихс не успел выехать в Стокгольм: он был обыскан, как близкое к К. лицо, с которым последний часто виделся, когда ездил закупать «Русское Слово».

Письмо на 8 страницах на французском языке. Его читали в оригинале все юристы контрразведки, а также Переверзев. Оно было сфотографировано в нашей лаборатории. Одну из фотографий я поднес на память Переверзеву. Оригинал был, конечно, передан следователю.

На первой странице, после обычных приветствий, — аллегория — сравнение России с густым лесом, сквозь чащу которого с трудом пробирается К. Со второй страницы дословно: «Мы много работали, чтобы «chasser» (*фр.* — прогнать) Милюкова и Гучкова. Теперь почва подготовлена: «a bon entendeur salut»*.

Гучков, военный министр, вышел из состава Правительства 28 апреля, почти в один день с Милюковым.

Далее следует очень красноречиво изложенная просьба — скорей передать партии центра Рейхстага, чтобы она перестала бряцать оружием, и доказать этой партии, что ее непримиримые требования аннексий и контрибуций губят Германию. Тут же указывается, что Ленин не соглашается поддерживать эти требования. Эти, сказал бы, настойчивые указания и советы партии центра Рейхстага занимали около половины письма. Наконец, уже близко к концу, просьба — перевести полмиллиона рублей через Стокгольм, полмиллиона — через Христианию.

Маленькая деталь: в последней фразе заключался ключ к прочтению некоторых телеграмм, о которых я упоминал в начале. В них предстояло заменить слово «машина» — миллион.

Следует ли останавливаться после такого письма на других компрометирующих, но уже второстепенных документах?

---

* Галлицизм, трудно переводимый буквально, но смысл таков: «Имеющие уши да слышат».

Например, на тех двух письмах, что передал мне Нотович? Мы считали, что письмо К., в котором он сам описал свою деятельность и так горячо обращался к партии Рейхстага, составляет прямую улику. Этот документ не меньше говорит о его виновности, чем договор на 12 печатных листах, с коим он обращался к членам Совета.

Имя К., его литературные дарования и острое перо были хорошо известны русскому обществу. Поэтому легко себе представить сенсацию, вызванную его арестом. Уже на другой день печать была полна всевозможными подробностями и толкованиями, которые уходили на бесконечность от действительности. Она не знала мотивов обвинения, и в общую группу лиц, причастных «к какому-то делу по шпионажу», летели и те, кто не имел к нему никакого отношения. В частности, незаслуженно компрометировались и все, кого я сознательно ввел в орбиту передвижений К. В то же время у меня появились опасения, что чрезмерная огласка закроет пути к новым, вытекающим из дела, расследованиям, особенно относящимся к Степину. Тогда я решил попробовать прекратить сообщения печати и здесь зафиксирую то болезненно-чуткое отношение русской прессы, которым она встретила обращение контрразведки. Я послал короткое циркулярное письмо редакторам во все без исключения 30 газет в Петрограде такого содержания:

«В печати появились сведения по делу об аресте К. Преждевременные комментарии могут незаслуженно бросить тень на чье-нибудь доброе имя, а также повредить расследованию. Если вы, г. редактор, разделяете это мнение, то прошу вас передать мою просьбу вашим сотрудникам временно воздержаться от какого бы то ни было выступления в печати по этому делу».

На другой день все 30 газет совсем забыли о К. На нем тяготело слишком грозное обвинение; общественная мысль всех политических оттенков ответила характерным общим молчанием, что у нее нет двух мнений о том жутком понятии, которое связано со словом «измена». Только июльские события показали, что для большевиков даже за этой роковой чертой разрешается сделать исключение.

Положение К. в Трубецком бастионе было незавидное: ему не было известно, что именно знает контрразведка.

Искусный систематический допрос талантливый следователь В. постоянно ставил К. в необходимость приводить все новые объяснения, а когда следователь открывал одну из своих новых карт и спрашивал, почему она противоречит предыдущим протоколам, то наступал очередной провал.

Материалы, извлеченные из дела К., были многочисленны и разносторонни. Сами по себе значительные задачи по приобретению газеты и даже заключению сепаратного мира побледнели и отодвинулись на второй план перед роковым вопросом об участии немцев в организации беспорядков, а в частности — вооруженной манифестации 21 апреля.

Как известно, последняя была вызвана дополнительной дипломатической нотой, посланной Временным правительством Союзным державам. Нота была перед тем несколько раз переработана под угрозой Совета и Организационного комитета социал-демократической партии, требовавших не только отказа от завоевательных планов, но и инициативы первых шагов для выступления совместно с Союзными державами на пути мирных переговоров. В окончательной редакции дипломатическая нота Милюкова не удовлетворила пораженцев и немцев, так как в ней говорилось о стремлении довести мировую войну до решительного конца и желании отразить врага.

Посещавшие Степина чаще других рабочие, среди них от завода Парвиайнен и солдаты Финляндского полка, выступили против оттенков ноты, а сами в целом не могли ее даже прочесть ввиду их безграмотности*.

Всем нам памятны флаги и значки большевиков, развевавшиеся 21 апреля на Мариинской площади. Мы читали на них громадные надписи: «Долой Милюкова и Гучкова!», о работах по удалению которых доносил К. госпоже Брейденбейд. Оба министра через несколько дней расстались со своими портфелями. Открытое давление членов Исполнительного комитета Совета солд. и раб. депутатов на Милюкова, их идеологическое воззвание об отказе от аннексий и контрибуций, воззвание по редакции делегата немцев Роберта Гримма и обращенное ни больше ни меньше, как к народам всего мира — все это поддерживалось угрозой не только боль-

---

* См. гл. «Немецкие деньги».

шевиков, но не грамотных вооруженных солдат, нанятых Степиным для выхода на небольшую Мариинскую площадь*.

Естественное течение русской революции извращалось искусственно извне. И чем больше это искусственное давление ободряло носителей чистой доктрины или совпадало с удобными для толпы лозунгами, тем оно имело больший успех и приводило к крайностям. Так должны были идти немцы, как до сих пор подсказывала логика. И вот, наконец, появляется первый достоверный факт: перед нами стояли публицист К. и Степин.

При встрече с ними у меня, конечно, возникла мысль опубликовать добытые материалы как доказательства, что не всегда требования толпы и делегаций диктуются только волей русского народа. Поэтому в мае я составил конспект исследования для помещения в печати и представил его через генерал-прокурора Временному правительству. Я получил ответ, что очень интересно, но не своевременно для опубликования. Это решение имело известное обоснование, так как дело Степина еще не было закончено.

«Не беспокойтесь, Борис Владимирович, — сказал мне следователь В., — предоставьте действовать мне, только не спрашивайте, как именно, если доверяете».

На следующий день В. мне сообщил, что поехал с конспектом к потерпевшему Милюкову, полагая, что это верный путь, чтобы довести до прессы хоть часть разоблачений. Он не ошибся. Через несколько дней на соединенном заседании членов Государственной Думы Милюков произнес речь, в которой коснулся части конспекта.

Новые пересечения линий, вышедших из дела К., пошли в дальнейшую разработку. Но с этого момента, по просьбе своих следователей, я перестроил внутреннюю сеть и сознательно отступил от принятого правила единоличного ведения секретными агентами. Выдача им заданий при большом напряжении отнимала много времени, в ущерб другим делам. Я раздал секретных агентов на руки своих помощников.

Судьба К. зависела от превратностей революции. После нескольких неудачных попыток защититься он стал ссылать-

---

* О Р. Grimme см. гл. «Из журнала контрразведки».

ся на недомогание и просил перевести его в больницу. Переверзев видел в этих просьбах только искание новых путей к освобождению и прочно держал К. в Трубецком бастионе, пока оставался министром.

В сентябре того же года, находясь на Кавказе, я прочел телеграмму из Петрограда, что министр юстиции Малянтович выпустил К. на свободу под залог в 30 тысяч рублей. Дешево же, почти даром обошлись ему 12 листов сепаратного договора и письмо Брейденбейд, не говоря уже о всех остальных бесплатных приложениях!

8. ЧЕРНОВ

Временное правительство первой коалиции пришло к власти через вооруженную демонстрацию 21 апреля, организованную большевиками на немецкие деньги*. Оно насчитывало в своем составе 6 социалистов, среди которых министром земледелия состоял член центрального комитета партии социалистов-революционеров В. Чернов¹.

Как-то в мае я заехал в Английскую миссию. «Посмотрите, какое интересное сведение», — сказал мне майор Alley, достав из письменного стола небольшую книжечку. В руках его оказался секретный справочник английской разведки издания 1916 года.

Alley раскрыл справочник, положил передо мной, и мы вместе прочли, а я тут же кратко записал в переводе следующее резюме прочитанного:

«Бывший австрийский консул во Флоренции Пельке фон Норденшталем после объявления войны Италией переехал в Швейцарию. Там он специально вербовал политических деятелей для работы в пользу Центральных держав. Одним из привлеченных им для такого рода деятельности был Чернов».

Alley загадочно улыбается. У меня захватило дыхание. Действительно, очень интересно.

Попросить его достать какие только можно подробности, я погнал автомобиль к министру юстиции.

Застаю Переверзева одного в своем малом кабинете. Он сидит за письменным столом и что-то пишет. Кладу перед ним записку и в двух словах называю источник сведений.

Переверзев читает, вскакивает и молча быстро идет к двери.

— Пойдите, Павел Николаевич, — говорю ему вдогонку, — у меня к вам еще несколько вопросов.

---

* См. гл. «Немецкие деньги».

¹ Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик. В рев. движении с конца 1880-х гг. Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. Вернулся из эмиграции в апреле 1917 г. Министр земледелия Врем. пр-ва, предс. Учредительного Собрания, после его разгона большевиками — в эмиграции.

Переверзев останавливается, поворачивается:

— Да разве после этого могу я чем-нибудь заниматься! — машет он моей запиской и скрывается за дверью.

Встречаемся вечером. Мрачен и неразговорчив.

— Ну, как, Павел Николаевич?

— Мне сказали, что эти сведения из старого департамента полиции, который их выдумал нарочно!

— Что вы, что вы! Да ведь эти данные напечатаны английской контрразведкой, а не русским охранным отделением. Наконец, как же правительство может игнорировать это донесение?

— Говорил...

Я не спросил, к кому именно он обращался. Не подлежит сомнению — к другим своим коллегам по Правительству.

Здесь перед нами разыгрывается удивительнейшее явление. Чернов был не только министром, но и входил в состав Правительства, которое представляло Верховную Власть страны. Верховная Власть не удаляет этого министра, но в то же время не игнорирует полученные о нем сведения. Напротив: все начинают взапуски предупреждать друг друга, рекомендуя быть осторожным и воздержаться говорить о военных делах в его присутствии. Так было, например, на заседании 3 августа, происходившем при участии Верховного Главнокомандующего Корнилова. Наконец, бывали случаи, что в присутствии Чернова министры осторожно дергали один другого за рукав. Такая аномалия являлась еще одним противоречием правительства среди многих других; она имела свои объяснения. Совет солд. и раб. депутатов очень считался с партией эс-эров, особенно первые месяцы. А Чернов — видный эс-эр — был даже председателем съезда своей партии, который состоялся в Петрограде с 25 мая по 4 июня. Он имел большое влияние и так умело провел съезд, что Керенский оказался забаллотированным и не попал в Центральный комитет партии.

После июльского восстания неприятные для Чернова слухи поползли в печать в период второго кризиса власти. Поднятые нами два месяца назад, они на этот раз исходили из старых эмигрантских кругов, подтверждали правильность документов Департамента полиции, отнюдь не противоречили указаниям английской контрразведки и сводились к следующему.

В 1915 году в Париже Чернов со своими единомышленниками пробовал издавать газету «Жизнь», но за отсутствием средств она не замедлила прекратить свое существование. Тогда в октябре того же года Чернов переселяется в Швейцарию. В Женеве Чернов, Натансон¹, Камков², Зайонц³, Диккер, Шапшелевич и другие, пользуясь германскими субсидиями, организывают «Комитет интеллектуальной помощи русским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии». Этот комитет издавал на немецкие деньги журнал «На чужбине», который бесплатно рассылался на немецкие же средства по лагерям русских военнопленных*.

В апреле 1917 г. Савинков, Дейч, Алексинский⁴, Чернов и другие возвращаются на пароходе в Россию; с ними же несколько десятков русских солдат, бежавших из немецкого плена через французский фронт. К последним подходят Чернов и Алексинский. Чернов спрашивает: читали ли они журнал «На чужбине» и как он им понравился.

Ответ: «Не очень». Чернов: «Почему?» Солдат поясняет: «В нем писали хорошо лишь о Германии, а о нашей России говорили только дурно». Разговор обрывается.

---

¹ *Натансон* Марк Андреевич (1851—1919) — народник, с 1905 г. эсер, в 1917 г. левый эсер, после октября — член Президиума ВЦИК.

² *Камков* (Кац) Борис Давидович (1885—1938) — один из лидеров лев. эсеров. Во время 1-й мир. войны — интернационалист. После октября — член ВЦИК, затем на сов. хозяйственной работе.

³ *Зайонц* (он же Хаимов Марк Мендель) — мещанин г. Седлеца, эсер.

* Судить о направлении журнала можно по воспоминаниям Г. Алексинского: «Souvenir d'un condamné à mort» — page 3—4.

⁴ *Алексинский* Григорий Алексеевич (1879—1965?) — потомств. дворянин, участник студ. рев. движения, уч. революции 1905—1907 гг., член РСДРП, деп. 2-й Гос. Думы, с 1907 г. в эмиграции. После февраля вернулся в Россию, в апреле 1917 г. вступил в редакцию плехановской газеты «Единство». 4 июля 1917 г. заявил петроградскому комитету журналистов, что большевики, в том числе и Ленин — агенты германского Ген. штаба. Предс. Петросовета Чхеидзе рекомендовал редакциям газет не публиковать эту информацию, но газета «Живое Слово» напечатала ее. В 1918 г. арестован, отпущен на поруки. Бежал за границу, в эмиграции занимал однозначно антибольшевистскую позицию.

Напомним, что за люди сидели в этом гнезде.

Связи Натансона с Германией доказывать излишне: о них в свое время достаточно сказал тот же эс-эр Савинков.

В отношении Зайонца, по донесениям военного агента в Швейцарии, было установлено, что он вошел в тесные сношения с вышеназванным А. Пельке фон Норденшталем. Зайонц же, кстати, предлагал ему свои услуги для доставки материалов для покушений.

Наконец, Камков получает деньги с одной стороны от того же Пельке фон Норденшталем; а из другого кармана — от германского вице-консула в Женеве Гофмана.

Про Чернова старые эмигранты говорили так: лично он не состоял в непосредственных сношениях с Пельке фон Норденшталем, — деньги приносил Камков; но Чернов знал, чьи это деньги, знал, за что они даются, и ими пользовался за свои труды, которые отвечали полученным заданиям. Именно при таких подробностях я не видел разницы, получал ли он сам деньги непосредственно от Пельке, или их приносил от того же Пельке Камков, тем более что роль последнего ни у кого не вызвала сомнений. Напротив, некоторые старые эмигранты до сих пор усматривают большое различие между этими двумя способами передачи денег, а мне ставят в упрек, что я не проверил сам на месте сведений английского секретного справочника.

В 1917 году в Петрограде я не мог доказать, передал ли в Швейцарии два года тому назад Пельке деньги Чернову из рук в руки. Если они виделись, то вряд ли в присутствии понятых. Поэтому, раз я не могу доказать, то, по строгому принципу, которому следую при составлении настоящих строк, я не считаю себя вправе утверждать, что Чернов лично виделся с Пельке, и не могу настаивать на этой детали.

Мне часто возражали, что он циммервальдовец* и совсем не скрывает своих пораженческих убеждений. Чернов — интернационалист, у него нет отечества.

Но, несмотря на все значение Интернационала и ужасы Великой войны, наша эпоха глубоко национальна. Он, пора-

---

* Участник интернациональной социалистической конференции 9—12 сентября 1915 г. в Циммервальде.

женец, — был министром, во время войны; а в 1918 году Чернов — интернационалист — становится председателем первого русского Учредительного Собрания. Ну, а тогда, в 1917 году, газеты заговорили о его деятельности в Швейцарии со слов патриотически настроенных левых эмигрантов, а вовсе не по доносам Департамента полиции, который всегда почему-то все выдумывал нарочно!

Чернов даже вышел из состава министров, чтобы, как он заявил, реабилитировать свою честь; но третейский суд так и не состоялся. 22 июля Центральный комитет социалистов-революционеров постановил выяснить дело в трехдневный срок, а до того времени эс-эрам в Правительство не входить.

Кризис затягивался. Министр Некрасов и другие приложили все усилия, чтобы свести «недоразумение» на нет и Чернов благополучно вновь стал министром*.

Но с какой легкостью не зачеркивать все, что было против него, — конечно, кроме того, что свидетельствовало само левое крыло старой эмиграции, мы вплотную подходим к психологии Ленина: один разрушал Россию в 1916 году, а другой в 1916—1917 гг.

---

* Слово «недоразумение» сказал Некрасов.

9. ДАЧА ДУРНОВО

На берегу Невы, совсем недалеко от заводов Выборгского района, стоял двухэтажный дом, окруженный великолепным парком. Вся усадьба с началом революции была захвачена небольшой группой выпущенных на свободу грабителей. И вот вокруг живописного уголка нашей столицы одна за другой начинают слагаться легенды, нередко самого противоречивого содержания. Взвинченное воображение чего только не приписало этому поистине «заколдованному месту», история с которым невольно приводит на память всем известный рассказ Гоголя. Слухи быстро облекались в фантастические образы; а образы жонглировались на митингах увлекающимися демагогами, глаголящими устами «самого народа».

На эти признаки много энергии и времени потратил Всероссийский съезд Советов, собравшийся в Петрограде 3 июня*. Присутствие на даче одного-двух анархистов в устной передаче сразу же выросло в целую группу анархистов-активистов. Митинг в 123 человека разного рода клиентов прокурорского надзора без особого усилия воображения разросся в полномочное собрание анархистов-коммунистов, посылавшее по той же летучей почте в Таврический дворец свои ультиматумы и угрозы вооруженных демонстраций. А тут же, 14 июня, еще и Либер¹ сообщил о ядре каких-то, но уже не анархистов, а монархистов, засевших на той же даче Дурново, под предводительством мифического полковника Гаврилова, которого, кстати сказать, так до сих пор никому и не привелось увидеть.

Как бы то ни было, гостеприимный парк представлял удобную лужайку для митингов, да очаг преступности оказывался налицо. Прокурор Судебной палаты, конечно, не мог пройти мимо насильников, но по установившейся привычке,

---

* 1090 делегатов, из них 105 большевиков и 32 интернационалиста.

¹ *Либер* (Гольдман) Михаил Исаакович (1880–1937) — один из лидеров Бунда и меньшевизма, член ЦК РСДРП в 1907–1912 гг. В 1917 г. член Исполкома Петросовета, ВЦИК. Позже отошел от политической деятельности.

на его требования уже не обращали внимания. Впрочем, этот весьма сложный случай был совсем особенным: здесь даже умеренные социалисты затруднялись поставить свой диагноз, как отнестись к частной собственности, отобранной у Дурново. С одной стороны, они были склонны порицать захват дома; но в то же время, с другой, — в отношении парка — совершенно недвусмысленно разъясняли, что он должен быть закреплен в собственность народа.

Слухи о готовящихся вооруженных демонстрациях большевиков все чаще и настойчивее носятся в кулуарах. Часть умеренных членов съезда выдвигает контрпроект в виде мирной демонстрации и в свою очередь зовет всех 18 июня выйти на улицу. Однако день манифестации проходит не по плану ее миролюбивых инициаторов, но по новой программе большевиков и к полному торжеству последних. Кто из нас, проживавших тогда в Петрограде, не слышал от своей прислуги, что ей большевики предлагают (через Степиных и т. п. агентов) от 10 до 30 рублей за участие в шествиях по улицам? Но как новость, большевики 18 июня выпустили такое количество флагов и значков со всевозможными подобающими лозунгами, какого мы до сих пор никогда не видели. Конечно, не скудный поденный заработок рабочего оплатил эту бутафорию, а только богатая касса большевиков могла поднять такие расходы. Зато, кто бы ни вышел на улицу, из кого бы толпа ни собиралась, — все попадали под большевицкие надписи, всех подавлял реющий над головами лес древков с громадными, нередко сажеными красными полотнищами.

Внешний эффект, благодаря такой декорации, вышел ошеломляющим: Петроград сразу как бы стал красным городом. Красный смотр, таким образом, удался, как никогда, и закончился, по нормальному расписанию, очередным разгромом всех мест заключения.

Около шести часов вечера, подойдя к окну своего кабинета на Воскресенской набережной, я увидел на противоположном берегу Невы большую толпу народа, окружившую тюрьму — так называемые «Кресты». Зову дежурного старшего агента Ловцова: «Возьмите с собой нескольких агентов и пойдите в

---

* См. гл. «Немецкие деньги».

«Кресты». Указываю ему на толпу: «Узнайте, кого выпустили из тех, кто числится за мной, и куда они отправились».

Примерно через час Ловцов возвращается: «Из посаженных вами освобождены: Хаустов, Мюллер и Еремеев. Два последние ушли на дачу Дурново, куда я послал за ними четырех агентов».

История обоих заключенных весьма необычна.

Мюллер. Прибыл в апреле из-за границы с партией эмигрантов. На границе, в Белоострове, был указан моим агентам самими же эмигрантами, как подозрительное лицо, приставшее к ним в Швеции и ничего общего с эмигрантами не имеющее. На допросе нашими агентами в Белоострове он сначала давал противоречивые ответы и, наконец, совсем запутался, не умея объяснить, ни откуда едет, ни цели своей поездки. Все вместе взятое вызвало подозрение, что Мюллер послан немцами. Однако по заведенным порядкам, когда въезд в Россию был свободен решительно для всех и визы штамповало автоматически Министерство иностранных дел, с молчаливого согласия Главного управления Генерального штаба, я не имел ни права, ни возможности вернуть Мюллера в Торнео. Поэтому, по примеру своих предшественников, Мюллер из вагона был препровожден в тюрьму. Но уже в мае, по установившемуся обычаю, его выпустила толпа, разбив двери дома заключения во славу очередной демонстрации. С тех пор он начинает пользоваться свободой петроградского режима и так продолжал бы безмятежно проживать до неизвестного времени, если бы не неприятный случай, вызванный его же собственной неосторожностью.

В первых числах июня на Знаменской площади, около Николаевского вокзала, состоялся довольно многолюдный митинг, на котором обсуждался вопрос, следует ли продолжать мировую войну? Один из членов Совета из Таврического дворца, убежденный сторонник войны, пытается доказать товарищам, что им надо вернуться в окопы; но против него яростно выступает какая-то неизвестная фигура, предлагая немедленно же заключить общий мир. К концу длительного диспута, всемогущий член Совета, скрывавший до сих пор свое звание, доведен до исступления. Он открывает свое инкогнито, называет оппонента шпионом, тут же, на площади,

его арестовывает и, как немецкого агента, сам сдает в ближайший комиссариат. Отсюда неизвестная фигура пересылается в контрразведку; а мы, к своему приятному изумлению; узнаем в ней нашего старого знакомого Мюллера.

История Еремеева много проще. В начале мая я получаю телеграмму из Тифлиса от Закавказского Совета солдатских и рабочих депутатов с просьбою арестовать некоего Еремеева. Этот дезертир по призванию бежал с Кавказского фронта по первоначально в Тифлис, где позанимался некоторое время воровством и пропагандой, а потом с какими-то не совсем ему принадлежащими суммами поспешил укрыться в более безопасное место, каковым не без основания считал Петроград.

Еремеев был нами найден и арестован, но, видимо, имел за собой больших заступников, так как не прошло и недели, как ко мне явился из Таврического дворца член Совета, юрист Л. «Меня послал к вам Чхеидзе; он просит вас выпустить Еремеева, так как получил из Тифлиса телеграмму от Гегечкори¹, в которой тот настаивает на освобождении Еремеева, считая, что последний полезен их партии». Показывает подлинную телеграмму. Отвечаю Л., что Гегечкори, очевидно, введен в заблуждение, так как, арестовывая Еремеева, я лишь исполнил просьбу Закавказского Совета; но теперь уже и сам не хочу с ним расстаться. Показываю досье, дополнительные данные и отказываюсь выпустить Еремеева. Л. совершенно со мною соглашается, говорит, что Чхеидзе не были известны эти подробности, извиняется и сконфуженный уезжает.

Теперь вернемся ко дню 18 июня.

Узнав от Ловцова имена выпущенных, звоню по телефону начальнику Штаба Балабину: «Сейчас толпа выпустила из «Крестов» Мюллера и Еремеева, которых я посадил по просьбе Петроградского и Закавказского Советов солд. и раб. депутатов. Они ушли на дачу Дурново. Послал вдогонку агентов, но, конечно, моих сил недостаточно. Не придумаешь ли что-нибудь под эти советские приказания?»

---

¹ *Гегечкори* Евгений Петрович (1881—1954) — один из руководителей грузинских меньшевиков. Депутат 3-й Гос. Думы, с 1917 г. член особого Закавказского комитета Врем. пр-ва и член ВЦИК, председатель Закавказского комиссариата, мин. меньшевистского пр-ва Грузии. С 1921 г. в эмиграции.

«Попробуем», — услышал я ответ.

Узнав от Балабина эти подробности, Половцов едет в Мариинский дворец на заседание Временного правительства; предлагает последнему взять дачу Дурново; но видит колебания некоторых министров, встречает неопределенное отношение, иными словами, не может добиться никакого ответа. Отчаявшись, он уже выходит из зала заседаний, когда его нагоняет Переверзев: «Генерал, я санкционирую ваше предложение именем правительства, как генерал-прокурор, беру ответственность на себя и сам еду с вами».

Едва проходит час с небольшим после моего разговора, как меня вызывает к телефону Балабин. «Мы решили под видом возвращения твоих двух беглецов, арестованных Советами, сегодня же ночью взять дачу Дурново. Приезжай поскорей».

Через четверть часа я в Штабе округа. Первым встречаю Половцова — оживленного, в сильно приподнятом настроении. Он обращается ко мне с дружескими, теплыми словами, вспоминает несколько славных, трудных боев Дикой дивизии:

— Прошу тебя, — кончает он, — забудь свои новые должности, считай, что ты снова в Штабе нашей дивизии, и разыграем вместе дачу Дурново. Неужели ты мне откажешь?

— Конечно, нет: с радостью, — отвечаю я.

Кругом все в движении. Вызываю для юридического надзора В. Н. Каропачинского и Снегиревского.

Однако положение Главнокомандующего самое нелепое: войска не могут выступить без разрешения Совета, но посвящать в наши планы хотя бы контрольную комиссию из 8 членов Совета — прямо опасно, так как мы не только не получим разрешения, но нам попросту запретят выступление. Вот почему Половцов ограничивается принципиальным разговором с тремя членами Совета, наиболее решительно настроенными, между прочим, с Сомовым. Каждый из них в отдельности ясно высказывается, что засевших на даче Дурново следует разогнать немедленно. Добиваться от них большего было бы неосторожно.

Далее, чтобы собрать самый отряд, Половцов пускает в ход всю свою изобретательность. Даже лучшим частям, как 1-му Донскому полку, командам преображенцев и семеновцев

из отборных людей, он предложил каждой в отдельности явиться условно на сборный пункт — к Литейному мосту к 4 часам утра и там уже, а не в казармах, убедиться, что выступают они не одни, а вместе с другими и, главное, с разрешения Совета.

В 4 часа у моста момент критический. Он проходит благополучно только потому, что людей вытянули из казарм и они были тщательно выбраны из тех, кто наиболее сохранил подобие воина.

Вот перед нами последний могиқан, чудом уцелевший в наших краях, осколок большой армии, унтер-офицер действительной службы Лейб-Гвардии Семеновского полка. Славный полк пронес через века идеи своего Великого основателя, в которых воспитывал семеновского солдата. Теперь последний семеновец, последний раз предоставлен себе самому. Он привел к Литейному мосту роту и сам должен решить, как поступить. Ему много раз объясняли, что если прикажут вывести людей, то надлежит потребовать письменного приказа, подписанного членами Совета и скрепленного советской печатью. В полку он привык точно исполнять приказания, а здесь, у Литейного моста, сам Главнокомандующий так приветливо говорит ему:

— Неужели вы не верите мне — вашему Главнокомандующему? Разве я могу повести вас на дурное дело?

Унтер-офицер стоит перед Половцовым вытянувшись, каблуки вместе. Ему стыдно требовать, как будто неловко вспоминать о письменном предписании! Он явно избегает титуловать «господин генерал». Так и кажется, что с языка сорвется: «Ваше превосходительство».

— Да ведь члены Совета разрешили захватить тех, кто был пойман по их же приказанию, — продолжает Половцов и тут же, как последняя «была — не была», вдруг заявляет: — Наконец, и бумага у меня в кармане.

Стою рядом, боюсь посмотреть на Половцова: а ну, как попросит показать... Хочу отвести разговор и громко говорю:

— А вот и преображенцы.

— Слушаюсь! Идем! — громко восклицает семеновец, отчетливо поворачивается кругом и идет к роте. Тронулись: одна колонна, человек в 200 (преображенцев и семеновцев) —

с запада; другая (измайловцы и егеря) — с востока; при каждой полсотни казаков.

Беру автомобиль, быстро еду вперед, чтобы ознакомиться с местностью. Объезжаю сначала весь квартал и на углу слезаю. У ворот в парк два стража от засевшей банды, потерявшие облик человеческий: грязные, рваные шинели, лица испитые, невымытые, бороды нечесанные, в руках винтовки. Иду к воротам, и как раз подходит головной разъезд, а с ним Половцов. Входим вдвоем, за нами казаки. При нашем появлении оба караульщика исчезают. Беру солдат, оцепляю дом и одновременно приказываю подобрать несколько десятков хулиганов, завсегдаатаев ночлежки, мирно спавших под деревьями. Дом заперт со всех сторон. Возвращаюсь на крыльцо, а Половцов подходит к окну и стучит.

Тем временем небольшой двор заполняется нашими людьми. Приезжает Переверзев. Наконец, из боковой галереи появляется для переговоров высокий представительный матрос — Железняков. Переверзев требует, как генерал-прокурор, немедленно открыть двери. Железняков вступает в пререкания, говорит о свободах и правах народа на дома и земли. Складная речь его течет быстро, слов не подыскивает; держит себя непринужденно. По внешности — совсем не татуированная физиономия бульдога; напротив — высоко закинутая голова, с правильными чертами лица при открытом вороте даже импонирует.

Переверзев настаивает: он, прежде всего, желает получить Мюллера и Еремеева, которые прячутся в доме. Железняков отвечает, что Мюллер действительно здесь, а Еремеева нет, так как он ушел к большевикам в дом Кшесинской.

— Вы, товарищ министр, войдете в дом только через наши трупы, — заканчивает он и быстро скрывается в галерею, откуда уже слышатся стуки молотков, заколачивающих двери.

— Генерал, — обращается Переверзев к Половцову, — предоставляю вам распоряжаться и занять дом войсками.

Едва переговоры кончились, как за окнами в нижней галерее начинают вырисовываться какие-то фигуры. Как оказалось потом, то были не анархисты, а бездомные бродяги самого последнего разбора, которые больше всего боялись

пролития своей крови и подошли к окнам, чтобы сразу же попасть нам на глаза и засвидетельствовать покорность.

Половцов идет к окну и командует: «Вперед!» Но наша воинская сила притихла и не двигается; ее как будто и нет совсем. Вдруг вперед кидается ординарец Балабина — студент Петроградского политехникума*. Он с разбега вскакивает на подоконник, широким взмахом обеих рук разбивает стекла, высаживает переплет рамы и спрыгивает по ту сторону. За ним влезает мы — три офицера Дикой дивизии: адъютант Половцова корнет М. А. Масленников, ротмистр Рагозин и я. Войска безмолвствуют, стоят как вкопанные.

Положение Половцова очень трудное: он снова пускается на хитрость:

— Преображенцы, что же вы стоите? Смотрите, семеновцы уже вошли... — говорит он у одного окна преображенцам. Быстро переходит на другой фас и приглашает уже семеновцев поспешить, «чтобы догнать преображенцев, которые уже вошли». Потом возвращается к преображенцам, невозмутимо стоящим во дворе, и монолог возобновляется.

Несколько казаков-урядников постепенно втягиваются в дом, за ними десятка полтора солдат. Тут очень быстро происходит маленькая неприятность: противник начинает кидать ручные гранаты из окон и балкона верхнего этажа во двор; впрочем, он забывает выдернуть предохранители, и ни одна граната не разрывается. Несколько подобных гранат были брошены и около лестницы внутри самого здания. Для наших воинов этого оказалось достаточно: солдаты, забравшиеся было в дом, опрометью бросаются назад, высыпаются из окна, в которое мы пролезли, бегут через двор на набережную, а за ними убегает и все наше войско.

Теперь обстановка такая: в здании остались мы — офицеры. Во дворе стоят Переверзев с прокурором Судебной палаты Каринским, Половцов с Балабиным и несколькими офицерами, а с ними один все он же — последний солдат — унтер-офицер Л.-Гв. Семеновского полка. Он начинает свистеть, кидается на улицу, сильной рукой поворачивает и вталкивает во двор отдельных солдат. Паника постепенно прекра-

---

* К сожалению, не помню его фамилии.

щается; многие, но, конечно, не все, возвращаются во двор, после чего наступление начинается сначала.

Уютный когда-то, хорошо обставленный двухэтажный дом, превращенный в ночлежку, постепенно очищается. Сопротивление оказывает только одна комната, в которой заперлись Железняков с Асниным. Выламывая последнюю дверь, один из солдат просовывает в щель винтовку и, ворочая стволом, нечаянно спускает курок. Раздается выстрел, кстати сказать, единственный. Пуля случайно попадает в спину Аснина и укладывает его на месте.

Аснин был известный вор-рецидивист. Отбыв по суду два наказания за кражи, он был приговорен в третий раз к каторжным работам в Сибирь, где его застала революция. Выпущенный в марте на свободу, Аснин вернулся в Петроград, подружился с Железняковым и, записавшись в анархисты, поселился на даче Дурново. Оттуда он двигал революцию, рассылал угрозы по разным организациям — самое обыкновенное явление тех далеких дней.

Наконец, Железняков «сдается силе», и все пленные собираются во дворе.

Те, кто видел эту группу, никогда ее не забудут. Числом около ста, то были не люди, а выходцы из нижнего подвала петроградской трущобы, в грязных лохмотьях, с лицами, отмеченными разъедающим клеймом порока. Вероятно, большинство из них долгие годы не видело куска мыла, а ножницы никогда не прикасались к их всклокоченной гриве и щетине. Среди других, десятка полтора, судя по одежде, следовало принять за женщин; но они так растеряли и распили малейшие признаки своего бывшего облика, что почти не отличались от всех остальных. Эти были особенно ужасны.

Отправляем всю группу на расследование. Половцов отдает последние приказания полковнику П. Назимову, которого оставляет за начальника: «Вы останетесь здесь с батальоном еще один час, — говорит он, отмечая время, — а потом отведете солдат в казармы». Решение правильное, отвечающее обстановке и единственное: солдат уже стало значительно меньше, они начали рассасываться по окрестностям, уже разбрелись.

— Понимаешь, — говорит мне Половцов, — я не могу приказывать иначе. Представляешь себе, что будет здесь часа

через два, какая соберется толпа народа, и сколько людей останется у Назимова? Да и кто его будет слушаться? Только новый скандал, новое неисполнение приказа!

Возвращаемся вместе в автомобиле. Настроение от успешного конца у обоих повышенное, веселое.

— Что, на аркане ташил свою гвардию, — смеюсь я над Половцовым.

В это время на набережной обгоняем наших пленников. Посредине с гордо закинутой головой выделяется стройная фигура Железнякова. Кругом него, пугливо озираясь по сторонам, ползут какие-то убогие, уродливые тени.

— Так вот, эти оборванцы посылали ультиматумы Всероссийскому съезду Советов! — восклицает Половцов, указывая на них.

Несомненно, на митинги в парке приходили и другие анархисты и большевики. Но как ни подходить к этим ультиматумам и их авторам, все-таки придется признать, что на плацдарме окопались не народные делегаты, а один анархист Железняков — сила черноземная, а с ним разные грабители. Там же мы находим и немецкого агента Мюллера!..

Железняков, Аснин и Мюллер — трое в тесном союзе, как символ разрушения, так и проходят через всю эпоху от 1 марта до нынешних дней.

Неужели же это им надлежало отдать парк Дурново? Других мы не видим*. Таково еще одно противоречие революции, где все так запутанно и сложно; а между тем, как легко и просто в прежнее время ликвидировал бы все дело с дачей самый обыкновенный околодочный надзиратель. Нам же предстояло еще защищаться и оправдываться. Для начала приезжаем с Половцовым в Собрание Преображенского полка и распределяем арестованных. К своему большому удовольствию, прокурор узнает среди обитателей дачи прежде всего Гусева — мелкого вора-рецидивиста, давно разыскиваемого за последнюю кражу.

Через час приезжает с дачи Дурново оставленный там для наблюдения Каропачинский с сообщением, что не только в парке собралось много народу, но толпа уже запрудила при-

---

* См. гл. «Петроградская трясина».

легающие улицы. Весть о нашем визите и смерти Аснина бежит по городу. Митинг принимает грандиозные размеры; ораторы сменяют друг друга, объявляют «смерть палачам» и все остальное, что полагается из того же репертуара.

Главное управление Генерального штаба спешит использовать момент, очень подходящий, по мнению Потапова, для пропаганды. Оттуда посылают на дачу на автомобиле корнета В. Скосырева с пакетом каких-то прокламаций. Несчастный не успевает доехать, как его стаскивают с машины и жестоко избивают. Скосырев был подобран прохожими в бессознательном состоянии и доставлен в госпиталь.

От преображенцев перехожу через Дворцовую площадь, иду к министру иностранных дел Терещенко. Он ждет меня к 11 часам и знакомит у себя в кабинете с офицером французской делегации, капитаном Laurent, оказавшим нам впоследствии неоценимые услуги.

— Вот теперь вы знакомы, — говорит Терещенко, — и можете обо всем сноситься друг с другом непосредственно без меня.

От Терещенко еду к Переверзеву, который просил срочно сообщить ему точные данные о Мюллере и Еремееве. Узнаю от Бессарабова, что в Таврическом дворце разразилась буря, ...а потому Временное правительство назначило особую смешанную комиссию из прокурорского надзора и членов Совета солд. и раб. депутатов для расследования всего «происшествия». Переверзев, уезжая, поручил меня спросить, кого я предложу в эту комиссию от контрразведки. Называю П. А. Александрова¹.

---

¹ Александров Павел Александрович (1866–1940) — следователь по важнейшим (позднее особо важным) делам окружного петербургского Особого суда. За свою безупречную служебную деятельность награжден орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степени, медалями. В начале 1917 г. был преподавателем техники производства расследований по шпионским делам на курсах контрразведки при Глав. управлении Ген. штаба. Назначен Временным пр-вом в комиссию по проведению следствия над Лениным и др. руководителями большевиков, обвиненных в сотрудничестве с немцами. Следственное дело, собранное Александровым, составило 21 том, но не было доведено до суда. После октябрьского переворота П. А. Александров остался в России, работал на незначительных юридических должностях. Дважды (в

Спешу к себе на Воскресенскую набережную; приезжаю как раз вовремя, так как в передней застаю большевика присяжного поверенного Козловского, а с ним десятка два вооруженных солдат и им подобных. Еще с лестницы слышу шум и крики, которыми обычно сопровождаются эти посещения*.

Несколько человек кричат сразу. «Контрреволюция» повторяется на все лады, а за нею выдвигается настойчивое требование немедленно выпустить арестованных. Следом идут соответствующие объяснения, что постигнет контрразведку, если товарищи сегодня же не вернутся на дачу Дурново. Для большего вразумления двое бойко размахивают кулаками и иступленно выкрикивают: «В бараний рог!»

— Да вы не туда попали, — отвечаю я, как мне кажется, спокойным голосом, а у самого внутри так все и прыгает. — Мы исполнили только желание Совета солд. и раб. депутатов. Поезжайте к ним и все узнаете. Кстати, к ним и обращайтесь за освобождением.

Мгновенно замерли; недоверчиво переглядываются. Через несколько секунд заводит один Козловский, но уже октавой ниже:

— Доказательства! Я сам член исполнительного комитета.

— Да я уже вам сказал: поезжайте в Совет, — отвечаю я, повышая голос, — там и специальная комиссия назначена.

Поворачиваю налево, иду по коридору; вызываю Александра и запираюсь с ним в своем кабинете. Гости уходят. Еще раза два доносятся с лестницы прощальные возгласы: «Охранка!» Все утихает.

Ночью Александров возвращается из комиссии с хорошими вестями:

1918 и 1925 гг.) привлекался к дознанию в связи со своей ролью в следственной комиссии по делу большевиков. Перед арестом в 1939 г. занимал должность юрисконсульта в сахарном тресте и жил в Москве. 17 января 1939 г. арестован. После многочисленных допросов в 1940 г. приговорен к расстрелу за «фальсификацию уголовного дела в отношении Ульянова-Ленина». (Анисимов Л. Н. Обвиняется Ульянов-Ленин // Военно-исторический журнал. 1990, № 11. С. 3–9.)

* Среди других — знакомые лица: соседи по верхнему этажу из «боевого отдела Литейной части партии большевиков».

— Право, Борис Владимирович, как будто по точному заказу. Ведь только эти два по всем нашим делам и были арестованы по просьбе Советов. Спроси у нас третьего, мы бы никак не нашли. А по поводу выступления войск без разрешения, более или менее улеглось, так как за недостатком времени разрешения спросить не успели, тем более что выступили из-за арестованных Советами.

Буря утихает. Только выстрел по Аснину грозит крупными осложнениями. Однако и здесь нам приходит на помощь случайное обстоятельство: оказалось, что буквально все тело Аснина было татуировано рисунками до крайности циничными, дальше которых никогда не уходила подзаборная литература.

Переверзев распорядился сфотографировать эти рисунки.

Под давлением «контактной комиссии», образованной с началом революции по инициативе Нахамкеса, Временное правительство установило положение, в силу которого министры должны были защищать свою деятельность перед Всероссийским съездом Советов*. На многолюдном собрании съезда, разбиравшем нашу экспедицию на дачу Дурново, против Переверзева выступает ряд ораторов, среди других особенно ожесточенно большевики Луначарский и Каменев. На крики и упреки в «убийстве народного избранника» Переверзев предъявляет фотографии тела Аснина со всеми рисунками. Эффект выходит ошеломляющий. Луначарский и Каменев поспешно ретируются; даже Троцкий не умеет найти слова, а собрание провожает министра овациями**.

Матросы-кронштадтцы устраивают «борцу за идею» Аснину помпезные похороны с красными флагами, оркестрами, речами «смерть палачам» и т. п.

---

* О «контактной комиссии» см. главу «Нахамкес». Из нее же видно, что Нахамкес считал себя членом «Законодательной Палаты».

** Через много лет Троцкий все же разыскал свое слово. На стр. 483 «Моя жизнь» т. II он описывает, как «представители юстиции и милиции выяснили», что на даче Дурново «нашел приют ряд просветительных рабочих организаций» и там «царил полный порядок».

По самому тщательному обыску, кроме «просветительных» рисунков на теле Аснина никаких признаков этих организаций мы не нашли.

Таким образом, для нас все кончилось гладко. Внешним образом то же можно было сказать и про Главнокомандующего, хотя, несомненно, трюк с выводом войск не мог усилить к нему доверия Совета солд. и раб. депутатов, а потому акции его в Таврическом дворце упали еще ниже.

Хуже всех пришлось Переверзеву. Через несколько дней, войдя в комнату секретарей министра юстиции, застаю такую картину: у стола сидит Бессарабов, перед ним стоит Данчич, размахивает руками и в такт приговаривает: «Убьем, убьем, убьем». — «Так убейте же, черт вас возьми, только избавьте от своего присутствия».

— В чем дело, Иван Иванович, откуда такие ужасы, — прерываю я его ритмическое покачивание.

Все объясняется. Железняков пользовался большой популярностью среди кронштадтских самостийников. И вот каждый день с утра в приемную министра юстиции вваливалась пачка вооруженных матросов и не уходила до самого вечера, требовала немедленного освобождения Железнякова, грозя в противном случае убить Переверзева.

Последний выходил к матросам и неизменно отвечал, что Железняков будет сидеть в тюрьме до тех пор, пока он, Переверзев, останется министром. Павел Николаевич твердо держал свое слово. Эти угрозы, естественно, временами доводили до исступления секретарей министра, которым приходилось их выслушивать в приемной в течение целого дня и каждый день.

Думаем вместе, как помочь, как не допускать матросов до приемной. Пробую поставить караул. Передняя министерского дома немедленно превращается в свиной хлев с семечками.

Горе-солдаты: добрая половина сразу уходит в город; оставшиеся же мирные мужички, запрятав винтовки, со страхом и уважением смотрят на решительных, грубых, вооруженных матросов, уверенно и быстро поднимающихся по лестнице. Какой контраст!.. Эти знают, чего хотят.

10. ИЗ ЖУРНАЛА КОНТРАЗВЕДКИ

В контрразведке волнение. Большая междуведомственная комиссия Потапова закончила в середине июня составление общей инструкции контрразведке. Но беда не в этом. Она даже приступила к составлению плана работ. И это бы еще ничего: я участвовал только в первых двух заседаниях и времени не потерял, так как посылал вместо себя заместителя Пашенного.

Вся неприятность — в циркуляре. Это новый сюрприз Потапова. Заботясь о создании новых кадров новой контрразведки, он открывает специальные курсы, что нельзя было не приветствовать. Только в приказании по всем контрразведкам Главное управление Генерального штаба уведомляет, что служить в контрразведке будут только те, кто окончит названные курсы. Агенты и младшие служащие обеспокоены: они уже на службе, не могут ее бросить, чтобы посещать курсы, а потом, оказавшись без диплома, будут подлежать увольнению. Ходатайства и протесты моего помощника, состоящего для связи при Главном управлении, не приводят ни к чему. Ему твердо разъясняют двумя словами: «Никаких исключений».

Еду к Потапову.

— Да ведь вы сами пригласили читать лекции на курсах всех наших старших юристов, начиная с Александрова! Я разрешил им посвятить часа по два в день на лекции. У нас агенты все время проходят практическую школу тех же профессоров. Вашим циркуляром вы срываете всю работу. Мне придется закрыть контрразведку.

Потапов продолжает упорствовать, пока я не говорю, что вынужден буду запретить своим следователям читать лекции, так как останусь один.

Он сдается. Не уезжаю, пока не получаю письменное к циркуляру дополнение, из которого следует, что для нынешнего состава петроградской контрразведки посещение курсов не обязательно.

На службе я принимал посторонних лиц только один час в день — от 6 до 7 часов вечера, чем вызывал жестокие нарекания нетерпеливой публики.

— Кто вы такой?! — иногда раздраженно кричали на меня разочарованные ходатаи, — мы любого министра достанем скорее, чем вас.

Тем не менее менять порядка я не собирался. У меня нет времени разговаривать в приемной больше часа в день, а всякий явившийся мог поговорить в любой час дня и ночи с дежурным следователем или обратиться в мою канцелярию и условиться о встрече со мной.

Непроходимые трудности были в другой области: нам не удавалось устанавливать систематического наблюдения за лидерами большевиков. В апреле, еще при Корнилове, мне помогла наша студенческая организация. Она начала было представлять ежедневные сводки о том, что происходит в доме Кшесинской. Однако по прошествии нескольких дней регулярные донесения оборвались. Мне заявили, что я втягиваю в политику; а после жестокого преследования всех, занимавшихся политической разведкой при старом режиме, уговорить кого-нибудь влезть в политическую партию — было невероятно трудно. Достаточно сказать, что даже на нас, занимавшихся всего только немецкими делами, смотрели как на обреченных. К этому остается прибавить, что видные большевики имели обыкновение тщательно замаскировывать свои следы.

Так, трусливый по натуре Ленин очень любил скрываться. В лучшем случае мне приходилось узнать, где он провел уже истекшую ночь, а поэтому восстановить за ним раз потерянное наблюдение было совсем нелегко.

В начале июня Балабин мне сообщил, что Петроградский округ получает специальные задания по обороне, а потому наш тыловой Штаб переформируется. В связи с этим преобразованием был восстановлен отдел генерал-квартирмейстера, а меня назначили генерал-квартирмейстером с оставлением контрразведки в моем непосредственном подчинении. Одновременно Половцов приказал мне лично продолжать вести дело по обвинению большевиков в государственной измене.

Начальником контрразведки был назначен по моему представлению талантливый, смелый, решительный судебный следователь В. Кроме большевиков, я оставил непосред-

ственно за собой одно неприятное дело о копии с документа, выкраденного из мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. Эту бумагу мои агенты раскопали в одной небольшой гостинице на Фонтанке, где ютились всякого вида подозрительные люди. Мне не пришлось довести этого дела до конца, а потому я лишен права назвать фамилии. Следующий за мной генерал-квартирмейстер, полковник Пораделов передавал мне уже за границей, что его контрразведка, идя по тому же направлению, также не успела закончить расследования; но, продвигаясь дальше, имела все основания ожидать так называемого «громкого процесса»*.

В мое время о подробностях расследования знали три человека: я, Балабин и Генерального штаба генерал Сатеруп, который взялся нам помочь. Дело в том, что в упомянутой компании, вернее сказать, шайке, из гостиницы на Фонтанке часто бывал один довольно видный офицер, который раньше служил в Штабе. Он принимал заметное участие в февральской революции, а потом пошел по администрации. В новых учреждениях его бездеятельность, а может быть, и злонамеренная служба Германии, ознаменовалась невероятным развалом. Этот офицер вел разгульный образ жизни среди подонков общества, поэтому, естественно, наши подозрения направились в его сторону, тем более что выкраденный документ был в его ведении**. Предстояло проследить, проверить дальнейшее. Генерал Сатеруп приходил в ужас. Даже Балабин начинал нервничать. Он говорил мне так: «Спасем честь мундира; если самое тяжелое подтвердится, то мы с тобой поедим на квартиру, вручим ему револьвер и предложим в нашем присутствии застрелиться».

Но революция спасла и этого, как многих других, чьи дела закрылись на вечные времена.

Как общее правило, шпион на дознании никогда не признается в своей деятельности, горячо клянется всеми святыми в своей невинности, для убедительности призывает бо-

---

* При таких условиях решать о возможности предать дело гласности я предоставляю полковнику Пораделову.

** Этого офицера не было в эмиграции. Он остался у большевиков.

лезни и несчастья на головы своих детей или близких, а женщины сверх того впадают в истерику, падают на колени. И вся эта ложь для непосвященного кажется самой неподдельной искренностью.

Однажды мы с Александровым допрашивали одного очень подозрительного Сорокина, проживавшего в Лигове. Он призывал к забастовкам на заводах района Нарвской заставы, это мы определили точно. О его связях с немцами прямых улик вначале не было, но косвенных, по донесениям секретных агентов — порядочно. Сорокин тоже — в слезы и на колени. Александров случайно выходит. Я делаю вид, что смотрю в окно. Он с рыданиями поднимается и, думая, что я не вижу, быстро стягивает первую, попавшуюся бумагу с моего стола и скорее в карман. Я поворачиваюсь, хватаю его за руку. Слезы сразу высохли, а косвенные улики прояснились.

Больше всего донесений приходило о несуществующих Т. С. Ф.-ах. Можно подумать, что весь Петроград покрывает лес мачт, по которым посылаются донесения в Берлин. Предлагать разыскивать эти станции — простейший способ завязать с нами знакомство.

И кто только не приходит с разными услугами! Услышав как-то шум в приемной, я вышел посмотреть. Застаю офицера, юнкера, а кругом толпу народа. Мне докладывают, что офицер привел юнкера, обвиняя его в шпионаже. Приглашаю к себе офицера. На нем форма Казанского драгунского полка. Корнет, уж немолодой — лет 30-ти. Казанский полк я довольно часто встречал на фронте. Задаю корнету ряд вопросов о полке и действительно убеждаюсь, что славные дела Казанских драгун ему близко знакомы.

— Почему же вы арестовали юнкера?

— Я схватил его на Невском и привел прямо сюда: он шпион.

Слово за словом выясняется, что юнкера он сейчас увидел впервые в своей жизни, а схватил его за внешность, как блондина, полагаясь исключительно на свое чутье.

Речь офицера спокойная, но глаза ужасны: неподвижный, тяжелый, сосредоточенный взгляд. Сумасшедший? Так и оказалось: доблестный офицер был в бою тяжело ранен в голову, потерял рассудок, сидел в доме умалишенных. Оттуда бежал.

Сколько таких гуляло по улицам? Вызываю по телефону смотрителя лечебницы, возвращаю ему офицера, а расстроенного вконец юнкера утешаю, что он очень дешево отделался. Уступая его просьбам, выдаю ему для представления начальнику училища удостоверение с печатью, что он «вовсе не шпион».

Среди иностранцев, приехавших в июне в Петроград, был известный швейцарский социалист Роберт Гримм. Попав в Россию под видом ознакомления с революцией, он был встречен автомобилями и овациями на вокзале и на первых порах вызывал горячие симпатии Президиума Совета, а также некоторых министров-социалистов, особенно Скобелева.

Однако после такой общей радости дружеские чувства внезапно постигло горькое разочарование. Удалось перехватить чересчур откровенную телеграмму от немецкого вице-консула в Женеве Гофмана, посланную Гримму в Петроград. На память мне трудно привести точный текст телеграммы. Заметим только, что по нему можно было безошибочно судить, что Гримм имел определенное задание от Гофмана — добиться сепаратного мира России с Германией, действуя через Совет. Конечно, можно спорить и против документов, но уже гораздо труднее.

Официально социал-демократическая формула Гримма, как известно, переписывалась в Петрограде в таком виде: «Самая важная и совершенно неотложная задача русской революции в настоящий момент — борьба за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, борьба за мир в международном масштабе».

Ратовать за немедленное прекращение войны не возбранялось, если оратор исходил из какой-нибудь политической платформы, хотя бы пораженческой. Но когда та же мысль являлась из немецкой инструкции, то оригинальное понятие должно было получить более узкое толкование.

Вот и доказывая каждый раз, откуда именно пришла мысль о сепаратном мире.

Временное правительство очень горячо обсудило новое положение Гримма. Переверзев рассказывал мне, что министры-поручители были посрамлены выше меры, даже не нашли, что возразить. Временное правительство единогласно постановило выслать Гримма в 24 часа за пределы России.

Переверзев меня вызывает, сообщает решение Правительства, приказывает привести его в исполнение, проследить Гримма до границы.

— Вот так, Павел Николаевич, — отвечаю я, — благодарю вас за добрые вести; но почему бы нам не поместить Гримма в Трубецкой бастион Петропавловской крепости и не рассказать ему о содержании нескольких статей нашего Уголовного Уложения? Это было бы так наглядно для других гостей.

Переверзев смеется:

— Вы хотите невозможного. Будьте счастливы и высылке.

Согласно новому порядку, Правительству еще предстоит защищать свое решение во Всероссийском съезде Советов. Для сего оно назначает докладчиком министра-социалиста Церетели. Выступление последнего на трибуне 19 июня вызывает жаркие дебаты и особенно резкие выпады ныне здравствующего члена II Интернационала Абрамовича, и уже умершего Цедербаума (Мартова), особенно защищающих Гримма.

Церетели не смущается. Он аргументирует, настаивает и в финале добивается подавляющего большинства, признавшего постановление Правительства правильным.

Таким образом, необходимо отметить, что Гримм, счастливо избежав каторжных работ, был изгнан из России не одними буржуазными министрами, но согласно постановлению многолюдного съезда Советов. Своим приговором съезд удостоверял подлинность описанного факта; само же дело приобретало международный интерес ввиду положения Р. Гримма и той исключительной роли, которую он играл на интернациональных пораженческих конференциях в Швейцарии, — тех самых, поставим в скобках, где протекала работа Ленина и его клики.

Напомним, что Циммервальдская конференция избрала руководящий центр, так называемую Интернациональную комиссию, куда вошли: член итальянской палаты Моргари, член Швейцарского Университетского совета Нэн, Роберт Гримм и, как переводчица, Анжелика Балабанова.

Комиссия обосновалась в Берне, откуда давала руководящие указания по всем странам через свой постоянный сек-

ретариат; а последний состоял всего из секретаря Роберта Гримма и переводчицы при нем Балабановой.

Итак, Роберт Гримм рассылал по Европе «руководящие указания», собирал конференции, а сам, как мы документально доказали (в Петрограде), получал инструкции от немецкого вице-консула в Женеве Гофмана*.

---

* Что касается Балабановой, то ее работа на Германию была разоблачена итальянской прессой и Бурцевым в октябре 1917 года. См. «Мессажеро» и «Общее Дело» номер 15, 12 октября 1917 года.

11. НЕМЕЦКИЕ ДЕНЬГИ

Контрразведка появилась заново. Предоставленная самой себе, она боролась собственными силами. В этих условиях очень многое заведомо оказывалось вне ее досягаемости, и отнюдь не следует упускать из вида, что целые немецкие звенья так навсегда и оказались неосвещенными, а значительные части общей картины немецкого наступления по России остались покрытыми вечной темнотой.

Прошли годы. В печати появились всевозможные разъяснения, дополнения, комментарии, даже фотографии новых документов, но все это меня не касается, как бы они на первый взгляд ни казались заманчивыми для подтверждения основных положений. Контрразведке июля 1917 года они не нужны, а некоторые из них даже опасны.

Нам посчастливилось в свое время выйти навстречу немцам по нескольким путям и на них зацепиться. Вот только об этих достижениях и о материалах, попавших тогда в бюро государственной контрразведки, мне придется представить здесь краткую сводку*.

Прежде всего, два слова о Ермоленко. Почему-то с него начинаются почти все разоблачения в печати и на него принято указывать, как на главного обличителя. Но так как он, кроме голословных заявлений, не дал ничего, то все обвинение, построенное на его показаниях, по справедливости осталось неубедительным.

Как известно, 25 апреля прапорщик 16-го Сибирского полка Ермоленко был выпущен из плена немцами в тыл 6-й армии. Пойманный, приведенный в Штаб, он стал рассказывать, что послан для пропаганды сепаратного мира, что содержание будет получать от украинца Скоропись-Иелтуховского, который направлен к нам немцами, как и Ленин, для работы по разрушению России; а в отношении Правительства оба получили задание в первую очередь удалить министров Милюкова и Гучкова.

---

* Я далек от мысли тем самым умалить значение всех тех, кто со своей стороны сам разоблачал предателей. Их деятельность не составляет темы настоящего описания.

В этом заявлении очень интересно найти подтверждение о заботах немцев по удалению названных двух министров, сведения о нем пришли к нам совсем иным путем из дела публициста К. Даже знаменательно, что в этом вопросе две различные траектории, вышедшие из Берлина, попадали в одну точку. А так как наши данные из дела К. были основаны на подлинных документах, то, повторяя их, Ермоленко тем самым мог вызвать к себе некоторое доверие. Интересно также отметить, что К. и Ермоленко появились в разных концах России почти одновременно — в апреле.

Весьма ценно и указание на Скоропись-Иелтуховского, пользуясь которым можно было бы изловить последнего в Киеве, конечно, при условии, что Ермоленко сказал правду, будто именно от него будет получать деньги.

Что же касается до сообщения Ермоленко о Ленине, то оно не может рассматриваться даже как первое осведомление, по которому обыкновенно приступают к расследованию; о том, что Ленин послан немцами, мне не говорили только немые. На эту тему мы получали сотни писем. «Обратите внимание на Ленина», — останавливали меня своими возгласами даже незнакомые люди. Ну, а дальше? На этом дело Ермоленко обрывается; но по недоразумению, его оставляют краеугольным камнем всей постройки, после чего она немедленно рассыпается.

Должен заявить, что Петроградская контрразведка категорически отмежевывается от Ермоленко. Больше того: у нас даже не было досье Ермоленко. До июльского восстания его фамилию я слышал только раз от Переверзева, а подробные показания, данные им в штабе 6-й армии, я узнал от самого Ермоленко только после восстания, когда 8 июля мне его прислала Ставка*.

Я увидел до смерти перепуганного человека, который умолял его спрятать и отпустить. П. А. Александров записал показания, а я его спрятал на несколько часов и отпустил. Пробыв в Петрограде не больше суток, он уехал в Сибирь.

Первые достоверные сведения об участии немцев в уличных беспорядках Петрограда и политических событиях, не

---

* Почему нам не сообщили раньше его показания? Как использовала Ставка самого Ермоленко? Мне неизвестно.

предположения, а документальные данные, вошли в контрразведку из дела публициста К*. В этом досье перед нами прежде всего телеграммы информационного характера, адресованные немецкому агенту — госпоже Брейденбейд, сообщающие шаг за шагом о несогласиях в недрах Временного правительства. За ними следует подробное собственноручное письмо К. той же Брейденбейд, представляющее донесения о работе по удалению Милюкова и Гучкова, сопровождаемые просьбами передать партии центра Рейхстага, чтобы она перестала бряцать оружием и не требовала аннексий и контрибуций, со ссылкой при этом, что «Ленин не соглашается поддерживать эти требования». Как ни толковать эту фразу, но она свидетельствует о каких-то переговорах с Лениным, то есть, выражаясь техническим языком, устанавливает связь последнего с немцами.

Перелистывая дальше то же досье, мы попадаем на Степина. До революции Степин был агентом компании Зингер по продаже швейных машин в кредит, когда и приобрел многочисленные знакомства среди рабочих. Как выяснило наше расследование, начиная с апреля месяца 1917 г., Степин нанимал людей для участия в большевицких демонстрациях. Увидев впервые Степина, я поручил проследить за ним младшему агенту наружного наблюдения Савицкому. Последний отличался большой инициативой и поразительной изворотливостью. Способный кубанский казак, Савицкий рванулся с места таким аллюром, что не прошло и нескольких дней, как сам познакомился со Степиным. Это личное знакомство совершенно не входило в обязанности агента наружного наблюдения, причастность которого к контрразведке может быть вообще легко обнаружена. Для «внутреннего наблюдения» пользуются секретными сотрудниками. Но Савицкий поставил меня перед совершившимся фактом, который мне, конечно, захотелось использовать. Оставалось предоставить тайну Савицкого на волю случая. Однако Савицкий был не так прост: он, видимо, предусматривал все случайности, все время обводил Степина вокруг пальца и так до конца и сохранил свое инкогнито**.

---

* См. гл. «Прямые улики».

** Савицкий — агент старого режима; должен быть хорошо известен моему предшественнику полковнику Якубову.

Конечно, за Степиным пришлось поставить других агентов наружного наблюдения. День за днем они доносят, что Степина часто посещают рабочие и солдаты разных полков, чаще других Финляндского, Павловского и Волынского. Сам он был человек осторожный, крайне подозрительный. Дело затягивалось. Все же хитрый Савицкий так его обошел, что Степин стал ему доверять и, наконец, в один прекрасный день, в середине июня пригласил Савицкого к себе в «бюро», куда имели доступ только очень немногие — избранные.

Прекрасно помню возбужденный доклад Савицкого, когда он, упоенный успехом, явился мне поздно вечером прямо от Степина после своего первого приглашения. «Бюро» помещалось во дворе большого дома на Екатерининском канале. Оно состояло из двух комнат, которые были почти пустые: в них стояло два стола, несколько табуретов и один шкаф. Степин, по-видимому желая похвастаться перед своим новым гостем, открыл шкаф и показал Савицкому пачки денег в мелких купюрах по 5—10—25 рублей.

— Сколько же их было? — спрашиваю я Савицкого, сам приходя в волнение, которое мне передается от докладчика.

— Много, очень много! — отвечает Савицкий, уверяя, что они занимали целую полку, но приблизительной цифры назвать не берется, а также не знает, от кого их получил Степин. Это предстоит ему вывести в следующие визиты.

Ловкий казак крутит голову Степину, обещает ему свои казачьи связи, все больше и больше входит в доверие, делается частым посетителем «бюро», несмотря на косые взгляды вооруженных сторожей, которые днем и ночью зорко охраняют его вход.

Наружное наблюдение все неотступно следит за Степиным независимо от приключений Савицкого. Просматривая рапорты агентов, можно было убедиться, что не проходило и двух дней, чтобы Степин не побывал в штабе Ленина — в доме Кшесинской.

Наконец, 3 июля, около 6 часов вечера, Савицкий, застав Степина за раздачей денег солдатам, преклоняется перед его умом и талантом доставать деньги. Степин самодовольно возражает, что денег у него сколько угодно. Савицкий не верит, обещает, что если так, то приведет ему своих казаков.

Степин попадает на удочку, говорит, что он «первый человек» у Ленина, что последний ему во всем доверяет и сам дает деньги.

В эти часы по городу начиналось восстание. Савицкий спешит к начальнику наружного наблюдения П. А. Александрову. Последний, оценив обстановку, ставит дату на ордер, который взял у меня заранее для Степина, и его арестовывает.

Кстати, из рапорта агента наружного наблюдения мы точно узнали, что 3 июля Степин около 4 часов дня был в доме Кшесинской и оттуда поехал к себе в бюро.

Мы никогда не надеялись переловить всех Степиных. Нам достаточно было и одного.

На этом досье публициста К. закрывается.

Второе, совершенно независимое направление, обрисовалось в Финляндии из отдельных признаков.

На одном из заседаний, устроенных Переверзевым, я познакомился с председателем финляндской национальной контрразведки. От него я узнал, что госпожа Коллонтай часто бывает на двух дачах под Выборгом.

С другой стороны, комендант станции Торнео, поручик Борисов сообщил мне, что нашупал два места в районе Торнео, через которые отдельные люди нелегально переходят границу. Торнео не входило в мой район, но было очень вероятно, что именно в этих двух проходах нас ожидают интересные встречи. Кроме того, положение Борисова после развала было очень трудное; его следовало поддержать, тем более что он мог служить нам заставой.

Наконец, Временному правительству было известно, а меня об этом предупредил Переверзев, что в Германии имеются клише для наших десятирублевых кредитных билетов. Они были изготовлены еще до войны; но в свое время Министерство финансов обратило внимание, что на отпечатанных в Германии кредитных билетах две последние цифры серии оказались слегка подчеркнутыми. Следовало ожидать, что такие десятирублевки будут двинуты к нам через Финляндию, а потому проходы у Торнео приобретали совершенно особое значение.

Важно отметить теперь же, что на некоторых солдатах, а особенно у матросов, арестованных после июльского восста-

ния, мы находили эти десятирублевки немецкого происхождения с двумя подчеркнутыми цифрами*.

Еще в мае все вместе взятое побудило меня командировать в Финляндию своего опытного человека, который на месте исследовал бы интересующие нас вопросы. Выбор мой остановился на следователе С. Опытный в делах розыска юрист, он обладал богатой интуицией.

В мае и июне следователь С. несколько раз съездил в Финляндию. В Выборге он установил наблюдение за дачами, посещаемыми Коллонтай, на которых, как оказалось, происходили встречи лиц, приезжавших из Петрограда и Торнео.

Под Торнео он помог Борисову обнаружить организацию контрабандистов, занимавшихся также переброской через кордон разных сомнительных путешественников.

Едва мы провели по этим вехам линию Петроград — Выборг — Торнео, как в первых числах июня Переверзев сообщил мне, что ему удалось получить сведения при посредстве одного из членов Центрального комитета партии большевиков, что Ленин сносится с Парвусом¹ письмами, отправляемыми с особыми нарочными.

---

* В т. II «Моя жизнь» Троцкий пробует снять и это обвинение, выдвинутое против большевиков еще Переверзевым и Штабом округа. Троцкий объясняет, что пойманных просто грабили под предлогом, что найденные у них деньги были отпечатаны в Германии. Своим неудачным оговором Троцкий только удостоверяет и самый факт, и обоснованность неприятного для большевиков обвинения. В главе «Последняя карта» читатель увидит, что все без исключения арестованные проходили через одну из 12-ти комиссий прокурорского надзора при Штабе округа, наблюдаемых нами. Комиссии регистрировали эти найденные немецкие деньги; причем состав прокурорского надзора, открыто, коллективно производимые дознания, само собой, исключали всякое отступление от закономерности и от истины.

¹ *Парвус* Александр, наст. имя Гельфанд Израиль Лазаревич (1867—1924), из мещан Минской губернии. Во второй пол. 1880-х годов принимал участие в работе революционных кружков Одессы. В 1886 г. выехал за границу, стал членом немецкой соц.-дем. партии. В 1900-х сотрудник «Искры», в 1903 г. меньшевик. Автор теории «перманентной революции». В 1905 г. вместе с Троцким возглавлял первую революцию в России, входил в состав 1-го Совета рабочих депутатов, был сослан в Сибирь.

Вспомним вкратце давно известную историю Парвуса. Бежав из Сибири, Израиль Лазаревич Гельфанд, он же Парвус, поступил в социал-демократическую немецкую партию, а по объявлению войны был сначала командирован немецким Генеральным штабом для специальных заданий в Турцию. Здесь, пользуясь своими немецкими связями, он занимался поставками турецкому правительству, на которых нажил хорошее состояние.

Переехав в Копенгаген и получив генеральное представительство на экспорт всего немецкого угля в Данию, Парвус основал там свой так называемый «научный институт», который, как известно, представлял собой международное бюро для ведения шпионажа в пользу Германии. Приняв сначала турецкое, а потом немецкое подданство, Парвус имел влияние в своей немецкой партии и выполнял поручения немецкого штаба.

Приведенные выдержки из послужного списка Парвуса были нам известны в 1917 году, еще до июльского восстания. Сбору сведений способствовали старые эмигранты, к которым за справками обращался начальник контрразведки, следователь В.

О том, что Парвус был политическим агентом немецкого правительства, было также своевременно подтверждено с полной несомненностью двенадцатью представителями петроградской прессы в Копенгагене. Они произвели коллективную анкету на месте и удостоверили этот факт телеграммой, которую послали за двадцатью подписями в Министерство иностранных дел. Телеграмма была опубликована петроградской печатью 19 июля 1917 г.*.

Нарочных от Ленина к Парвусу, о которых мне сообщил Переверзев, вероятнее всего можно было найти на тех же станциях Выборг и Торнео; поэтому мы усилили наблюдение

---

* К характеристике Парвуса любопытный инцидент рассказал мне В. Л. Бурцев, но уже за границей, после октябрьской революции. В 1908 году Парвус, состоя еще в русской социал-демократической партии, растратил около 200 000 германских марок партийных денег, вырученных от продажи изданий Максима Горького на немецком языке, которые Горький пожертвовал партии. Парвус истратил их на женщину, скрываясь с ней по Европе.

по всей линии, а Борисов, поддержанный моими агентами, стал дотла обыскивать всех проезжавших и переходивших границу.

Не прошло и недели такого наблюдения, как в Торнео при обыске было обнаружено письмо, адресованное Парвусу. До конца июня таких писем было доставлено еще два. Все они, написанные одним и тем же почерком, очень короткие — не больше одного листа обыкновенной почтовой бумаги, в 4 страницы, а последнее так даже в 2 страницы. Подпись была настолько неразборчива, что даже нельзя было прочесть приблизительно. Содержание писем было весьма лаконично, без всякого вхождения в какие-либо детали. В них просто приводились общие фразы, вроде «работа подвигается очень успешно»; «мы надеемся скоро достигнуть цели, но необходимы материалы»; «будьте осторожны в письмах и телеграммах»; «материалы, посланные в Выборг, получил, необходимо еще»; «присылайте побольше материалов» и «будьте архиосторожны в сношениях» и т. п.

Первые два письма были перехвачены Борисовым при попытке переноса их через границу нелегальным путем. Третье письмо было для нас особенно интересно. Его вез Лурье, а нашли его так. Наш агент Аносов, наблюдавший за одной из дач Коллонтай под Выборгом, заметил человека, вышедшего из дачи и направившегося на вокзал. Агент, следуя за ним по пятам, доехал до пограничного пункта Белоостров, где точно выяснил, что то был Лурье, который возвращался в Петроград. Аносов показал его коменданту станции, есаулу Савицкому*. Через несколько дней Лурье снова выехал из Петрограда в Выборг, но уже Савицкий обыскал его до нитки, отобрал от него бумаги, среди которых и оказалось третье письмо Парвусу. Имея так много указаний, установить автора писем было совсем не долго. Не надо было быть графологом, чтобы, положив рядом с письмами рукопись Ленина, признать везде одного и того же автора. Конечно, ввиду важности случая мы этим не ограничились: Александров привез двух присяжных графологов, выступавших с ним экспер-

---

* Дела Аносова помнит мой выдающийся бывший сослуживец Ф. Чернышев, проживающий во Франции.

тами в Петроградском суде, которые, не задумываясь, и утвердили наше общее мнение. Письма эти читали все мои помощники и Переверзев.

Настойчивые просьбы Ленина, обращенные именно к Парвусу, о присылке «побольше материалов» были очень симптоматичны.

Принимая во внимание, что тогда в России существовала полная свобода печати, очевидно, не могло быть и речи о присылке секретным путем каких бы то ни было печатных материалов. Торговлей Ленин не занимался; таким образом, гипотеза о товарах также отпадала. Оружия у большевиков в петроградских полках было сколько угодно. Что же подразумевал Ленин под словом «материалы», обращаясь секретным путем к официальному германскому агенту? Но я воздержусь пока от вывода и перейду к третьему, совершенно самостоятельному, направлению.

— Борис Владимирович, обратите внимание на Козловского, — как-то сказал мне Переверзев.

— Еще бы, Павел Николаевич! Да он мне жить не дает своими угрозами от имени Совета. Я поставил за ним наблюдение.

С первых же шагов нашими агентами было выяснено, что Козловский по утрам обходил разные банки и в иных получал деньги, а в других открывал новые текущие счета. По мнению наших финансовых экспертов, он просто заметал слады.

Расследование, однако, приняло серьезный характер лишь после того, как блестящий офицер французской службы, капитан Пьер Лоран вручил мне 21 июня первые 14 телеграмм между Стокгольмом и Петроградом, которыми обменялись Козловский, Фюрстенберг, Ленин, Коллонтай и Суменсон. Впоследствии Лоран передал мне еще 15 телеграмм*.

---

* Общее число телеграмм было гораздо больше, оно было изъято военной цензурой после восстания¹.

¹ См. Приложение 1 к этой книге, в котором приводятся тексты 115 телеграмм, перехваченных разведорганами летом 1917 г. — *Прим. ред.*

Припомним, что Яков Станиславович Фюрстенберг, он же Ганецкий¹, состоя членом социал-демократической партии, был очень близким человеком одновременно и к Парвусу, и к Ленину. Парвус выписал Ганецкого из Австрии в Копенгаген, где сделал его своим помощником. В 1917 году Ганецкий был арестован в Копенгагене за контрабанду, а вообще за ним там установилась репутация первоклассного мошенника. При поддержке Парвуса Ганецкий избежал суда, отделался крупным денежным штрафом и был выслан из Дании. Он выехал в Стокгольм, где все время служил связующим звеном между Парвусом и Лениным*.

Привожу точные копии двадцати девяти телеграмм, переданных мне капитаном Laurent.

1) Ульяновой** Широкая 48-9 Петроград Новый телеграфный адрес Сальтшэбаден² Фюрстенберг.

2) Козловскому Сергиевская 81. Станкевича отобрали Торнео все сделали личный обыск протестуйте требуйте немедленной высылки нам отображенных вещей не получили ни одного номера Правды ни одной телеграммы ни одного письма. Пусть Володя*** телеграфирует прислать на каком размере телеграммы для Правды. Коллонтай.

---

¹ *Ганецкий* (наст. фам. Фюрстенберг) Яков Станиславович (1879–1937), из мещан г. Варшавы, член Бунда и соц.-дем. партии Кор. Польского. В 1901 г. выехал в Германию, до 1917 г. жил в основном за границей. В 1914 г. способствовал освобождению Ленина из тюрьмы в Новом Торге и переезду его в Швейцарию. После Февральской рев. был связным между Лениным и Российским бюро ЦК РСДРП(б), участвовал в возвращении Ленина и др. соц.-демократов в Россию. В Россию приехал после октябрьского переворота. В декабре 1917 г. назначен помощником, затем гл. комиссаром Гос. банка. В 1937 г. расстрелян.

* При советской власти Фюрстенберг-Ганецкий одно время состоял народным комиссаром финансов. До настоящего времени играет видную роль у большевиков.

** Лениной (Крупской. — *Прим. ред.*).

² *Сальтшэбаден* (Saltsjöbaden) — небольшой курортный городок в Швеции, расположен на балтийском побережье, юго-восточнее Стокгольма.

*** Ленин.

3) Фюрстенберг. Стокгольм. Сальтшэбаден. Номер 86 получила вашу 123. Ссылаюсь мои телеграммы 84-85. Сегодня опять внесла 20.000 вместе семьдесят. Суменсон.

4) Фюрстенберг. Сальтшэбаден. Стокгольм. Мой багаж у Леламеда пошлите с Марией. Беленин.

5) Фюрстенберг. Сальтшэбаден. Приехали благополучно Белоострове ждали Мячеслава Франи с семьями. Телеграммы Козловского совсем неосновательны.

6) Козловскому Сергиевская 81, Суменсон Надеждинская 36. На днях еду Петроград день сообщу. Куба*.

7) Фюрстенберг. Сальтшэбаден Стокгольм. Зовите как можно больше левых на предстоящую конференцию мы посылаем особых делегатов телеграммы получены спасибо Ульянов Зиновьев.

8) Козловскому Сергиевская 81. Все таки воскресенье приеду тогда урегулирую мандат.

9) Сальтшэбаден Козловскому Семья Мэри требует несколько тысяч что делать газет не получаем.

10) Гиза Фюрстенберг Сальтшэбаден. Финансы весьма затруднительны абсолютно нельзя дать крайнем случае 500 как последний раз карандашах громадные убытки оригинал безнадежно пусть Ньюэ Банкен телеграфирует новых 100 тысяч Суменсон.

11) Козловскому Сергиевская 81. Первые письма получили Ньюэ Банкен телеграфировали телеграфируйте кто Солонмон предлагает местное телеграфное агентство ссылается Бронекса Савельевича Авилова.

12) Суменсон Надеждинская 36 Строчите могу ли сейчас приехать Генрих ждет.

13) Фюрстенберг Сальтшэбаден Смогу ответить только в конце недели. Суменсон.

14) Фюрстенберг Сальтшэбаден. Номер 90 Внесла Русско-Азиатский сто тысяч Суменсон.

15) Срочно Шадурскому Ротгейм 19 Христиания. Жди меня Христиании субботу выезжаю Стокгольм. Колонтай.

16) Петроград Фюрстенберг. Гранд Отель Стокгольм. Увы пока мало надежды. Телеграфируйте можно ли ждать долго

---

* Уменьшительное имя Ганецкого.

или предпочитаете приехать второй раз на мой призыв Пишите Суменсон Надеждинская 36.

17) Фюрстенберг Сальтшэбаден. Вашу получили. Кампания продолжается потребуйте немедленно образования формальной комиссии для расследования дела желательно привлечь Заславского официальному суду. Козловский.

18) Суменсон. Надеждинская 36. Последняя Ваша телеграмма 28 дайте окончательный ответ дольше ждать не могу.

19) Суменсон. Надеждинская 36. Сальтшэбаден счет письма выслал 5905 рублей внес Суменсон. Кржесковский Гранд Отель Улица Гоголя.

20) Стокгольм из Петрограда Фюрстенберг Гранд Отель Стокгольм. Нестле не присылает муки. Хлопочите. Суменсон Надеждинская 36.

21) Стокгольм из Петрограда Фюрстенберг. Гранд Отель Стокгольм. М-ль Юнгбек возвращается на днях из Мальмэ Петроград. Постарайтесь переговорить с ней Стокгольме. Суменсон Надеждинская 36.

22) Мальмэ из Петрограда. Пильдамевеган 12 Мальмэ. Пожалуйста повидайтесь Фюрстенбергом при Вашем отъезде Стокгольм. Гранд Отель Суменсон Зверинская 38.

23) Из Стокгольма Суменсон Надеждинская 36 Петроград. Телеграфируйте сколько имеете денег Нестле.

24) Петроград Фюрстенберг Сальтшэбаден. Вышлите немедленно рукописи о Польше и брошюру о литературе социалистической. Бронского и копию постановления Турова Козловскому Веселовский Бронислав 6 линия 48 кв. 8.

25) Суменсон, Надеждинская 36. Невозможно приехать вторично уезжаю Сигизмунд телеграфируйте туда остатки банках и по возможности уплатить по счету Нестле.

26) Сальтшэбаден из Петрограда Фюрстенберг Сальтшэбаден. Телеграфируйте Мензикен Ааргау Варшавская благополучно доехала Адрес Костовский Басков пер. 22 кв. 8.

27) Петроград Фюрстенберг Сальтшэбаден Стокгольм. Номер 22. Банк вернул взнос 100.000 приехать теперь невозможно Попросите Татьяну Яковлевну вернувшись помочь мне она там. Суменсон Надеждинская 36.

28) Сальтшэбаден Фюрстенберг. Последние десять слов Вашей телеграммы 30 непонятны. Прошу повторить Суменсон Надеждинская 36.

29) Фюрстенберг Гранд Отель Стокгольм Срочно кроме 28 посланы три телеграммы поездка теперь невозможна. Послала письмо нарочным когда смогу приглашу вас приехать напишите не откажите платить моему тестю двести рублей привет Суменсон Надеждинская 36.

Содержание некоторых телеграмм не могло пройти незамеченным.

В телеграмме № 2 говорится об одном из обысков, которые закатывал проезжающим поручик Борисов в Торнео. В ней же странная просьба, чтобы Ленин телеграфировал, «каком размере присылать телеграммы для «Правды»*.

Телеграмма № 6 подписана «Куба» — уменьшительное имя Ганецкого.

В № 7 Ленин и Зиновьев благодарят Ганецкого за полученные телеграммы и просят продолжать.

Номера 10—11—14 денежного характера — через Нью Банк и Русско-Азиатский.

Телеграмма № 24 подписана нашим старым знакомым Брониславом Веселовским из редакции «Правды», тем самым Веселовским, который послал телеграмму из Таврического дворца в Стокгольм Ганецкому для «Локаль-Анцейгер» о большевицкой демонстрации**.

Часть телеграмм была иносказательного характера. Конечно, содержание их наводило на некоторые размышления; но вся ценность телеграмм заключалась не в тексте, который можно без конца комментировать, а в адресах лиц, которым они посылались.

Я уже приводил те причины, вследствие которых нам не удавалось регулярно следить за Лениным. Телеграммы неоспоримо называли нам, кроме Ленина, еще имена тех, кто постоянно сносился с Ганецким — немецким агентом и к тому

---

* На третий день восстания, при очищении дома Кшесинской, где помещался штаб большевиков, была найдена следующая телеграмма, отправленная из Стокгольма Ленину и подписанная Ганецким: «Штейнберг будет хлопотать субсидию для нашего общества обязательно прошу контролировать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный такт».

** См. гл. «Союзники».

же еще доверенным Парвуса. В нормальных условиях такая несомненная связь во время войны с неприятельским агентом, по меньшей мере, должна была бы сильно скомпрометировать, вызвать аресты. Где, в какой стране для доказательства состава преступления требуется находить на шпионе обязательно денежные расписки с печатями? Как увидим ниже, в наших специальных условиях и банковских расписок с печатями оказалось недостаточно.

Зато телеграммы резко и безошибочно отделяли главных от всех остальных, тех главных, на которых стоило бросить все силы, и в этом и заключалось их громадное значение для контрразведки. Пустив столь точные адреса в разработку, мы сразу выбросились далеко вперед; каждый час стал нам приносить все новое и новое. Только из телеграмм мы узнали впервые о существовании Суменсон. Выяснить, кто она такая, полетел старший агент Касаткин. Узнав от Касаткина, что она демимонденка*, кстати сказать, совсем не первого разряда, я сейчас же направил на нее молодого человека Я-на, нашего способного и испытанного секретного сотрудника... В таких случаях вы обыкновенно не открываете карт агенту, а самое большее, что можете сделать в начале, это косвенно подтолкнуть его внимание в ту или иную сторону.

Давая задачу Я-ну, я не сделал и намека на большевиков, а только сказал коротко, что, «кажется, Суменсон занимается какой-то торговлей».

Этот молодой человек в один вечер познакомился с Суменсон. 20 июня он явился и сообщил, что Суменсон переехала на дачу в Павловск, а он нанял у нее комнату и переезжает в этот же день вечером.

— Только у вас о ней, по-видимому, неправильные сведения: никакими торговыми делами она, по-моему, не занимается, — сказал мне, улыбаясь, Я-н.

Тем временем Касаткин донес, что Суменсон посетила Сибирский банк. Я сейчас же послал в банк Александра с финансовым экспертом. Они выяснили, что Суменсон за последние месяцы сняла в одном этом банке около 800 000 руб-

---

* Дама полусвета, легкого поведения (от фр. le demi-monde — полусвет). — Прим. ред.

лей, а на ее текущем счету еще оставалось 180 000 рублей. В Сибирский банк, как то расследовал Александров уже после восстания, деньги переводил из Стокгольма, через Ниа Банк, Фюрстенберг (Ганецкий). Очень важно заметить, что от этих переводов денег и их получения Суменсон никак не могла бы отказаться, даже если бы обыск у нее не дал никаких результатов: банковские книги и расписки Суменсон давали нам в этом полную гарантию. Некоторые из министров заявляли впоследствии, будто бы преждевременное разглашение сведений об измене Ленина дало возможность большевикам спрятать все концы в воду. Но ведь следы в банках не исчезли, как не могли пропасть все вышеперечисленные подлинные письма и телеграммы, устанавливающие непрерывную близкую связь Ленина с немецкими агентами.

Те же министры говорили, что преждевременная ликвидация дела помешала Ганецкому приехать в Петроград, а будто бы для обличения большевиков только и не хватало тех документов, которые эти министры рассчитывали найти на Ганецком.

О том, была ли ликвидация преждевременной, будет яснее видно из следующей главы. Что же касается ожидаемого приезда Ганецкого, то мы, конечно, о том знали, хотя бы из телеграмм Суменсон; но контрразведка не увлекалась предположениями найти на Ганецком бумаги, подписанные германским канцлером, или пачку кредитных билетов с препроводительным письмом от Дисконто-Гезельшафт банка*. Контрразведка не могла строить дело такой государственной важности на догадках, надумает ли Ганецкий съездить в Петроград или нет, а тем более что он повезет на себе документы с печатями.

В июле в отношении самого Ганецкого я только пожалел, что, не приехав лично, он избежал возмездия и не попал в Петропавловскую крепость.

Чтобы не возвращаться больше к Суменсон, должен обратить внимание, что арестованная во время июльского восстания, она во всем и сразу чистосердечно призналась до-

---

* При подробном расследовании было выяснено, что Ганецкий в Ниа Банке получал деньги из Дисконто-Гезельшафт банка.

прашивавшим ее в моем присутствии начальнику контрразведки и Каропачинскому. Она показала, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому, состоящему в то время членом ЦК партии большевиков, какие бы суммы он ни потребовал, и притом без всякой расписки. Из предъявленных ею чековых книжек явствовало, что некоторые из таких единовременных выдач без расписки доходили до ста тысяч рублей.

Из писем, отобранных у Суменсон, можно было заключить, что Ганецкий переводил деньги Суменсон под видом средств, необходимых для торговли и главным образом аптекарскими товарами. Прикрываться коммерческой перепиской — обычный прием шпионов. Но было особенно характерно, что Суменсон даже и не пыталась прятаться за коммерческий код, а сразу и просто созналась, что никакого аптекарского склада у нее не было и вообще никакой торговлей она не занималась.

Показания Суменсон представлялись мне настолько исчерпывающими, что, занятый другими делами, я даже не считал нужным присутствовать на ее дальнейшем допросе.

При нормальном режиме контрразведка не ведет следствия, а только производит расследования, которые передает своему прокурору. Но в наших специфических условиях мы вынуждены были идти гораздо дальше: у прокурора были следователи, но не было розыскных органов.

В последних числах июня три изложенные выше самостоятельные группы дел, а именно: Степин, финляндская на Парвуса и, наконец, Суменсон—Ганецкий давали много материала для обвинения большевиков в государственной измене; они были достаточно разработаны. В них мы имели и неоспоримые связи с Германией, и немецкие деньги через банки, и даже раздачу этих денег в народ для участия в демонстрациях.

Контрразведка никогда не мечтала определить, какую сумму партия большевиков получила от немцев. Мы ее никогда и не высчитывали. Пути перевода должны были быть разные. Наша цель была доказать документально хотя бы одно направление.

Приведенные дела имели, конечно, свои подробности и разветвления, проходили по всем отделам; они составляли три законченных группы.

Мне не приходится говорить обо всех других расследованиях, так как они не были закончены; но все же из них я не могу не привести еще двух.

Во-первых, досье компании «Сименс». Отделение этого общества на юге России было закрыто по подозрению в шпионаже еще при старом режиме распоряжением генерал-губернатора Киевского округа.

Членом правления «Сименса» состоял достаточно известный казначей партии большевиков — Красин. Интересно заметить, что до революции Красин был очень крут и требователен к рабочим. Наоборот, после февральских событий он так потворствовал всем требованиям рабочих, что завод Сименса в Петрограде положительно развращал всю рабочую массу. Достаточно сказать, что, когда фабрики кругом закрывались одна за другой от непомерных требований увеличения заработной платы, завод Сименса легко давал прибавки и своими ставками шел впереди других*. Ленин называл завод Сименса своей цитаделью, сам очень часто туда наезжал, выступал на митингах, имел там большой успех.

Проникнуть непосредственно в дела правления завода мне представлялось невозможным. Но я не мог отказаться от мысли завербовать в отделе счетоводства своего информатора. Даже эта задача оказалась неимоверно трудной. С нею мне помог справиться Балабин незадолго до июльского восстания: он разыскал в отделе отчетности на довольно высоких ролях своего старого знакомого. После всевозможных обещаний и уговоров последний согласился безвозмездно, исключительно из патриотических побуждений, меня информировать. Но такие исследования тянутся медленно, а ускоренный темп революции не дал нам и оглянуться, как и это дело кануло в Лету.

Второе незаконченное расследование относилось к тем деньгам, которые, как мы знали, германское правительство препровождало еще до революции через банк Сея в Швеции на нужды германских военнопленных в России. Эти деньги передавались через посредство консулов нейтральных держав, причем контроль над их расходованием был для нас недоста-

---

* Как доказать, почему директор повышает ставки рабочих?

пен. В этой области революция многое упростила, а число больных, ходатайства последних о льготах и побеги военнопленных возрастали в угрожающей прогрессии. Больше того: одно это направление определенно вело нас к быстрой катастрофе*. Бывали случаи, что беглецы попадались на митингах и даже по шпионским делам прямого характера, как то произошло, например, с унтер-офицерами 206-го Прусского полка — Альфредом Ульке и Гансом Штрейх. Первый был пойман при попытке перейти финляндскую границу; на нем оказались фотографии мостов и карты с обозначением нашего фронта, что привело в восторг генерала Потапова, который упорно продолжал считать, что поимка таких фотографов должна составлять нашу главную обязанность.

События развертывались с головокружительной быстротой.

Едва прошла неделя, как Лоран передал мне телеграммы, а контрразведка начала захлебываться от чрезмерного числа срочных дел. Я имел обыкновение собирать на совещание ежедневно в 11 часов утра восемь квалифицированных юристов, военных и гражданских. Эти совещания протекали в дружеской обстановке. У нас не было соревнования и оскорбленных самолюбий, а просто каждый делился собранными сведениями и высказывал свои соображения. Иногда мы вместе ломали голову, как лучше поступить.

На таком совещании 1 июля собрались все восемь близких мне людей, в том числе начальник контрразведки В., Александров, Каропачинский, Анатра и другие. В этот день я предложил всем присутствующим, начиная с младшего, высказаться о том, достаточны ли имеющиеся у нас данные для ареста большевиков. Здесь были разобраны главнейшие улики, и присутствующие совершенно без спора, единогласно признали, что по каждому в отдельности из трех первых, перечисленных выше, групп дел, данных было более чем достаточно, чтобы привлечь большевиков по обвинению в государственной измене.

Последним я спросил Александрова, мнение которого меня особенно интересовало, принимая во внимание его общеизвестную чрезвычайную осторожность в заключениях и

---

* См. гл. «Генерал Brandström».

общепризнанную репутацию одного из наиболее выдающихся русских судебных деятелей.

— Какое еще может быть сомнение, Борис Владимирович, — сказал Александров и, пожав плечами, добавил: — Что же еще надо?!

Тогда я поставил второй вопрос:

— Когда приступить к арестам?

На этот раз первый взял слово Александров. Он говорил очень недолго и высказал лишь то, что одинаково понимали и чувствовали все присутствующие. Он сказал, что мы фактически не можем не только перехватать всех большевицких лидеров, не только войти в дом Кшесинской, но даже проникнуть в помещение большевиков, в третьем этаже нашего собственного дома и произвести обыск. А если бы нам и удалось задержать нескольких лиц, то они были бы выпущены даже не снизу, а сверху.

— Но ведь вы не выдержите равновесия, и все пойдет прахом, — сказал мне Александров.

Конечно, то были факты. И я предвидел большое потрясение; но о нем-то мы и мечтали! Переверзев мне часто говорил, что Россия погибла и ее может спасти только наша контрразведка. Первый раз он мне сказал так:

— Ведь вы же единственный, Борис Владимирович, кто имеет организацию и поддерживает правительство. Россия погибла.

— Павел Николаевич, мы говорим о Петрограде, — остановил я его, потрясенный.

— Да нет же! А я вам говорю о России — она погибла, — отвечает он мне убежденно. — Ведь я же сижу в правительстве и слушаю доклады, которые приходят со всех концов России. Докажите, что большевики изменники, — вот единственное, что нам осталось.

Итак, сведения собраны. В них единственная надежда. Допустить, чтобы последний ход сорвали — никак нельзя. А кем его сделать? Что произошло, когда 21 апреля Корнилов попробовал было вызвать лучший батальон, лучшую батарею. А дача Дурново? Сколько потребовалось ухищрений, чтобы привести людей якобы по приказанию Совета, чтобы захватить двух мелких мошенников, арестованных Совдепом, да,

в конце концов, самим же пришлось лезть в окно. Какой сплошной кошмар быть начальником контрразведки в русскую революцию!

К мнению Александрова, высказанному на совещании, присоединились все немедленно. Но ждоть, неизвестно до каких пор, мы тоже не могли.

Тогда тут же, на заседании 1 июля, я принял следующие решения:

1. Приказал отменить производство всех 913 дел по шпионажу, больших и малых, находящихся в разработке контрразведки и не имеющих прямого отношения к большевикам, дабы усилить работу против большевиков.

Такое распоряжение при обычных условиях следует признать чистейшим абсурдом. Оно нарушало систему, а, кроме того, очень часто из самых ничтожных новых расследований появляются как бы случайно новые пересечения, из которых возникают дела громадной важности. Но в данном случае я именно считал, что у нас и засечек, и доказательств совершенно достаточно, а не хватало сил, которые надлежало сконцентрировать, чтобы удержать за собой все приобретенное.

По-видимому, новый начальник контрразведки и его старшие помощники понимали этот вопрос одинаково. Отдавая приказание, я его оговорил, что отступления могут быть для исключительных случаев, но каждый раз с моего особого разрешения. Просьб об отступлениях заниматься каким-либо другим делом я не получил.

2. Мы составили список двадцати восьми большевицких главарей, начиная с Ленина, и, пользуясь предоставленным мне правом, я тут же подписал именем Главнокомандующего двадцать восемь ордеров на аресты.

3. Практика мне показала, что то, чего мы не могли провести в Петрограде, из-за вмешательства Совета раб. и солд. депутатов, нам иногда удавалось осуществить вне столицы. Поэтому я решил немедленно начать наступление на финляндском направлении по группе дел № 2 (Ленин — Парвус). Там, в Торнео и Белоострове, были активно настроенные коменданты, а из попавших в список 28 большевиков больше половины ездили к себе на дачи, а также в Выборг. Стало быть, была не исключена возможность их арестовать внезапно в

вагоне, а к тому же зацепить с поличным. Из Финляндии я рассчитывал выйти на Петроград.

Поэтому в тот же день, 1 июля, я переселил на границу Финляндии целый отдел контрразведки с 40 агентами. Начальнику его, тому же следователю С., я вручил ордера, приказал арестовывать указанных в них лиц при их появлении на границе и немедленно о том доносить по телефону.

4. Я поставил в известность всех присутствовавших на совещании, что такой порядок будет продолжаться самое большее семь дней. В случае же, если за этот срок нам не удастся обличением и арестами в Финляндии вызвать возмущение против предателей и тем создать благоприятную обстановку, мы все равно 7 июля приступим к ликвидации большевиков в самом Петрограде.

12. ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

В тот же день, 1 июля, около 10 часов вечера, я приехал в Штаб округа. Сходя с автомобиля, я встретился на тротуаре с Половцовым и Балабиным, выходящими из Штаба.

Половцов отвел меня в сторону и в присутствии Балабина сказал:

— Вот тебя-то как раз мне и надо. Положение Временного правительства отчаянное; оно спрашивает, когда ты будешь в состоянии обличить большевиков в государственной измене.

Я ответил:

— Данных у меня совершенно достаточно. Но я не вижу тех войск, которыми мы будем штурмовать дом Кшесинской и около тридцати боевых организаций большевиков, разбросанных по всему городу. Во всяком случае, передай Временному правительству, что если мы чего-нибудь не придумаем до 7 июля, то я все равно приступлю в этот день к арестам в самом Петрограде.

Здесь же в кратких словах я доложил Половцову об отданных мною утром распоряжениях.

Потом я понял, что сделал большой промах, передав эти сведения для доклада Временному правительству. Но в тот момент мне казалось совершенно необходимым, чтобы Главнокомандующий знал о столь важных решениях, тем более что они будут выполняться его именем. Я ответил непосредственно на поставленный вопрос, совершенно упуская из виду, что при новой конструкции Верховной Власти, она не могла сохранить ни одного секрета, и, по меткому выражению Савинкова, строго конфиденциальное решение становилось известным дальше «в товарищеском порядке». Три-четыре министра ежедневно исповедовались в президиуме Совета солд. и раб. депутатов, если сами не состояли в последнем. А тут уже немислимо поставить глухую стену между меньшевиками и их старыми партийцами, засевшими в доме Кшесинской, с которыми они беседуют и которых уговаривают. Долго ли таким путем узнать все новости, даже не обращаясь к помощи специальных информаторов?

Возьмем хотя бы меньшевика Либера. Я не могу прибавить ни слова — ни за, ни против, кроме того, что скажу ниже, и не имею точных данных, чтобы бросить ему обвинение в сознательной информации, но я не могу также не назвать его привычек очень странными. Да и сам он, приехав к нам 7 июля вызволять большевика Каменева, волнуясь, сказал Каменеву в моем присутствии: «Когда я вчера заехал к вам в дом Кшесинской». Его признание меня несколько не удивило: я давно знал оригинальные, круговые маршруты Либера из Совета (Таврического дворца) в Штаб округа, из Штаба в дом Кшесинской, оттуда опять в Совет и т. д.

Вокруг того же Либера вертелась компания нескольких, очень подозрительных людей, против которых у нас были начаты интересные расследования. Эти господа жили в небольшой плохонькой гостинице на Фонтанке; Либер сам иногда к ним навещался. Собственно, отсюда он и попал под обзор контрразведки. Половцов несколько раз говорил мне о жалобах Либера, будто его преследуют мои агенты. Я разводил руками и отвечал, что непосредственных данных у меня нет никаких, но знакомства у него самые предосудительные. Мне объясняли, что то был ярко выраженный тип соглядатя.

Исходя из практики и по всем этим соображениям, можно с уверенностью сказать, что мой доклад Половцову для Временного правительства 1 июля не мог не дойти до большевиков.

Теперь уже точно известно и знаменательно, что как раз на другой день, именно 2 июля, Ленин вдруг спешно стал составлять план восстания. В то же время большевики не скрывали, что для большинства из них восстание произошло неожиданно. Они пробовали объяснить, что 1-й пулеметный полк выступил «по неизвестной причине», а остальные только примкнули «стихийно». Между тем когда через неделю был арестован полковой комитет 1-го пулеметного полка, доставлявший нам так много неприятностей, то его тройка от президиума — живые фигуры из музея Ламброзо — не на шутку перепугавшись, подтвердила, что все указания получала от центрального комитета партии большевиков; а на мой вопрос: «Почему так внезапно выступили?» — мне ответили, что им сказали, будто они будут скоро арестованы.

Сопоставляя эти факты, у меня невольно напрашивается вывод, что немецкие наемники, прослышав, что их хотят захватить не позже 7 июля, поспешили своим выступлением опередить эту дату. Они ускорили восстание, намеченное их руководителями из Берлина.

История уже отметила тот достоверный факт, что восстание явилось «неподготовленным» и началось без ведома отдельных большевиков, которые все вместе так до сих пор и не дали надлежащего объяснения этой поспешности.

Однако если мой промах имел свои последствия, то в конечном результате он случайно послужил нам на пользу: большевики выступили первыми и уже тем самым восстановили против себя все население Петрограда.

День 3 июля наступил для всех нас так же неожиданно, как для многих из них. Временное правительство узнало о выступлении часа на два раньше меня: вероятно, сведение дошло до него по тому же обратному проводу.

Около 5 часов дня, выйдя из одного дома на Невском, я не нашел своего автомобиля. Швейцар поспешил объяснить, что его увели силой какие-то солдаты. Отправляюсь пешком в управление контрразведки. По дороге встречаю несколько автомобилей с вооруженными людьми в серых шинелях, самого безобразного, неряшливого вида, на передних крыльях машины обыкновенно лежит по хулигану с винтовкой штыком вперед. Придя на Воскресенскую набережную, первого, кого увидел, — своего шофера Николая. Его было захватили силой и заставили везти, но хитрец, едва доехав до Литейной, остановил машину; выключив мотор, он поднял капот и на все понукания и окрики, делал вид, что занят исправлениями, отвечал, что мотор испортился. Посидели так минут с двадцать; видя, что мотор не исправляется, вылезли и ушли, выругав напоследок. Простояв еще для виду с четверть часа, Николай закрыл капот, сел за руль и помчался к нам в гараж, где и запер машину.

Тем временем по телефону начинают поступать донесения о митингах в полках, а «наблюдатель» из Совета солд. и раб. депутатов доносит, что большевики требуют немедленной передачи власти советам, и заседание рабочей фракции по этому поводу состоится вечером. Как раз на 8 часов вече-

ра в этот день у меня было назначено свидание на конспиративной квартире, на Моховой улице, с секретным сотрудником, иногда посещавшим дом Кшесинской.

Иду к назначенному часу; узнаю, что большевики поднимают завтра вооруженное восстание. Для этого, на усиление петроградских банд, к утру будут притянуты кронштадтцы и гарнизоны из окрестностей; в том числе, конечно, солдаты сильно большевизанствующего (от *франц.* *bolchevisant* — сочувствующий большевикам. — *Прим. ред.*) 2-го пулеметного полка из Ораниенбаума. Большевики, игнорируя Временное правительство, пойдут на Таврический дворец, разгонят ту часть депутатов, которая поддерживает Временное правительство, объявят о передаче верховной власти Советам и составят новое правительство.

Около 10 часов вечера попадаю в Штаб округа. Сведения, как и следовало ожидать, поступают очень скверные. Приходится радоваться, когда узнаешь, что тот или иной полк согласен в восстании вообще не принимать участия ни с чьей стороны и обещает завтра не выйти на улицу, как заверяют нас полки 1-й Гвардейской пехотной дивизии. Совсем обратное приходит из полков Гренадерского, Финляндского, Павловского и вообще всей 2-й гвардейской дивизии, равно как 1-го запасного и, конечно, 1-го пулеметного, с которым мы давно на положении открытой войны. Эти все не только выйдут на улицу, но выступят против.

Таким образом, пехоты у Главнокомандующего совсем нет.

Артиллерии за ним только запасная батарея гвардейской конной в Павловске. Юнкера артиллерийских училищ уже давно сидят без лошадей и орудий, так как они у них отобрали командами солдат, состоящих при училищах.

Броневики были для нас всегда недосыгаемы: они официально подчинялись Совету солд. и раб. депутатов; команды их сильно распушены и выступят, конечно, против.

Остается кавалерия: единственная опора Главнокомандующего — 1-й Донской казачий полк, а также до известной степени 4-й Донской и два эскадрона запасного кавалерийского полка. Вообще же казаки просили их без пехоты не выводить.

Таким образом, выступить Половцову в буквальном смысле не с кем.

Тем временем со всех сторон подтверждаются сведения, что большевики поведут удар на Таврический дворец.

Половцов решает выждать с казаками событий, чтобы использовать их в удобном случае, когда таковой представится.

Независимо от сего Совет солд. и раб. депутатов надеется притянуть на свою защиту какие-то части.

Он приглашает Половцова переехать в Таврический дворец, чтобы руководить этими войсками оттуда. Военная секция Совета состоит, мол, из выборных от гарнизона и рассчитывает на некоторое влияние, а распушенная масса номинально подчиняется Совету, отдельная комиссия которого утверждает приказы Главнокомандующего.

Половцов отвечает отказом, предпочитая остаться как бы на фланге с несколькими сотнями казаков. Вместо себя он решает послать в Таврический дворец меня. Узнаю об этом внезапно, приблизительно в 12 часов ночи. Едва успеваю выслушать приказание, как приходится брать фуражку. Меня официально повезет в Совет член исполнительного комитета, бывший большевик Войтинский. Он стоит тут же, около Половцова, и торопит.

Успеваю уже на ходу сказать последнему, что не забуду его прерогатив и что для защиты Петрограда достаточно не больше бригады.

— Требуй больше! Хотя бы дивизию! — говорит Половцов мне вдогонку.

А я уже спускаюсь по лестнице и сажусь с Войтинским в советскую машину.

Если бы мне несколько минут тому назад кто-нибудь сказал, что я буду назначен в Совет, я бы громко смеялся. Но сейчас в один миг карты перетасованы: остались либо защитники Верховной Власти, либо ее противники, с которыми предстоит драться.

В кулуарах Таврического дворца застаю большое оживление. Там всякого рода представители, корреспонденты газет и много отдельных служащих отделов и подотделов Совета.

Тут же только отдельные члены Военной секции, а остальные все в большом зале, где идет бурное пленарное заседание при участии фракции большевиков. Здесь можно получить все последние новости: солдаты 1-го пулеметного

полка, поддержанные отдельными командами, уже собирались у дворца и требовали немедленной передачи власти Советам. Керенский спешно уехал на фронт за войсками для защиты Петрограда. За ним мчались на грузовиках большевики и чуть-чуть его не захватили, опоздав на Варшавский вокзал к отходу поезда всего на 20 минут.

Члены Воинской секции, до сих пор в подавляющем большинстве противоположного нам лагеря, теперь предупредительно знакомят меня со своей организацией. Воочию убеждаюсь, что у них существует нечто вроде параллельного нам штаба с подобием отделений: оперативного, личного состава, конечно, пропаганды, борьбы с контрреволюцией и службой связи. Показывают свои журналы, записи, а по их повышенному и очень бодрому настроению можно подумать, что уже выступили на войну. Но с какими войсками? Никто объяснить мне не может.

Полагаю, что при такой обстановке лучше всего осмотреть входы и выходы дворца на предмет его непосредственной обороны. Едва успеваю обойти это громадное здание, как меня просят пройти на заседание и ведут в одну из боковых зал, где собралось человек двести, во главе с Чхеидзе. Это и была та группа, которая окончательно разругалась с большевиками и, выслушав от них угрозы и ультиматумы о немедленной передаче верховной власти Советам, демонстративно покинула заседание, происходившее в большом зале.

Среди собравшихся вижу высокую фигуру министра почт и телеграфа Церетели; тут же Гоц, Анисимов и другие эс-эры. Стараюсь вникнуть в происходящие дебаты. Слышу, как одни укоряют других, вспоминая, что давно предлагали порвать с большевиками, но их не послушались. Длинную тему особенно подробно развивает своим отчетливым и уверенным голосом Дан. Становится ясно, что продолжается старый спор, тем более что ораторы уходят в далекое прошлое.

Говорить не на тему и не о том, что сейчас надлежит делать, — принято во все революции и даже в самые решительные минуты*. Так было и у нас, пока председательствовавший

---

* Так, в последние часы Парижской Коммуны, когда снаряды рвались у последних редюитов (*фр. réduit* — опорный пункт. — *Прим. ред.*) коммунаров, эти также спорили о каких-то ассигнованиях по театральному бюджету.

Чхеидзе не прекратил горячих прений и не перевел дебаты на жгучий вопрос — как привлечь к себе солдат? Собрание постановляет — представителям полков вернуться в свои части и уговорить их выступить на стороне Правительства. Тут же делается подсчет, кто куда поедет, но выясняется, что миссию эту берут на себя всего 39 человек, в том числе и какой-то матрос, который должен «слетать» в Кронштадт и обратно.

Не выдерживаю, посылаю Чхеидзе записку, что прошу слова. Он передает, что имел в виду предложить мне говорить последним, и прекращает запись.

Жду с нетерпением, так как уже 5 часов утра.

Наконец, Чхеидзе объявляет, что заключительное слово предоставляется «Помощнику Главнокомандующего», и все поворачиваются в мою сторону, из чего заключаю, что наступила моя очередь. Не знаю, почему ему понадобилось повысить меня на эту должность, но для авторитета это совсем не так плохо.

«Не разбрасывайтесь, — начинаю свою речь, — и весь Петроградский гарнизон нам вовсе не нужен». Далее объясняю, что если 39 человек поедут, как они записались, по одному в полк, то они не смогут обойти даже и нескольких рот, а на митингах их все равно провалят, и они никого не приведут. Говорю, что нам нужен отнюдь не гарнизон, а только бригада, или даже полк в 2–3 тысячи человек; но необходимо, чтобы эти люди действительно активно выступили, а для этого предлагаю, чтобы все 39 человек поехали только в один какой-нибудь полк 1-й Гвардейской дивизии, поддержали там друг друга коллективным выступлением и действительно повели людей за собой.

Чхеидзе и Церетели поддерживают мое предложение, которое всеми принимается. Из полков они тут же выбирают Измайловский, по-видимому, более других им доступный, и все 39 человек решают немедленно поехать в последний.

На этом, часам к 6 утра, заседание закрывается. Таврический дворец пустеет.

Озабоченный тем, что произойдет с контрразведкой и делами о большевицкой измене, выхожу и я. Для меня нет никаких сомнений, что ее разнесут. Об этом столько раз кри-

чали с разных сторон и отдельные немецкие агенты, и большевики, и даже приезжие эмигранты.

Иду пешком на Воскресенскую набережную, где не нахожу ни дежурных, ни даже сторожей, а застаю уже жуткие пустые помещения, ожидающие своей участи... Роюсь по шкафам, разыскиваю штук 30 досье о большевиках, отбираю 6 наиболее важных, кладу к себе в портфель, а остальные несую в архив; стараюсь загнать их под нижние полки и как можно дальше. В конце концов, так постарался запрятать папки, что через несколько дней мы сами их с большим трудом разыскали. Затем беру из несгораемого шкафа всю наличность — 60 тысяч рублей, а также краткое резюме по делу о большевиках, которое перед тем составил предусмотрительный опытный юрист Р.

Уже в восьмом часу выхожу с портфелем и иду по набережной в Штаб округа. Проходя мимо Летнего сада, встречаю, к своему удивлению, выходящего из ворот Великого Князя Николая Михайловича¹. По-видимому, он уже возвращается, как ни в чем не бывало, со своей утренней прогулки. Великий князь знал меня много лет. Он здоровается и закидывает вопросами. Как раз в этот момент мимо нас мчится автомобиль с вооруженными, расхлябанными солдатами, очевидно разведчиками противника, а судя по внешности, взятыми из какого-нибудь притона с окраины столицы. Великий князь указывает на них и спрашивает: «Когда же кончится это безобразие?»

Отвечаю, что это уже совсем не безобразие, а восстание. Советую ему прекратить прогулку и сегодня не выходить из дому. Идем вместе до его дворца, а оттуда дохожу один до Штаба.

Прежде всего, передаю Балабину деньги и шесть главных досье о большевиках, которые он прячет в свой несгораемый шкаф: там им будет надежнее.

Затем кратко докладываю Половцову о своих ночных впечатлениях, а также читаю ему резюме по обвинению большевиков в связях с немцами.

---

¹ *Николай Михайлович* (Великий Князь; 1859–1919) — старший сын Великого Князя Михаила Николаевича, генерал от инфантерии, историк. Убит большевиками в Петропавловской крепости.

По части информации узнаю, что матросы вышли на нас из Кронштадта в 8 часов утра; идут на транспортах с двумя миноносцами. Десант общим числом 5—6 тысяч.

Пока собираю последние сведения, приходит начальник Генерального штаба генерал Ю. Романовский, как всегда, энергичный и жизнерадостный.

— Вот видите, я подумал о вас и сам привел в ваше распоряжение из Управления целое отделение во главе с полковником Д., — говорит он мне, указывая на пришедших с ним офицеров, и добавляет: — Все равно, им в своей канцелярии сегодня служить не придется, а у вас, наверное, не хватает людей, вам они пригодятся.

Назначаю часть пришедших по службе связи, а полковника Д. с остальными посылаю на телефонные станции для защиты и разведывательных целей.

Они пришли очень кстати.

Пробыв в Штабе около часа, нанимаю извозчика, так как автомобиль у меня по дороге несомненно отберут шныряющие банды, и спешу в Таврический дворец.

Кругом последнего уже собираются солдаты — противника; к ним подходит 1-й пулеметный полк с небезызвестным прапорщиком Семашко и, конечно, со своими пулеметами. Протискиваюсь через врагов не без труда уже пешком. Такое положение, действительно, необычайно.

Кулуары дворца начинают наполняться около 10 часов. Воинская секция, которая насчитывала по спискам более 700 человек, собирается медленно, видимо, очень неохотно. Добрые две трети ее так за целый день и не показались. Большая часть немедленно приступила к новому заседанию в большом зале. Остальные были готовы принять участие в боевых действиях, а человек 30 проявляли даже особую активность. Они начинают с упреков Половцову, что он не пожелал сам приехать. Говорят, что отдают себя в мое распоряжение, просят меня разделить Петроград на кварталы, наметить места баррикад и приступить к их постройке.

Категорически отклоняю эту затею, так как ни защищать баррикады, ни строить их некому.

Стараюсь добиться, что стало с теми, кто поехал за Измайловским полком. Гоц и Анисимов уверяют, что сейчас

сами за ним поедут. Требую не бригаду, не полк, а хоть один батальон.

К 10 часам утра прибывает из Ораниенбаума 2-й пулеметный полк с несколькими десятками пулеметов, а к 11 часам уже появляется у нас под окнами. Разные команды, пришедшие с ним, по пути от вокзала стреляют на Невском в прохожих; шальные пули носятся по улицам; падает несколько раненых, публика в суматохе разбегается.

Как раз к этому времени мы убедились, что те наши часовые, которые стояли у входов, сбежали от одного вида толпы.

Несколько раз за день удавалось найти охотников покарать двери, но обыкновенно больше часа они не выдерживали и исчезали. Таким образом, вход во дворец был всегда свободен; можно сказать, не преувеличивая, что до самого вечера мы представляли собой «обозначенного противника»*.

Рошаль и Раскольников высаживаются с кронштадтцами около 11 часов. С шумом, беспорядочными рядами матросы направляются к дому Кшесинской, открывая по дороге ничем не вызванную стрельбу по мирным жителям. Из дома Кшесинской к ним выходят ораторы, предлагают идти на Таврический дворец, занять его и объявить «Власть Советам»**. После полудня часть кронштадтцев занимает Петропавловскую крепость, а остальные переходят с новой пальбой к Таврическому дворцу. Пальба продолжается около часа. Встреченные на пути мужчины и женщины падают убитыми и ранеными.

После кронштадтцев большевики приводят 11 000 рабочих с Путиловского завода, о выступлении которых я был предупрежден заранее по телефону. Подходят и рабочие с Выборгской стороны. Теперь уже вся площадь кругом дворца, все прилегающие улицы запружены народом. Здесь же и люди из полков 2-й Гвардейской дивизии, из которых, как можно было ожидать, более других Гренадерского полка. Тут же, очевидно, и всякого рода зеваки.

Со стороны заднего подъезда, примерно в 10 саженях, сначала лежала цепь с винтовками; но ввиду наплыва людей

---

* Специальной военной термин: так на маневрах называют флажки, которые условно обозначают противника.

** Точно установлено при расследовании.

ощепление поднялось, так что кругом образовалась как бы непроходимая живая стена.

Как раз перед тем ко мне явился казак — урядник, при-
сланный для связи Балабиным.

— Как же вы пришли? — спрашиваю его с удивлением. Прибытие казака меня тронуло; значит, все же кто-то обо мне думает.

— Да вот, — рассказывает урядник, — проталкивался я через людей и дошел до цепи. Лежат. Хочу дальше, а те говорят: «Нельзя! Никого пропускать не дозволено». Тогда я им: «А что будет, коли я пойду?» Они мне: «Стрелять будем». Говорю им: «Это в меня-то стрелять будете?! В меня?!» Махнул на них рукой и пошел через цепь. Сзади кричат: «Черт!» А я все шел и пришел. Так и не стреляли.

Если можно говорить о непосредственной обороне здания, то таковая была выполнена несколькими десятками человек — членов Воинской секции.

Из толпы вырывались отдельные банды, забирались во дворец или во двор, где старались они захватить автомобили. От времени до времени мы выскакивали из разных дверей, выставляли вон отдельные шайки, отбивали назад машины, ставили при входах караулы для декорации. Особенно лихо расправлялся с этими налетчиками член исполнительного комитета Сомов. Небольшого роста, коренастый, он поспевал всюду, стаскивал вновь устроившихся у руля шоферов и выталкивал их непосредственно в шею.

Настроение наших импровизированных защитников быстро повышалось. Некоторые истерически на меня набрасывались, все спрашивая: «Когда же мы откроем боевые действия?» А я все тщетно требую привести мне хоть одну команду... И наконец, сам едва сдерживаюсь, когда в 1 час дня, к своему негодующему изумлению, увидел Гоца и Анисимова.

— Вы что же до сих пор здесь делаете? Когда еще три часа тому назад взялись ехать за Измайловским полком! Ведь у меня же до сих пор никого нет! — налетаю я на них обоих и выслушиваю очень неуверенные объяснения, что они задержались на интересном заседании Совета, которое продолжается в главном зале.

— Будьте уверены, мы сейчас едем за полком, — говорят мне оба и скрываются.

На этот раз они действительно ушли, и я их в этот день так и не увидел. Встретившись с Гоцем на другой день, я спросил его, чем же кончилась его поездка 4 июля. Он мне долго объяснял, как, с трудом выбравшись из толпы, он и Анисимов ошиблись адресом, попали не в Измайловский полк, а в какой-то другой. А потом, как оказалось, «выйти на улицу уже было невозможно».

Не прошло и часа с их отъезда, как мне сообщают с сияющим видом из службы связи Совета, что их оповестили только что по телефону, как по Невскому прошел целый полк в полном порядке, да еще с музыкой и с развевающимися знаменами. Он направлялся к Таврическому дворцу, и, по мнению членов Воинской секции, это и есть тот Измайловский полк, который идет нас спасать. Мне же кажется совсем иначе: в Измайловском запасном полку знамен нет, а также нет и значков. Действительно, вскоре к полученным по телефону сведениям вносится поправка, что над полком развеваются не знамена, а красные флаги. Так и есть: стройно подходит не союзник, а враг — 1-й запасный полк, приведенный большевиками, и в большом порядке.

Едва пробившись к дверям, три представителя полкового комитета, а с ними и прапорщик Сахаров, являются к нам «для переговоров об очищении помещения», а сами мрачно, исподлобья озираются по сторонам, высматривая, что у нас делается. На вопрос мой: «Зачем явились?» — они ответили: «Революция углубляется». Мы сомкнули ряды и выставили их на крыльцо.

Сведения извне приходят одно другого хуже.

Первые боевые действия открылись еще в 12 часов ночи, в Эртелевом переулке, у типографии «Новое Время», куда приехали матросы печатать свои воззвания. Они привезли два пулемета, поставили их по углам переулка и время от времени открывали из них бестолковый огонь, под прикрытием которого товарищи набирали воззвания. Тут были убиты: дворник, две женщины, и ранено несколько запоздалых прохожих.

Уже с утра в самом городе, не говоря о том, что по улицам разъезжали броневые автомобили с пулеметами, из ко-

торых стреляли неизвестно в кого и почему, большевики поставили команды с пулеметами на некоторых перекрестках улиц, откуда фланкировали главные артерии.

Такая огневая связь была, например, установлена ими по всей линии — по Литейному, Невскому и Садовой улице. Как видно, эта система перерезала весь Петроград левого берега Невы и отделяла Штаб округа от Таврического дворца.

Площадь вокруг нас набивается битком. Отдельные группы наглеют все больше и больше. Вот одна из них врывается, ищет Переверзева, но, схватив по ошибке министра земледелия Чернова, вытаскивает его наружу, успев при захвате его изрядно помять и разорвать костюм*. Чернов уверяет, что он не Переверзев, и начинает объяснять преимущества своей земельной программы, а попутно сообщает, что министры-кадеты уже ушли и правительству не нужны. Из толпы несутся всевозможные крики и упреки, вроде требования сейчас же раздать землю народу. Чернова подхватывают и волокут к автомобилю. Тут появляется Троцкий. Пробившись к Чернову, он обращается к окружающему его сброду, среди которого выделяются кронштадтские матросы, и держит речь со свойственным ему пафосом. Он произносит слова, которые впоследствии так и остались за матросами: «краса и гордость русской революции, неужели у вас поднимется рука на вашего министра?!» Затем, хорошо зная своих сотрудников, Троцкий не ожидает ответа «красы и гордости», быстро хватает Чернова за рукав и спешит увести его во дворец**.

Связь моя со Штабом поддерживалась весь день по телефону. В кабинете Главнокомандующего стоял аппарат. Мы условились, что со мной будет разговаривать кто-нибудь из

---

* На другой день Чернов укорял Переверзева за пережитые в его честь минуты.

** В своем очерке революции до Брест-Литовска Троцкий пишет, что ему пришлось встретиться в тюрьме с матросом, участвовавшим в попытке арестовать Чернова. Это был обыкновенный уголовный преступник, который уже раньше сидел в Крестах за кражу (см.: *Миллюков. История Второй русской революции*, т. 1, выпуск 1, с. 244).

Здесь Троцкий бьет в точку: у него 4 июля гордостью революции на передовом пункте оказывается уголовный преступник, а командиром кронштадтцев — Рошаль, укравший партийные деньги.

трех: Половцов, Балабин или оставшийся за Керенского, товарищ военного министра Якубович. Не проходило и получаса, чтобы кто-нибудь из них мне не позвонил и не спросил: «Что нового?» По их голосам мне каждый раз казалось, что они рады убедиться, что я еще не взорван, но не уверены, не перейду ли я в лучший мир к следующему их телефону.

После инцидента с Черновым залы и передние пришли в волнение, а тут еще к 4 часам дня зарвавшиеся передние ряды продвинулись на крыльцо, стали требовать выдачи другого министра — Церетели, находящегося с нами во дворце. Уже к этому часу отдельные подозрительные фигуры довольно свободно расхаживали по коридорам.

Звоню Главнокомандующему, попадаю на Балабина:

— Теперь требуют выдачи Церетели. Помочь ему ничем не могу, так как у меня никого нет. Не можете ли вы нас подержать?

Балабин: Но ты же знаешь, что у нас тоже никого нет, кроме четырех сотен казаков.

Я: Да, знаю! И, несмотря на просьбы Чхеидзе, ничего тебе не говорил, когда таскали Чернова; но Церетели мы выдать не можем: он единственный имеет на Совет сдерживающее влияние. Наконец, по обстановке пора и очень важно показать движение. Четырех сотен более чем достаточно. Пошли половину. Только прикажи пустить в ход оружие, но дойти во что бы то ни стало. Поверь, дойдут.

Балабин: Хорошо! Подожди немного.

Через четверть часа звонок:

Балабин: Отправляем две сотни казаков. Посылаем к ним два орудия. Им приказано: подъехать к толпе, сняться с передков, предложить разойтись, а если не разойдутся — открыть огонь. Удовлетворен?

Отвечаю: «Вполне!» — и вешаю трубку.

Никому ни слова. Вероятно, проклянут за артиллерийский огонь по толпе, хотя сами же просили открыть «боевые действия». Буду слушать орудийные выстрелы.

История действий этого маленького отряда, названного неизвестно почему отрядом полковника графа Ребиндера, следующая.

Отряд с Дворцовой площади шел на рысях, когда внезапно недалеко от угла Литейного и Шпалерной попал под пулемет, поставленный на Литейном мосту солдатами Финляндского полка. Попав неожиданно под обстрел, казаки дернули в сторону, врассыпную. Заметим, что иначе в таких случаях поступить было бы трудно: на улице, под прямым выстрелом пулемета атаковать его в лоб для маленькой конной группы — предприятие почти безнадежное. А тогда остается, прежде всего, скрыться в складках местности, то есть в данном случае по улицам, за домами.

В тот же момент оба орудия остановились и стали сниматься с передков, но одно из них тут же было окружено восстановившими солдатами 1-го Запасного полка; другое орудие — с убитым в спину коренным ездовым Пискуновым — успело проскочить Литейный проспект, сняться с передка и дать три выстрела. Им командовал пошедший с отрядом волонтером штабс-капитан Цагурия*.

Для первого выстрела Цагурия, оставшись один, без солдат, заряжает сам — первым попавшимся снарядом — гранатой; он бьет на 200 шагов по кучке солдат, окруживших первое орудие. Граната метко разрывается, наносит тяжелый урон противнику, который разбегается. К Цагурии подбегают свои: подьесаул Гвардейского запасного батальона Филимонов и вахмистр.

Второй выстрел Цагурия посылает по пушкам Гочкиса, обстреливавшим его с северного берега Невы.

Наконец, третий снаряд разорвался перед домом Кшесинской. Там уже было объявлено новое правительство при участии Ленина и Рошала. Разрыв перед окнами показал большевикам, что мы не только существуем, но и выступаем активно.

В этом эпизоде отряд теряет 6 убитыми и 25 ранеными. Цагурия отбивает другое орудие и постепенно собирает людей. На этом боевые действия отряда заканчиваются.

---

* Конной артиллерии штабс-капитан Цагурия, приехав с Кавказа в командировку, в Петрограде оказался случайно. Сам вызвался идти с отрядом. Насколько мне известно, он в настоящее время проживает в Бельгии.

Как видно, бой произошел у Литейного моста. Расстояние от последнего до Таврического дворца настолько большое, что все дело разыгралось, конечно, вне сферы расположения полчищ, которые нас окружали, а потому прямого давления на них не оказало. Также нельзя допустить, что от Литейного моста можно продольно обстрелять Таврический дворец, так как этого не позволяет расположение улиц. Да казаки огня и не открывали, а орудийные выстрелы были даны по другому берегу Невы.

Действия эти я узнал немного позже, а в то время из-за общего шума не слышал даже орудийных выстрелов.

Часов в 5 дня мне позвонил Балабин:

«П. Н. Переверзев, который сидит здесь с нами, спрашивает, не имеешь ли ты препятствий к немедленному опубликованию части тех данных об измене большевиков, о которых ты сегодня докладывал Половцову? При этом разоблачения были бы подписаны не тобой, так как твое имя не вызовет доверия масс, а Г. Алексинским и старым шлиссельбуржцем Панкратовым¹. Теперь спрошу от себя, как ты думаешь, не создаст ли нам, наконец, это опубликование благоприятную обстановку для ареста большевиков?»

Я ответил:

— Совершенно согласен. Считаю опубликование своевременным и могущим быть решающим при настоящем положении. Только прошу тебя, позови сейчас же моих людей; они должны быть у вас в Штабе, и помоги им немедленно приступить к арестам.

Не могу не удостоверить, что Переверзев прекрасно отдавал себе отчет, что делает ставку на последнюю карту. Выбрав правильно психологический момент, он посоветовался с Половцовым, а потом, со свойственным ему тактом, не счел

---

¹ *Панкратов* Василий Семенович (1864—1925) — один из первых рабочих-революционеров, член партии «Народная воля». В 1884 г. за убийство жандарма приговорен к 20 годам каторги, 14 лет провел в одиночной камере Шлиссельбургской крепости. В 1905 г. бежал из Якутской ссылки, член партии эсеров, уч. вооруженного восстания в Москве в 1905 г. В 1917 г. назначен комиссаром Врем. пр-ва, возглавил отряд, перевозивший семью Императора из Царского Села в Тольск.

возможным предать гласности сведений, ему известных, не спросив согласия у меня, как технического исполнителя.

Очень скоро после этого разговора произошло, независимо от нашей воли, именно то событие, которое тактически на нашем боевом участке повернуло успех всего дня на нашу сторону.

Нас окружала тесным поясом лавина в несколько десятков тысяч человек. Большевики действительно постарались нагнать возможно больше народа, но именно такое число участников обрекло их сегодня на неудачу. Кто были в массе эти люди? Солдаты? Коммунисты? Совсем нет! Просто мужики, которые не умели как следует зарядить винтовки. Им наобещали много чудес, их развратили, согнали в громадное стадо, среди которого потерялись сами пастухи. Сколько из них на всех приходилось идейных большевиков, готовых, рискуя жизнью, пойти на штык? Да сколько бы их ни было, они потеряли друг друга, сами потерялись в этой чудовишной толпе из бесчисленных голов. Большевики прежде всего завязли. По мере того как прибывали новые люди, они теряли управление. Уже к полудню было заметно, как рвались цепочки и исчезало оцепление. А во вторую половину дня технические средства управления были окончательно раздавлены массой, что было видно по всем ее бестолковым передвижениям*.

Характерно, что сам Троцкий даже на главном пункте позиции вынужден был спасать своего старого знакомого Чернова. Все перепутались, стояли вплотную, так что не продвинуться.

Пришло ли от Ленина обещанное приказание либо более решительные, наскучив стоять, сами решили перейти к активным действиям, но только вдруг из толпы начали стрелять по дворцу. За первыми выстрелами последовали другие: так открылась беспорядочная стрельба, которая продолжалась не более получаса. Стреляли, может быть, и в воздух, но, несомненно, и по дворцу. Стреляли не из ближайших рядов, а из толпы, так как именно среди первых рядов нашего врага попадало несколько десятков раненых, сраженных в спину пулями своих.

---

* Расследование подтвердило, что Ленин обещал присылать дополнительные приказания.

Этого оказалось достаточным: с первыми же выстрелами грянула паника, да какая... Толпа закачалась, загудела, люди бросились кто куда. Те, кто был ближе к дворцу, устремились в него, но вовсе не со штыками против нас, а чтобы спрятаться за стенами от пуль, летающих по площади, Это мы сообразили довольно скоро, но все же не сразу.

Среди общей суматохи меня зовут к телефону. На том конце провода Якубович просит ориентировать в обстановке. Пока он ждал, то, очевидно, услышал по аппарату выстрелы, так как спросил меня: «Кто стреляет и что происходит?»

Только успеваю сказать, что еще сам не могу разобраться, как с треском выламывается окно и ко мне начинают быстро влезать один за другим солдаты с винтовками. Резким движением вешаю трубку, поворачиваюсь в полной уверенности, что пришли меня брать*. К удивлению, однако, вижу совсем не злодеев, как их принято представлять, когда они врываются убивать, а очень помятые физиономии. Движения нерешительные, переминаются с ноги на ногу. А за ними все ползут и ползут другие. Среди прочих прибывают несколько товарищей-кронштадтцев. И у них что-то вид перепуганный. Начинаю думать, уж не страшно ли стало на площади, да под пулями. Но думать некогда. Знаю, что спасение только в наступлении, а потому начинаю первый. Делаю вид, что принимаю их за своих:

— Вы что же так поздно пожаловали? Ведь мы вас ждем с утра. Кто же будет защищать Верховную Власть?

Слушают, не двигаясь, как будто рады, что их не ругают. Я уже успел овладеть собой вполне. Всех в большой комнате набралось человек 30. Иду вперед, отделяю двух, приказываю им остаться у окна и никого больше не впускать: «А то нас всех задавят». Остальным говорю:

— Идите за мной.

И веду их к главному подъезду.

В коридоре испуганные лица, меня засыпают вопросами: «Что это за люди?» Идем мимо раненых врагов, которых вно-

---

* Форма генерального штаба меня очень отличала от советских делегатов.

сят и тут же кладут на пол. Ставлю людей в передней у главных дверей, как заставу; приказываю, чтобы никого не впускали.

Выстрелы затихают; видны только разбегающиеся в разные стороны солдаты. Боевые отряды коммунистов, те, кто открыл огонь из толпы, с ней ассимилировались. Они не могли устоять перед общим ужасом, который передается от бегущей массы людей. Надо иметь незаурядную силу воли, чтобы пойти против стихийного потока, которым двигает страх, сильный своей безотчетностью. Паника подхватила зачинщиков, толпа унесла их с собой.

Конечно, следовало ожидать, что кадры оправятся и скоро вернуться. Но тут нам на помощь пришло еще одно обстоятельство, при других условиях, может быть, незначительное, но при пониженном настроении убегающих весьма уважительное, чтобы не возобновлять осаду немедленно: не успели выстрелы затихнуть, как хлынул дождь, и даже хороший ливень. Задержавшиеся кучки людей спешают укрыться от непрерывных водяных струй; окрестности пустеют*.

Человек полтораэта от Воинской секции и других собираются в боковом зале. У нас совсем не настроение победителей. Мы прекрасно понимаем, что только случайно получили передышку. Кругом все та же враждебная или в лучшем случае чужая толпа; а у нас, у нас ни одного солдата!

Да и из города собираются вести самые безотрадные. Становится известным о стрельбе на разных улицах, везде сопровождавшейся убитыми и ранеными. Огонь обыкновенно открывался отдельными шайками по случайной толпе или прохожим. Так было у Николаевского вокзала, в первом часу дня, затем на углу Литейного и Жуковской в 2 часа, на углу Невского и Садовой в 3 часа, на Садовой в 5 часов, на углу Надеждинской и Невского — в 6 часов, на Знаменской площа-

---

* Вспомним грозу 9 Термидора она рассеяла последних приверженцев Робеспьера, запертого в Hôtel de Ville¹.

¹ Имеется в виду важнейший момент Французской революции, когда произошел переворот, направленный против тирании М. Робеспьера, развязавшего в стране кровавый террор. 27 июля 1794 г. (9 термидора II года революции, по республиканскому календарю) Робеспьер был свергнут и впоследствии вместе с ближайшими сподвижниками казнен на гильотине.

ди — в 9 часов вечера. На Обводном канале и Литейном проспекте выстрелы почти не умолкали весь вечер, а потом продолжались и большую часть ночи. На Воскресенской набережной дважды за день большевики обстреливали и громили мою контрразведку. Сильно трещали пулеметы в 4 часа дня на Литейном проспекте; там шла колонна кронштадтских анархистов со своими черными значками. Как говорят, им померещились где-то вдали казаки. Анархисты открыли огонь из пулемета с грузовика. Пулемет подхватили ружейные выстрелы, и опять падали невинные жертвы, но досталось и по своим. Отсюда было доставлено по госпиталям несколько десятков раненых.

Конечно, нет возможности перечислять все места отдельных вспышек. Можно только определенно утверждать, что за малыми исключениями, как-то: обстрел контрразведки или выстрелы у Таврического дворца, огонь открывался не по нашим войскам, а по мирному населению для устрашения или по нервозности: наших войск против них не было, так как у нас их вообще не имелось. Только один 1-й Донской казачий полк вышел на улицу. От него с Дворцовой площади, на короткие расстояния иногда выезжали отдельные отряды. В один из них на углу Невского и Морской была брошена бомба, которая вывела из строя убитыми и ранеными 6 казаков и 20 лошадей. Потери полка за день: 20 убитых, 70 раненых казаков и около 100 лошадей. Но то был один 1-й Донской, и только!

При таких условиях большевики были полными хозяевами города.

Если весь трагизм положения был ясен еще тогда для некоторых из нас, то он еще ярче выступал из незначительных явлений, которые не замедлили последовать с наступлением ночи. Мы начали получать десятки телефонных призывов на помощь против грабителей. Звонили из магазинов Гостиного Двора, из Апраксина рынка, с Садовой, из банков на Невском; звонили телефонные барышни, умоляли отдельные голоса из частных квартир по Литейному и Жуковской, просили спасти от ломящихся бродяг и мародеров.

Услыхав эти вопли, моим первым движением было, конечно, как-то помочь. Но как? Кого послать? Поговорил два раза

со Штабом, но это было лишнее. Звонить в участки милиций? Оттуда не отвечают. Да мне именно и жалуются, что ее не могут найти*. Выслушивая крики и мольбы женщин по телефону, сознавая свое бессилие, я ничего не отвечал, вешал трубку, старался о них не думать; но нельзя забыть эти голоса.

В девятом часу прискакал доблестный Цагурия, но один из всего отряда. Он поистине «дошел во что бы то ни стало»: эфес шашки отбит пулями, фуражка и одежда прострелены в нескольких местах. Настроение прекрасное, а после пулеметного огня, под которым продержался, еще повышенное. Он сразу набрасывается на первых попавшихся депутатов Совета, и мне приходится их растаскивать**.

Отряда все еще нет, и мы продолжаем говорить на бесконечную тему дня — как притащить Измайловский полк. Вдруг, словно бомба, влетел в комнату, где я сидел с членами Воинской секции, один из членов Совета и закричал: «Мы спасены! У Временного правительства есть точные данные об измене большевиков!»

В мгновение весть распространилась по дворцу. Общий вздох облегчения и радости. Уныло опущенные головы поднялись. Депутаты ликовали, поздравляли друг друга, жали мне руки.

Тут же в комнате сидит на окне министр труда Скобелев. Его обычно тусклая физиономия сейчас сияет. Он смеется и весело посвистывает. Кто-то кричит, что надо скорей звонить по телефону во все воинские части и, прежде всего, в Измайловский полк.

Не могу, однако, забыть фигуры нового сенатора Н. Д. Соколова, избитого за два дня перед тем юнкерами, который с повязанной головой и трясущимся подбородком бегал в сопровождении соглядатая Нахамкеса от телефона к телефону, старался кого-то вызвать и в панике восклицал:

— Неужели Переверзев позволит дискредитировать целую политическую партию?!

---

* В середине июля был издан указ Министра внутренних дел о милиции, которая оказалась «не на высоте положения» в дни восстания. Нельзя не оценить деликатности выражения министра.

** Из всего отряда Цагурия сопровождали только Даниил и Петр Пестрецовы — 1-го Донского казачьего полка (два брата).

Уже около 9 часов вечера, по собственной инициативе, узнав об измене большевиков, прибыли первыми на защиту Таврического дворца вооруженные солдаты ближайшей к нам воинской части — гвардейского саперного батальона. Затем явился давно ожидаемый Измайловский полк. Члены исполнительного комитета встречали приходившие войска громкими речами.

Всякий раз они начинали так: «Временное правительство имеет сведения, что Ленин проданся немцам!»

Таврический дворец гудел от восторга.

Войска кричали «Ура!». Обещали поддерживать Верховную Власть. Солдаты все прибывали*.

Наконец, около 11 часов вечера, мне явились казаки, входившие в состав отряда, с которым шел Цагурия. Мне было ясно, что восстание кончено. Я поблагодарил казаков от имени Половцова и за поздним временем отпустил конные части по домам**.

Около полуночи — телефон Балабина:

— Временное правительство спешно требует тебя в Штаб округа. Приезжай немедленно.

— А кому же сдать вверенный мне Совет? — смеюсь я в телефон.

— Пошли его к ч-р-у, — отвечает Балабин.

---

* На стр. 33 второго тома «Моя жизнь» — «большевицкий историк» Троцкий, игнорируя факты, рассказывает, как прекратилось июльское восстание: «Волынский полк прибыл с фронта ... после чего все переменялось, и делегаты большевиков были изгнаны».

Где Троцкий, где был Волынский полк и где история?

** Заметим, что в эмиграции некоторые руководители событий 1917 года пытаются вычеркнуть из моего точного конспекта вышеприведенные фразы советских лидеров: «Временное правительство имеет сведения, что Ленин проданся немцам», так как считают их вообще для них — для марксистов — неудобными. Конечно, я особенно и твердо настаиваю на абсолютной точности записанных мною фраз. Все они начинались с того, что именно Временное правительство, а не кто иной, располагает сведениями, что деньги Ленина немецкие. Эти непосредственные возгласы были совершенно искренни и естественны для людей, которые вдруг убедились, что их не подымут на штыки. Тогда они ухватились за протянутое им оружие. Теперь за дальностью лет и расстояний — страх заметно прошел.

Найти автомобиль, шофер которого согласился бы везти меня в Штаб, было не так легко, так как из города все доносятся выстрелы. Советские машины отказываются сдвинуться с места под всевозможными предложениями, пока мне не посчастливилось разыскать того шофера, вместе с которым я отбивал утром его автомобиль у большевиков. Этот соглашается. Мы усаживаемся; машина несется стрелой к Дворцовой площади. По дороге — ни одного фонаря; город погружен во мрак. Навстречу проскакивают грузовики с большевицкими солдатами. Где-то постреливают, изредка проносятся какие-то шальные пули.

Штаб округа не узнать: заставы, караулы, юнкера, патрули: в окнах пулеметы. Эх, счастливые! А у меня не было ни одного. Подымаясь по лестнице, я встретил Козьмина, который сообщил, что два раза ездил спасать контрразведку, но что все ее помещение разгромлено.

Когда я спешил на вызов правительства, то думал, что оно хочет ориентироваться или преподать какие-нибудь указания в отношении Совета.

То, что я услышал и увидел в действительности, было очень далеко от моих предположений.

Войдя в комнату, отведенную Временному правительству, я застал в ней трех министров: направо от двери стоял багровый Переверзев; налево, лицом к двери, за небольшим столом задыхался Некрасов, против него, бледный, как полотно, — Терещенко. Говорил со мной один Терещенко.

Он спросил: У вас достаточно данных, чтобы обвинить большевиков в связи с немцами?

Я ответил: Более чем достаточно.

Терещенко: В таком случае приступите к аресту.

Я: Это уже сделано.

Своим мне приказанием Терещенко, в сущности, санкционировал от имени Временного правительства мои распоряжения и ордера, отданные именем Главнокомандующего 1 июля, а также и приказ генерал-прокурора Переверзева, данный перед тем непосредственно Штабу округа.

Весть об измене большевиков вмиг облетела всех и вся до объявления в газетах. Она встряхнула население, как от разряда электричества. Петроградские солдаты перешли на

нашу сторону только после того, как узнали об измене Ленина! Только после этих сведений солдаты вышли на улицу и стали на защиту Таврического дворца.

После жуткого обвинения главари сразу попрытались по своим норам. Отдаленные одиночные раскаты восстания раздавались еще двое суток. То были бессвязные короткие стрельбы, преимущественно по ночам на окраинах, а в центре города — на Адмиралтейской набережной и у Александровского парка.

Причин неудачи восстания было несколько.

Прежде всего, нельзя упускать из виду, что народ в массе еще не озлобился до братоубийственной войны. Его раскачивали, и июльские дни являлись лишь первым большим размахом. Отсюда всякого рода ошибки большевиков и случайности оказывались много сильнее, чем это было, например, впоследствии. Не забудем также, что военная наука немолимо карает за дурную подготовку операции.

Восстание произошло экспромтом; оно не было подготовлено, что видно положительно из всех действий противника. Полки и большие отряды не знали своих ближайших задач даже на главном пункте. Им говорили с балкона дома Кшесинской: «Идите к Таврическому дворцу, возьмите власть»*. Они пошли и пока ждали обещанного дополнительного приказа, ряды их смешались между собой. Наоборот, 10–15 человек на грузовиках, броневиках, маленькие команды на автомобилях сохраняли полную свободу действий, имели господство в городе, но также не получили конкретных задач, чтобы захватить опорные пункты, как вокзалы, телефонные станции, продовольственные магазины, арсеналы, все двери которых были открыты настежь**. Улицы заливались кровью, но руководства не было, а случайности приходили нам на выручку.

На решительном пункте толпа завязла. Можно допустить, что до поры до времени ее удерживали бутафорские винтовки, которые изредка показывались из дверей дворца.

---

* Точно установлено расследованием.

** От нас караул был только на центральной телефонной станции: у нас не было людей.

Вероятно, некоторое влияние, но не у дворца, а на руководителей в доме Кшесинской, оказал маневр отряда у Литейного моста, точнее — выстрел Цагурия; он показал, что мы еще не отказались от борьбы. Но в решительном месте большевики потерпели тактическую неудачу от своих собственных выстрелов, которые вызвали панику. Случайный дождь окончательно определил перерыв осады, привел к тактической неудаче дня на главной позиции. Но все эти факторы отнюдь не давали нам победы: мы сидели в яме, а большевики продолжали стрелять по улицам, владели городом, и достаточно было залпа десяти винтовок в Таврическом дворце, чтобы объявить новую власть.

Вот при этой обстановке свалился на большевиков тяжелый молот — обвинение в измене, от удара которого они побежали без оглядки, а мы выскочили на поверхность. Многие из нас уже понимали одинаково — или теперь, или никогда.

13. ПОСЛЕДНЯЯ КАРТА

Обличение Ленина спутало планы большевиков, привело их к состоянию полной растерянности. Напрасно Троцкий в своих воспоминаниях делает вид, что ничего особенного не случилось. Не думает же он серьезно кого-нибудь уверить, что была всего только пробная манифестация. Он даже нашел для нее новый, замечательный термин «полувосстание». Генеральная репетиция уличных боев со стрельбой из пулеметов, с убитыми и ранеными! А приказания с балкона? Восстание было. Оно рухнуло. Троцкий лжет.

Полковник Д.¹, посланный с офицерами на телефонные станции, представил мне подробную сводку переговоров, слышанных им по разным проводам в Петрограде и за город. В ней приводились и разговоры большевиков 4-го и 5 июля между Петроградом и Москвой. Большевики из Москвы говорили пять раз с одним домом на Садовой улице — со своими единомышленниками в Петрограде.

Петроград: Что происходит у вас?

Москва: Все благополучно и спокойно. А у вас?!

Петроград: Все погибло. Мы совершенно уничтожены.

Троцкий не мог не знать дома на Садовой и тех, кто вел эти разговоры. Один из наших офицеров специально вызвал Троцкого к аппарату в этом доме и получил от него грубый окрик.

Боевые отделы большевиков, а их было в Петрограде около 30, рушились как карточные домики. Они составили нашу первую заботу. Мы начали разбирать их немедленно, на рассвете 5 июля. Для этого приходилось посылать оказавшихся под рукой дружину Георгиевского союза, инвалидов и юнкеров. Разъезжая на грузовиках, они без выстрела захватывали помещения. При этом обыкновенно брались в плен несколько человек, отбиралось оружие, бомбы, бесконечное число ящиков всякой литературы. Все и всё свозилось к нам в Штаб, откуда по добытым сведениям посылались новые экспедиции. Настроение наших маленьких случайных команд было превосходное. Они не знали усталости.

---

¹ Из рукописи этой главы, хранящейся в архиве Гуверовского ин-та (кол. Б. И. Николаевского, коробка 641, дело 32) выяснилось, что под криптограммой скрыто имя полковника Раевского. — *Ред.*

— Пойдите прежде всего спать: вы уже третьи сутки ездите без передышки, я пошлю другого, — говорю я одному офицеру из союза Георгиевских кавалеров.

— Ну, позвольте еще хоть один раз съездить, — упрашивает тот и спешит по новому адресу.

Еще на рассвете 5 июля Половцов говорит мне, что команда инвалидов идет брать редакцию газеты «Правда»:

— Пойди ты сам с ними, как бы большевики чего не натворили.

Караул сапер при редакции разбегается от одного нашего появления, а через полчаса текущая переписка в больших корзинах переезжает в Штаб округа.

Вернувшись из редакции «Правды», еду в контрразведку. Весь тротуар вдоль длинного фасада оказывается сплошь белым: его покрывали густым слоем листы бумаги, выданные из наших досье. Все стекла и рамы нижнего этажа были разбиты вдребезги. Второй этаж снаружи уцелел. В нем только прострелены стекла моего кабинета. Здание вымерло. От караула, поставленного накануне Козьминым, я не без труда разыскал одного мирного солдатики. Он устроился на кухне, где наладил себе чай. Я так и не мог допытаться, было ли у него когда-нибудь оружие.

— А ну-ка, возьмите топор и пойдем наверх, — говорю я этому вне сомнения христоролюбивому воину. Я не мог отказать себе в удовольствии забраться в третий этаж, взломать дверь и заглянуть в боевой отдел большевиков, так долго висевший над нашими головами, и своим приходом ознаменовать прекращение его существования. В помещении не оказалось ни души.

В боевой день 4 июля верные долгу старшие чины контрразведки собрались в Штабе, около Балабина. Там, занятые лихорадочной работой, они оставались еще трое суток. Что касается младших агентов и служащих, то ввиду войны на улицах и разгрома здания, памятуя, как в февральские дни справлялись с чинами контрразведки, они, естественно, веером рассыпались в разные стороны, и прошло несколько дней, прежде чем некоторые из них начали показываться с большой осторожностью.

Ввиду этого, деятельность контрразведки налаживалась в первые дни в самом Штабе, по большей части с новыми лицами.

Каропачинского посылаю в Павловск. Ему поручаю арестовать Суменсон, но отнюдь не перевозить, а временно сдать на гауптвахту в Павловске. По городу и в окрестностях еще постреливают, проскакивают отдельные шайки; я не могу рисковать, чтобы такой ценный груз отняли по дороге. В Павловске на гауптвахте она просидела два дня. Солдаты гвардейской конной артиллерии наскучили с ней возиться, считая, что охранять арестованных им не подобает, изрядно избили Суменсон и всю в кровоподтеках привезли 7 июля к нам в Штаб, где сдали лично Половцову.

Относительно Ленина я знал, что он бежал, что на официальной квартире на Широкой улице мне его не найти. Однако туда следовало поехать, чтобы не упрекать себя впоследствии, а также для производства самого тщательного обыска. Для этого я наметил талантливого товарища прокурора Е., а так как квартира Ленина была расположена в сильно распропагандированном рабочем квартале, и там можно было ожидать вооруженного вмешательства рабочих, то мне не хотелось отпускать товарища прокурора Е. одного. Я вызвал пятнадцать преображенцев, посадил их на грузовик и сам поехал с товарищем прокурора Е. Оставив на улице две заставы, мы поднялись с тремя солдатами по лестнице. В квартире мы застали жену Ленина — Крупскую. Не было предела наглости этой женщины. Не бить же ее прикладами. Она встретила нас криками: «Жандармы! Совсем как при старом режиме!» — и не переставала отпускать на ту же тему свои замечания в продолжение всего обыска. Я только сказал, что все равно не слушаю ее криков. Товарищ прокурора Е. изводился, иногда резко ее осаживал. Как и можно было ожидать, на квартире Ленина мы не нашли ничего существенного, если не считать одной небольшой схемы, набросанной от руки, с изображением железной дороги, станции и нескольких улиц или дорог. Крупская заметно смутилась, когда мы спросили ее, что это за план. Я подумал, уж не станция ли это, через которую бежал Ленин, и, взяв схему, сказал товарищу прокурора Е. послать с ней агентов по финляндской дороге.

Козловский был захвачен у себя на квартире, а с ним несколько его коллег, среди которых попался и Уншлихт*¹. Но для Козловского этого было недостаточно. Я знал, что, кроме квартиры на Сергиевской, он снимает комнату на Знаменской, в квартире нового сенатора Николая Дмитриевича Соколова, по адресу которого и шла почти вся корреспонденция Козловского. Оставить этого без внимания никак не приходилось.

Как только Каропачинский вернулся из Павловска, я сказал ему так:

— Возьмите кого-нибудь из молодых юристов, поезжайте только вдвоем, без какого бы то ни было караула, к Соколову на Знаменскую. Помните, что, несмотря на мой ордер, вас назовут бандой; поэтому держите себя вежливо, но обыщите все до последней нитки.

Каропачинский всегда был очень корректен. Не сомневаюсь, что у Соколова он держал себя безупречно, но эта предосторожность не помогла. Она не помешала Соколову вопить на всех перекрестках, что к нему ворвалась банда из Штаба и грозила убить. Товарищи военного министра пришли в недоумение: «Как! Вы обыскали сенатора?» — начали они оба мне деликатно выговаривать в тот же вечер.

— Только не пугайте меня, пожалуйста, таким высоким званием, — ответил я им, искренно рассмеявшись, — если бы Козловский получал свою корреспонденцию по адресу вашей канцелярии, мы и к вам приехали бы.

Таким образом, первый «инцидент» был исчерпан.

---

* Специально на Уншлихта контрразведка имела особое досье по шпионажу через одну польскую организацию. До разрыва Гитлера с советской Россией Уншлихт — старый советский агент Германии — стоял во главе всей советской авиации, прилетал с эскадрилей в Париж.

¹ *Уншлихт* Иосиф Станиславович (1879–1938), из мешан Плоцкой губ. С 1900 г. член соц.-дем. партии Кор. Польского, в 1906 г. вошедшей в состав РСДРП. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. С апреля 1917 г. член Петросовета. В октябрьские дни член петроградского ВРК, затем член коллегии НКВД, с апреля 1921 г. зам. пред ВЧК-ГПУ, в дальнейшем на ответственных сов. постах. В 1938 г. расстрелян.

5 июля министр Переверзев получил отставку. Некоторые министры — Керенский, Терещенко, Некрасов — до последнего времени продолжают настаивать, что Переверзев был уволен за преждевременное предание гласности некоторых сведений об измене большевиков. По словам этих министров, расследование еще не было закончено, а опубликование нескольких фамилий 4 июля будто бы навсегда лишило возможности довести его до конца. По существу этого обвинения я уже высказался*. Доказательства измены остались в банковских книгах. Упомянутая в газетах Суменсон подтвердила наши предположения больше, чем мы ожидали.

Переверзев хорошо знал, что делает последний ход. Он удивительно правильно избрал психологический момент. Но ответственен за опубликование не он один, а он, Половцов, Балабин и я.

Как видно из предыдущей главы, я дал согласие на опубликование, но провел весь этот день в Таврическом дворце, а потому не принимал никакого участия в редактировании сведений, переданных для печати. То же могу категорически заявить в отношении чинов моей контрразведки. Как именно составлялось обращение, мне неизвестно.

Г. А. Алексинский сам знал, кто такой Ганецкий и его старые отношения к Ленину. Но, несомненно, сведения о телеграммах, добытых Лораном, и о Ермоленко из Ставки ему были переданы в последний момент Переверзевым или лицами, непосредственно при нем состоявшими. В этих условиях Г. А. Алексинский получил лишь очень небольшую часть и только лишь сырой материал, без каких-либо данных расследования, разработанных и добытых моими агентами. Так, в голову разоблачений был поставлен Ермоленко, на котором моя контрразведка никогда ничего не строила. Случайно наше положение от этого только выиграло: цель была достигнута, народ узнал об измене, а детали и наши направления остались менее задетыми.

Увольняя Переверзева 5 июля, ни один из министров не ознакомился с ходом расследования, а значит, просто не мог иметь никакого суждения по данному делу. Но из всех имен-

---

* См. гл. «Немецкие деньги».

но Терещенко, и, кстати, в присутствии Некрасова, задал мне вопрос: «Достаточно ли у вас данных?», на что получил утвердительный ответ, который не считал нужным проверить.

Поэтому можно считать факт совершенно установленным, что генерал-прокурора уволили совсем не за то, что объявление сведений помешало расследованию. Прежде чем так утверждать, надо было сначала посмотреть само расследование.

Дальше в этом вопросе могу только высказать свое мнение, от которого мне трудно отказаться: обличение большевиков дискредитировало партию; в этом нас обвиняли даже самые доброжелательные к нам члены Совета, перебивавшие за те дни в Штабе. Они нас упрекали, что мы опорочили не только целую партию, но и всю левую социалистическую идеологию. Причину увольнения генерал-прокурора следовало бы поискать в этих обвинениях*.

Напрасно я пробовал объяснять, что ни Переверзев, ни мы тут ровно ни при чем, что если кто опорочил себя и дискредитировал, так это большевики себя сами, а нам пришлось лишь удостовериться сведения и предоставить народу самому судить, как к ним относиться.

Но дурные симптомы появились на другой же день. Совет объявил, что по делу большевиков назначает свою комиссию и до ее заключения просит воздерживаться от обвинений.

В Таврическом дворце на первых порах такую комиссию даже назначили из 5 человек Совета. Но через несколько дней она была заменена другой — от Правительства под председательством прокурора палаты, в которую только вошли представители Совета.

Те, кто видели штабы в больших городах в дни восстаний, могут себе представить, что творилось 5 июля и в последующие дни в большом штабе Петроградского округа. Несмотря на все рогатки и пропуска, здание ломилось от толпы. Перечислить все жгучие вопросы, с которыми к вам обращаются, нет возможности. Страсти кипят, все волнуются, нервничают, а тут же еще несомненно провокаторы, стремящиеся вызывать эксцессы.

---

* Вероятно, отсутствие мужества тоже сыграло не последнюю роль.

В первый же день вечером большая приемная Главкомандующего полна народа. Вижу штабс-капитана Гвардейской конной. Он выделяется своим высоким ростом. Среди общего шума слышу, как он возбужденно говорит Гоцу, что если штаб большевиков в доме Кшесинской не будет разгромлен, то он завтра утром приведет свои два орудия из Павловска, поставит на набережной и вкатит в дом все гранаты, пока не опорожнит передков и зарядных ящиков. Гоц всплескивает руками и иступленно кричит: «Контрреволюция!»

Тут подходят ко мне сотник с двумя казаками-урядниками и таинственно отводят в сторону.

— Мы понимаем ваше положение: вам неудобно. Мы хотим убрать Ленина и только что получили сведения, где он находится. Мы не просим от вас никакой бумажки. Люди наши. Дайте только нам два грузовика.

В этот момент открывается дверь и входит начальник Генерального штаба генерал Ю. Романовский. Увидя меня в углу комнаты, он быстро направляется в мою сторону и спрашивает:

— Что нового?

Отвожу его на шаг в сторону, рассказываю ему о предложении.

— Я не боюсь ответственности, я говорю с вами частным образом. Дайте дружеский совет, как поступили бы вы на моем месте: этих казаков я вижу впервые.

Романовский смотрит на меня несколько секунд, опускает голову, вдруг хватает за руку, трясет и восклицает:

— Валяйте!

Спускаюсь с казаками вниз, даю им два грузовика.

Через день в газетах появились глухие сведения о налетах казаков на грузовиках на Выборгской стороне.

Ленина они не нашли.

Клеймо изменника перевернуло психологию. Раньше я не мог найти людей, которые согласились бы всего только последить за Лениным.

В ночь на 6 июля Козьмин идет атаковать позицию: дом Кшесинской — северный конец Троицкого моста — Петропавловская крепость. Большевики пытаются выговорить разные условия. Гоц и Либер много и тщетно потеряли време-

ни, чтобы уговорить их сдать на «почетных условиях». Но убедительными оказались только действия вооруженного отряда неутомимого поручика Петрова, вышедшего в тыл позиции. К 9 часам утра отряд Костицына врывается в дом Кшесинской, последний падает, а за ним и Петропавловская крепость. Засевшие в ней моряки-кронштадтцы настолько потрясены общим крахом, что без всяких споров сдают оружие*. В доме Кшесинской победителям достались: шесть пулеметов и всякого рода литература, в том числе явно провокационная, вроде груды открыток, инсценирующих ритуальные убийства.

Примерно через час нам явились первые квартиреры отряда, направленного Керенским с фронта: прибывал самокатный батальон, бригада пехоты и 14-я кавалерийская дивизия со своими дивизионами артиллерии. Мы давно отвыкли видеть воинские части. Первые дни в них даже постреливали из-за угла или с автомобилей и даже с крыш домов — из пулеметов. Так произошло при вступлении в Петроград с 177-м Изборским пехотным полком, головную роту которого матросы взяли под огонь на Невском, причем сразу же вывели из строя убитыми и ранеными 18 человек**.

Начальником отряда был прапорщик Мазуренко, испытанный революционер, с 1900 года работавший с меньшевиками. Вопреки элементарному положению о едином начальнике, Мазуренко не подчинили Главнокомандующему, чтобы сохранить его прекрасные полки на «защиту демократии». Сам Мазуренко и его начальник штаба полковник Пораделов явились, прежде всего, в Совет, непрерывно держали с ним связь; диверсия Главнокомандующего на Совет, защищенный полками Мазуренко и министрами, отпадала, как и всякая мысль нескольких офицеров посадить Половцова на белую лошадь. Все же взятое вместе сильно путало положение: единственные в нашем районе боевые полки — безусловно

---

* Г. А. Алексинский поднимал настроение своими блестящими выступлениями. Много содействовал успеху и Добронравов.

** Командир 1-й роты, боевой офицер Большой войны, поручик Г. З. Трошин (впоследствии один из героев исторического Корниловского ударного полка), быстро развернув роту, одним взмахом покончил с убийцами на крыше.

верные Временному правительству и посланные против большевиков, — слепо последовали за Советами.

Здесь тоже есть один малоизвестный штрих: командный состав этих полков отнесся на первых порах к Штабу Главнокомандующего подозрительно и даже враждебно. Не зная обстановки, они подозревали как раз обратное — что это мы — офицеры — и есть те самые революционеры, которые держат в плену Верховную Власть. Офицер фронта не знал положения офицера в Петрограде. Через несколько дней лед растопился: они поняли.

К вечеру того же 6 июля Керенский, приехав с фронта, появился в Штабе округа. Здесь он настоял перед членами правительства на том, чтобы большевиков привлекали не только за связь с немцами, но и за попытку ниспровержения существующего строя. Таким образом, восстанавливались давно отмененные статьи закона, которые давали возможность широкого преследования участников восстания. Этот декрет был бы заслугой Керенского, если бы он собственноручно не принял его уничтожить. Декрет не был проведен в жизнь, а всей машине, с таким трудом пушенной, уже через несколько часов начали давать обратный ход.

Мы собрались на совещание: товарищи военного министра Якубович, князь Туманов, Балабин, начальник кабинета министра Барановский и я. Каждый мне называл фамилии, кого, по их мнению, из видных главарей не следовало забыть. Я записал с их слов 16 человек. Конечно, этот список был совсем не полный; по контрразведке было, например, 28, а из боевых отделов большевиков нам привозили все новых и новых. Фактически мы арестовали более двух тысяч. Список 16-ти мы показали Керенскому, который его утвердил.

Видные большевики кочевали с квартиры на квартиру, проводя ночи в разных местах. Разыскивать их во всколыхнувшемся омуте было невероятно трудно.

Старшему агенту контрразведки Ловцову удалось через какого-то сапожника, чинившего ботинки родственницы Троцкого, обнаружить временную стоянку последнего. Посылаю на автомобиле с караулом капитана Соколова — энергичного офицера Комендантского управления; вручаю ему два ордера: Троцкий и Нахамкес. Через несколько минут, это

было 6 июля вечером, Половцов отводит меня к окну в своем большом кабинете и спрашивает: «Как дела?» В другом конце кабинета собралось по обыкновению несколько министров. Я докладываю Половцову вполголоса об отданных распоряжениях и едва успеваю сказать, что отправил Соколова за Троцким и Нахамкесом, как между нами, стоящими спиной к комнате, внезапно появляется мефистофельская физиономия Чернова:

— Как? Вы арестовываете Троцкого?

Смотрит он на меня и по привычке улыбается.

— Нет! — дернулся я, стараясь принять безразличный вид, — мы просто разговариваем о влиятельных большевиках.

Но Чернова не так-то легко провести. Он тоже, с безразличным видом переходя от стола к столу, от министра к министру, а потом к двери, уже через пять минут покинул комнату.

Ночью меня вызывают к телефону из Совета солд. и раб. депутатов: «Известно ли вам, что какие-то банды ломаются на квартиру Нахамкеса? Мы посылаем на его защиту три броневика. Не можете ли и вы помочь Нахамкесу? Ведь это же так неприятно».

— Вот как? Вы считаете, что трех броневиков мало? А кого же я могу послать? Ведь вы же прекрасно знаете, что у нас нет ни одного броневика, — отвечаю я на вызов и вешаю трубку. Опять банда!

Около 5 часов утра возвращается с унылым видом капитан Соколов.

— Что случилось? — спрашиваю его с удивлением.

— Если бы вы знали, кого я застал на квартире Троцкого...

— Я не знаю, кого вы встретили у Троцкого. Мне известно только, что на выручку Нахамкеса против нас Совет выслал броневики, но они выступили много позже после вашего отъезда, и вы имели время проскочить до их прибытия.

— Войдя в дом, где живет Троцкий, я встретил Чернова. Он приказал вам передать, что Керенский и Временное правительство отменили арест Троцкого и Нахамкеса.

Присутствие Чернова в доме Троцкого меня не удивило, но отмена приказания об аресте явилась полной неожиданностью. Чернова Соколов знал лично в лицо очень хорошо и не мог перепутать. Чернов, несомненно, был и отблагодарил

Троцкого за свое спасение 4 июля. В некоторых газетах этот факт освещался несколько иначе, а именно, что и Керенский был ночью у Скобелева и оттуда по телефону отменил арест Троцкого. Однако было несомненно, что, поспешив уехать из Штаба, Чернов разыскал Керенского и, заручившись его согласием, поехал спасать Троцкого. Впрочем, эти детали, кто куда ездил, могут внести только большую или меньшую тенденциозность, но они совершенно несущественны. Важен был самый факт отмены, и к нему мы и вернемся.

Сенсационное показание, привезенное Соколовым, переполнило чашу моего терпения. Как, и теперь пойдет эта старая игра с большевиками? К чему вся эта комедия? Отменять то, что утвердил всего три часа тому назад? Наконец, мы устали; мои люди сбились с ног, чтобы разыскать Троцкого. И все это напрасно?

Едва Соколов закончил свой доклад, как я бросился к Половцову. Он незадолго перед тем лег отдохнуть в своей маленькой комнате при Штабе. Подхожу к дивану, трясу его за плечо и одним залпом выпаливаю:

— Прошу сейчас меня уволить в отставку. Я больше служить не могу и не хочу.

— Подожди, подожди. Да ты объясни сначала, в чем дело, — говорит мне Половцов, подымаясь полусонный в своем черном бешмете. Объясняю.

— Вот как! — привскакивает мой Главнокомандующий, уже окончательно проснувшись. Вижу на его лице насмешливую улыбку: «Что же я могу сделать, если это приказание военного министра? Могу тебе только посоветовать одно — поезжай к генерал-прокурору и обжалуй это распоряжение».

Через два часа подъезжаю к дому министра юстиции. После ухода Переверзева этот пост временно занимает товарищ министра Скарятин. В приемной, по раннему часу, застаю одного человека, и, к моему удивлению, то был Переверзев. Вижу его впервые после боя с Терещенко и Некрасовым. Крепко трясу за руку, но слов не хватает; чувствую, что какой-то ком подступает к горлу... Наконец, говорю, что, очевидно, и я на днях оставлю свое место, и переступаю порог министерского кабинета.

Симпатичный старик Скарятин очень хочет сделать все, что в его силах. Но ведь он — халиф на час, да и халиф ли? Я говорю, что приехал к нему официально, как к генерал-прокурору, обжаловать распоряжение военного министра Керенского, отменившего арест Троцкого и Нахамкеса.

Скарятин обещает внести протест сегодня же утром и немедленно дать мне знать о результатах. Я подымаюсь и уже хочу уходить.

— Не могу ли я еще чем-нибудь вам помочь? — говорит мне славный старик.

Вероятно, вид у меня был очень утомленный: четыре ночи подряд я ни разу не прилег и едва держался на ногах.

Тут перед глазами встали толпы народа, от которых ломится Штаб, и я подумал о тех многих сотнях людей, которых волокут к нам с разных сторон. Все они теоретически валяются на контрразведку, которой еще нет, так как ее еще предстоит собирать после разгрома, и во всяком случае всех передают в мой отдел генерал-квартирмейстера*.

— Да, можете! Пришлите мне чинов прокурорского надзора — все равно, военных или гражданских.

— Пришлю сейчас же! Сколько хотите?

— Двенадцать, — назвал я цифру и уехал.

Около 11 часов утра мне позвонил Скарятин и сообщил, что постановление Временного правительства об отмене ареста Троцкого и Нахамкеса является окончательным.

В то же утро ко мне приехали от Скарятин прокуроры и товарищи прокуроров — шесть гражданских и шесть военных. Я прикомандировал их в приказ к своему отделу, придал каждому из них одного младшего юриста из контрразведки, одного офицера или чиновника штаба и писаря. Они кооптировали себе помощников. Таким образом, составились 12 комиссий, которые рассматривали дело каждого без исключения приведенного из города, и если он оказывался большевиком или был причастен к восстанию, то сдавали его в тюрьму. Дознания, проводимые прокурорами, давали мне гарантию в безупречной закономерности, а также в том, что ничего не

---

* Дежурный генерал Т. предусмотрительно не приходил в такие дни. Он сделал потом прекрасную карьеру у большевиков.

будет упущено. Эти 12 комиссий не следует смешивать с той комиссией под председательством прокурора Палаты, которую назначило Временное правительство. Этой последней мы передавали свои законченные дознания.

Весть о несостоявшемся аресте Троцкого быстро докатилась до Таврического дворца. Не прошло и нескольких часов, как ко мне приехали несколько членов Воинской секции Совета*.

— Как? Вы хотели арестовать Троцкого? — обратились они ко мне с вопросом, в котором не было слышно упрека, но чувствовалось какое-то сострадание с оттенком, будто я не в своем уме.

— Да! Троцкого и до сих пор требую!

— Троцкого?

— Вы, очевидно, уже забыли, что было три дня тому назад, ну, а я хорошо помню ваши бледные лица и трясущиеся подбородки, когда мы вместе отсиживались 4 июля.

— Да, но ведь это — Троцкий! Поймите — Троцкий! — старались они мне объяснить свое перед ним преклонение и для наглядности поднимали руки к небу**.

В эти дни волнений как-то сам собой Штаб стал центром: все в нем сосредоточилось; а потому к нам часто заезжал прокурор Судебной палаты Каринский.

— Вот видите, Борис Владимирович, — сказал он мне, — как вы ни оберегали вашу контрразведку, а волею судеб она станет теперь охранным отделением, потому что других органов у нас нет.

— Ошибаетесь, — сказал я Каринскому, — я сдержал свое слово перед теми юристами, которые согласились мне помочь. Политические преследования против большевиков я веду не по контрразведке, а по отделу генерал-квартирмейстера теми двенадцатью чинами прокурорского надзора, которые к нему сегодня прикомандированы.

---

* Бог с ними, с фамилиями! Они часто бывали в Штабе и нам много помогали.

** Мне хочется зафиксировать престиж Троцкого в правом секторе Совета. Заметим также, что постановление об аресте Ленина не вызвало протеста.

Как бы для наблюдения за деятельностью этих двенадцати, ко мне по меньшей мере два раза в день стал приходиться министр труда Скобелев. Но он ни разу не посмотрел ни одного досье, а только обходил столы, которые пришлось расставить по комнатам, а один из них, за недостатком места, даже попал в светлый, но подвальный этаж. Вот только около этого, двенадцатого, Скобелев первый раз поморщился и сказал: «Как будто застенки!»

Сначала я не мог понять этих визитов, но цель их не замедлила обнаружиться. Скобелев мне сказал:

— Я хотел вас просить — закройте «Маленькую Газету».

Напомню, что эту газету издавал А. Суворин. Он тонко и остроумно твердил о бездеятельности Временного правительства. Кто этого тогда не видел? Суворин облакал свою критику в форму юмористических рассказов. В них особенно доставалось богатому бакинскому молоканину-социалисту Скобелеву. Мы, близко наблюдавшие безнадежную анемию Верховной Власти, готовы были обеими руками подписываться под статьями Суворина, а иногда хохотали до слез над его меткими анекдотами. Сверх того, некоторые сотрудники этой газеты вызывали во мне самые горячие симпатии, так как совершенно безвозмездно помогали контрразведке.

— Позвольте, — сказал я Скобелеву, — я совершенно не вижу повода закрывать эту газету. Критика необходима, а в статьях Суворина можно усмотреть много полезного.

— Какая там критика! Просто погромная газета. Я прошу вас ее закрыть.

— Да как же я могу закрывать газеты? А свобода слова? Наконец, почему вы обращаетесь ко мне? Я вовсе не городничий!

— Полноте! В массе всяких распоряжений вы сейчас можете всё. Вам это ничего не стоит.

— Нет! Простите! «Маленькой Газеты» я не закрою!

На этом наш разговор и кончился, а Скобелев больше уже не приходил поглядеть, как были расставлены 12 столов.

Через два дня вижу в приемной вытянутые физиономии моих друзей — сотрудников «Маленькой Газеты».

— Что такое?

- Газету закрыли.
- Кто?
- По приказу прокурора.

Вот что значит быть настойчивым министром. Доехал-таки!

В общей сумятице первые дни ликвидации протекали без прямого вмешательства Совдепа. Обвинение, брошенное большевикам, очистило нездоровую обстановку, а масса не делала различия между большевиками и немецкими наймитами. Их ташили со всех концов окраины столицы. Привезенных из Петергофа Дашкевича и Черповецкого едва не растерзали на вокзале; но толпа не пошла на самосуд, они отделались синяками. От добровольных Шерлоков Холмсов не было спасения. «Лес рубят, щепки летят». Так иногда неизвестные приклады в поисках большевицких голов падали на случайных прохожих. Эта неприятность произошла и с членом Совета Бенасиком, которому пришлось основательно перевязать голову*. Тюрьмы переполнились. Ко мне довольно часто приезжали члены Совета, по поручению своего председателя, со стереотипным вопросом:

— Чхеидзе прислал вас спросить — это вы арестовали члена нашего Совета Х?

— Да! Я! А что? — ответил я первый раз и насторожился, ожидая вмешательства.

— Нет, нет, ничего, — поспешили меня заверить прибывшие. — Председатель хотел только знать, сделано ли это вами, представителем законной власти, или его схватила случайная толпа.

Было ли это искренно? Не думаю. Не могу не отметить, что лично со стороны Чхеидзе я всегда видел к себе корректное отношение. Я не касаюсь здесь тех гидравлических пресов, которые пускались за моей спиной**.

Узнав об измене, полки заволновались. Вся первая Гвардейская дивизия выразила согласие на реформирование из расплывчатых масс в резервные части. Отдельные команды и даже полки согласились выступить на фронт. Войска, на-

---

* За этот случай в толпе Совет обвинил нас в «контрреволюции».

** См. следующую главу «Нахамкес».

чавшие восстание, подлежали расформированию*. Оно началось с 1-го пулеметного полка. Несколько тысяч его солдат из 12 тысяч списочного состава пришли с повинной к Александровской колонне, привезя часть пулеметов. Остальные с 30 пулеметами просто разбежались.

Прокурор Судебной палаты Каринский выдвинул против большевиков обвинение по статьям 51, 100 и 108 уголовного уложения за измену и организацию вооруженного восстания.

Казалось бы, что еще надо? Но зловещим призраком стоял Троцкий.

Он не бежал, как Ленин, а рассылал иронические письма, спрашивая, когда же его арестуют.

Он стучал по советской трибуне и кричал им:

— Вы обвиняете большевиков в измене и восстании? Сажаете их в тюрьмы? Так ведь я был с ними, я же здесь! Почему вы меня не арестуете?

Они молчали.

---

* Как странно читать, что эти отправки на фронт и расформирования Временное правительство впоследствии ставило себе в заслугу.

14. НАХАМКЕС

Овший Моисеевич Нахамкес — он же Стеклов.

Был арестован в Берлине в начале войны, а затем освобожден и выпущен в Россию.

С первых же мартовских дней приобрел первенствующее значение в Совете солд. и раб. депутатов. При его непосредственном участии была уничтожена полиция, а также вынесено пресловутое постановление о невыводе гарнизона из Петрограда.

10 марта вошел в «контактную комиссию», составленную из 5 человек и имевшую целью, по его же собственному определению: «Путем постоянного, организованного давления заставить Временное правительство осуществлять те или иные требования»*.

Ненавидел русского офицера. Панически боялся Армии.

Призывал к убийству лиц, стоящих за продолжение войны.

При большевиках долгое время был редактором «Известий Совета солдатских и рабочих депутатов».

Украл альбомы марок Императора Николая II.

Я не беру на себя трудную задачу перечислять все заслуги и таланты Овсия Моисеевича; да ведь его деятельность у большевиков еще и не закончилась. Хочу только записать мою с ним «встречу», а для этого придется привести некоторые подробности и вернуться немного назад**.

В первых числах июня ко мне приехал комиссар из Лесного; он сообщил, что накануне вечером на заводе Лесснера состоялось объединенное закрытое собрание большевиков и

---

* Состав «контактной комиссии»: Нахамкес, Чхеидзе, Скобелев, Гиммер (Суханов) и Филипповский.

** Я говорю, что Нахамкес был «выпущен из Берлина в Россию». Спиридович идет гораздо дальше. Он пишет: «Нахамкес был арестован в Берлине, а затем освобожден и, как агент, направлен в Россию» (См. «История большевизма в России» (А. И. Спиридович. Париж, 1922. — *Ред.*), стр. 303). Положительно, вся деятельность именно Нахамкеса, принимая во внимание его тайную измену своей партии, а также указания секретной агентуры, убеждали меня в том, что он состоял на службе у немцев.

анархистов. Разбирались вопросы о согласовании их совместной деятельности; большевики предложили анархистам взять на себя террор против лиц, стоящих за продолжение войны. Последователи Ленина доказывали, что им сейчас неудобно брать на себя столь крайние эксцессы, тогда как у отдельных групп анархистов они входят прямо в программу. Однако последние отнеслись к предложению без особого энтузиазма; вопрос рисковал провалиться, если бы положение не спас присутствовавший на собрании Нахамкес. Он так горячо и решительно призывал к террору, так вдохновил присутствующих и красноречиво приглашал приступить к убийствам немедленно, что после его выступления большевики без труда провели свою резолюцию и тут же составили первый список намеченных жертв, во главе которого поставили Керенского.

Едва я отпустил комиссара Лесного, как ко мне является инженер-механик флота Л.

— Не могу молчать, — заявляет он. — Вчера меня приглашали прийти на собрание на завод Лесснера; но я уклонился. Сегодня мой знакомый, присутствовавший на собрании, рассказывал мне, что Нахамкес призывал к террору лиц, стоящих за продолжение войны. Решено начать с Керенского.

Конечно, я не могу придавать значения всем слухам, которыми засыпают меня выше головы. Едва ли не самое трудное в моей деятельности, это, — отбрасывая большую часть информации, выбирать наиболее близкую к истине. Но при этом так легко промахнуться! В настоящем случае решаю начать расследование.

Среди немногочисленных секретных агентов у меня был один умеренный анархист, состоявший сотрудником «Маленькой Газеты». Он оказывал нам безвозмездно и без всяких усилий очень полезные услуги, так как с одной стороны принадлежность его к партии, а с другой — карточка литератора открывали ему немало закрытых дверей, совсем не привлекая подозрений.

Даю ему краткую задачу: «Узнайте, что происходило вчера вечером на заводе Лесснера». Конечно, в таких случаях агенту не указывается никаких подробностей, так как важно услышать именно от него самого подтверждение всех слухов.

Одновременно зову одного из выдающихся старших агентов наружного наблюдения Касаткина; поручаю ему то же самое*. Касаткиным мы не нахвалимся: у него положительно нюх ищейки.

Еще недавно с ним был такой случай. Из Нарвы нам сообщают по телеграфу об одной подозрительной личности, отправившейся в Петроград, но телеграмма опаздывает, доходит уже после прихода поезда. Примет никаких, а только фамилия. Касаткин летит на вокзал, шарит в нескольких известных ему гостиницах и открывает исчезнувшего.

Так и теперь: к вечеру Касаткин прямо откапывает студента Политехникума, который сам присутствовал на упомянутом собрании, и приводит его в мой кабинет.

Выслушиваю все тот же рассказ от самого участника; а на другое утро и мой анархист подтверждает правильность сообщения. Сомнения рассеиваются, — Нахамкес для окончания войны призывает к убийствам, что подтверждается не только из разных источников, но свидетельскими показаниями.

Неужели и этого недостаточно, чтобы обвинить Нахамкеса в работе на Германию? Призывать к немедленным убийствам лиц, желающих продолжать войну, не входило в программу ни социал-демократической партии, ни даже ее пораженческого крыла. По какой же инструкции шел Нахамкес? Немецкий штаб не мог бы придумать лучшего.

Что было бы во Франции с тем, кто стал призывать к убийству Клемансо, корпусных командиров?

Еду к Балабину.

— Это политический вопрос, а потому мы его совсем не касаемся. Иди к помощнику главнокомандующего по политическим делам — Козьмину.

Нахожу последнего в его квартире в Штабе. Козьмин — заложник революции или, правильнее сказать, — от партии социалистов-революционеров при Штабе округа. Прежде всего, он слепо выполняет приказания центрального комитета своей партии. Вы никогда не узнаете, что он думает, но если с чем-нибудь обратитесь к нему, а затронутый вопрос не противоречит инструкциям партии, то он с полным са-

---

* См. гл. «Прямые улики».

моотвержением, со всех ног бросается выполнять вашу просьбу*.

Рассказываю Козьмину о заводе Лесснера.

— Не может этого быть! — сразу же убежденно возражает он. — Как? Нахамкес перешел к большевикам? Никогда этого не будет!

Перебирая в памяти наши встречи, не могу не заметить, что это и было единственное собственное мнение Козьмина, которое мне когда-либо довелось от него услышать.

Нахамкес был меньшевик; мне не поверили, что он изменил своей партии. Действительность показала, кто из нас ошибся.

Если мой разговор с Козьминым кончился вничью, то совсем иначе отнеслись к новым данным товарищи военного министра. Очевидно, обо всем им дал знать Балабин, так как едва я успел вернуться в управление, как зазвонили телефоны: меня просят немедленно приехать в дом военного министра. Якубович, Туманов, Барановский хотят сами меня выслушать. Они тут же ставят к Керенскому специальную охрану, а меня просят придумать технические меры, хотя бы общего характера, чтобы воспрепятствовать покушениям.

Еду к начальнику Главного Артиллерийского управления генералу Леховичу**. Сообщаю ему программу Нахамкеса; начинаем вместе придумывать, как затруднить ее выполнение. Конечно, вопрос настолько сложен, что придумывать нам приходится несколько дней.

Генерал Лехович, прежде всего, назначает комиссию, в которую для авторитета вводит старых, влиятельных и разумных рабочих Путиловского завода. Комиссия должна объезжать определенные заводы, изготовляющие взрывчатые вещества и оружие, контролировать регистрацию, упорядочить надзор, чтобы не происходило утечки. Независимо от сего генерал Лехович пробует так наладить изготовление ручных гранат, чтобы капсулы закладывались вне столицы.

Много хлопот вызвал и отнял энергии Нахамкес — как провозвестник террора: назначается охрана, составляется

---

* Кто-то из штабных шутников прозвал Козьмина «городовым от революции». Так это прозвище за ним и осталось.

** Генерал Лехович ныне проживает в Париже.

комиссия, вырабатываются проекты, и в итоге о нем получается исключительная, не похожая на других история. Сам же он до июльских дней гремит с трибуны, продолжая оказывать «организованное давление на Правительство».

В первые дни после восстания мы все же надеялись на большие перемены.

9 июля, под вечер, в разгар ликвидации восстания, меня вызывает по телефону с финляндской дороги помощник столоначальника капитан-юрист Снегиревский. Разыскивая Ленина по кроки, которое мы отобрали при обыске у Крупской, он, попав в Мустамяки, набрел на Нахамкеса. Последний проживал на даче, рядом с некоторыми видными большевиками, в том числе с Бонч-Бруевичем, с коим держал дружескую связь. Снегиревский сообщает, что, по сведениям, сообщенным на месте, эти большевики и Нахамкес помогли скрыться Ленину. Снегиревский, действуя по моему списку в 28 человек, составленному еще 1 июля и в котором значился Нахамкес, тут же арестовывает последнего. Только второпях он забывает проставить число на ордер. Нахамкес желает знать, кто его арестовывает, требует показать ордер, сразу обнаруживает, что на нем нет числа, заявляет, что ордер незаконный, и отказывается подчиниться. Снегиревский спрашивает, как ему поступить.

Только тут я вдруг вспомнил, что совершенно искренно забыл послать в Белоостров отмену арестов Троцкого и Нахамкеса, согласно приказанию Временного правительства, подтвержденного мне два дня назад временным министром юстиции Скарятиним. До того ли было!.. А там идут все еще по старому списку. Но в то же время обидно отпустить Нахамкеса, который как бы сам лезет в руки; отказаться от него я никак не могу.

— Держите крепко, — отвечаю Снегиревскому, — сейчас высылаю вам новый ордер.

Беру новый бланк. Знаю, что обвинят в неисполнении двукратного приказания Временного правительства. После минутного размышления собственноручно вписываю так: «Доставить Нахамкеса в Штаб округа». Ставлю печать, подписываю и отправляю ордер с нарочным.

Должен отметить, что я совершенно сознательно не поставил даты на ордера, подписанные 1 июля. Было ясно, что

все 28 человек при переездах их в Финляндию или обратно не будут схвачены в один день. А каждый день нес мне все новое и новое, что могло еще более обосновать и оправдать мои постановления, как и оказалось в действительности. Такой порядок не вызывал никаких недоразумений, так как, поставив фамилию, я выдавал на руки ордера только своим высококвалифицированным служащим. В отличие от тех, кто поручал обыски разным любителям, на нас за все время, конечно, ни разу не было никаких нареканий.

Теперь же дело идет о Нахамкесе; а потому не сомневаюсь, что история выйдет громкая. К тому же ордер выписан именем Главнокомандующего; чувствую, что подкатил Половцова, и считаю необходимым его предупредить. А тут и он сам входит в свой кабинет, где на походе расставлен мой письменный стол генерал-квартирмейстера.

— Я, кажется, подвел тебя, так как вопреки приказанию Правительства все-таки арестовал Нахамкеса.

Половцов не может скрыть своего удовольствия:

— Ах, как хорошо сделал! Большое тебе спасибо! Вот и прекрасно. Да я скажу Керенскому, что он отменил арест Стеклова, а я арестовал Нахамкеса, — шутит он, задает несколько вопросов о заводе Лесснера и исчезает*.

Часам к 8 вечера с шумом и грохотом в комнату 3-го этажа Штаба доставляется Нахамкес. Молодежь волнуется, прибегает, сообщает, что Нахамкес выражает возмущение, как осмелились арестовать его, члена «исполнительного комитета всея России», требует к себе Балабина или меня.

— Как мне с ним себя держать? Я бы не хотел к нему выходить, — говорит мне Балабин.

Тогда мы условились так: к Керенскому идет он и ко всем многочисленным обвинениям, выдвинутым при первой попытке ареста, прибавляет еще и новое — укрывательство Ленина, которого разыскивало Временное правительство, а к Нахамкесу выхожу я по возвращении Балабина.

Последний является часа через два: «Керенский возмущен, приказал изъять от нас Нахамкеса и передать его на усмотрение прокурора Судебной палаты». Так. Замечательный

---

* *Стеклов* — псевдоним Нахамкеса.

жест, если принять во внимание, что Керенский знал и от Козьмина, и от товарищей министра о подготовляемых покушениях. Оценил ли тогда Нахамкес такую деликатность?

Иду к Нахамкесу. В большой комнате десятка два всякого рода солдат, ординарцев, несколько офицеров. Развалившись, у стола сидит Нахамкес. Я отпускаю двух конвойных солдат, так как бежать от нас невыносимо. Останавливаюсь среди комнаты и спрашиваю:

— Вы хотели просить меня о чем-нибудь?

На это Нахамкес развязно и не трогаясь с места:

— Но я просил вас прийти еще два часа тому назад.

Такая обстановка для меня недопустима: кругом солдаты, я стою, а он сидит, нога на ногу, откинувшись спиной к столу, локти назад на столе. Делаю вид, что не слышу его ответа.

— Так вот, если хотите со мной говорить, так потрудитесь встать, — делаю я ударение на последнем слове.

Вскакивает как на пружине. Характер этого господина известен не мне одному. Настойчивый нахал, старающийся все время сесть вам на шею, он тотчас же трусливо прячется, как только на него прикрикнут. Но это не мешает ему высматривать случая, чтобы снова ползть вверх до нового окрика. Так было у нас с ним несколько раз и в этот вечер.

Нахамкес брונет, громадного роста, выше меня, широкоплечий, грузный, с большими бакенбардами. Делаю несколько шагов в его сторону и сразу же начинаю жалеть, что двинулся с места: по мере того, как я приближаюсь к нему, у меня все больше и больше начинает слагаться убеждение, что он никогда в жизни не брал ванны, а при дальнейшем приближении это убеждение переходит в полную уверенность. Положительно начинаю задыхаться и непроизвольно делаю шаг назад.

— Почему вы меня арестовали, невзирая на запрещение Правительства? — спрашивает Нахамкес.

Отвечаю ему прописными фразами самого подлинного демократического словаря:

— Я знал, что при старом режиме особые исключения делались министрам и членам Государственного Совета; но ведь при новых условиях, кажется, все равны. Почему я должен сделать исключение для вас?

Смотрю — не понравилось. Очевидно, расчеты на эффект перед аудиторией провалились, да и трудно уже обличать нас в «контрреволюции».

— Как? Значит, вы арестуете и члена Учредительного Собрания?

Я: Не понимаю, причем тут Учредительное Собрание?

Нахамкес: Да, но я член Исполнительного комитета Советов солд. и раб. депутатов всей России, член законодательной палаты. По крайней мере, мы сами так на себя смотрим, — спешит добавить он, видя на моем лице неподдельное удивление.

— Не знаю, как вы на себя смотрите, — начинаю было я, но нас прерывает дежурный офицер, который докладывает, что прокурор Судебной палаты Каринский спешно просит меня к телефону. Выхожу в коридор. На всякий случай делаю знак дежурному, чтобы понаблюдал за дверью и не выпустил: все же так спокойнее.

По телефону Каринский сообщает, что ему известно об аресте Нахамкеса, которого мы должны передать в его ведение; но сам он очень занят, приехать не может, а вместо себя пришлет товарища прокурора. Это мне сразу не понравилось: не я позвонил ему, а он мне, значит, уже знает всю историю, а также, что Нахамкеса надлежит передать в его распоряжение. Очевидно, уже получил приказание и директивы. Но от кого? Балабин с ним ни в каких сношениях не состоял и никуда не телефонировал. А кроме меня и Балабина о приказании Керенского никто не знает. Значит, сам Керенский поспешил передать инструкцию. Наконец, очень подозрительно, что энергичный Каринский, так часто приезжавший ко мне, на этот раз сам отстраняется.

Возвращаюсь и говорю Нахамкесу, что напрасно он ссылается на распоряжение Временного правительства, так как военный министр сам приказал рассмотреть его дело прокурору, представитель которого сюда приедет.

На этот раз, едва я вхожу, как Нахамкес встает, вытягивается и, выслушав мои слова, спешит сказать:

— Я в вашем распоряжении.

Только поворачиваюсь, чтобы уходить, как вдруг распахивается дверь и в комнату входят председатель Совета солд.

и раб. депутатов Чхеидзе, а с ним из президиума — Богданов и Сомов. Кто предупредил и этих об аресте? Откуда они узнали — мне неизвестно.

— В чем дело? — участливо обращается Чхеидзе к Нахамкесу и трясет ему руку. Следуют дальнейшие рукопожатия.

«Ну, — думаю, — попал под обстрел тяжелых батарей».

Нахамкес, перед тем загнанный в угол, быстро выправляется.

— Вот видите, арестован самовольно Штабом округа, — пробует он возвысить голос.

— Неправда, — в свою очередь повышаю я голос, — ведь вы же видели, что я приказал убрать караул.

Чхеидзе явно конфузится, чувствует себя неуверенно.

— Будьте добры, нельзя ли нам пойти в какое-нибудь другое помещение? — обращается он ко мне, показывая на находящихся в комнате солдат.

— Хорошо, пожалуйста.

Иду вперед; все выходят по очереди; а навстречу подходят ко мне резервы и прежде всех Балабин.

Устраиваемся в большом кабинете Главкомандующего, где собираются: с одной стороны — Чхеидзе, Богданов, Сомов и Нахамкес; а с другой — Балабин, я, известный горный инженер П., начальник контрразведки В. и состоящий для поручений при Главкомандующем ротмистр Рагозин.

Начинается бесконечный разбор дела, продолжавшийся всю ночь напролет. Привожу довольно тяжелую сцену, за которую я получил впоследствии несколько упреков.

Нахамкеса уже не узнать: ободренный присутствием главных сил Совета, он, окончательно расправив крылья, постепенно лезет вверх. Он подробно комментирует, как был редактирован первый ордер без числа, и предлагает Чхеидзе самому прочесть его. Чхеидзе просить меня показать ордер. Но он остался у капитана Снегиревского.

— Да я и не намерен отрицать, что на первом бланке не было числа. Именно потому я и отправил второй ордер, — отвечаю Чхеидзе.

С Нахамкесом непосредственно я уже больше не разговариваю и как бы не замечаю его присутствия. Нахамкес, в свою очередь, обращается только к Чхеидзе.

За все время расследования ни один из нас не коснулся существа обвинения.

Нахамкес, продолжая наступление, переходит к незаконности второго ордера. Мы выслушиваем длинную цитату о том, как я не выполняю приказаний Верховной Власти. Чхеидзе поворачивает в мою сторону очень удивленное лицо, а я возражаю, что написал не «арестовать», а «доставить в Штаб округа».

— Ну, Борис Владимирович, ведь это игра слов. Какая в них разница? — улыбаясь, подает реплику Сомов.

— А вот та разница, — отвечаю я иронически Сомову, — что Нахамкес не сидит сейчас в тюрьме; а сверх того я имею удовольствие беседовать с вами и еще одну ночь проводить без сна.

Теперь я из обвинителей попадаю на скамью подсудимых.

Тем временем ординарцы ищут капитана Снегиревского, чтобы получить от него оба ордера. Нас предупреждают, что ждать придется очень долго, так как Снегиревский уехал домой и, очевидно, лег спать. Но Чхеидзе просит разбудить его обязательно и привезти со всеми бумагами. Видимо, он твердо решает не оставлять Нахамкеса у нас одного. А тут, как на грех, еще и товарищ прокурора не показывается.

Теперь с нашей стороны идет впереди Балабин. Чувствую, что шестая ночь подряд совершенно без сна затрудняет мою речь; становится трудно вспоминать слова; голова отяжелела и, вероятно, обескровела. Некоторое время слышу, словно во сне, как Нахамкес недвусмысленно укоряет Чхеидзе за то, что когда его привезли на Финляндский вокзал, из толпы кто-то заорал: «Вот он — автор приказа № 1». Ссылаясь на этот возглас, он делает вывод, что все наши обвинения так же неосновательны и несправедливы. Как будто издали слышатся слова Балабина, что Штаб не отвечает за выкрики из толпы. Его снова покрывает густой бас Нахамкеса. Последний наглет все больше, карабкается все выше и выше. Смутно доносятся раскаты обвинений по адресу Штаба, где «все произвол и самоуправство». Наконец, Нахамкес «категорически» требует занести все мои действия в протокол.

Кровь вдруг ударяет мне в голову; в глазах мгновенно просветлело, и я с шумом выскакиваю из кресла:

— Это для чего же? Чтобы потом показать протокол немцам? Сделать им известной всю мою систему арестов?

Голос мой громкий, дрожит, повышается:

— Достаточно контрразведка расшифрована, чтобы я дальше терпел все это безобразие!

Тут покрасневший Чхеидзе вскакивает, как от толчка в спину, приподымает руки в мою сторону и спешит заверить:

— Господин генерал-квартирмейстер, даю вам слово от всех присутствующих членов Исполнительного Комитета Совета и прошу вас верить, что ни одно слово, произнесенное здесь, не будет вынесено из нашего заседания.

Чхеидзе садится, но его заявления меня теперь уже остановить не могут.

— Начальник контрразведки, — обращаюсь я к судебному следователю В. Он быстро подымается и вытягивается. — Передайте всем без исключения чинам контрразведки мое категорическое приказание: никому не отвечать ни на какие вопросы о наших делах, от кого бы они ни исходили. А если бы к ним обратился кто-либо из членов Временного правительства, то чтобы направили его ко мне.

— Слушаюсь, — отвечает измученный, бледный начальник контрразведки, опускаясь в кресло. На этом «разбор» дела естественно кончился.

Все остановилось; дыхания не слышно. Сон как рукой сняло. Мельком вижу торжествующий огонек в глазах Балабина. Однако успокоиться нелегко. В голове стучит; начинаю ходить по диагонали большой комнаты при гробовом молчании. Иногда ясно вижу, а то чувствую, как, пока перехожу из одного ее конца к другому, за мной поворачиваются головы.

Нахамкес свернулся, прижался. Он уже до конца не проронил ни слова.

Первым неудачно пробует поддержать разговор Сомов:

— Какой вы сегодня сердитый, Борис Владимирович!

Слышу его примирительные слова. Останавливаюсь перед ним и почти кричу:

— Надоел мне ваш Нахамкес!

Опять подымается Чхеидзе, опять просить верить, что ни одно слово не выйдет из этой комнаты.

Да, роли переменялись. Вижу, что все повернулось прекрасно. «Самое главное, — думаю, — молчать, надо молчать, пока не возьму себя в руки, а то такие мастера слова так незаметно подцепят, что от меня перья полетят».

Продолжаю быстро ходить. Напряжение кругом все растет. Вероятно, бояться, что выну револьвер и начну стрелять.

На миг останавливаюсь, открываю дверь и кричу:

— Позвать дежурного!

Переглядываются. Приходит офицер. Громко говорю, чтобы все слышали:

— Пошлите сказать капитану Снегиревскому, что он может не приезжать, так как он мне больше не нужен.

Молчат. Настроение накалилось до предела.

Богданов не выдерживает, улучает минуту, когда я у конца комнаты, у окна, спешит ко мне:

— Да поймите же, мы совсем не против вас. Наоборот: мы всецело на вашей стороне и сами не знаем, как нам избавиться от Нахамкеса. Мы только хотели, если вы идете против таких видных членов Совета, как он, чтобы все было безукоризненно правильно, а тут ордер без числа.

Ничего не отвечаю. Но едва Богданов возвращается к Чхеидзе, как срывается с места ротмистр Рагозин:

— Скажи только слово, одно слово, и я их всех сейчас выброшу в окно.

Не знаю, слышали ли другие Рагозина; но зато совершенно уверен, что когда после него через несколько минут ко мне подлетел горный инженер П. и заговорил как бы шепотом, то вот его слова были слышны на Дворцовой площади: «Как ты думаешь, что мне будет, если я сейчас убью Нахамкеса?»

— Уверен, что ничего, — отвечаю я и поворачиваю ему спину.

Экспансивный инженер П. не убил Нахамкеса. Он понимал, как и все мы, что, устранив одного, не спасти положения, а приводили их по одному. Вывести же в расход всех видных большевиков мы не могли, так как не знали, где они прятались, и совсем не имели охотников белого террора.

Наконец, возвращаюсь в кресло.

Чхеидзе снова дает торжественное слово от всех присутствующих, что все, сказанное здесь, никем и нигде не будет повторено.

Лучи солнца уже заглядывают в комнату.

Начинаю перебирать в памяти все, что имею против Нахамкеса, так как непременно хочу его засадить; а товарищ прокурора должен приехать с минуты на минуту. Наконец, он появляется. Отвожу его в сторону и подробно излагаю «досье» Нахамкеса. Слушает со скучающим видом, будто поневоле, торопится, не задает буквально ни одного вопроса, не спрашивает ни одного доказательства, словно все знает заранее или будто приехал с готовым решением. Объявляет Нахамкесу, что он свободен, и поспешно ретируется.

7 часов утра. Чхеидзе уводит Нахамкеса. Кабинет Главнокомандующего пустеет. Остаемся мы вдвоем с Балабиным. У обоих не хватает слов, да их и не надо...

В 11 часов утра из «Довмина»¹ приходит приказание военного министра: «Главнокомандующему арестов по восстанию больше не производить, а право на эти аресты сохранить только за прокурором Палаты».

---

¹ *Довмин* — аббревиатура так называемого «Дома военного министра» по адресу набережная р. Мойки, д. 67, в котором проживал и А. Ф. Керенский — военный министр Врем. пр-ва с мая по сентябрь 1917 г.

15. ОБРЕЧЕННЫЕ

Измена в левом секторе и массовые убийства на улицах привели в негодование терпеливого петроградского обывателя. Маятник сразу качнуло вправо.

— Теперь будут останавливать контрреволюцию, — сказал мне, усмехнувшись, Балабин.

И действительно, к нам в приемную начинают приходиться пожилые женщины хлопотать за мужей, только что арестованных, кем — неизвестно. Я только догадываюсь, что политическая канцелярия Козьмина тоже работает, не покладая рук. То были жены старых деятелей Союза русского народа или Михаила Архангела, имена которых уже в те времена были достоянием древней истории. Они запрятались после отречения Государя кто куда мог, в страхе никуда не показывались.

Одна из пришедших положительно меня не отпускает:

— К вам я обращаюсь, как к офицеру. Неужели же и вы меня не поймете? Мужу 75 лет, он болен. Семь лет живет на покое, ни во что не вмешивается. А его сегодня увезли, и куда — даже не знаю. Ведь он умрет! У кого мне искать защиты?

Какую угрозу революции могли представить эти ископаемые? Ими пытались свести дутый политический баланс, забрызганный кровью, пролитой большевиками, кровью, которая еще не успела засохнуть. Если нет контрреволюции, то аресты вправо, наудачу, по мнению руководителей народных масс, должны были выправить маятник.

Ну, а как же с большевиками?

Ударом по нескольким десяткам боевых отделов, водворением в тюрьму за несколько дней более двух тысяч человек, — можно было считать большевицкую организацию разгромленной. Но, конечно, при условии, что после шага вперед не сделают двадцать назад. А между тем начавшиеся отмены и перемены указывали, что колесо медленно, но тронулось в обратном направлении. Чтобы зарегистрировать это движение, недоставало только толчка; он и не заставил себя ждать.

У большевиков имелись склады оружия на различных заводах. Некоторые из них нам были известны раньше, но

большинство открылось само собой после восстания, когда Штаб округа был буквально завален точными сведениями о таких хранилищах.

После неудачи, опасаясь потерять это оружие, большевики стали разносить его по квартирам. Достаточно вспомнить состояние Петрограда, чтобы понять, что оружие, разнесенное по частным квартирам, уже совершенно ускользало от Правительства. Требовались быстрые меры, к которым и было приступлено. С маленькими складами мы справлялись легко, на ходу. Для крупных заводов вопрос представлялся серьезнее: туда требовалось посылать целые отряды.

Прекрасно отдавая себе отчет, что о таких больших выступлениях будут громко кричать все, кому они не понравятся, а таких будет немало, я решил на эти отряды получить предварительное согласие Половцова.

— Что ты меня спрашиваешь? — поощряет меня Половцов. — Неужели мы не знаем друг друга?

Прекрасно. Формирую первый отряд, назначаю начальником решительного артиллерийского капитана, посылаю на Сестрорецкий завод.

11 июля экспедиция проходит без кровопролития и очень удачно: нам привозят 1200 винтовок, несколько сотен бомб, а к ним в придачу семь организаторов красной гвардии.

Конечно, громкоговорители возвещают из Таврического дворца о новых происках контрреволюции.

Теперь очередь за Путиловским заводом. Там, кроме большого склада оружия, заканчиваются к выпуску 13 бронированных автомобилей. Не имея в своем ведении броневиков, мы с Балабиным все время искали случая, как бы затащить к себе хоть один и посадить на него свою команду. А тут вдруг 13! Балабин меня подзадоривает:

— На Путиловский завод поезжай ты сам. Если заранее узнаешь, в каком виде броневики и где именно стоят, а ты влетишь внезапно, то там так растеряются, что не успеют прийти в себя. Ты и вытащишь на буксире все машины.

Формирую отряд, собираю грузовики, а за точными сведениями еду к начальнику Главного Технического управления генералу Шварцу. Предприятие очень заманчивое: из-за броневиков стоит пойти на что угодно.

Генерал Шварц оказался хорошо осведомленным о своих строящихся машинах. Я поделился с ним нашим планом. Не прибегая ни к каким справкам, он тут же дал мне все подробности о состоянии броневиков и их местоположении по зданиям завода. 5 машин были уже закончены к выпуску.

Едва возвращаюсь от Шварца к себе в штаб, как вдруг входит Балабин, обращается ко мне и, как автомат, с безразличным видом отчеканивает каждое слово:

— Председатель Правительства, военный министр приказал немедленно прекратить захваты складов оружия на заводах и разоружение рабочих. Он считает, что сознание народа уже настолько развилось, что граждане поймут разумность требования, и большевики сами добровольно отдадут нам оружие. Поэтому министр приказал, чтобы ты составил обращение-воззвание, приглашая население сдать все вооружение.

Я хорошо знал Балабина — у него были стальные нервы; он никогда ничему не удивлялся. Очевидно, он уже обломал все копыя. Тонем своего голоса он мне подчеркивает, что является только лаконичным передатчиком приказания, и дает мне понять, что единственно, что мне остается, это — также механически исполнить приказ и не входить в обсуждение этой бессмыслицы.

Встаю. Отвечаю военной этикой — перехожу на «вы»:

— Прошу вас доложить военному министру, что в моем отделе нет человека, который сумел бы составить такое красноречивое воззвание.

Несколько секунд молчания.

Балабин:

— Чего ты формализуешься? Разве ты не знаешь, что я считаю это глупостью?

— Прекрасно знаю.

Опять молчание.

— Хорошо. Подожди.

Подождал.

Балабин возвращается.

— Военный министр приказал разработать только техническую сторону возвания, — разделить Петроград на районы, назначить сборные места, приемщиков, склады, перевозочные средства, караулы, время сдачи и пр. И в таком виде

представить ведомость ему. Текст же самого воззвания он взял лично на себя.

— Слушаюсь.

К ночи представляю большую таблицу. В ней весь Петроград, районы, время сдачи и сборные пункты и все, что угодно.

К таблице прикладываю маленький лист бумаги — мой рапорт в одну строку: «Прошу меня уволить по болезни в отставку».

Балабин улыбается: он сам подает такой же рапорт, а Половцов больше не Главнокомандующий: его перед тем уволил Керенский.

Мне и теперь странно рассказывать этот анекдот с воззванием, о замене пулемета пафосом. Если бы я, военный, представил от себя по команде такой проект, то в любой армии меня посадили бы в сумасшедший дом.

Может быть, все же интересно знать, как приняло воззвание население?

Лирическая сторона этого литературного произведения удалась безукоризненно. Воззвание было расклеено по углам всевозможных зданий. Его читал весь Петроград. Оно даже подействовало, но, увы, как раз не на преступников, для которых предназначалось, а на самых лояльных людей, привыкших вообще подчиняться распоряжениям любой власти: сданными оказались несколько охотничьих ружей, пистолетов и сабель эпохи русско-турецкой войны. Все перевозочные средства и приемщики вернулись ни с чем — пустыми.

Если эпизод с отменой разоружения большевиков был ощутительным толчком по гигантскому колесу в обратную сторону, то для меня он явился ударом, которым выбило последнюю надежду.

Новый Главнокомандующий Петроградского округа генерал Васильковский не желает слышать о моем уходе.

— Может быть, вы не хотите быть подчиненным новому начальнику Штаба Багратуни?¹ Тогда я назначаю вас при себе

---

¹ *Багратуни* Яков (Акоп) Герасимович (1879–1943) — в июле–октябре 1917 г. начальник штаба Петроградского военного округа. В августе 1917 г. один из организаторов продиводействия выступлению ген. Корнилова. С октября 1917 г. Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. После 1919 г. в эмиграции.

генералом для поручений, — слышу я от него в категорической форме*.

Нет. Я кончил служить такому Правительству. Последняя карта бита. Попав случайно в Петроград, я увидел, как раскатилась революция в больших народных массах. И как тогда же все стало ясно! Одни слева будут продолжать спасать революцию или редактировать воззвания о сдаче оружия.

Многие справа еще должны пройти ряд испытаний, чтобы подавить страсти, — выйти на путь новых доступных нам заданий.

Вторых гораздо больше, но и те, и другие слишком малочисленны на стомиллионную темную массу, погнавшуюся за призраками, для которой — вот в чем горе — уже опрокинуты все плотины!

Идти в эту массу? Но чтобы иметь в ней успех, надо на митингах срывать с себя погоны, посылать проклятия прошлому, как это делали некоторые офицеры. Нет. Только не это.

Если в верхних слоях распыленной русской общественности иногда идеологически указывают на конец августа как на крайний рубеж «Корнилов или Ленин», то для нас, пробивавшихся снизу через народную толщу и видевших всю картину разрушения, вопрос решался гораздо раньше, а именно тотчас после июльского восстания, когда Временное правительство не пошло за генерал-прокурором в преследовании большевиков за измену своему народу.

Картина разрушений, не учитываемых некоторыми политическими течениями, может быть отчасти видна в свете подробностей, перечисленных в предыдущих главах. В них я подтверждаю, что генерал-прокурору, контрразведке, Штабу округа, прокурорскому надзору было совершенно ясно, что Правительство продержится только до следующего восстания большевиков; нам было отчетливо видно, что день этого восстания, так же как июльского, будет назначен не Лениным, а немцами (что и произошло в действительности), но бить уже будет нечем**. Отсюда в нашем точном рисунке Петро-

---

* Считалось, что Багратуни прислан для проведения взглядов Керенского.

** См. гл. «В музей Ленина».

града никакого августовского перелома быть уже не может. Поэтому мы говорим уже в июле: *обреченные мы, все вы; обреченная Россия.*

Прежде чем не признавать этого положения, необходимо, казалось бы, опровергнуть отдельные элементы разрушения петроградских войск и всего административного аппарата, мною приведенные. Иначе мы опять оторвемся от действительности, опять останемся в области одних идеологических споров.

Суровый закон требовал, чтобы все переболели, каждый по-своему. Вот после этого только и можно приступить к новому творчеству*. Ну, а тогда в Петрограде? Васильковский и Багратуни начнут проходить стаж борьбы в революционной столице. А я должен буду себя побороть и сговариваться с Нахамкесом? Допустим. А какая от этого польза?

Энергичный прокурор Палаты Каринский тоже пробовал остановить обратное движение. По материалам, добытым после восстания, он арестовал Троцкого. Опять на сцену выступает Ловцов, — бегаёт по городу и опять его находит. Троцкого сажают 23 июля, а в течение августа и в начале сентября новые министры юстиции выпускают и Троцкого, и всех одного за другим, кого мы посадили и до, и после восстания. Если кивать в прошлое и говорить, что доказательств измены большевиков было недостаточно, то, казалось бы, нельзя было не привлечь большевиков за восстание по опубликованному декрету Правительства. А убитых 4 июля? Разве их тоже не было?

К сожалению, узнав о моем рапорте, уходят начальник контрразведки, судебный следователь В. и Александров.

Васильковский их вызывает: при Багратуни, в моем присутствии, он убеждает их остаться. Достаточно взглянуть на обоих, чтобы понять, что наши мысли одинаковы. На все

---

* Проведя следующий период борьбы на Северном Кавказе, а затем, кончив внешнюю войну в начале 1919 года, я не признал мое производство в генералы и отказался принять самостоятельный фронт (из подчиненных мне войск Бичерахова и горцев Северного Кавказа — кадров старой Дикой дивизии), который настойчиво предлагали мне горцы, английской службы генерал Томсон и полковник Ролленсон.

уговоры Васильковского каждый из них твердит: «Нет, я ни за что не останусь. Я был связан личным словом только с Б. В. - Никитиным; а раз его нет, то считаю себя свободным».

Васильковский обрушивается на меня:

— Вот, видите, что вы делаете! Да я же вам сказал, что вы не уйдете!

— Посмотрим. Я все надеюсь, что комиссия врачей, в которой мне предстоит свидетельствоваться, уволит меня по болезни в отставку*.

В двадцатых числах июля меня свидетельствуют в Благовещенском госпитале и единогласно признают здоровым, как дай Бог всякому.

Прямо из госпиталя еду к начальнику Генерального штаба Романовскому. Говорю о неудаче в комиссии врачей; прошу меня убрать из Штаба округа куда угодно на фронт.

— Как? Неужели уже до этого дошло? — говорит он задумчиво, стучит дружески по плечу; мне кажется, в моих словах он находит подтверждение каких-то своих дальних мыслей. — Но я же не могу вас взять из Штаба, если вас не отпускает Главнокомандующий.

— Да, это по старым правилам, а вы уберите меня по новому, приказом начальника Генерального штаба начальнику Штаба округа.

— Идет, — говорит Романовский. — Сделаю.

На другой день Багратуни получает приказание откомандировать меня в Главное управление Генерального штаба; а 26 июля я являюсь своему новому начальнику, старому знакомому, генералу Потапову.

После всех любезностей, которыми мы с ним обменялись за пять месяцев, я приготовился к сухому приему, но ошибся. Потапов, очевидно, был добрым человеком. Он устроил мне сердечную встречу; от него я узнал, что Романовский меня назначил не на фронт, а начальником Разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба по группе держав, с которыми мы вели войну.

Однако на этом моя записная книжка не закончилась.

---

* После контузии на войне у меня развилась болезнь сердца.

16. ДЕЛО ГЕНЕРАЛА ГУРКО

Рассказывая о том, как останавливали маятник, когда его качнуло вправо, нельзя не привести нескольких деталей из отношений министров к Гурко¹.

21 июля, утром, ликвидируя свои дела в Штабе округа, я встретил сияющего от удовольствия адъютанта помощника Главнокомандующего — Козьмина*².

— Если бы вы только знали, кого мы сегодня арестовали! — говорит он, не умея скрыть своего восторга.

— Откуда же я могу знать, что происходит в вашей тайной канцелярии? Кого именно?

— Генерала Гурко.

— А что он сделал? — непосредственно срывается у меня удивленный вопрос.

Наступает неловкое молчание. Мой собеседник смотрит на меня с растерянным видом.

— Как, что сделал?

— Ну да, какое у вас было основание для ареста?

— Как, какое основание?.. Да ведь это Гурко, понимаете — Гурко! Нет, вы никогда не поймете! — восклицает он, кидает на меня безнадежный взгляд и уходит.

Начинаю припоминать слухи с фронта, что Главнокомандующий генерал Гурко настаивал пред военным министром на решительных мерах для спасения дисциплины в армии, имел с министром крупные столкновения и был уволен.

---

¹ Гурко Василий Иосифович (1864–1937) — с 31.03.1917 Главнокомандующий армиями Западного фронта. После обнародования Декларации прав солдата 15.05.1917 подал рапорт, что он «снимает с себя всякую ответственность за благополучное ведение дела», вследствие чего 22.05.1917 смещен с должности. 21.07.1917 арестован, вскоре освобожден и выслан за границу.

* К сожалению, не помню фамилии. Но у Козьмина был всего один адъютант — поручик с высшим образованием, небольшого роста, старый революционер. Кажется, Чарномский?

² Козьмин А. И. — прапорщик, помощник Главнокомандующего войсками Петроградского округа.

Арестовывать генерала ездил Козьмин со своим адъютантом. Они привезли его в Штаб, на квартиру Козьмина, а от туда через два дня водворили в Петропавловскую крепость.

24 июля утром меня зовет новый начальник Штаба Багратуни. Он передает мне небольшую папку и говорит:

— Вот дело генерала Гурко. Военный министр приказал произвести расследование. Поручите его контрразведке.

Отвечаю:

— Я не знаком с генералом Гурко и никогда его не видел, но предвижу заранее, что бывший начальник кавалерийской дивизии и начальник Штаба Верховного — генерал Гурко — отнюдь не шпион.

— Что вы, что вы, конечно, нет! — даже вздрогнул Багратуни от такого резкого слова.

— Ну, а в таком случае контрразведка, которая преследует только шпионов, этим делом заниматься не может, и разрешите мне вам его вернуть.

Багратуни явно неприятно; он отстраняет протянутую папку:

— Да, вы правы, совершенно верно; но не торопитесь, подождите. Я потом вам скажу.

В этот же день я случайно оказался в кабинете Багратуни, когда у него была супруга генерала Гурко. Симпатичная, с большими глазами, эта женщина приходила протестовать, и что было особенно тяжело видеть, обращалась к начальнику Штаба с полной уверенностью, что он также возмущен случившимся. Она говорила, что это первый случай за все время существования Петропавловской крепости, чтобы в нее кого-нибудь посадили без «ордера», как это было сделано с ее мужем*. Как бы ища защиты, она часто поворачивалась в мою сторону. Багратуни отвечал что-то неопределенное, а я не мог на нее смотреть.

Вернувшись к себе, я решил сам ознакомиться с делом, облетевшим с таким треском всю печать. И чего только не говорили о нем в газетах со слов услужливых осведомителей: контрреволюция, переписка с низложенным монархом, заго-

---

* Я слышал, будто бы прокурор отказался вообще подписать какой бы то ни было ордер.

вор, — ну, словом, сразу все темы для бесконечного бульварного романа. Как же не увлечься такими сообщениями, если газеты приводят подлинные слова самого министра Некрасова, произнесенные им на ночном заседании в Зимнем дворце: «Генерал Гурко в своем плане пишет, что все верные слуги Государя в силу обстоятельств должны только на время приноровиться к новым порядкам и принять соответствующий вид».

Открыв небольшую папку, называемую «Дело генерала Гурко», я нашел в ней всего только один лист бумаги, а именно, письмо Гурко к Государю.

Таким образом, будем точны: прежде всего, не переписка, а одно письмо. Оно было на четырех страницах и имело дату 2 марта. Генерал писал только что отрекшемуся Императору. По содержанию письмо не только не заключало какого-то плана, но там не было ни совета, ни даже малейшего намека, что можно исправить случившееся. Гурко заменял одно время генерала Алексеева по должности начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, то есть был сподвижником Государя. Но 2 марта это был просто близкий человек, который хотел высказать только свое душевное сочувствие тому — другому, хоть чем-нибудь его поддержать в великом горе, которое на него обрушилось. И слова утешения больше касались Воли Божьей.

Отсюда видно, что министр Некрасов в своем пересказе далеко ушел от действительности. В письме была одна фраза, касающаяся Наследника. Генерал писал, что, может быть, для мальчика все будет к лучшему: он в тиши окрепнет, будет расти в спокойной обстановке, учиться, наберется знаний, «а пути Божьи неисповедимы: кто знает, — может быть, сам народ когда-нибудь призовет его». Против этого места на полях стояли красным карандашом большие и малые восклицательные знаки.

На этом письмо, а с ним и все «дело Гурко» заканчивается.

При всем желании, не найти там ни контрреволюции, ни заговора, ни даже той малой мухи, из которой можно бы сделать слона.

Но что поистине было исключительного на этих четырех страницах, так это совсем не то, что писал генерал Гурко, а

собственноручная резолюция начальника кабинета военного министра, поставленная чернилами на полях письма:

«Военный министр приказал привлечь генерала Гурко по 126-й статье Уг. Ул. Полковник Барановский»*.

Вряд ли царские архивы Министерства юстиции видели такие рискованные надписи. Если в те отдаленные времена инсценировались процессы и министры тоже «приказывали» следственной власти подгонять обвинения под определенные статьи, то они не писали таких откровенных резолюций на официальных бумагах; а тем более на тех, кои представляли собой вещественные доказательства.

При этом важно еще заметить, что даже независимо от заключения по существу всего дела, за это письмо Гурко никак нельзя было подвести ни под какую статью: согласно декрета Правительства, все действия, направленные в защиту старого строя и имевшие место до 4 марта, подлежали полной амнистии. На основании этого декрета были, например, амнистированы в Ораниенбауме офицеры, стрелявшие 3 марта из пулемета. Письмо Гурко было от 2 марта, и на него, в довершение всего, распространялось и действие названного декрета.

Вечером того же дня захожу к Багратуни, чтобы напомнить о деле. Наш разговор повторяется в тех же выражениях. Слышу ответ: «Да... но и подождите».

Выйдя от него, мне вдруг пришла мысль: о чем я спорю? О каких принципах, которые меня уже не касаются? Через два дня все равно меня не будет в Штабе. А разве не лучше, если это расследование произвести под моим наблюдением? Оснований для обвинения все равно не найдут, так как их нет; но без меня дознание будут тянуть; Гурко будет сидеть; а в этом и заключается главная опасность. Сколько раз я повторял членам Следственной комиссии Муравьева, что они сажают в Петропавловскую крепость представителей старого режима не для суда Временного правительства, а для боль-

---

* Эта статья старого Уголовного уложения применялась к виновным в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя.

шевиков. Они все мне не верили, что приход к власти большевиков — вопрос самого небольшого времени и что в случае восстания защищать Правительство будет некому. Если же теперь мне представляется возможность сохранить хоть одного, то надо спешить.

Звоню в контрразведку, вызываю Каропачинского, прошу немедленно приехать. Он быстро появляется.

— С вами, Всеволод Николаевич, я начал контрразведку. А вот вам и мое последнее дело. Произведите лично расследование о генерале Гурко.

Вижу удивленное лицо Всеволода Николаевича. Передаю ему досье, предлагаю прочесть письмо. Конечно, я не позволил себе указывать, какого ожидаю заключения. Надо знать характер Каропачинского. Он всегда ревниво оберегал независимость судебных решений, он никогда не мирился с давлением извне на следственное производство. Для него сама по себе резолюция Барановского уподоблялась большому красному флагу, которым размахивают на корридах в Испании.

Я только сказал ему:

— Даю вам 48 часов на производство расследования.

— Зачем так много? — услышал я короткий ответ.

Уже на другой день он привозит мне законченное расследование. Внизу, перед подписью выведена трафаретная фраза: «Состава преступления не найдено, а потому постановил дело прекратить».

Но он был бы не Каропачинский, если бы и здесь не проявил своей инициативы. Меня ждал сюрприз.

— Вы знаете, Борис Владимирович, у нас до сих пор каждый день бывают товарищи прокурора Судебной палаты, которым мы передаем разные дела. Так я предложил сегодня одному из них тоже подписать постановление после меня, что он и сделал. Таким образом, и заключение прокурорского надзора уже имеется.

Подписываю препроводительную бумагу.

— Возьмите внизу мою машину, отвезите от меня все это прокурору Палаты и вручите ему лично.

Бедный Всеволод Николаевич! Ему так влетело, что когда через полчаса он вернулся обратно, то еле переводил дыхание; а на лице еще оставались красные пятна, но глаза смеялись.

— Никогда не видел прокурора в таком состоянии: он так рассвирепел, что я даже слова не мог вставить.

— Как? — воскликнул я. — Прокурор не согласился с мнением контрразведки?

— Нет, об том и речи не было. Он только выражал неудовольствие за такую поспешность в производстве расследования.

Я не напоминал больше Багратуни о деле Гурко. Сам же он, надо отдать ему справедливость, тоже никогда меня о нем не спрашивал.

На другой день я простился со Штабом округа, а через несколько дней генерал Гурко был выпущен из крепости и выслан за границу.

17. СВЕТОЙ ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Душевное внимание Великого Князя, его чарующая простота и деликатность навсегда привлекали сердца тех, кому приходилось с ним встречаться. Что же сказать нам, прошедшим с ним войну? Мы были счастливы близостью к нему, а преданы безмерно.

Всегда ровный, Великий Князь никогда не выходил из себя. Он оставался спокойным, какие бы сюрпризы ни приносила обстановка. А иногда, действительно, было чему удивиться. Великий Князь провел кампанию не в большом штабе, а выступил на войну во главе шести кавалерийских полков так называемой Дикой дивизии*; затем командовал 2-м кавалерийским корпусом, а совсем перед революцией получил пост генерала-инспектора кавалерии.

Вот он в самом начале кампании, когда дивизия пролезла в щель у Береги Горние и после ночного боя, прорвав охранение, втянулась в узкие ущелья Карпат. Тирольские стрелки держатся кругом на гребнях по трем сторонам образовавшегося мешка и пытаются замкнуть последний выход у Береги Горние. Связь с корпусом порвана. Великий Князь в головной сотне головного отряда черкесов бригады князя Вадбольского, а ночь проводит с кабардинцами графа Воронцова-Дашкова, на которого начинают нажимать австрийцы. Обстановка выясняется: перед нами начало большого наступления пехоты. Дикая дивизия выскакивает из петли, занимает длинный фронт и вместе с 12-й кавалерийской генерала Каледина сдерживает натиск.

И влетело же штабу дивизии от командира корпуса, хана Нахичеванского! Ему вторит начальник штаба корпуса барон Дистерло: «Вы можете исчезать, куда хотите, но мы не можем не знать в течение двух суток, где брат Государя!»

А брат Государя в восторге. Он смеется над страхами за его жизнь, сам отвечает командиру корпуса и уходит в окопы.

---

* Кавказская Туземная конная дивизия.

Позиционная война тяготила его подвижной характер.

— Пришли лошадей на высоту 700, — говорит мне по телефону личный ординарец Великого Князя князь В. Вяземский.

— Куда? Как? Да она сильно обстреливается, там нельзя показаться верхом. Попроси Великого Князя спуститься вниз пешком по ходу сообщения.

Но разве можно запомнить высоты и гребни, по которым Великий Князь обходил свои позиции? Он всегда хотел сам знать, сам увидеть. В его присутствии забывали о личной опасности, и бывали случаи, когда этим пользовались даже соседи.

Однажды под Залещиком Великий Князь поехал посмотреть Заамурскую конную бригаду и, как обыкновенно, в несколько часов всех зачаровал. Через три дня, в критическую минуту, славные замурцы атаковали в лоб в конном строю пехотные окопы под Дзвинячь-Жежава. Командир бригады генерал А. Черячукин, идя на подвиг и желая поднять настроение, сказал своим солдатам, что с соседней высоты на них смотрит Великий Князь Михаил Александрович и интересуется, повернут они под огнем или нет. Надо ли говорить, что на высоте никого не было? Великий Князь был занят своей дивизией и узнал только к вечеру о подвиге героев. Ведомые Черячукиным, они не только не повернули, не дрогнули, не только дошли, но прошли пехотные окопы.

Вспоминаю Тлумач, когда бой закончился лихим обходом татар и блестящей атакой третьей сотни князя Алека Амилахвари. Влетев в Тлумач, Великий Князь пронесся через город, еще занятый австрийцами. Около него падают всадники и лошади маленького конвоя, сраженные ружейными пулями. «Вам очень хотелось быть убитым сегодня?» — спросил я Его Высочество вечером за кружкой чая у командира корпуса, хана Нахичеванского.

У Великого Князя не было инстинктивного движения наклонить голову под пулей. Как-то раз, уже командиром 2-го кавалерийского корпуса, он спешит в день наступления с участка 6-й донской казачьей дивизии в 9-ю кавалерийскую. Для скорости он несется в автомобиле по открытому месту. Четыре тяжелых орудия противника дают залп; снаряды вздымают воронки, клубы дыма, а земля отбрасывается к автомобилю. Не

забуду его характерный жест головы вверх, взмах руки и непровольное восклицание: «Восьмидюймовые!» Шофер побледнел и остановился; его приводят в себя короткие слова начальника штаба генерала Юзефовича: «Давай вперед».

— Знаешь, почему он такой храбрый? — сказал мне как-то начальник конвоя, старый черниговский гусар ротмистр Пантелеев. — Он так глубоко порядочен, что не может не быть храбрым.

Как начальник Великий Князь всегда искал крайних решений, стоял за их настойчивое проведение. Большой спортсмен в душе, он любил риск, огорчался, когда новые обстоятельства не позволяли довести занесенный удар до конца.

Его доступность известна всем русским людям. Он принимал всех, кто хотел его видеть, и был добрым гением для тех, кто просил о помощи. На войну шли за ним тяжелые сундуки писем, прошений и всевозможных просьб. В период затишья полковник барон Н. А. Врангель¹ просиживал над бумагами до глубокой ночи, подготавливая к утренним докладам. Только смотря на эти горы писем, можно было получить представление о числе просителей. А мы знали и видели, как Великий Князь стремился помочь каждому. Он расспрашивал о подробностях, тратил громадные средства на благотворительность. Его Высочество никогда не говорил об этих делах, как никогда не показывал своего высокого положения. Особая красота была в его скромности.

— Берегите Великого Князя. Мы не знаем, какие судьбы готовит ему Россия, — часто говорил мне начальник штаба Юзефович², когда боевая обстановка заставляла нас разлучаться*.

---

¹ *Врангель* Николай Александрович (1869–1927) — адъютант и управляющий делами у Великого Князя Михаила Александровича.

² *Юзефович* Яков Давыдович (1872–1929) — генерал-лейтенант. В 1914–1916 гг. — начальник штаба Кавказской Туземной конной дивизии, затем 2-го конного корпуса. В 1917 г. — генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем, командующий 12-й кавалерийской дивизией, командующий 12-й армией. С лета 1918 г. — в Добровольческой армии. После 1920 г. — в эмиграции.

* Я был старшим адъютантом штаба Дикой дивизии, а потом штаб-офицером штаба 2-го кавалерийского корпуса.

Эти слова пришли мне невольно на память, когда я подходил 21 августа 1917 г. к маленькому знакомому домику в Гатчине, так наминававшему раньше английский коттедж. Судьбе угодно было сохранить Великого Князя на войне. Но как все кругом переменялось! Около небольшого сада бродят вооруженные, разнузданные, всклокоченные солдаты. Только Великий Князь все тот же спокойный, ровный, приветливый. Я рассказываю ему о своих злоключениях, о совершенно новой для меня теории идеализма, которую пробуют применять в России, и о тех, кто ее проводит. Его Высочество задает вопросы; но мне кажется, что он давно все знает и полон глубокой грусти. Я ясно чувствую, что ему больно слушать пересказы моих наблюдений. Меня выручает Баранов, который докладывает, что супруга Великого Князя* зовет нас к столу. Великий Князь гостеприимный хозяин; он любит угостить, но сам всегда на строгом режиме: очень ограничен в еде и пьет только молоко. Наталия Сергеевна также радушна, душевна и встречает своей обворожительной улыбкой.

За столом секретарь, поручик Джонсон рассказывает о том, как ему приходится спорить со всевозможными комиссарами и комендантами, когда он старается избавить Великого Князя от различных осмотров и требований.

— Вы не можете себе представить, какую он ведет с ними войну, — смеется Великий Князь.

Тут же узнаю, что окружающие солдаты успели полюбить этого особенного человека. Да разве могло быть иначе?

— Отчего бы вам не уехать, хотя бы в Финляндию? — спрашиваю я Его Высочество.

— Нет, — тихо отвечает он и делает отрицательное движение головой. — Я останусь в России.

Мы переходим в гостиную, вспоминаем дивизию, корпус, отдельных лиц. Я говорю:

— Какое счастье, что этих частей не было с вами в феврале.

— Я ожидал катастрофы, но я и не имел прав на престол, — говорит Великий Князь, — и не видел возможности работать с министрами, которые против меня.

---

* Княгиня Наталия Сергеевна Брасова.

День проходит быстро; начинает спускаться ночь, я собираюсь уходить.

— Вам все равно, как вернуться? — спрашивает меня Великий Князь. — Я хочу проехаться по воздуху и отвезу вас на вокзал в Царское Село.

На крыльце у автомобиля его высокая стройная фигура, а кругом резким контрастом революционные солдаты. Они так похожи на только что сбежавших преступников, да и шинели их удивительно напоминают рваные арестантские халаты. Что-то дрогнуло внутри, жутко стало мне — офицеру, а каково же ему? Но он как будто их не замечает, как будто не видит окружающего. Его Высочество садится за руль. Незлучная с Великим Князем Наталия Сергеевна и я поднимаемся за ним, и машина летит, как стрела, ведомая опытной рукой.

Быстро мелькают версты, с ними исчезают последние минуты, и на вокзале я расстаюсь навсегда с тем, чей светлый образ отходит уже в дорогие воспоминания.

Прошло много лет. Княгиня Брасова любезно предоставила мне для напечатания нижеприводимые документы Великого Князя и поделилась со мной следующими точными подробностями.

Перед революцией Великий Князь отдавал себе ясный отчет во всем происходящем. Он послал Государю письмо такого содержания*:

«Год тому назад, по поводу одного разговора о нашем внутреннем положении, ты разрешил мне высказать тебе откровенно мои мысли, когда я найду это необходимым. Такая минута настала теперь, я и надеюсь, что ты верно поймешь мои побуждения и простишь мне кажущееся вмешательство в то, что до меня, в сущности, не касается. Поверь, что в этом случае мною руководит только чувство брата и долг совести.

Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас. Перемена в настроении самых благонамеренных людей — поразительная; решительно со всех сторон я замечаю образ мысли, внушающий мне самые серьезные

---

* На копии пометка: «Письмо послано в ставку из Гатчины 11 ноября 1916 г.».

опасения не только за тебя и за судьбу нашей семьи, но даже за целостность государственного строя.

Всеобщая ненависть к некоторым людям, будто бы стоящим близко к тебе, а также входящим в состав теперешнего правительства, объединила, к моему изумлению, правых и левых с умеренными, и эта ненависть, это требование перемены уже открыто высказывается при всяком случае.

Не думай, прошу тебя, что я пишу под чьим-либо влиянием: эти впечатления я старался проверить в разговорах с людьми разных кругов, уравновешенными, благонамеренность и преданность которых выше всякого сомнения, и, увы — мои опасения только подтверждаются.

Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для нас всех и для России.

При моей неопытности, я не смею давать тебе советов, я не хочу никого критиковать. Но мне кажется, что, решив удалить наиболее ненавистных лиц и заменив их людьми чистыми, к которым нет у общества, а теперь это вся Россия, явного недоверия, ты найдешь верный выход из положения, в котором мы находимся, и в таком решении ты, конечно, получишь опору как в Государственном Совете, так и в Думе, которые в этом увидят не уступку, а единственный выход из создавшегося положения во имя общей победы.

Мне кажется, что люди, толкающие тебя на противоположный путь, то есть на конфликт с представительством страны, более заботятся о сохранении собственного положения, чем о судьбе Твоей и России.

Полумеры в данном случае только продлят кризис и этим обострят его.

Я глубоко уверен, что все изложенное подтвердят тебе и все те из наших родственников, кто хоть немного знаком с настроениями страны и общества. Боюсь, что эти настроения не так сильно ощущаются и сознаются у тебя в Ставке, что вполне понятно, большинство же приезжающих с докладами, оберегая свои личные интересы, не скажут резкую правду.

Еще раз прости за откровенное слово; но я не могу отделаться от мысли, что всякое потрясение внутри России может отозваться катастрофой на войне. Вот почему, как мне ни

тяжело, но любя тебя так, как я тебя люблю, я все же решаюсь высказать тебе без утайки то, что меня волнует».

27 февраля 1917 г. Его Императорское Высочество был в Гатчине, когда М. В. Родзянко* попросил его по телефону спешно приехать в Петроград. Великий Князь сейчас же прибыл в Мариинский дворец, где присутствовал на заседании Совета Министров, а оттуда поехал с Родзянко в дом военного министра для разговора по прямому проводу с Государем.

В Могилеве к аппарату подошел генерал Алексеев. Вот копия с подлинной ленты:

— «У аппарата великий князь михаил александрович прошу вас доложить от моего имени государю императору ниже следующее двоеточие для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения по моему глубокому убеждению необходимо увольнение всего состава совета министров что подтвердил мне и князь голицын** точка в случае увольнения кабинета необходимо одновременно назначить заместителей при теперешних условиях полагаю остановить выбор на лице облеченном доверием вашего императорского величества и пользующемся уважением в широких слоях возложив на такое лицо обязанности председателя совета министров ответственного единственно перед вашим императорским величеством необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению точка ввиду чрезвычайно серьезного положения не угодно ли будет вашему императорскому величеству уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от высочайшего вашего императорского величества имени причем со своей стороны полагаю что таким лицом в настоящий момент мог бы быть князь львов генерал-адъютант михаил».

— «Сейчас доложу императорскому величеству телеграмму вашего императорского высочества точка завтра государь император выезжает в царское село генерал-адъютант алексеев» — «позволяю себе доложить что если последует сейчас какое либо повеление государя императора то я немедленно

---

* Председатель Государственной Думы.

** Председатель Совета Министров.

телеграфирую его вашему императорскому высочеству генерал адъютант алексеев».

— «я буду ждать ваш ответ в доме военного министра и прошу вас передать его по прямому проводу точка вместе с тем прошу доложить его императорскому величеству что по моему убеждению приезд государя императора в царское село желательно отложить на несколько дней генерал адъютант михаил».

— «отправляюсь с докладом генерал алексеев».

— «у аппарата генерал алексеев государь император повелел мне от его имени благодарить ваше императорское высочество и доложить вам следующее точка первое ввиду чрезвычайных обстоятельств государь император не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает завтра в два с половиной часа дня второе все мероприятия касающиеся перемен в личном составе его императорское величество отлагает до времени своего приезда в царское село третье завтра отправляется в петроград генерал адъютант Иванов в качестве главнокомандующего петроградского округа имея с собой надежный батальон четвертое с завтрашнего числа с северного и западного фронта начнут отправляться в петроград из наиболее надежных частей четыре пехотных и четыре кавалерийских полков точка позвольте закончить личной просьбой о том чтобы высказанные вашим императорским высочеством мысли в предшествовавшем сообщении вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах его величеству как относительно замены современных деятелей совета министров так и относительно способа выбора нового совета и да поможет вашему императорскому высочеству господь бог в этом важном деле генерал алексеев».

— «со своей стороны сообщаю лично вам что я опасаюсь как бы не было упущено время до возвращения его величества так как при настоящих условиях дорог буквально каждый час благодарю вас михаил васильевич за принятый на себя труд желаю вам полного успеха генерал адъютант михаил».

— «завтра при утреннем докладе еще раз доложу его императорскому величеству желательность принять теперь же некоторые меры так как вполне сознаю что в таких положениях упущенное время бывает вознаграждено желаю здоровья вашему императорскому высочеству и успеха в той помощи которую вы

желаете оказать государю императору в переживаемые нами решительные минуты от которых зависит судьба и дальнейший ход войны и жизни государства генерал алексеев».

Отойдя от аппарата перед концом разговора, Родзянко уехал, а Великий Князь остался один. Но вернуться в Гатчину, да и выбраться из Петрограда было уже невозможно, так как вооруженные матросы и солдаты успели занять вокзалы. Великий Князь рассчитывал, что его мог бы вывезти автомобиль председателя Государственной Думы, престиж которого в эти часы был очень велик. Но Родзянко уже не было! Судьбе было угодно, чтобы тот, кому через два дня предстояло вступить на престол, оказался запертым совсем один в восставшей столице*.

Далеко, в Могилеве, Государь не внял советам брата. Как известно, он выехал на другой день в Царское Село; но поезд его не был допущен к столице и попал в Псков, к Главнокомандующему Северного фронта.

1 марта Великий Князь посылает Царю следующую телеграмму**:

«Забыв все прошлое, прошу тебя пойти по новому пути, указанному народом. В эти тяжелые дни, когда мы все, русские, так страдаем, я шлю тебе от всего сердца этот совет, диктуемый жизнью и моментом времени, как любящий брат и преданный русский человек».

Могилев не мог сохранить престол монарху. Его начальник штаба генерал Алексеев послал за ним 2 марта свою знаменитую телеграмму № 1878, в которой передавал телеграммы трех Главнокомандующих с просьбой об отречении. Сам генерал Алексеев не произносит этого слова. Наиболее независимый из Главнокомандующих, Великий Князь Николай Николаевич своими первыми словами открывает глаза на значение Алексеева в составлении этого коллективного обращения: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение...»

---

* Совершенно особенное недовольство против Родзянко именно за то, что он вызвал и оставил Великого Князя одного — сильно высказывалось Его Императорским Высочеством в разговоре со мной.

** Копия снята рукою Джонсона.

Искушенный в дипломатии, служивший потом у большевиков Брусилов пишет не Царю, а Алексею: «Прошу вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому Престолу».

Генерал Эверт ссылается на обстановку, которую ему «передал начальник Штаба Вашего Величества» и говорит, что «на Армию нельзя рассчитывать при подавлении беспорядков». Из телеграммы видно, что Алексеев разделяет эту мысль.

В то же время обстановка в Петрограде меняется с быстротой, которая не уступает телеграфной передаче.

Авторитет Государственной Думы стремительно падает. М. В. Родзянко пишет великому Князю Михаилу Александровичу*:

«2 марта 1917 г. Теперь все запоздало. Успокоит страну только отречение от престола в пользу наследника при вашем регентстве. Прошу вас повлиять, чтобы это совершилось добровольно, и тогда сразу все успокоится. Я лично сам вишу на волоске и могу быть каждую минуту арестован и повешен.

Не делайте никаких шагов и не показывайтесь нигде. Вам не избежать регентства.

Да поможет вам Бог исполнить мой совет — уговорить Государя.

Вашего Высочества всепреданнейший слуга

М. Родзянко».

Император отрекается за себя и Наследника.

Много лет спустя в печати** появились сведения, что Государь послал Великому Князю со станции Сиротино следующую телеграмму:

№ 218

Подана 3-го — 14 ч 56 м. Передана Петроград 3-го 15 ч 10 м.

---

* Оригинал.

** См. фотографию телеграммы № 3 журнала «Иллюстрированная Россия», стр. 5. Текст написан рукою Государя.

«Его Императорскому Величеству. Петроград

События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если им огорчил тебя, и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным тебе братом. Возвращаюсь в Ставку, откуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и нашей Родине. Твой Ники».

Эта телеграмма, как видно, была передана в Петроград, но Временное правительство ее Великому Князю не доставило*. Последний так никогда и не узнал ее содержания.

Исторический факт отречения Великого Князя освещается различно.

Совершенно достоверным является свидетельство княгини Брасовой, что Великий Князь не признавал за Государем права отречься за наследника и потому не считал себя вправе взойти на престол.

В частности, для тех, кто провел с ним войну, нет места объяснениям, что его остановили шальные пули Петрограда. Великий Князь привык совсем не к такому огню. Он никогда не останавливался перед опасностью.

Два министра уговаривали Великого Князя принять корону: Милюков и Гучков. Напротив, Родзянко, князь Львов и все остальные стремились добиться его отказа от престола, указывали, что в противном случае все офицеры и Члены Дома Романовых будут немедленно вырезаны в Петрограде, что, уже вступая на трон, он обагрит его кровью. Как видно из подлинных слов — сильнейшее препятствие Его Императорское Высочество видел в нежелании министров (кроме двух) с ним работать.

Смушенный незаконно доставшимся престолом, считая, что Правительство, против него настроенное, не даст ему возможности работать, Великий Князь, никогда ничего не искавший для себя лично, отказался от короны, веря министрам, что в этом благо России. Великий Князь был совершенно один; министры добивались немедленного решения,

---

* Категорическое заявление княгини Брасовой.

а стране и армии не позволили узнать об отречении Императора в его пользу и высказать свое мнение, оказать ему свою поддержку*.

История нас учила, что в спорных случаях монархов на престол возводили преданные им войска. И тогда тем более становится непонятным, какую ответственность за 1917 г. можно передвигать в сторону Великого Князя, окруженного враждебными министрами и враждебными бандами.

Так, по определению одних, Великий Князь принял свободное решение, без всякого давления со стороны, а по мнению других, то же называется «взять мертвой хваткой».

Конечно, цель оправдывает средства. Великому Князю дается заверение, что формы государственного строя будут определены на Учредительном Собрании, а полгода спустя, в порядке декрета, Россия провозглашается республикой. Так были забыты демократические принципы, о которых столь широко нам возвещали.

Глубоко демократичным выявил себя только один Великий Князь. Он сказал России** : «Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную Власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительное Собрание установить образ правления и новые основные законы Государства Российского».

Здесь снова проходит та же мысль: Великий Князь не считал себя вправе взойти на престол по манифесту Государя, отрекшегося и за Наследника.

Объявив свою волю, Великий Князь не покинул России; он не только разделил участь своего народа, но спокойно переносил эксцессы революции, специально против него направленные.

Приказание о его первом аресте было отдано Управляющим Военным министерством 21 августа 1917 г. Оно было адресовано Главнокомандующему войсками Петроградского военного округа за № 580. Вот его копия:

---

* См. главу «Войска».

** См. Манифест 3 марта.

«На основании п. 1-го постановления Временного правительства от 2-го сего августа о предоставлении исключительных полномочий министрам Военному и Внутренних дел, по взаимному их соглашению приказываю Вам с получением сего задержать бывш. вел. кн. Михаила Александровича как лицо, деятельность которого представляется особо угрожающей обороне Государства, внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе, при чем такового надлежит содержать под строжайшим домашним арестом, с приставлением караула, коему будет объявлена особая инструкция.

Настоящий приказ объявить бывш. вел. князю Михаилу Александровичу и содержать его под арестом впредь до особого распоряжения.

Управляющий Военным Министерством Савинков».

Это приказание ярко характеризует состояние умов правящей группы того печального времени за 2 месяца до Октябрьской революции. Могли ли они спасти Россию, если их воображение искало опасности со стороны благородного рыцаря, одни подозрения о котором оскорбительны для его памяти!

Почему же о деятельности, о которой говорит Савинков, не знал никто из близких Великого Князя, никто из тех, чьи имена приведены мною выше, которых он знал и в безграничной их преданности не мог усумниться?

Великий Князь был арестован. Его освободили по предписанию Управляющего делами Временного правительства № 8717 от 13 сентября 1917 г. на имя Главнокомандующего Петроградского военного округа Г. П. Полковникова следующего содержания*:

«Милостивый Государь, Георгий Петрович! Согласно приказанию Министра Председателя А. Ф. Керенского, имею честь уведомить, что Временное правительство признало возможным освободить великого князя Михаила Александровича и его супругу от домашнего ареста. В случае, если упомянутые лица выразят желание отправиться в Крым для свидания с находящимися там членами бывшей императорской

---

* Оригинал. На полях пометка карандашом: «Полит. К исполнению. Г. М. Багратуни 15/IX.

фамилии, Министр Председатель приказал оказать им всяческое содействие к выезду из Петрограда без замедления и с предоставлением им возможных удобств.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и таковой же преданности». Подпись.

Таким образом, перед нами факт бесспорный, что Временное правительство разрешило Великому Князю выехать в Крым. Но он не пожелал воспользоваться этим правом и остался в Гатчине. Здесь сравнительно спокойно проходят для него первые четыре месяца большевицкой власти. В конце февраля большевики его арестовали и увезли в Пермь.

31 мая 1918 года* Великий Князь бесследно исчез в Перми. С этого дня сведения о его судьбе долго терялись в догадках. Было лишь достоверно известно, что Джонсон разделил его участь.

Вернее всего было сразу предположить, что руки большевиков были обгажены его кровью. Они долго страшились показывать эти пятна, и только в вышедшем в 1930 году описании Быкова «Последние дни Романовых», автор-большевик впервые подтвердил, что Великий Князь и Джонсон были расстреляны в ночь похищения около Перми, в лесу, в 6 верстах от Мотовилихи.

---

* По старому стилю.

18. ВЕЛИКАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Совсем необычайно попасть после буйного митинга в течение пяти месяцев в тишину монастырских стен Главного управления Генерального штаба. Только старший писарь, тупой большевик, смотрит на меня исподлобья, делая вид, что серьезно мной недоволен. Но едва проходит несколько дней, как получаю телеграмму с фронта от начальника Дикой дивизии князя Д. П. Багратиона¹: «Уходит Гатовский. Не хочешь ли занять должность».

Гатовский — начальник Штаба. Вернуться в дивизию, к своим, с кем так много пережито, с ними встретить неизбежную катастрофу — это ли не идеал каждого...

Отвечаю: «С восторгом». Половцов говорит: «Оставь, еще успеешь. У меня для тебя другие планы».

Не получая дальнейших извещений, начинаю беспокоиться.

В начале августа ко мне является бывший сослуживец, способный, лучший, незаменимый секретный сотрудник Петроградской контрразведки Я-н, тот самый, который ходил на Суменсон, а вообще получал самые трудные задания и их распутывал*. Он просит его перевести в Главное управление Генерального штаба. Я категорически отказываюсь, так как не могу себе представить, как может без него обойтись контрразведка.

После ухода следователя В. ее начальником был назначен Миронов, доверенный Керенского, чем осуществилось заветное желание Керенского, о котором мне много раз говорил, смеясь, Балабин**.

---

¹ *Багратион* Дмитрий Петрович (1863—1919) — с 1914 г. командир бригады Кавказской туземной конной дивизии. Генерал-лейтенант (1916). В 1916—17 гг. начальник Кавказской туземной конной дивизии. С дек. 1918 г. на службе в Красной армии. Умер в Петрограде.

* Мой предшественник полковник Якубов должен знать этого агента: Я-н из его состава контрразведки.

** См. гл. «Петроградская тряпина».

Было время, когда Керенский хотел подчинить меня Миронову, но Балабин заявил, что между мной и им никого не допустит.

Я-н сильно нервничает. Выслушав мой отказ, он говорит, что в таком случае просто оставит этого рода деятельность, которой в новой обстановке заниматься не может*.

— Так я вам скажу, и вы сами увидите, в какую историю я сейчас влечу. Вчера Миронов приказал мне познакомиться с Милюковым и Родзянко и взять их во «внутреннюю обработку».

Да, действительно, в этой истории, куда он собирается «лететь», бесконечно далеко от преследования шпионов и борьбы с большевиками. Можно не соглашаться с политическими убеждениями этих двух людей, но тратить на них и без того небольшие силы, лучшие силы, направленные против большевиков, значит — не отдавать себе отчета в том, что происходит кругом. Захватив организацию, созданную кое-как, с большим трудом, принялись ее разрушать и переделывать в орган борьбы с контрреволюцией, который за полгода не сумели построить, несмотря на все старания Совета.

Пусть так, но кто же займется немцами и большевиками? На Московском Государственном совещании 13 августа, как ни высчитывалось заранее и большинство, и меньшинство, Россия все же многое узнала из того, что происходит на петроградском плацдарме. Узнала многое, хотя далеко не все; а замкнутый круг лиц, взявших на себя ответственность перед страной, ясно увидел, правда, еще издалека, волну возмущения, которая не преминет его смыть, когда докатится. Но у страха глаза велики. Угроза показалась многим гораздо ближе, чем была на самом деле. По опыту июльских дней они вернулись к методу арестов вправо, наудачу.

22 августа утром открываю газету и не могу опаматоваться: Главкомандующий арестовал Великого Князя Михаила Александровича**.

Спешу в Штаб округа, к Главкомандующему.

— Вашим именем арестован Великий Князь. Да ведь он рыцарь, выше всех подозрений! Как допустили вы подобную несправедливость?!

---

* Не знаю, ушел ли он в действительности.

** Всего два дня тому назад я был у Великого Князя в Гатчине (см. главу: «Светлой памяти Великого Князя Михаила Александровича»).

— Вот так, — прерывает меня Васильковский, — как вы, именно вы, могли подумать, что я замешан в эту историю?! Ведь вы же хорошо знаете, что такие аресты происходят без моего ведома. Я сам узнал об этом сейчас, из газет, и возмущен не меньше вашего. Здесь решительно все идет мимо меня.

— Но как же вы можете мириться, что вашим именем проделываются такие вещи? Уйдите!

— Именно сегодня я и решил уйти.

В Штабе округа старые сослуживцы обступили меня, — перебивая друг друга, они спешат поделиться своими маленькими, иногда характерными впечатлениями.

Начальник строевого отделения не может успокоиться, прежде чем не расскажет о новом, неприятном для него происшествии с Нахамкесом.

— Как, опять Нахамкес! Все он же. Но ведь это так старо! Никуда от него не денешься!

— Да вы послушайте. Мы выдаем пропуска на выезд в Финляндию. Очередь, как всегда, занимает всю лестницу и кончается на тротуаре. Является Нахамкес, не желает ждать, требует выдать пропуск ему первому. Публика возмущается, волнуется. Я его — в очередь, а Нахамкес — обратно. Я опять, а он — назад, и так несколько раз, пока я не сказал, что он такой же, как и все другие. Нахамкес грозит начальником Штаба, уходит и действительно приводит Багратуни, который приказывает выдать разрешение на выезд немедленно. Ну, думаю, хорошо, я ж тебе устрою пропуск! Выписываем ему фамилию Нахамкеса. Он вскипел, кричит: «Не Нахамкес, а Стеклов!» Я кричу: «Не Стеклов, а Нахамкес! Никакого Стеклова не знаю, а следую точным указаниям документов!» Он опять к Багратуни, снова его приводит, после чего получает свой билет под псевдонимом.

По-видимому, Багратуни еще разбирается... В наше время Нахамкес попал в Штаб всего один раз и не гулял так свободно по комнатам...

Ординарец начальника Штаба — штабс-ротмистр Гончаров, наш старый офицер — сильно взволнован. Он говорит, что всю ночь дежурил при Багратуни и сам хотел, как раз сегодня утром прийти посоветоваться со мной, что ему делать. Всю ночь при нем обсуждался план новых репрессий.

Решено, что Савинков и Миронов едут сегодня в Ставку арестовать Лигу офицеров*. Вот это очень серьезный шаг, который может вызвать оглушительные на всем фронте последствия. В порядке растерянности, обвиняя офицеров в контрреволюции, они могут одним махом порвать последние связи офицера с солдатом...

В своих воспоминаниях на странице 19 Савинков пишет, что по поручению Керенского должен был просить Корнилова только о переводе правления Лиги офицеров из Ставки**. Но дальше, на стр. 21, у него самого вырывается вдруг такая фраза: «Просьбу эту ген. Корнилов уважил без возражений, прибавив, что если в ставке есть заговорщики, то он арестует их «своею властью». Слова самого Верховного Главнокомандующего, что он арестует «своею властью», наводят на мысль, что в разговоре с ним Савинкова шла речь об аресте и по инициативе какой-то другой власти. Но для меня эта фраза не представляет загадки, так как более точное сообщение Гончарова, как увидим ниже, подтвердилось тогда же совсем иным и случайным путем.

— Но как же, — спрашиваю я Гончарова, — они могут это проделать в Ставке? Какими силами?

— Вопрос уже обсуждался, — через могилевский Совет солдатских и рабочих депутатов.

Только этого не хватало! Разводить из Петрограда междоусобие в Ставке!

Решение мое принято немедленно: еду в Могилев, предупрежу Лигу, буду просить Корнилова заявить протест Армии на арест Великого Князя. Наконец, узнаю, где же мой Штаб Кавказской Туземной конной дивизии. Только надо очень торопиться, чтобы поспеть вовремя.

Как раз накануне Половцов просил меня устроить ему на сегодня два места в поезде: он едет в Ставку выяснить вопрос о своем назначении.

Звоню Половцову:

— Уступи мне одно место.

— С удовольствием.

---

* Я не состоял членом этой Лиги.

** Савинков Б. К делу Корнилова. 1919.

В Генеральном штабе беру отпуск на три дня; оттуда спешу к себе в гостиницу «Астория». Спускаюсь с саквояжем и в вестибюле как раз попадаю на генерала Васильковского.

— Давайте подвезу, — любезно останавливает он меня.

— Вот спасибо.

Садимся в автомобиль.

Васильковский: Куда ехать?

Я: На Царскосельский вокзал.

Васильковский поворачивается вполборота. Он застыл:

— Как, в Ставку?

— Да.

Едем.

— Мне как раз надо на этот вокзал — провозить Савинкова, — начинает Васильковский. — Вы, конечно, увидите Корнилова. Будьте добры, объясните ему положение, все те условия, в которые меня зажали. Скажите ему, что я ухожу из Главнокомандующих, ухожу вон — куда глаза глядят.

Я: С удовольствием.

Васильковский: Теперь дальше. Известно ли вам, что с этим поездом едут в Могилев Савинков и Миронов? Знаете ли вы, для чего они едут? Так я вам скажу: они едут арестовывать Лигу офицеров.

— Вот как! — подаю я реплику, улыбаясь.

Васильковский: Нет, подождите. Я говорю серьезно. Я вас прошу — как только попадете в Могилев, немедленно предупредите Лигу. Ведь это же скандал на весь фронт!

Я: Непременно. А теперь тоже по душам. Ответьте мне на один вопрос. Кругом говорят о каких-то заговорах Корнилова. Правда ли это?

Васильковский: Сам я ни секунды не верю. Но Временное правительство уверяет, что заговор действительно существует и что будто у него на этот предмет самые точные сведения.

Автомобиль останавливается.

На перроне встречаю Половцова, товарища военного министра князя Туманова, товарища морского министра Лебедева. Последний тоже едет с нами.

Поезд отходит. Половцов сообщает мне о своем разговоре с князем Тумановым.

— Керенский спрашивает: куда ты провалился? Он ничего не может понять, что происходит в контрразведке. Они с ним решили объединить все контрразведки, создать одну новую организацию по всей России и поручить ее тебе с особыми правами.

— Как?! — привскакиваю я на диване.

— Да ты не кипятись. Я уже за тебя ответил, что ты только и мечтаешь вернуться в дивизию и никуда не пойдешь.

Делюсь с Половцовым моими сведениями. Меня больше всего заботит, как обогнать Савинкова и Миронова, находясь с ними в одном поезде. Их, конечно, будут встречать в Ставке казенные автомобили.

Половцов развивает подробности нашей скачки:

— Стоит ли ломать себе над этим голову! Ты примени старый туземный способ — бери первый попавшийся автомобиль и дай шоферу четвертной билет.

На одной из промежуточных станций садимся пить чай: с одной стороны мы с Половцовым, а с другой Савинков и Миронов.

— Как, и вы едете? — смотрит на меня подозрительно Миронов.

Я: Уж если кому удивляться, так это скорее мне, что вы нашли время уехать из Петрограда.

На другой день на вокзале в Могилеве, не ожидая остановки поезда, проношусь на крыльцо вокзала, влезая в первый попавшийся большой лимузин, даю озадаченному шоферу 50 руб. и говорю: «К генерал-квартирмейстеру. Если поедете скоро, то успеете вернуться».

Шофер сразу усваивает все аргументы. Не сомневаюсь, что он успел вернуться, так как дома и столбы мелькали в окнах, а на поворотах нас подбрасывало и качало, как по волнам океана.

Генерал-квартирмейстер генерал Плюшевский-Плющик — близкий человек. Он коренной офицер, одной со мной бригады. Но идти к нему, а тем более сразу к Корнилову не хочу, так как рискую, что оба заняты, и потеряю время. Зато там же старый друг, полковник Мика Тихобразов. Вот этого захвачу сразу, без промаха. Ему и объяснять нечего, откуда и как приехал. Поймет с первого слова.

— Ну, Мика, предупреждай, кого следует, — открываю дверь к нему в бюро. — Сейчас приехали Савинков и Миронов. Имеют задание арестовать Лигу офицеров. Остальное потом.

Тихобразов исчезает.

Не проходит и четверти часа, как он возвращается уже не один, а с секретарем Лиги капитаном Генерального штаба Роженко.

— Все уже предупреждены до наших людей в могилевском Совете включительно.

Теперь встреча везде подготовлена; аресты, конечно, сорвутся. Идем к Плющевскому-Плющик. Выполнить свою миссию Миронову он не допустит. О «заговоре» его офицеров горячо возмущен пущенными слухами. Эти офицеры ему слишком близки, и никакого заговора нет.

Узнаю, что Кавказская Туземная конная дивизия развертывается в корпус. Поэтому Гатовский решил остаться. Плющевский-Плющик предлагает мне Штаб 1-й дивизии этого корпуса. Половцов советует отказаться: «Ты не знаешь Гатовского. Он везде вас подведет».

Я отказываюсь. Иду к личному адъютанту Верховного Главнокомандующего, штабс-ротмистру Корнилову; прошу его доложить Корнилову, что, попав в Ставку случайно, я хотел бы ему явиться.

— Конечно, он пожелает вас видеть. Приходите прямо завтра утром. Я ему доложу, — отвечает адъютант.

Всю ночь напролет провожу у Тихобразова. Он пригласил еще кое-кого из офицеров. Наговорились на все лады: все свои люди, откровенно, без свидетелей. Никакого заговора я не видел. Просто мои старые знакомые возмущались петроградским хаосом, — никак не больше.

Утром меня принял Корнилов. Мне казалось, что он доверял мне безоговорочно. Корнилов служил когда-то в Округе моего отца и сохранял о нем теплые воспоминания. Это сразу внесло задушевную ноту в его отношения ко мне еще в Петрограде. Когда Лавр Георгиевич уезжал опальный в апреле, то из старших чинов Штаба провожать его приехал я один.

Верховный Главнокомандующий Корнилов, приезжая иногда в Петроград, приглашал меня обедать в свой вагон. При этих встречах он и Плющевский-Плющик, не стесняясь,

высказывались при мне с полной откровенностью. Наконец, мой уход из Штаба округа, о чем я ему рассказывал раньше, явно поставил меня в ряды недовольных. Поэтому я никак не могу допустить, что Корнилов в нашем разговоре хоть сколько-нибудь покривил душой.

Он встретил меня словами:

«А, правда, в Петрограде нельзя работать? Бесцельно и бесплодно!»

Настрадавшись перед тем от петроградского безволя и вытекающей из него неопикуемой бестолочи, Лавр Георгиевич естественно видел единственное спасение России именно в упорядочении петроградской обстановки.

Мы сначала говорили о правительстве. Наконец, он спросил:

— А чем я могу быть вам полезен?

Я: Покорнейше благодарю. Я уже кончил свои дела и сегодня возвращаюсь в Петроград. Но вот о чем хочу вас просить. Там додумались арестовать Великого Князя Михаила Александровича. Мне не приходится докладывать вам о всей бессмыслице этого шага. Не могли бы вы протестовать от имени Армии?

Корнилов: Уже сделано. Вчера послал телеграмму Правительству с протестом от всей Армии.

Тогда я заговорил о Васильковском, рассказал о его положении, сообщил, что он уходит, и тут поставил вопрос ребром:

— У министров такие сведения, что вы составили заговор против Временного правительства.

При этих словах Корнилов встал из-за стола, пошел к боковой двери, быстро ее открыл наружу, заглянул в соседнюю комнату, очевидно, проверяя, не подслушивает ли нас кто-нибудь; затем вернулся, стал передо мной и, судорожно сжав руки, сказал:

— Только потому, что я не кидал бомбы в Николая II, они меня считают контрреволюционером. Видит Бог, — никаких заговоров!*

Через несколько часов, когда я ожидал на Могилевском вокзале обратного поезда, прибыл поезд из Петрограда.

---

* Для меня этого искреннего возгласа Корнилова навсегда достаточно.

Из вагона вышел Львов. Мы даже успели поздороваться.

Как произошла и в чем заключалась провокация, изложено в обширных исследованиях*.

Я только вкратце запишу выдержку из доклада Львова, прочитанного им осенью 1921 года в Париже, именно ту часть доклада, где Львов приводил свой разговор с глазу на глаз с Корниловым.

Львов обратился за свиданием к Корнилову не прямым путем — через адъютанта или начальника Штаба, а при помощи безответственных ординарцев, рискуя быть непринятым, что едва и не произошло на самом деле. Первая попытка увидеть Корнилова через этих ординарцев окончилась неудачей**.

А кто мог подслушивать, когда Корнилов резко открыл дверь в моем присутствии? Эти два штриха достаточно характеризуют отношение Корнилова к его ординарцам. Попытку повторили. Бывший министр Львов явился к Корнилову со словами: «Я к вам от Керенского».

В ответ на первые вопросы Львова Корнилов тщетно продолжает требовать введения в тылу смертной казни.

Во втором разговоре со Львовым Корнилов на поставленные ему вопросы высказывает мнение о необходимости более общих мер:

— Верховная власть — Верховному Главнокомандующему, независимо от того, кто бы он ни был.

Львов предлагает в свою очередь:

— А может быть, просто Верховный Главнокомандующий — Председатель Временного правительства?

Корнилов сразу соглашается и на слова Львова, посланного Керенским: «Кто же, как не вы?» — Корнилов кивает головой (буквальные выражения Львова). При этом для будущего кабинета, о котором подымает вопрос опять-таки Львов,

---

* Глава верховной власти Керенский в своем описании рисует тяжелую картину. (*La Revolution Russe*, chap. XVI.) Всячески избегая точного вопроса, он старается любезным обращением вытянуть что-нибудь из ничего не подозревающего Корнилова.

Затем он же, при разговоре с Львовым ставит одного понятого в темной комнате за роялем, а другого — Козьмина — за дверью (стр. 314—322).

** Львов собирается уезжать.

Корнилов указывает только две фамилии: Керенского — министром юстиции, Савинкова — военным министром*.

При свидании с ординарцами Львов их отождествляет с Корниловым**. Заметим, что ординарец Завойко, даже он протянул Львову белый лист бумаги и предложил вызвать для составления кабинета каких угодно политических деятелей.

Теперь забудем о Львове.

Остальное слишком известно. Керенский предлагает по аппарату подтвердить слова Львова, но не говорит, какие именно. Спешит «мнение» Корнилова передать гласности, как окончательный ультиматум. Он не считается с мнением большинства министров; а Некрасов торопится распубликовать всевозможные циркуляры. Корнилов, направивший перед тем конную группу в Петроград по соглашению с Керенским и Савинковым для проведения в столице военного положения, неожиданно для начальников этой группы приказывает им свергнуть Верховную Власть.

Командир Кавказского Туземного конного корпуса князь Багратион; начальник 1-й дивизии, старый герой Бугских улан князь А. Гагарин; наконец, живые свидетели, в эмиграции рассеянные — все они своими подвигами вписавшие в историю дивизии славные конные атаки: герои Доброполе — генералы князь Г. Амилахори, князь Т. Бекович-Черкасский, полковник А. Гольдгаар, цу-Бабина — генерал Султан Келеч-Гирей, Брына — генерал Топорков и полковник М. Хоранов, — все они люди безупречного слова, все старшие начальники, Штаб корпуса, который я принял через несколько дней, и тогда, и потом, на Кавказе, за стаканом вина с полной откровенностью свидетельствовали, что понятия не имели о «заговоре» и целях похода***.

---

* Других фамилий названо не было, но так называемый «выбор» самого Корнилова потом почему-то считался недемократичным.

** Обвинение обычное: Корнилов подписал несколько воззваний пера Завойко! (Как будто Верховный Главнокомандующий должен ставить свое имя только под тем, что пишет сам!)

*** Керенский на стр. 309 говорит, что некоторая часть («un certain nombre») — офицеров Дикой дивизии была замешана в заговоре. Горячо протестую. Это совершенно неверно: офицеры оставались в высокой степени лояльны. Утверждать противное, значит, до сих пор не понять нашей психологии.

Я позволил себе зайти так далеко в подробности своей поездки в Могилев. Мне хотелось рассказать, как я совсем случайно прошел накануне выступления в самом сердце так называемых «заговорщиков», среди которых все были мои единомышленники и многие старые друзья. Я нигде не видел заговора, о котором до настоящих дней говорят, правда, с разными оттенками, но положительно все, без исключения, исторические описания. Неужели так-таки ни Корнилов, ни Плюшевский-Плющик, ни офицеры Лиги, ни в Дикой дивизии, ни тогда, ни потом, никто не поделился бы со мной своим секретом! А мои собственные впечатления? Я видел людей, уверенность в которых измерялась годами и не одними словами. Мне даже предложили Штаб этой самой 1-й Туземной дивизии... Но заговор? Офицерский заговор в Ставке? Корниловский заговор?

Я категорически утверждаю, что его никогда не было.

Какая надобность мне теперь скрывать это прошлое? Истории не переделаешь. Меня самого никто не считал заговорщиком, и мне не в чем оправдываться*.

Какие и где еще могли зародиться центры, — я не касаюсь. Кто и кому говорил, что так продолжаться больше не может, и надо спасти Россию, — перечислять не стоит.

Если теперь в чужих странах наблюдается недовольство правительствами, если отдельные люди говорят, что надо убрать правительство, если всякого рода лица везде кружатся вокруг больших людей, то это далеко не значит, что составился «заговор»:

В обстановке революции на повышенную нервность все казалось острее. Именно, к большому сожалению, заговора-

---

* В 1937 г. явилась новая тенденция — отнести истоки «заговора Корнилова» на апрель, когда промышленные круги приступили (заметим — совершенно лояльно и без ведома Корнилова) к образованию фонда пропаганды и выборов в Учредительное Собрание. Превратить их через 20 лет в заговорщиков (вопреки протестам главы группы А. И. Путилова) и пришить к ним Корнилова — такова новая заплата, белыми нитками наметанная. Говорю «белыми», так как в рассказах об «оргиях» и «деньгах на восстание» самые даты указывают, что деньги вытаскивались не под «заговор Корнилова», а под соглашение «Керенский—Корнилов», беседы же отдельных лиц — за дальностью времени принимают причудливые формы заговоров «организаций»

то не было; его повели бы немного иначе. Он померещился взвинченному воображению тех, кто имел все основания ждать гигантского сдвига. Соглашение Керенский—Корнилов неизбежно взорвалось. Удар предупредили; для этого не остановились ни перед какими способами, ни перед какой ценой; а услышав о конной группе, перепугались до смерти и спасались ложью и клеветой.

Как только прошел первый слух о выступлении, физиономия улиц Петрограда сразу изменилась: рабочих и солдат стало меньше; а те, кто еще гулял, заметно преобразились — враждебные взгляды исчезли. Что же касается солдат, то, к нашему большому удивлению, часть из них начала отдавать офицерам честь.

Сильный своей чистой совестью, Корнилов издалека, еще из Могилева, заглянул в совесть мятущегося петербуржца, и пока каждый был один, вне постороннего влияния, он стал подтягиваться. Но такое настроение продолжалось всего несколько часов, пока не был заведен аппарат пропаганды.

Совет солдатских и рабочих депутатов обуюла паника.

Все силы Совета, большевики, кронштадтцы, — все объединилось, все закружилось. Для агитации сам министр Чернов помчался на фронт — в Павловск. Товарищи-кронштадтцы прибывали занимать ответственные участки фронта, а для охраны Зимнего дворца и Керенского были призваны самые большевистствующие матросы, с крейсера «Аврора», того самого крейсера, который два месяца тому назад прислал извещение Керенскому, что он будет убит.

Страх толкнул на все, чтобы добиться быстрого успеха. На второй день исхода на углах улиц появились отпечатанные портреты Корнилова с трафаретным текстом о «помещиках-реставраторах» при заголовке: «Смертная казнь врагу народа». Тут же объяснялось, что конную группу, направленную, как известно, к Петрограду, по соглашению с Керенским, Корнилов снял с фронта единолично и тем открыл фронт немцам*.

---

* Соглашение Керенский—Корнилов было известно не только Савинкову, но и другим министрам, до Скобелева включительно, в частности, министру путей сообщения П. П. Юреневу, ныне живущему в Париже.

Помню толпу на Дворцовой площади: два матроса, ободряемые слушателями, объясняли товарищам, что Корнилов хочет ввести крепостное право.

Мощная телеграфная централь разносила циркуляры по всем концам России, представляя Корнилова, как раз обратно тому, каким он был в действительности.

Под напором этих разъяснений, противоречащих истине, массу перебросило влево. Вот только этого, одного этого добились агитацией. И отнюдь не большевики, ни все, кто был с ними и кто их призывал, спасли защитников Петрограда. Имея против себя боевые конные полки, нельзя было и думать запереть импровизированными бандами громадный периметр столицы. Так называемая «оборона» продолжалась четыре дня. Простояв всего несколько часов, участки начали разлагаться сами собой. Какие же то были воины, без дисциплины, разнузданные и не умеющие обращаться с оружием. К тому же им просто хотелось есть, а довольствие налаживалось с большими трудностями.

Для Петроградского гарнизона число наступающих на него полков было подавляющее. Учет сил в гражданской войне — особенный; он более чем когда-либо зависит не от числа, а от психики, наконец, от своих резервов, которые наступающий находит впереди — на территории противника. В августе же 1917 года этот психологический корректив был еще сильнее, потому что петроградская толпа солдат, так поддававшаяся панике, еще не была достаточно обработана для упорной гражданской войны.

Если казаки корпуса Крымова начали местами останавливаться по разным советам, а верхи Штаба Петроградского округа лихорадочно работали по железным дорогам, через Ливеровского, задерживая поезда, то совсем не так обстояло с Туземным Конным корпусом. Он остановился просто потому, что, выступив без всякого заговора, его начальникам еще импонировала идея петроградской Верховной Власти. Они не знали нашей трагедии и тем более не представляли, что Зимний дворец занят экипажем «Авроры».

— Ну, как мы могли разобраться, кто из них прав? — волнуясь, объясняли они мне на другой день. — Один Верховный Главнокомандующий, другой — военный министр, Председа-

тель Правительства — Верховная Власть. Откуда же мы знали, что у вас ее давно нет!

— Только помни и когда-нибудь запиши, — говорил мне, стараясь утешить самого себя, ныне покойный командир Татарского полка князь Ленко Магалов, вышедший с полком в Красное Село, — татарский конный полк не послал своих делегатов Совету солд. и раб. депутатов.

После взрыва, Половцов получил командира этого Кавказского Туземного конного корпуса.

— Ну, вот, видишь, — сообщает он мне, — говорил тебе, что успеешь получить свой туземный Штаб. Теперь поезжай принимать его на станцию «Дно».

Как нельзя кстати. Кругом меня тучи сгустились, казалось, беспросветные. Уже не знал, куда переезжать: отряд моряков Балтийского флота в дни Корниловского наступления ночью «расчистил» гостиницу «Астория». Я случайно задержался в городе у знакомых. Швейцар — мой старый агент — уверял, что только я один отсутствовал; искали по всем номерам, а в газетах написали о «контрреволюции», которая ушла, демонстративно оставив все ящики открытыми. Ящики я действительно застал перевернутыми.

Корпус потрясен. Офицеры, джигиты, все волнуются. В довершение всего Правительство пообещало их отправить на Кавказ, но приказа об этом что-то не видно. Довольствие на местные средства принимает угрожающую форму. Подношения от «благодарных жителей» учащаются.

7 сентября, на рассвете через станцию «Дно» проходил поезд новой Директории: Керенский, адмирал Вердеревский и генерал Верховский.

Керенский ехал в Ставку Верховным Главнокомандующим и Председателем Временного правительства, то есть пунктуально была воспроизведена та конструкция власти, о которой Корнилов говорил: «Независимо от того, кто бы он ни был»...

Половцов приказал мне сесть в этот поезд и убедить Керенского отпустить на Кавказ развалившийся корпус.

На перроне меня увидел Верховский и пригласил к себе в вагон. Мне было известно, что он всемерно поддерживал Керенского, за что и получил генерала и пост военного министра и портфель члена Директории.

Верховский с места начал мне говорить:

— Вот Корниловское дело: лучшие военные люди. Какие громкие имена! Это совсем не восстание, а простое недоразумение!

Затем состоялось мое последнее свидание с Керенским. При нем присутствовал Барановский, явно подавленный генеральскими погонами, которые ему нацепили «за усмирение восстания Корнилова». Керенский сразу согласился отпустить корпус на Кавказ; а затем сам заговорил на жгучую тему. Он сказал:

— Я знаю, Петроград можно было взять одним кавалерийским полком.

— Двумя эскадронами, — поправил я его.

Керенский: Согласен. Но только потом что? Никакой оппозиции не было, а было всего только несколько виновных.

А дальше всему происшедшему он старался придать вид незначительности.

16 сентября мы с Половцовым уехали вслед за корпусом на Кавказ.

В некоторых кругах на Корниловское выступление склонны смотреть, как на причину нашей катастрофы. Все будто бы устраивалось прекрасно, как вдруг Корнилов испортил.

На фронте после введения закона о смертной казни было заметно некоторое оздоровление. Но сколько еще требовалось времени, чтобы можно было упразднить всевозможные комитеты, комиссаров и поднять дисциплину? Корнилов требовал «теперь». Правительство говорило: «нет, потом». Это на фронте. Ну, а как же с тылом, разрушившим Армию?

Здесь, к сожалению, из разборов обыкновенно выпадают два тезиса:

1. В Петрограде Временное правительство могло держаться только до первого выступления большевиков*.
2. Выступления большевиков *de facto* были назначены немцами**.

---

* См. гл. «Обреченные»; мнение перечисленных в этой главе должностных лиц и его обоснование.

** См. гл. «В музей Ленина».

Если вернуть эти две фигуры (тезиса) на шахматную доску 1917 г., то события конца августа получают только относительное значение и уже рубежа не дадут.

Эти две фигуры отчеканил Петроград в дни Июльского восстания. Чтобы их разбить, важно было бы последовательно опровергнуть материалы, мною представленные в этой книге; в противном случае вопрос все будет трактоваться вне реальных условий нашей столицы.

Вспомним, как неотделимо от Петрограда было Временное правительство, часть которого была из Совета. При такой связи соглашение Керенский—Корнилов было построенно на таких страстных противоречиях, что оно неминуемо привело к острому столкновению.

Неосторожно было и рассчитывать в августе вводить свежие войска, чтобы проводить чрезвычайные положения: только что, в июле, части отряда Мазуренко, оставшиеся в Петрограде, — исчезли в омуте!

Значит, быстрая, то есть конная атака извне. Но когда? Когда фронт и Россия осознают ее необходимость? Не успеем, так как немцы торопят с июля месяца. Да и кругом этого вопроса мы топтались восемь месяцев, и как-то выходило, что, по разным причинам, ни один отряд с фронта из трех (генерал-адъютант Иванов, Крымов, Краснов) не дошел до столицы.

Нам говорят, что Корнилов посягнул на Верховную Власть, помешал новой политике.

Мысль о свержении власти подал вовсе не Корнилов. Она была усвоена в феврале и июле.

А политика?

Если арестовать Великого Князя Михаила Александровича, посылать лучшего агента следить за Милюковым и Родзянко, быть изысканно предупредительным с Нахамкесом, ездить в Ставку арестовывать офицеров, систематически в августе выпускать из тюрем большевиков и этими мерами думать спасти Россию от большевиков, то Бог с ней, с такой политикой!..

Как именно наступил конец, это уже несущественные мелочи.

Тот же тесный кружок, составив левый предпарламент, продолжал спорить и переезжать из дворца во дворец, а Троцкий все заводил свои отряды в полках, развивал свою организацию.

Наконец, немцы назначили октябрьский рубеж; большевики немного постреляли у Зимнего дворца и официально известили, что Временного правительства уже давно нет.

19. В МУЗЕЙ ЛЕНИНА

Сведения о Ленине тщательно собираются в Институт Ленина. Там они искусно фильтруются и обрабатываются испытанными коммунистами, занятыми возведением исторического монумента.

Я не ставлю себе задачей представить законченную фигуру современного Атиллы или погружаться в исследование теории большевизма. Я также далек от мысли лишать деятельность Ленина того громадного значения, которое она приобрела в развитии революции и особенно в закреплении русского народа. Мне предстоит лишь занести на карту только те звенья его пути, которые, попадая под прожектор контраразведки, вызывали ее пристальное внимание.

Восстановим, прежде всего, старую «регистрационную карточку» Ленина. Будем пользоваться для этого только документами его старых сотрудников.

Среди них мы найдем известные подробности раскола, внесенного Лениным в социал-демократическую рабочую партию после его выезда в 1900 году за границу.

Начиная с 1902 года тактические разногласия в партии, а за ними принципиальные расхождения все заострялись. Меньшевики провозглашали немецкую идею лояльного марксизма в форме открытого движения с предоставлением рабочим массам широкой самодеятельности. Напротив, Ленин в конечном результате резко настаивал на узкозаговорщическом характере всей работы: вопреки своим брошюрам — фактически отвергал временные совместные действия с другими классами и группами, революционно настроенными; организовывал вооруженные экспроприации; призывал к немедленному вооруженному восстанию.

Перечитывая старые брошюры того времени, переходя от съездов к конференциям, созываемым за границей, до войны, мы, в подлинном смысле слова, с первой страницы до последней не выходим из уголовной хроники.

Перед нами проходят страстные прения, угрозы разоблачения, подробности бесконечной тяжбы о деньгах и партийном имуществе, систематически путем обмана захватываемых Лениным и его большевизмом вновьявленным центром.

Приведем некоторые из них в редакции Мартова — видного меньшевика*.

На первых шагах своего образования «Большевицкий центр отнял у Центрального Комитета громадную сумму» денег.

Из года в год отношения Ленина к общей партийной кассе пышно развиваются все в том же направлении.

Большевицкие делегаты на Лондонский съезд были собраны «при помощи громадных денежных средств, приобретенных редакцией «Пролетария» — Лениным путем конфискации средств, переданных на общественные цели».

Тот же съезд поручает Центральному Комитету партии произвести расследование о «значительной сумме, открыто собранной от имени партии на ее нужды в Америке, переданной видному деятелю большевицкого центра и бесследно исчезнувшей».

Деньги, оставленные партии после смерти жертвователя в Англии, «экспроприирует Большевицкий центр».

Следует третейский суд социалистов-революционеров.

Примерам нет числа.

Обличенный на пленарном собрании ЦК в 1910 г. в Париже, Ленин за возврат денег требует отступного. Разоблачаемый на каждой конференции, он вынужден давать всевозможные обещания, вроде — вернуть часть денег в 3 года, оставить деньги держателям, обращать доходы от издания центрального печатного органа в партийную кассу и т. д.

Все подобные резолюции выработывались, голосовались, записывались; но, как принято говорить в таких случаях, оставались на бумаге.

Приведенная выше система финансирования большевицкой секции сопровождалась «подтасовкой и подлогами официальных документов». Мартов называет эти приемы «вопиющими фактами сознательного извращения истины, совершенные большинством редакции» Ленина. Далее, по Мартову, пресловутый секретарь редакции, Зиновьев, третировался, как

---

* *Мартов Ю.* Спасители или упразднители. Париж. Изд. 1911 г., с. 3, 18, 20, 21, 31, 35, 36, 40 и 46.

В настоящей главе в кавычках приведены подлинные выражения соответственных источников.

всем известный фальсификатор, которого не стала бы терпеть ни одна уважающая себя «буржуазная газета».

Названный порядок официально продолжался до 1914 года, пока, по указанию Ленина, большевик Семашко не унес в новый фиктивный комитет всю кассу партии. К этому же времени относится окончательный захват Лениным типографии и остального имущества партии.

Факты и документы зафиксированы Мартовым в 1911 году. Они отражают настроения политической группы из партии меньшевиков, стоящих вправо от Ленина.

Перейдем к заявлениям большевиков, занимавших крайние левые позиции в самой секции большевиков, а именно тех, кто более категорически отвергал легальные возможности работы, тех, кто стоял в резкой оппозиции меньшевикам и Мартову.

Я имею в виду длинное воззвание группы «Вперед», выпущенное в Париже в феврале 1910 г.*.

Перед нами обвинительный акт Ленину, составленный ортодоксальными большевиками. Существо обвинения и форма видны из следующих выражений воззвания: «За последние два года не дано было организациям ни одного денежного отчета; истрачены были сотни тысяч».

«Подотчетное заведование материальными средствами превратилось в бесконтрольное хозяйничанье безответственных лиц».

«Дело доходило даже до фальсификации документов, уже разоблачавшейся в партийной печати».

«Мы заявляем, что не хотим участвовать во всей этой панаме».

Дела партийные, денежные дела; зарегистрируем еще одно, заимствованное из внешней корреспонденции и прогремевшее одновременно с историей Степана Лбова**.

---

* Лидером группы был Г. А. Алексинский. Из видных большевиков к нему примыкали: Менжинский, Богданов, Ломов, Лядов, Луначарский, Мануильский.

Полный текст воззвания см. синюю брошюру группы «Вперед». Изд. 1910 г.

** *Alexinsky Tatiana*. Souvenirs d'une socialiste russe — «La grande revue», 1923, page 623.

Вышеназванная брошюра Мартова, — с. 21 и 22.

В 1907 году военно-техническое бюро Центрального Комитета Российской социал-демократической партии, состоявшее из большевиков, заключило договор с пермской «дружиной» разбойника Лбова.

Последняя именовалась Пермским революционным партизанским отрядом, но в действительности занималась грабёжом и разбоем на Урале. По договору, составленному «на бланке ЦК», но без ведома последнего, большевики обязывались поставить Лбову транспорт оружия. Деньги — 10 000 рублей, были получены большевиками вперед, но оружие доставлено не было. Сам Лбов был пойман и повешен; но один из его «дружинников», по прозвищу Сашка Лбовец, приехал в Париж требовать деньги обратно. Разыгрывается очередной конфликт.

Сашка Лбовец выпускает прокламацию, обвиняя большевицкий центр «в присвоении денег, принадлежавших лбовцам»*. Ленин резко обрушивается на лбовцев. Специальная комиссия производит расследование; она выносит постановление вернуть деньги дружине.

История очень старая, такая же, как все другие. О них обо всех высказал свое мнение Плеханов, основоположник научного социализма в России. Всеми силами стремясь не допустить раскола партии, он первое время покровительствовал Ленину; потом оставался с меньшевиками, а в 1908 году отошел и от последних.

20 июня 1914 года, на заседании конференции, созванной Интернациональным Социалистическим бюро в Брюсселе, Плеханов открыто заявил, что «главная причина непримиримости Ленина заключается в том, что он не желает выпустить из своих рук партийных денег, часть которых им была захвачена воровским способом**». Конференция постановила разобратить дело в августовскую сессию в Берлине***.

---

* Г. А. Алексинский рассказывал мне, что распространением этой прокламации усердно занимался Менжинский, бывший председатель коллегии ГПУ.

** Заявление было сделано в присутствии Вандервельде, Гюеманса, Каутского, Розы Люксембург и других. См. вышеназванные воспоминания Т. И. Алексинской, стр. 86 и 87. То же: *Спиридович*. История большевизма в России, с. 261.

*** Сессия не состоялась вследствие объявления войны.

Заметим, что перед нами именно тот случай, когда не конечная цель оправдывала средства: денежные подлоги возникли с самого начала, когда еще разногласия в партии сводились к несущественным тактическим подробностям.

Именно поэтому мы их приводим в первую очередь.

Деньгами большевицкого центра ведали только Ленин лично и его жена Крупская. Даже секретарь редакции Зиновьев не допускался к кассе.

Приведенные справки из уголовной хроники имели свое значение для контрразведки во времена давно прошедшие. Ими заканчивалась первая страница регистрационной карточки Ленина. Слишком бледными выглядят теперь эти несколько бессвязных линий, выхваченных из контура Ленина. Их давно покрыли потоки крови и грязи, всем известные.

Тем не менее, мы извлекли на свет эту карточку, так как линии приобретают иной смысл, если их связать следующими показаниями тех же современников:

«Ленин субсидировал членов ЦК, чтобы иметь их голоса»*.

Члены ЦК получали жалованье от Ленина. Неудобные его лишались. Такая неприятность едва не произошла с самим Каменевым, когда он не в меру увлекся неудобными философскими веяниями, но вовремя спохватился, а для сохранения своего платного места вынужден был раскаяться в печати**.

В 1908 году, перед съездом в Женеве, Зиновьев подтвердил, что польские делегаты поддержат Ленина, так как им заплатят «немного больше»***.

Мартов пишет: «Только опираясь на эти средства, Ленин мог удерживать диктатуру, оказывая давление на партию силой денег****».

В упомянутом выше воззвании большевиков группы «Вперед» мы читаем: «Поскольку же большевицкому центру надо было воздействовать на общественное мнение партии, он старался делать это путем денежной зависимости, в кото-

---

* *Alexinsky T. Souvenirs d'une socialiste russe*, p.450.

** Там же, p. 455.

*** Там же, p. 451.

**** *Мартов Ю. Спасители или упразднители*. Изд. 1911 г., с. 36.

рую он ставил как отдельных членов, так и целые организации большевицкие, и не только большевицкие».

Сила денег! Сила убеждений!

Контрразведка делала свои выводы. Еще на первых ступеньках своей длинной лестницы, по которой спускался Ленин, деньги, деньги, добытые, по словам Плеханова, «воровским способом», деньги поставили его в исключительное по своему значению исходное положение. Они оплачивали его печатные издания и штат партийных работников; они делали его хозяином организации за границей и в России. Эти же деньги обеспечивали его существование, как бы скромно оно ни было.

Деньги привели к такому положению, при котором, по выражению Мартова, «в оппозиции Ленину большевики не смели идти дальше бунта на коленях».

И как раз обратное значение в те далекие времена сыграла «сила» ленинских убеждений: от него разбежались все и всё сколько-нибудь индивидуальное, сохранившее к себе уважение. Силы убеждений не оказалось, прежде всего, потому, что предпосылки бланкизма, нечаевщины, максимализма, из которых они слагались, решительно не отвечали обстановке: до войны не было в России почвы для их развития.

У Ленина на жаловании остались наименее уважаемые, наиболее неспособные, а подчас и вовсе несомнительные люди. Иначе и быть не могло, если принять во внимание крайнюю нетерпимость Ленина к чужому мнению. Раскаленной железной полосой проходит она через всю его жизнь, во всех ее проявлениях, а отнюдь не только в образовании его политической концепции.

Чтобы судить об интеллектуальном уровне последователей Ленина, припомним, что первым учеником, или во всяком случае одним из первых, как за границей, так и в 1917 году в России, был Каменев. Обладая некоторыми ораторскими способностями, большим багажом чужих идей, Каменев отличался чрезвычайной робостью не только в прямом смысле, но робостью высказывания своих суждений. Предоставленный самому себе, он сдавал позиции, а как политическая сила в Совете Таврического дворца представлял пустое место.

Техническую работу Центра вели жена Ленина — Крупская. Плохой организатор, Ленин нашел в ней несомненные

организационные способности. Искать в Крупской чего-либо индивидуального — задача неблагодарная, чтобы не сказать большего. «Женщина хитрая, очень ловкая, бесталанная, ничтожная» — так рисует ее Т. И. Алексинская, помогавшая ей некоторое время, но быстро от нее отшатнувшаяся*.

Из членов Центра, работавших в России, выдвигался Рыков. Этот ездил к Ленину, получал указания, деньги и мужественно возвращался в Россию — в объятия охраны. В 1917 году за ослушание едва не был исключен из партии. Слабый удельный вес его известен.

Таковы первые ученики первой большевицкой аудитории. Быть ее учителем не могло составить славы. Именно в этой аудитории Ленин годами завоевывал авторитет и проявлял свою тиранию.

В 1904 году Троцкий писал так: «Там, где надо было связать, скрутить, накинуть мертвую петлю, там на первом месте выступал Ленин»**.

Сталин не был из «первых» по развитию; зато выделялся сомнением и аморальностью.

Охранное отделение окружило эту организацию тесным кольцом провокаторов. Имена Малиновского, Шурканова, Черномазова, Романова, Житомирского давно преданы широкой гласности. Я назвал только нескольких из тех, кого полиция ввела в Центр. Множество других, разбросанных по России, обнаружались впоследствии или просто пропали без вести. В одном Петербургском комитете из 7 членов 3 состояли на службе у полиции.

Провокаторы пользовались доверием Ленина наперекор чужим мнениям***. Они в корне подрывали его революционную работу, которая имела в основе, как упомянуто выше, заговорщицкий характер. Провокаторы подталкивали Ленина на эксцессы, которые вызывали неизбежные репрессии министерства.

Директор Департамента полиции играл по открытым картам. Шеф жандармов мог поздравить своих подчиненных:

---

* Excelsior — 10 Septembre 1922.

** Троцкий. Наша тактика. Изд. 1904 г.

*** Это положение уже не требует доказательств.

социал-демократическая партия была расколота; меньшевики, опасные идеей широкого, открытого движения, оказывались лишенными не только денег, но и большей части организаций на местах. Деньги Ленин тратил через провокаторов; через них же пересылались его брошюры, подавляющая часть которых попадала в Охранное отделение. Там их либо бросали в камин, либо использовали в целях дальнейшего сыска. Те немногие, кои доходили по назначению, составляли ничтожную часть литературы, выпускаемой другими партиями.

Приезжие агенты Ленина сопровождались по пятам агентами полиции. Заговорщицкие организации на местах подвергались повальному разгрому, а члены их ссылались в Сибирь. Последние удары остатки партии получили с началом войны, когда была арестована фракция большевиков Государственной Думы, а в ноябре 1914 г. — несколько большевиков, созванных на конференцию в Озерках.

После этого логического результата, к которому привел захват Лениным партийной организации, участие его в русском «освободительном» движении фактически прекращается, если не считать нескольких листовок, случайно перекинутых в Россию, листовок с тезисами, пораженческие идеи которых совсем не отвечали настроению всего народа.

До последних дней большевики испытывают острое желание приобщиться к лаврам февральской революции, чтобы рассказывать народу о своих «заслугах» по свержению царского престола. Однако дальше острого желанья за 20 лет вопрос не продвинулся. Троцкий делал отчаянные попытки сорвать для большевиков хотя бы несколько лавровых листов; но, читая его описания, только видишь, как он от них удаляется, как противоречит сам себе, когда говорит, что «старые большевики были обречены на поражение, ибо защищали тот элемент партийной традиции, который не выдержал исторической проверки»*.

Как база, у Троцкого известное объяснение большевиков, что престол свергла только масса — рабочие и крестьяне.

После этого один за другим тянутся факты, размывающие всю базу: экономическая стачка женщин 23 февраля,

---

* *Троцкий*. Февральская революция, с. 361.

забастовка текстильщиков, «вопреки прямым директивам»; военные власти, которые «отчасти недооценивают то, что происходит»; «семь револьверов русских главнокомандующих», приставленных к виску императора; переговоры со Ставкой Родзянки, участие Государственной Думы до и после переворота: значение Таврического дворца, куда стекаются рабочие и солдаты*. Особенно живописны его воспоминания как уцелевшие в Выборгском комитете большевики предполагают 26 февраля призывать к окончанию стачки, а на другой день им вдруг, как снег на голову, выбрасывается на улицу восставший Волынский полк. Столь же характерны первые шаги всех старых большевиков, вернувшихся из ссылки, когда 30 марта 1917 г. они голосуют за формулу меньшевиков об условной поддержке Временного правительства и только смущены перспективами побед буржуазии, которые рисует им все тот же Нахамкес.

Троцкий не упомянул, что Советы — органы большевистской власти, — были собраны меньшевиками, теми самыми меньшевиками, которых Ленин за границей «систематически оглашал поименно в печати», то есть предавал Охранному отделению**.

Стремясь примирить оба течения, Плеханов объяснил меньшевикам, что для них, как представителей «лояльного» марксизма, это распубликование имен не столь опасно. Действительность не замедлила показать как раз обратное.

В феврале активно выступает Государственная Дума, которую в момент первого созыва Ленин иступленно призвал бойкотировать. Он старался сорвать планы меньшевиков, видевших в Государственной Думе будущий революционный центр, созывающий Учредительное Собрание***. 1 марта появляются Советы, ставшие впоследствии органами диктаторской власти политического бюро коммунистической партии; те самые Советы, которые, как идея революционного коллектива, подверглись яростным выпадам Ленина в 1905 году,

---

* *Троцкий*. Февральская революция, с. 130–180.

** *Мартов*. Спасители или упразднители. Изд. 1911 г., с. 35 и 36.

*** «Искра», № 108 — Черевонин.

когда они тоже были собраны всеми, кроме большевиков, окриков которых не слушали рабочие*. Так, еще в 1905 г. большевики вынуждены были пристроиться к первой революции. Тогда, изменив тактику, внося дезорганизацию, они начали свое выступление со «скромной» претензии о подчинении им первого русского Совдепа и закончили его московским восстанием, подавленным одним гвардейским полком состава мирного времени.

Таково в действительности было отношение Ленина к тем «попутчикам», которых он рекомендовал искать по своей брошюре «Что делать?», изданной в 1902 году.

С началом военного времени Ленин призывает к немедленному окончанию войны, той самой войны, затяжной характер которой привел к революции.

Поставив эти вехи, мы можем разглядеть в точной исторической перспективе путь, по которому шел Ленин на первом этапе.

Как видно, его принципиальные положения опрокидывались действительностью; а в моменты решительных столкновений ставили его самого вне революционного движения, способствовавшего падению монархии. Итак, первый этап не дает оснований говорить о непогрешимости Ленина, в силу которой большевикам теперь так необходимо уверить народ.

Перейдем ко второй странице карточки Ленина, на которой соберем несколько моментов его жизни, взятых в разных обстановках. Они рисуют его психический комплекс, относящийся к области симпатических переживаний, в частности тот элемент, из которого развивается личный страх.

Выехав из России в 1900 г. с разрешения властей, Ленин предпочел поселиться вне территории политических преследований. В его биографии мы не найдем подвига, который украшал прошлое каждого идейного революционера. Он свои советы посылает из-за границы. Ленин не дает ни одного примера, который бы говорил о настойчивости, связанной с личным риском, о том самоотверженном упорстве, коим бо-

---

* «Искра», № 101.

гато иллюстрирована вся история русского революционного движения. За 17 лет он один раз, в 1906 году, после манифеста 18 октября, после первых выступлений других, на несколько дней приезжает в Россию. Поездка обставляется чрезвычайными предосторожностями: английский паспорт, вилла в Куокала (в Финляндии) и запас денег, которые были всегда отложены на собственный непредвиденный случай.

Вот как описывает его Т. И. Алексинская*:

«Восприняв марксистскую доктрину с ее безличным методом, мы все-таки искали в вожде человека, в котором были бы соединены темперамент Бакунина, удаль Стеньки Разина и мятежность горьковского Буревестника. Такой живой фигуры не было перед нами; но мы хотели олицетворить ее в лице Ленина. И когда я увидела его впервые в 1906 г. на одном из загородных митингов в Петербурге, я была страшно не удовлетворена**. Меня удивила не его наружность... — а то, что, когда раздался крик: «казаки!», он первый бросился бежать. Я смотрела ему вслед. Он перепрыгнул через барьер, котелок упал у него с головы... С падением этого нелепого котелка в моем воображении упал сам Ленин. Почему? Не знаю!.. Его бегство с упавшим котелком как-то не вяжется с Буревестником и Стенькой Разиным».

Остальные участники митинга не последовали примеру Ленина. Оставаясь на местах, они, как было принято в подобных случаях, вступили в переговоры с казаками. Бежал один Ленин***.

Во французском издании «Lenine à Paris» правоверный большевик «Aline» рассказывает о собрании своего кружка в 1910 году в café — 11, avenue d'Orleans****. Ленин сидел в углу. Входят большевики оппозиции группы «Вперед». Они держат себя демонстративно; слышатся возгласы: «крепкоголовые демагоги». Ленин, побледнев, хватает шляпу, взволнованный,

---

* «Родная Земля», № 1, 1 апреля 1926 г., с. 6.

** Митинг в Палюстрове.

*** Побегал Ленин бестолково, сразу упал в канаву, из которой его вытаскивали, — так бегают ослепленные страхом.

**** Стр. 40, 41. Автор — Алин, по имеющимся сведениям, старый большевик Рыжков. Эти воспоминания — гимн Ленину, в котором звучит диссонансом только приводимый эпизод.

«en vitesse» (*франц.* быстро. — *Ред.*) покидает зал. Остальные переходят в соседнее кафе. Ленина нигде не могут найти, даже дома. Оказывается, два часа под дождем он, скрываясь, бродил по городу, так как, по словам автора, «был сильно взволнован». Свидетели приводят этот пример как образец его личной трусости.

Теперь перед нами № 21/4826 «Правды» от 21 января 1931 года — Воспоминания Крупской. Она рассказывает, как австрийцы арестовали Ленина в Поронине по подозрению в шпионаже, непосредственно после объявления войны. Даже годы, далеко отодвинувшие старые происшествия, не смогли смягчить в ее описании, как все было «больно тревожно», как Ленин «постепенно приходил более спокойный». Заступился Ганецкий. Воспоминания еще через много лет отражают страх.

Я не имею в виду приводить этот частный случай специально в доказательство развиваемой темы. На нем следует остановиться потому, что в жизни Ленина он представляет психологический рубеж, на котором Ленин бесповоротно повернул по немецкому указателю против России.

Крупская приводит разговор с министром депутата В. Адлера, после которого Ленин был освобожден.

— Уверены ли вы, что Ульянов враг царского правительства? — спрашивает министр.

— О да! — ответил Адлер. — Более заклятый враг, чем ваше превосходительство.

И это все?! Такого заявления оказалось достаточно, чтобы освободить Ленина из тюрьмы и, невзирая на его призывной возраст, выпустить в Швейцарию?

Министр Австро-Венгрии был так наивен, что спрашивал: «Враг ли эмигрант-социалист царскому правительству?»

Министр не знал, что на войну выступило не одно царское правительство, а поднялась вся Россия?

Этот исключительный министр внутренних дел не был осведомлен, что социалисты всей Европы разделились на защитников своих народов и предателей, именуемых пораженцами? Фальшивой, грубой подделкой защищается Крупская от тяжких обвинений в «поронинских обязательствах».

По окончании войны специальные советские послы перевозили поронинский архив в Россию. Все доставили, кроме

подписки, данной Лениным австрийскому министерству внутренних дел, копии которой так, конечно, и нет в музее Ленина. А между тем все, относящееся к началу войны, представляет исключительный интерес для пролетариата, так как, по словам Крупской, с того момента «в центре внимания Ленина стали вопросы международной борьбы пролетариата» и «это наложило печать на всю его дальнейшую работу»*. Именно с этой даты, согласно принятых на себя обязательств, Ленин активно выступает в тесном кругу немецкой группы, созывающей ряд конференций в Швейцарии. Секретарь постоянного бюро конференций Роберт Гримм, как мы документально доказали, получал директивы от германского вице-консула в Женеве, Гофмана**.

Ленин работал с немцами для победы немцев, работал против всего русского народа, принесшего неисчислимые жертвы в мировой войне. Ленин умножил эти жертвы. Коммунисты объясняют — для великих целей. Тогда где же этот документ, воспроизводящий поронинские обязательства, оправдываемые высокими целями? Почему его боятся показать народу? Понял бы его народ тогда, поймет ли его теперь? Оправдывает ли первую измену Ленина в 1914 году?

Большевики сами регистрируют основной элемент ленинской психики, который неуклонно побуждал его подговаривать и толкать на смерть других, а самому скрываться в наиболее безопасных местах. В их издании «Ко дню пятидесятилетия В. И. Ульянова» мы находим подробности конференции в Циммервальде, состоявшейся 9—12 сентября 1915 года***.

Ленин призывает к немедленной вооруженной борьбе. Большинство не соглашается. В разгаре дебатов немец Леденбург упрекнул Ленина в призыве к гражданской войне, находясь за границей. Ленин ответил: «Когда придет время, он

---

* В кругах старой левой русской эмиграции твердо настаивают, что Ленин получил свободу ценою обещания содействовать победе Центральным Держав, как обладающих наиболее могущественным пролетариатом, как стран наиболее экономически развитых и культурных.

** См. гл. «Из журнала контрразведки».

*** Издание И. К. (Исполнительного комитета. — Ред.) московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Стр. 32.

сумеет быть на своем посту и не уклонится от тяжелой обязанности взять власть при победе в гражданской войне».

Свое время он считал «при победе». Так, в 1920 году, при способляя прошлое, большевики объясняли хроническое дезертирство Ленина с театра гражданской войны.

В 1917 году, после июльского восстания, он бежит, бежит опять один, если не считать Зиновьева, имя которого в самой партии было синонимом трусости. Характерная деталь этого бегства выступает из разговора, который происходил один на один в 1924 г. между большевиками Иоффе и Троцким*. Иоффе напоминает Троцкому, как после провала июльского восстания несколько большевиков, в том числе Ленин, собрались на совещании на окраине Петрограда. «Вы помните, — говорит Иоффе, — каким выглядел Ленин: бледный, насмерть перепуганный. Он сидел и даже слова не мог произнести. Чем больше я думаю, тем больше прихожу к убеждению, что он был редкий трус». Троцкий задумался. Он высказал предположение, что, вероятно, потом Ленин не бежал бы**. «Ну, а я, Лев Давидович, — ответил Иоффе, — все остаюсь при своем мнении»***.

Таков был вождь, который бежит, бросает своих в критическую минуту: но что особенно поразительно, — «слова не может выговорить» — «для великой цели».

Потом он начинает осторожно возвращаться.

---

* Иоффе передал в Берлине содержание этого рассказа большевику Х., ставшему не особенно давно известным невозвращенцем в Париже. Х. привел мне этот разговор в первую нашу встречу; сам предложил мне его изложить в письменной форме; но через некоторое время объяснил, что группа, которую он возглавляет, считает невозможным подписывать для печати подобные показания о Ленине. Х. согласился, чтобы я предал гласности весь разговор, но не называя его имени, а только сославшись на «известного парижского невозвращенца». Отвечая на мой вопрос, он так живо, не задумываясь, непосредственно передал весь рассказ Иоффе, что у меня нет сомнений в правдивости передачи.

** Фраза, ничего не выражающая.

*** Если истинные вожди непременно должны дезертировать в ответственные опасные минуты, то неужели им не положено оставлять хоть какие-нибудь инструкции?

Когда? — Через три месяца — 7 октября, после того, как Троцкий, отбыв тюрьму, успел стать 25 сентября во главе Совета солд. и раб. депутатов и привести к присяге весь гарнизон.

Как возвращается Ленин? — После 7 октября по ночам, по квартирам у Каменева, у Суханова и у других на Выборгской стороне.

В каком виде? — Загримированный: «седенький, под очками, — не то учитель, не то музыкант, а может быть, букинист» — так описывает Ленина, изменившегося под гримом до неузнаваемости, один из его сотрудников того времени. Нужен ли был этот маскарад, когда опасно было показываться в офицерских погонах?

22 октября после митинга в Народном доме «кампания была уже, в сущности, выиграна», — пишет Троцкий*.

23 октября на сторону большевиков переходит Петропавловская крепость.

В ночь с 23-го на 24 октября в Смольный Институт пробирается загримированный Ленин под защиту пушек, ружей и пулеметов. Там ему будет безопаснее, чем где-либо. Первый раз после июльского бегства он показывается широкой публике в Совдепе 26 октября, на другой день «после победы в гражданской войне», как он сам сказал, так, по крайней мере, точно определили большевики в отчете о Циммервальдской конференции, задним числом составленном.

У нас нет оснований оспаривать это заявление. Нам остается лишь установить особенность Ленина, так резко его отличающую от всех революционеров всех революций, — отсутствие жертвенности.

Мужество, храбрость не являются прямым рефлексом первичных элементов человеческой психики. Физиологические центры инстинкта самосохранения естественно заложены в основе жизни. Мужество и храбрость получают свое выражение только в том случае, если налицо оказываются другие импульсы, более сильно развитые, чем инстинкт самосохранения, а потому его подавляющие. У нас — у офицеров — над инстинктом самосохранения доминируют различ-

---

* *Троцкий*. Октябрьская революция, с. 65.

ные чувства, как-то: честь, сознание долга, любовь к родине и т. д. Политического деятеля двигает на риск идеал, сознание необходимости жертвы для общего блага. Мы можем констатировать, что никаких чувств, превалирующих над животным инстинктом самосохранения, у Ленина не оказалось. В трудные минуты он прежде всего бежит, один бежит, молча бежит, бросает своих без указаний. Значит, весь его психический комплекс оглавлял личный элемент животного инстинкта самосохранения*.

Столь ярко развитый и превыше всего поставленный, этот личный элемент представлял начало и конец его психологии.

Если выписать известную формулу, выдвигаемую научной психологией, а именно: «Активный идеализм неизменно приводит к жертвенности», и попробовать подставить в нее коэффициенты Ленина, то мы приходим к следующему выводу. Первая предпосылка — налицо — активность несомненная. Результат — жертвенность — нуль — не достигнут. Отсюда вторая предпосылка — идеализм — подводится под сомнение.

Ленин чужд идеалу, как производной чувства; именно в этой области вообще, кроме чрезмерно развитого чувства страха, Ленин не дает ни одного признака: у него не было склонности к изящным искусствам — музыке, живописи, изящной литературе; ему недоступен целый мир симпатических переживаний, который ведет к облагорожению духа. Он не поднялся даже до любви к рабочему, которая могла бы привести к героизму.

Ленин — не легенда, одухотворенная подвигом; он и не фанатик. Именно не фанатик, потому что понятие о фанатизме подразумевает наличие идеала и жертвенности. Нельзя определять Ленина как фанатика, который ни перед чем не останавливался для достижения своей цели. Нет! Останавливался: он не хотел и не мог принести собственной жизни.

---

* Если стать на точку зрения Плеханова о «непримиримости» Ленина, исходящей из нежелания выпустить краденые деньги, если принять во внимание постоянное стремление занять первое место, то придется вообще признать наличие еще и этих личных мотивов.

Он и не мог стать фанатиком*. Тогда, может быть, маньяк? Тоже далеко от истины: маньяк упрямо преследует свою навязчивую идею, а Ленин был жестоко упрямым на все случаи жизни, не переносил чужих мнений, по поводу чего они ни высказывались бы, а не в одной политике. Завистливый до иступления, он не мог допустить, чтобы кто-нибудь, кроме него, остался победителем. Жестокое и злое проступало в нем, как в любом споре, так и в игре в крокет или шахматы, когда он проигрывал**. Проявить независимость, поспорить с ним о чем угодно или обыграть его в крокет — значило раз навсегда приобрести себе врага в лице Ленина.

Заканчивая на этом вторую страницу, а с ней и старую регистрационную карточку Ленина, вспомним теперь некоторые подробности из его досье 1917 года.

Для меня оно открылось с приездом майора Alley. Узнав о моих неудачах наложить запрещение на въезд в Россию пассажиров plombированного вагона, Alley влетел ко мне «вне себя» со словами: «Вы понимаете, что теперь произойдет?» Он понимал.

Несколько последовательных ударов вдребезги разбили русскую государственность за несколько часов февральской революции. По безбрежной равнине первыми беспрепятственно выступают в тесном союзе: анархист Железняков, немецкий агент Мюллер и вор-рецидивист Асин***.

Сколько их? В Петрограде я встретил на одного Железнякова сотню Мюллеров и легион Асиных. Последние все прибывали.

Носитель идеи государственности — русская интеллигенция, выступив позднее этих легионов, с верою смотрит на Временное правительство, видя в нем Верховную Власть. Она долго не ведает, что Правительство составляло лишь щит анонимного интернационала, — прикрытие для блуждающей

---

* Называя неправильно Ленина фанатиком, мы затрудняем другим, а с ними и всему русскому народу составить о нем надлежащее представление.

** Alexinsky T. Excelsior — 10 septembre 1922. То же: «Родная земля» № 1, 1 апреля 1926 г.

*** См. главу «Дача Дурново».

в потемках демократии и весьма определенного Нахамкеса и иже ему подобных.

Временное правительство не дает твердого политического курса. В безграничной свободе народные массы приходят в движение. Его ускоряют условия войны; но Железняков, Аснин и Мюллер в своем максимализме далеко выбрасываются вперед.

Ленин, запертый в Швейцарии, продолжал точить свое жало; он, вероятно, никогда не увидел бы света, если бы не спекуляторы Парвус и Ганецкий, которые предложили его немецкому командованию. Отъезжая из Цюриха, он пишет швейцарским рабочим, что «размах буржуазно-демократической революции в России может сделать из нашей революции всемирную социалистическую революцию»*.

Прибыв 3 апреля в Петроград, он на вокзале возвещает толпе: «Да здравствует всемирная социалистическая революция!»**

Ему вновь приходится пристраиваться к революции, которая пришла совсем иначе, чем он предполагал, уже успела разрушить русскую государственность и твердо стать на прямой путь торжествующего максимализма.

По соображениям Ленина, февральская революция должна была дать толчок к социалистическому перевороту в Европе, который уже обратным ударом должен был вызвать социалистическую революцию в России. Эти соображения, в которых большевики усматривали исключительное предвиденье своего вождя, лежат в основе его генерального плана, кратко выраженного известными словами о «ставке на мировую социалистическую революцию». Судьбе было угодно, чтобы «вождь» сделал новую ошибку, оказавшуюся роковой для всего народа; 20 лет изолированный народ до последних дней вынужден все один закладывать «фундаменты для будущего социалистического строительства».

Ленин привез в Россию классовую ненависть, *немецкие деньги* и обширные труды о приложении марксизма в России***.

---

* *Троцкий*. Февральская революция, с. 351.

** *Суханов*. — *Троцкий*. Февральская революция, с. 330.

*** Я поставил немецкие деньги на второе место, так как хочу избежать упрека в материалистическом понимании истории.

Эти печатные издания, написанные в излюбленной полемической форме, длинные, так как Ленин имел привычку повторяться, были раскрыты только после 25 октября. Они имели первостепенное значение после большевицкой революции, выдвинули в Совнаркоме Ленина как теоретика по диктатуре пролетариата, которая должна будет привести к социализму, но не находили еще приложения в 1917 году. Застав партию на перепутье с явно выраженным меньшевицким уклоном в сторону длинного буржуазно-демократического моста, который со временем приведет к социалистическому берегу, Ленин, соответственно своему новому генеральному плану, увидел обетованный берег настолько близким, что, по его мнению, пролетариат мог сам на него перескочить от обратного удара европейских социалистических революций и без всяких мостов. Его политический мираж привел в недоумение старых большевиков. Споры о конечной цели социализма отбрасываются; на помощь приходят деньги. Опять деньги! Раньше воровские, теперь немецкие. Первый ученик — Каменев, а с ним даже Зиновьев опять едва не исключаются из партии. «Бунт на коленях» прекращается в две недели. Вопрос о социализме снимается с очереди. Надо ли на нем ломать копыя, когда деньги получаются и можно добраться до власти? До войны убеждения и воровские деньги Ленина уничтожили партию, загнав ее остатки в тупик. После войны в отношении всего генерального плана они же бросили весь народ в склеп, из которого он до сих пор не может выбраться*.

При Временном правительстве, в первой фазе выполнения этого плана, Ленин приходит победителем. При его косном уме, страдающем хронической политической аберрацией, залогом победы уже являлся тот фактор, что в 1917 году он не навязывал своей собственной идеологии. Напротив, Ленин от нее отступил, играя на индивидуальных силах. Он даже не пошел по линии наименьшего сопротивления, а просто примкнул к Асниным и Мюллерам. Но его громадное значение уже выступает в том, что он не только катился с ними, а раздувал меха на немецкие деньги. Он приобрел на немецкие деньги

---

* По многим доктринам идеал таранит сам; для представителей многих течений выдвигать ленинские деньги недопустимо.

рупор гигантских размеров, который через месяц выдувал 35 периодических изданий всевозможной «Правды» и содержал армию пропагандистов, имевших задачей повторять и муссировать лозунги вора-рецидивиста и немецкого агента*.

По словам П. Н. Переверзева, «число разъезжающих платных агентов Ленина поражало воображение Временного правительства».

Большевики оценивают этот «идеологический прием» как «высшее предвидение гения, который сумел подслушать голос народа».

Суммарное понятие — народ и массы, будто бы делающие революцию, не получило до последних дней своего большевицкого определения. Мы позволим себе отсечь от народа только тех, кого все народы во все времена бросали за тюремную ограду. Эта ограда была взорвана в России 1 марта. Кроме Ленина, оценившего по достоинству сподвижников в арестантских халатах, были и другие, кои не менее «гениально» услышали голоса последних. В происходящем прекрасно отдавали себе отчет — майор Alley, капитан Laurent, французская и моя контрразведки, прокурорский надзор, Главнокомандующий Половцов, Балабин, вероятно, социалист Церетели, когда он голосовал за смертную казнь в столице. Неизбежную гибель видел Корнилов; в Петрограде ее признавали министры, уходящие в отставку; понимали те генералы и офицеры, которые, не впадая в панику, протестовали на фронте, болея за Армию и Россию, и т. д.

Сподвижников Ленина оценили гимназисты и гимназистки, готовившие демонстрацию против дворца Кшесинской**. Всех не перечислить. Если приступить к подсчету тех, «кто подслушал, как никто, голос народа», то уже на первой странице появляется небывалое число гениев. Усиливая пары, Ленин разжигал классовую ненависть непрестанно, что придало его участию в революции чрезвычайное значение. Историческая брешь между слабой общественностью и неграмотным народом искусственно раздвигалась.

---

* См. гл. «Войска» — содержание речей с балкона дворца Кшесинской и разрешение аграрной проблемы путем захвата земли.

** См. гл. «Петроградская трясина».

С другой стороны, если по большевицкой терминологии «народные массы ломали перегородки», то мы дополним: под руководством немецких плотников, в известных случаях и при непременном участии преданных остракизму народных низов. В отношении больших народных масс крестьян и рабочих, как говорят, выразивших «великие силы революции», поступательное движение развивалось значительно медленнее: аграрная революция отставала на целые месяцы; рабочие массы Петрограда, — главного центра, — остались позади, разительно оторвались от праздной, развихленной толпы солдат, хлынувшей за большевиками на улицу 25 октября*.

Разжигая ненависть, Ленин извлекал «лик сатаны», выступивший в ярких красках у морально отверженных всех цветов и мастей на общем фоне народных требований. Препятствий не было. Преступные низы потянулись к деспотическому председателю убогой партии, широко тратившему немецкие деньги, призывавшему к грабежам. Их кинетическая энергия собиралась в одном фокусе — председателе — Ленине и тем самым поднимала его на высоту, на которой он и получил свою силу и значение.

Немецкие плотники продолжали ломать перегородки. Новая, начинающая контрразведка не могла настигнуть всех. Наконец, список мой совсем не полный, потому что с абсолютной точностью в памяти задержались только более отметные.

Одних из них можно отнести к сети, заброшенной непосредственно из Германии через Стокгольм. В нее входили:

Карл Гибсон, разрушивший контрразведку в феврале.

Коммерсант Беммэ — организатор шпионажа в прифронтовой полосе.

Роберт Гримм, как устроитель конференций и редактор социал-демократических резолюций немецкого толка, приводивших в бурный восторг нашу демократию.

---

* В поисках закономерности исторического процесса Троцкий имел неосторожность уверять, что большевики были во сто раз правее массы. Внесем поправку: «Не массы, а иногда оказывались правее «Аснина». Законы бытия гигантских масс определяются не через 20 лет, а в конце эпохи.

Публицист К., доносивший Брейденбейд о своих работах по удалению из Правительства Милюкова и Гучкова. Он имел также задачей заключение сепаратного мира и приобретение большого печатного органа.

Сотрудники публициста К.: для пропаганды и связи со Стокгольмом — Дитрихс; для руководства в уличной толпе — Степин, служивший связью звена К. с группой Ленина.

Политический агент Мюллер, подвизавшийся в развитии анархии и сильно агитировавший за немедленное прекращение войны*.

Офицер из Военного министерства, похитивший документ, игравший заметную роль в февральской революции и вносивший развал в новые административные учреждения**.

Проживавший в Лигове Сорокин — устроитель митингов и стачек за Нарвской заставой.

Военнопленные вообще, и в частности 206-го Прусского полка, — Альфред Ульке и Ганс Штрейх***.

Другая сеть тянулась от Берлина на Ленина по меньшей мере по двум проводам, нам известным. Первая линия проходила через Парвуса. Вторая — через директора компании Сименс и финансового агента большевицкой партии — Крапина.

К ленинскому немецкому центральному узлу контрразведка относилась на основании документов: Ленина, Ганецкого, присяжного поверенного Козловского, Суменсон.

Бывшего казначея партии Семашко, вызывавшего «стихийные явления масс»... в 1-м пулеметном полку.

Бывшего агента компании Зингер — Степина, раздававшего деньги солдатам 2-й Гвардейской пехотной дивизии и рабочим.

Нельзя не заметить, что именно полки Семашко и Степина — 1-й пулеметный и 2-й Гв. пехотной дивизии — шли в голове всех выступлений и восстаний.

---

* К этой же категории принадлежал Нахамкес (без прямых улик).

** См. гл. «Из журнала контрразведки». Распубликовать его фамилию я предоставляю заместившему меня полковнику Пораделову.

*** См. гл. «Немецкие деньги».

Из редакции «Правды» — Бронислав Веселовский.

Несомненные агенты связи на Стокгольм: г-жа Коллонтай и Лурье.

Довольно самостоятельную роль по связи с немцами играл в польской организации Уншлихт, который связывался с Лениным в польском вопросе через Козловского*.

Если взглянуть на лица, только здесь поименованные, твердо связанные с Германией; если вспомнить об условиях и значении их деятельности, то в них мы имеем несомненные доказательства немецкой интервенции, отразившейся на движении больших народных масс в русской революции.

Это мне дает основание высказать мой протест тем историческим исследованиям — русским и иностранным, — в которых отсутствует коэффициент немецкого вмешательства. Он может быть большой или малый, в зависимости от документов, которыми располагает автор.

Но если все причины крушения искать в прошлом или договариваться до славянской идеологии, в которой заложены корни большевизма, то пропуск немецкого рычага, отказ от его оценки — явится досадным пропуском самого исследования.

После июльского бегства личное влияние Ленина падает по отвесной линии: его письма запаздывают. Чернь подымается на пришедших в движение массах; ее вести можно только на местах. Революция дает ей своего вождя — Троцкого. Автор перманентной революции еще в марте с трибуны из Америки посылает через океан стрелы в февральских победителей. Он едет таким же непримиримым, как Ленин. Приезжает на месяцы позже его. «Искрометный блеск; неисчерпаемый запас энергии и таланта, которыми природа так щедро одарила его»**. Троцкий на сажень выше своего окружения. Тот же нечаевский политический цинизм, та же ленинская олимпийская самоуверенность. Он так же готов, «не

---

* Все перечисленные фамилии были «зарегистрированы документально». С полной уверенностью к сознательным предателям следует также отнести Крупскую и Зиновьева, хотя прямых улик на них не имелось.

** Так пишет Зив в своей характеристике Троцкого.

моргнув глазом, погубить миллионы людей». Он их и погубил. Фокусник слова, неподражаемо-звонкий митинговый оратор. Если менее упрямый, и в некоторых случаях способный на компромисс, то во многих других — страстно увлекающийся до истерического энтузиазма. Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит. Клянется Троцкий, клянется чернь. В революции толпа требует позы, немедленного эффекта. Троцкий родился для революции. Он не бежал. Его старый послужной список говорит о некоторой дозе риска, перед которым он не останавливался — в тюрьме, не задумываясь, как председатель последних дней Совдепа в 1905 году.

Октябрь Троцкого надвигается, планомерно им подготовленный и технически разработанный. Троцкий — председатель Петроградского Совета с 25 сентября, бойкотирует Предпарламент Керенского. Троцкий — председатель Военного революционного комитета — составляет план, руководит восстанием и проводит большевицкую революцию.

Большевики, а за ними очень многие, возводят в заслугу Ленину выбор момента восстания, которое Троцкий слегка оттянул до 25 октября. Таков еще один исторический вымысел, вроде легенды об июльском восстании. Последнее, как мы доказали в июле, было назначено немцами, в связи с наступлением на фронте. С того времени немцы торопили с новым выступлением, и немцы же выбрали день октябрьской революции — именно так было известно еще заранее членам Временного правительства. Ленин передавал эти требования в июле против желания; в октябре им сочувствовал. Заметим, что лично для него уже не было риска.

Троцкий постепенно, один за другим переводит полки на свою сторону, последовательно день за днем захватывает арсеналы, административные учреждения, склады, вокзалы, телефонную станцию, систематически разбрасывает своих комиссаров. Если такой порядок наиболее обеспечивал военный успех, то вся громадная организационная работа дала большевикам еще большее и главное: она твердо технически подвела чернь столицы и ее солдат под купол Совдепа Троцкого. У этого Совета оказался действительный походный аппарат власти в столице. Открытый в Петрограде 26 октября 2-й Всероссийский съезд Советов распространил эту

власть идейно по всей стране, установил ее фактически на части территории России.

27 октября страна узнает по радио короткую, из трех пунктов, декларацию новой власти: Учредительное Собрание, земля крестьянам и обращение о мире к народам и правительствам всех воюющих стран*.

В советских газетах мы читаем до последнего времени: «Под знаменем Ленина победили мы в октябре». Об Учредительном Собрании возвестил России Великий Князь Михаил Александрович 3 марта. Земля и мир — тезисы, давно пришедшие от народовольцев и демократии. Обращение о мире — лозунги всех немецких агентов. Знамя Ленина как будто выходит краденым. Народ устал ждать 8 месяцев. Словами не разрубить всех гордиевых узлов, и старых, и новых.

26 октября Ленин, очевидно, сам не видел своего знамени, когда в Центральном Комитете предлагал назначить Троцкого Председателем Совета народных комиссаров: «Вы стояли во главе Петроградского Совета, который взял власть», — сказал Ленин. Троцкий отказался**. Так Ленин показался в исторический момент на той высоте, на которую устремились взоры всего мира. Каждый час пребывания на вершине сплетал кругом его имени легенды в далекой стране, которая нервно ждала своего кровавого будущего. Ближайшее его окружение, кроме нескольких пришельцев, составляла старая большевицкая аудитория, интеллект и воля которой не подымались до уровня посредственности. Стоять на коленях годами вошло у них в привычку.

В первые годы аппарат власти держался и укреплялся в условиях непрерывной динамики военного коммунизма и гражданской войны. В критические моменты на главных пунктах опять показывается Троцкий, но уже не в Петрограде, а

---

* Архив Русской революции — Октябрьский переворот, с. 219. Зив — Троцкий: Стенографический отчет — речь Троцкого в Предпарламенте — 8 октября: «Учредительное Собрание, мир и земля».

** *Троцкий*. Моя жизнь. Т. 11, с. 61.

Он был пришелец в партии. Вероятно, считал такое предложение только формальным, и, во всяком случае, без шансов пройти на баллотировке, тем более что он же отказался от Внутренних Дел, ссылаясь на свое еврейское происхождение.

с летучим поездом по России. Из поздних пришельцев выступает ограниченный исполнитель Дзержинский, неподкупный изувер и фанатик.

В зареве долгой гражданской войны в аппарат вливаются новые люди, которые, защищая далекий центр, все выше и выше поднимают его. В центре Каменевы и задрапированный Ленин. Чтобы расценивать силу ленинской идеологии в ее практическом приложении, предстоит отстранить первые главы революции и прямо открыть тот том, с которого начинается советская Россия. Она выстраивалась по Ленину. Внося своим «старым служащим» декреты на обсуждение, он фактически предлагал их к исполнению, не останавливаясь для этого ни перед какими обходными путями. При этом ему все же приходилось маневрировать. Чтобы удерживать власть в партии, которая распускала свои щупальца по всей стране, Ленин искусно провел в 1921 году на X съезде положение о «единстве» партии.

Пункт этой резолюции об исключении из партии за фракционные разделения был опубликован только в 1924 году, в марте, после смерти Ленина.

«Мертвая петля» подбирала в 1904 году отдельных эмигрантов; теперь она затягивала всю страну. Совершенно понятно, что народ, столетиями проживший в абсолютизме, естественно поддался его новой форме.

Несколько десятков миллионов книг о Ленине и брошюр, разбросанных большевиками по всему миру, имели свое воздействие: нам твердят о силе (злой) и монолитности, не замечая или замазывая капитальные трещины.

Действительность вернула коммунистов к классовой форме общины; они признают, что уже добились изуверского социального неравенства советских подданных.

Непременное начало всех начал из системы — Че-ка советская, Че-ка, непосредственно и прежде всего вытекающая из всего учения Ленина. Она необходима, чтобы давить индивидуальные начала. Отражая его характер, отвечая нетерпимости Ленина к чужому мнению, вся «заговорщицкая» его идеология была проникнута недоверием к массам, боязнью, как бы народ, предоставленный самому себе на пути самостоятельности, не ускользнул из-под его влияния и его не опро-

кинул. За народом следует следить, шпионить; его надлежит взять в тиски, чтобы бить копром, принудить идти только по тому направлению, которое выбрал для всех один он, один Ленин. Сколько людей погибнет — не важно: Ленин злобен, нравственно слеп — для Че-ка все приемы хороши. Чем больше народ, тем больше Че-ка; чем ярче самодеятельность — тем глубже застенки, утонченнее пытки. Ленинская идеология — ленинская Че-ка. Она — памятник его нерукотворный.

Индивидуальные начала дала человеку природа, начала материи и духа, его запросы и побуждения, от скота человека отличающие. Че-ка против природы. Кто победит?

Ленин умер. Принявшие за ним власть спешат возвести в догму его тезисы, — «высказывания», как их называет Крупская. Ленин, как догма, необходим всем. Сталину, чтобы сбивать Троцкого; Троцкому, чтобы обличать Сталина; тройкам, пятеркам, коммунистическим главковерхам.

В славе, создаваемой Ленину, они видят историческое оправдание своих собственных преступлений. Она же нужна им, чтобы удержаться у власти, так как позволяет в критических положениях ссылаться на непогрешимые высказывания самого Ленина, как на высший закон страны. Для этого приходится внушать народу слепую веру в Ленина, поддерживать гипноз массы именем великого вождя, который устроил революцию и никогда не ошибался.

Отсюда столица его имени, институты Ленина, библиотеки, заводы, ордена, ледоколы, портреты, дни, годовщины, уголки Ленина, языческий мавзолей, паломничество к мощам, изъятые из глубокого прошлого, бесконечные толпы, суевренно настроенные кругом гроба.

За ними развитие мистического начала, ощущение связи советского раба с Лениным, взятым из большевицкой мифологии, подлинное осознание пролетарской религии — культ Ленина, которым насыщен полный объем советской страны.

Но Сталин начинает пересматривать мифологию партии, так как революция надвигается. Она идет по извечным законам расцвета индивидуальных сил, все на своем пути сокрушающих. Против них выступил советский Ленин.

20. ЕЩЕ ДВА СЛОВА

Всякий намек на участие немцев в русской революции вызывает до сих пор дружный вой большевиков, что народные требования пытаются подменить инструкцией Людендорфа.

Нет сомнения, — о моих воспоминаниях будет рассказано, что я без намеков, прямо, поместил всю Россию 1917 года в канцелярию немецкого генерала. В действительности же я старался привести точные данные, как инструкции извне разжигали народные страсти*.

Не касаясь исторических проблем, вскрытых революцией, подведем итог сокрушительным ударам, которые добывали Власть с марта по октябрь. Их было так много. Напомним главные.

Первый. Уничтожение в одну ночь всех административных органов, везде и всегда необходимых для ограждения общественного порядка.

Второй. Разгром тюрем. Заключение вновь обретают возможность активных действий. Конечно, те, кто искал лазурного неба, мне закричат: «Проза! Односторонние выводы!» До сих пор слышу возгласы членов Совета Таврического дворца: «Мы строим новую Россию! Поймите — новую, светлую жизнь! А вы тут с вашей контрразведкой, с какой-то уголовщиной. У нас законные чаяния; перед нами неоплаченные счета истории! Какое нам дело до ваших преступников!»

Шквал вышел именно с каторги. Он потащил низы, поднялся, разбил Армию, опрокинул хрупкую ладью, в которой спорили о бесконечно далеком, похоронил одни иллюзии, подбросил народу другие.

Третий. Форсированный темп революции, искусственно данный нашим врагом, — немцами — в критический момент мировой войны. Они же поддержали деньгами уголовный мир, который преградил пути творчества здоровых сил нации.

Четвертый. Постановление о невыводе Петроградского гарнизона. Развращенная толпа солдат переливалась по ули-

---

* Читатель, вероятно, заметил, что я везде ссылался на живых свидетелей, иностранцев и русских.

цам. Она была далеко, очень далеко впереди всей страны. В ней погибло Временное правительство.

Пятый. Отметим сверх всего и чрезвычайно резкий переход к полной свободе, который своим размахом тоже задержал выход интеллигенции — наша самодеятельность опаздывает. При несогласии с властью мы подаем в отставку и еще не составляем заговоров*. Мы слишком лояльны и отнюдь не революционны. А сколько среди нас было Потаповых! Конечно, мы приняли революцию такими, какими вышли из прошлого. Тут и отсутствие общественности, так понятное в режиме абсолютизма, и «слабые государственные прослойки», и специальные проявления славянского быта — русской бескрайности.

Против этих пяти грозных условий требовались необычайные усилия, может быть, чудо, — не стану спорить.

Только в спокойном состоянии, только далекий историк увидит и приведет в систему причины происшедшего. Их не найти в одном только прошлом, сознательно закрывая глаза на 1917 год, так же как нельзя в злой воле и ошибках отдельных групп и лиц этого года искать полного объяснения истории России.

---

* Прежде всего я имею в виду себя самого.

21. ЗАБЫТЫЕ МОГИЛЫ

Брест-Литовский мир вывел Россию из войны, но не мог уничтожить ни русской традиции, ни славянской идеологии, призывающей к жертвенности. Тем более настойчиво выступали усилия продолжать войну бок о бок с союзниками. Эти общие желания были ясно выражены на далекой окраине России, где народу удалось сбросить большевицкое иго: там сейчас же возник и свой собственный театр войны, связанный с союзниками честью русского имени. На этом фронте вышел из армии русский отряд, который оставался в рядах союзников до конца Мировой войны. Только для него, не имевшего за собою Великой Державы, война с турками кончилась не в день общего перемирия 11 ноября 1918 года, а на две недели позднее. В его рядах горсть русского народа вышла на свой маленький фронт и выполнила, как умела, выросшие перед ней задания.

Для союзников отряд оттянул значительные силы противника и прикрыл пути в Индию, а для русского знамени — боролся за осколки Великой Родины в Закавказье, бил большевиков и не допустил корпус Иззета-паши с его ордой пройти на Северный Кавказ и поднять восстание.

Вот краткие сведения об этом, совсем забытом театре Большой войны.

Новое формирование началось с того, что генерал Баратов и английское командование в Персии предложили четырем русским офицерам сформировать четыре отряда. Справиться с этой задачей удалось только одному — Лазарю Бичерахову¹. После развала фронта он сколачивает свое ядро —

---

¹ *Бичерахов Лазарь Федорович* (1882–1952) — полковник (1917). Генерал-майор Великобритании (1918). Во время Первой мировой войны в Кавказской армии на Иранском фронте, командир Терского казачьего отряда. В июне 1918 г. отошел к Энзели (ныне Иран), где заключил с англичанами договор о совместных действиях на Кавказе. 30.07.1918 открыл фронт приближающимся к Баку турецким войскам, уведя свой отряд в Дагестан, где захватил Дербент и Петровск-Порт. В ноябре 1918 г. вернулся в Баку вместе со своими войсками, где в 1919 г. англичане расформировали части Бичерахова. В 1920 г. эмигрировал в Великобританию.

в 1 батальон, 1 батарею, 6 сотен казаков, проходит Персию до Энзели, уничтожает по дороге большевиков и разбивает банды Кучук-Хана.

К этому времени, в конце июня 1918 года, командующий Восточной турецкой армией Нури-паша наступает от Елизаветполя на Баку, занятый большевиками*.

На бакинском направлении Нури сосредоточил 5-ю пехотную дивизию (Мурсал-паша); 15-ю пехотную дивизию (Юсуф-Иззет-паша); 107-й пехотный резервный полк, два батальона пограничного формирования и 4-ю пехотную дивизию, предназначенную для занятия центрального Азербайджана, обеспечения тыла, коммуникаций и особенно для специальных формирований частей из местных мусульман.

Приблизительно в этих же цифрах, а именно в четыре дивизии, исчисляет силы сражавшихся турок и представитель Французской армии, много потрудившийся на Кавказе и в самом Баку в описываемый период, неутомимый генерал Chardigny (Шардиньи. — *Ред.*). По его же мемуарам, три выше названные полевые турецкие дивизии были полностью укомплектованы и прекрасно дисциплинированы (чего нельзя было сказать про 107-й пехотный резервный полк). И действительно, в пополнениях военнопленными и закавказскими татарами недостатка не было**.

В июне Бичерахов один, с двумя казаками, высаживается в Баку. Большевики в панике, предлагают ему взять командование против турок.

Он соглашается, вызывает из Энзели свой отряд и через три недели свергает большевиков. Последние перед падением, вступив в переговоры с немцами, успевают увести с фронта отряд коммуниста Петрова, занимавший Хурдаланский участок. Турки выходят за Петровым к окраине Баку. Бичерахов оставляет город, идет на север, бьет большевиков, берет Петровск. Каспийский флот, коммерческий и военный, порты Каспийского

---

* Предназначался в наместники мусульманского Кавказа; брат Энвера-паши — известного лидера младотурецкой партии.

** Самый номер «4» одной из вышеупомянутых дивизий, дававшей инструкторов местным частям, — подлежит проверке, хотя он взят из показания наших пленных и также согласуется с показаниями пленных, записанных генералом Chardigny.

моря, кроме цитадели большевиков, Астрахани, — все признают Бичерахова, а правительство Союза Прикаспийских областей избирает его своим председателем. Одновременно союзники признают в лице Бичерахова русскую власть в крае.

Тем временем турки, развивая военные действия, двигают в Дагестан еще в июле от своей 4-й пехотной дивизии инструкторский отряд — около 500 офицеров и унтер-офицеров — для формирования Дагестанского корпуса (набрали только дивизию) и для усиления нескольких десятков инструкторов, группировавшихся в Чечне с весны около Шукрибея (в Ведено). В Азербайджане же к концу войны была, в сущности, сформирована одна пехотная дивизия.

Таким образом, в описываемых военных операциях на Восточном Кавказе со стороны турок непосредственно участвовали: вышеперечисленные 3,5 дивизии турок, одна азербайджанская, одна дагестанская, отряд чеченцев, — а всего до 6 дивизий с артиллерией, 1,5 тысячью сабель иррегулярной конницы и техническими войсками.

Сверх того, в ближайшем соседстве, в Персии, в районе Тавриза, турки держали в полной готовности две дивизии (3-ю и 11-ю), опасаясь в Карабаге восстания армян Андраника, которому помогал материально Бичерахов*.

Поэтому приходится признать, что Русское Национальное движение на Кавказе приковывало со стороны противника не менее 8 дивизий разного состава; несколько из них сражались непосредственно с войсками русскими.

Разбросанные по Закавказью части этой лавины медленно надвигались на Дагестанский театр войны, где на аванпостах Дербента гремели выстрелы полусотни орудий и нескольких батальонов русских войск; они были зажаты между морем и горами — большевиками с севера, примерно по линии Терека.

Здесь, в Петровске (ныне Махачкала. — *Ред.*), основное ядро Бичераховского отряда разворачивается до 9 батальонов, 8 батарей и 6 сотен казаков с техническими командами, и отсюда война ведется на два фронта: на север — против боль-

---

* Я не перечисляю турецких частей на Карсском и Трапезундском направлениях за отсутствием точных данных.

шевиков, а на юг и запад — против Иззета-паши и мусульманских отрядов.

В эту группу Иззета входили: 15-я пехотная турецкая дивизия; части азербайджанских войск; одна дивизия дагестанцев и отряд горцев Северного Кавказа — все с турецкими инструкторами. Их действия мне близко знакомы, так как я был Главнокомандующим этого театра войны и Командующим полевыми войсками отряда Бичерахова.

Мы вели маневренную войну, иногда без проволоки, на больших пространствах, в лесистых горах, среди враждебно настроенного населения. Одновременно турецкие эмиссары спокойно продолжали свою работу кругом военной зоны, вербовали Иззету отряды из мусульман-горцев, преданных Турции.

Мы, военные, будто воскресли, снова попали на войну, жили по нормальным уставам военного времени. Казаки сражались выше всех похвал. Солдаты ходили в огонь, но требовали непрерывного, неусыпного надзора. Артиллерия была прекрасная.

Острый некомплект в офицерах был большой стороной нового формирования*. Ротами командовали прапорщики и подпрапорщики. Давал себя также знать недостаток шинелей, особенно в октябре и ноябре, когда дожди продолжались по несколько дней кряду.

Походных кухонь почти не было; мы довольствовались главным образом шашлыками из буйволов, от которых «ломались зубы». Войска терпели. Огнестрельных припасов было достаточно.

Наша тактика — при большом превосходстве сил турок: непрерывное движение; короткие удары; сильный артиллерийский огонь; пехота, энергично поддерживаемая казаками.

Имея задачи и войска в других областях Каспийского бассейна, усиливаясь с каждым днем, мы вначале старались выиграть время, избегали решительных столкновений.

В первый период, если Иззет-паша наступал, то мы ему подставляли только арьергард из 2—3 рот, одной-двух сотен казаков, — всего 250—400 штыков, 90—180 сабель и 2—4 ору-

---

* Несколько зон большевиков отделяли нас от офицеров Большой Армии.

дия. Этот маленький отряд, растянутый в предгорьях, блинди- рованные поезда в приморской долине, баркасы с пулеметами вдоль берега моря, — все вместе стреляли на широком фронте, заставляли Иззета каждый раз разворачивать все свои силы и делать глубокие обходы*. Так было три раза: под Мамед-Кала, Каякендом и Буйнаком. Только под Буйнаком у нас было не три, а 4 роты. Блиндируемые поезда, отойдя назад, давали туркам продвинуться, потом неслись вперед, проскакивали огнем турецкие цепи; возвращаясь назад, они прорывались через новые цепи, новых обходных колонн турок.

В бою у Каякенда наш маленький арьергард одно время подвергся полному окружению не только турецкою пехотой, но и его артиллерией, занявшей позицию у нас в тылу — севернее станции у железной дороги. Замкнувшую кольцо турецкую колонну удалось разбить внезапным ударом в тыл. Мы вывезли всех и все, отделались несколькими убитыми и десятками раненых; зато особенно досталось от огня паровозам и вагонам; но ни один из них из строя выведен не был.

В бою под Буйнаком были пушены по одноколесной дороге, один за другим, три блиндируемых поезда. Два первых, на которые сели ротмистр Рагозин и поручик Арский, пролетели со стрельбой через наступающие главные силы турок на станцию Буйнак. При поддержке третьего поезда, а также полевой артиллерии, все поезда благополучно выскочили назад на север, за буйнакский виадук, расстреливая свои пулеметные ленты. Они только слегка были тронуты ружейным огнем и шрапнелью противника.

В войсках было много героев. Назовем нескольких из них: казак полковник Тарарыкин, подполковник Никольский, ротмистр Рагозин, ротмистр Савич, есаул Невольников, капитан Евсеев, артиллерист-капитан Леер, поручик Арский, хорунжий Хмара, прапорщик Петров, — как в этих боях, так и в последующих, не знали ни страха, ни усталости, всегда рвались на новые подвиги.

Во время боев часто приходилось посылать для поддержки пехоты по 8 казаков на батальон, иногда по четыре на роту. Они скакали на смерть: редко кто из них возвращался.

---

* Турки несли серьезные потери — они ни разу нас не преследовали.

Не могу не сказать двух слов о Владикавказской железной дороге и ее персонале. Удивительные люди! Паровозы ходили на разведку без караулов на линию, соединяющую нас с базой — Петровском — по узкой береговой полосе. Она подвергалась на протяжении 100 верст нападению с гор. Поезда-кухни, продовольственные, санитарные и другие, нередко подавались прямо в окопы.

На поле сражений отдельные части, взятые с обойденных участков, перебрасывались в поездах под огнем, высаживались и вновь велись в атаку во фланг обошедшим их перед тем колонн (Каякенд, Буйнак).

Обстрел паровозов и поездов — обычное явление. Начальники станций — бессменно на своем посту. Телеграфисты железной дороги несли обязанности военных телеграфистов. Они выстукивали по Морзе спешные боевые приказы и донесения в зданиях, попадавших под ружейный обстрел. Среди этого персонала были убитые и раненые. Никто никогда не жаловался, ни разу ни о чем не просил.

Мы держались постоянным движением в горах, — вечный принцип активности, — опираясь на железную дорогу.

При моем штабе состоял старший агент службы движения Красин. Ему только не хватало винтовки в руку. Иногда мне казалось, что я даю ему невыполнимые задания; он только отвечал: «слушаюсь» и все исполнял раньше срока.

Казakov и железную дорогу я считал надежной частью моих «полевых войск».

Флот принимал участие в делах; особенно отличались канонерские лодки «Карс» и «Ардаган». Главноначальствующий флотом — достойный сподвижник Бичерахова — полковник В. Г. Воскресенский крепко держал в руках своих моряков. Условия были необычайные — достижения тоже. Одно из таковых — замечательный договор Воскресенского с Мурсал-пашой, по которому турки снабжали нефтью весь наш Каспийский флот, дравшийся с ними же — турками*.

Конец войны прошел у нас тоже необычайно. Я его записываю подробнее. В нем выразилась глубокая русская дра-

---

* Полковник В. Г. Воскресенский — теперь под псевдонимом «де Базиль» — известный директор русского балета, возродивший его былую славу за рубежом.

ма людей, лишенных отечества. Защищая свою честь, они пали последними на фронте Большой войны.

В октябре 1918 года мы развиваем с флотом наступательную операцию под Дербентом в районе Мамед-Кала.

Три батальона успешно продвигались в предгории. Прекрасно работали казаки глубоким охватом в горах, а с моря «Карс» и «Ардаган» продольным огнем по окопам на дистанцию от 2 до 7 верст. Командиры канонерок и моряки-артиллеристы накануне объехали позиции, а в день боя их корректировал Т.С.Ф.

Турки были быстро подавлены перекрестным огнем с моря, полевой и тяжелой артиллерией из приморской долины. Затем их фронт был широко прорван нашей пехотой. Загнанный в Дербент, Иззет-паша к вечеру 13 октября во время боя присылает мне парламентаря с предложением заключить мир.

Я не отвечаю и продолжаю бой.

Ко второй половине дня мои батареи полевой артиллерии переехали от Мамед-Кала на новые позиции к разъезду Огни, на 4-5 верст вперед; 9-дюймовые бомбы тяжелой артиллерии снесли участок окопов первой линии турок. От горцев, шедших с турками, я узнал впоследствии некоторые подробности: с моря метким огнем особенно «свирепствовал» красавец «Карс». (Он близко подходил к берегу, чтобы лучше следить за наступлением пехоты.) Иззет выезжал в цепь закрывать прорыв, останавливать свои войска у Дербента.

Моя пехота, в которой перед боем на роту приходилось по одному офицеру, за день понесла значительные потери; ночью сильно сказалась убыль в офицерах: достаточно было бы одного эскадрона, чтобы захватить всю мою артиллерию, но турки отступали к самому Дербенту. Таковы наши короткие удары.

На следующее утро Иззет повторяет попытку мирных переговоров: он снова направляет под белым флагом новую делегацию, на этот раз прямо в Петровск, к Бичерахову.

«Кто вы такие? России уже нет и никогда не будет. Отойдите на север, за Кубань», — писал нам Иззет.

Бичерахов, как председатель Временного правительства Союза Прикаспийских областей, резко отвергает предложение.

Но вот, после 2 ноября 1918 года, узнав, что Турция капитулировала, мы сами извещаем об этом Иззета и предлагаем ему вывести войска из боевой линии, на 25 верст назад. Хитрый турок выговаривает себе на размышление два дня, по истечении которых обещает прислать свой точный ответ.

Боевые действия, наша активность и огонь с обеих сторон прекращаются. Иззет спокойно использует выговоренный срок и через 2 дня переходит в наступление по всему фронту. Движение, инициатива уже его.

Петровск сразу наполняется бежавшими с позиций солдатами. В городе паника. Порт горит.

На фронте разыгрываются упорные и кровопролитные бои за подступы к Петровску и особенно на западном нагорном секторе — на высотах Тарки-Тау, где в контратаках с ручными гранатами гибнут лучшие офицеры, солдаты и матросы*. Смертью их, после третьей контратаки, на утро второго дня боя русские войска прорывают фронт противника в направлении на Кизил-Агач, после чего наступление турок заметно приостанавливается.

Оказавшаяся у нас случайно проездом Уральская офицерская казачья полусотня — 50 офицеров — влилась по войскам боевой линии. Эти офицеры почти все погибли.

Доблестно сложили головы в третьей контратаке матросы 2-го десантного отряда; они отбили окопы на спуске в самый Кизил-Агач.

Сподвижники Иззета мне рассказывали впоследствии, что тогда его спас от катастрофы отряд чеченцев — вождя Веденского округа Али Митаева, пришедший в последнюю минуту с Северного Кавказа. То же подтвердил в подробностях сам старый кунак — Али Митаев, — приехавший ко мне раскаиваться через два месяца.

Турецкая орда с большим числом пулеметов все же ползет с разных сторон по лесистым отрогам и местами влезает на горный хребет Тарки-Тау; но ключ к овладению всего гребня и единственный из него выход к Петровску до конца ос-

---

* События, мало известные, сильно искаженные в описаниях чужих и не знающих людей. Читая авторов, не бывших в Петровске, можно подумать, что петровских боев даже никогда не было.

тается в наших руках. Здесь, наверху, на лесистом плато в центре массива сохраняются едва заметные развалины маленькой исторической крепости Тарки, воздвигнутой основателем Русской Армии и Флота Петром Великим. Уцелел от времени, собственно, длинный сарай со стенами из каменной кладки, впоследствии реставрированный, но уже наполовину разрушенный; стены были без бойниц и почти без крыши. Здесь помещался штаб полевых войск.

Величественная панорама открывалась с высот Тарки-Тау на восток: неизмеримая пропасть в приморскую долину Дагестана, далеко внизу, как на ладони, наши северный и южный секторы, между ними город, огонь и дым горящих пакгаузов, миниатюрный порт, маленькие, игрушечные пароходы, а дальше, пока доступно глазам, — широкое, открытое море.

Из этих развалин Тарки офицеры штаба полевых войск и его команда в течение суток в штыки отбивали последние атаки турок, при славной поддержке своих четырех казачьих пулеметов и двух конно-горных орудий; последние били картечью.

Начальник штаба полевых войск — ротмистр Татарского конного полка Рагозин пал смертью храбрых: раненный, с саблей в руке, с криком «Вперед!», он бросился в контратаку, но тут же был сражен двумя ручными гранатами*.

Наши гаубицы с южного отрога кряжа безостановочно перекидывали бомбы по артиллерии и лесным опушкам, занятым противником, а полевые орудия и конно-горные батареи состязались с турецкой полевой артиллерией, стоявшей на закрытых позициях на соседнем гребне к западу.

Последний день грохот турецких пулеметов сливается в непрерывный гул. Жители Петровска его слушали долго. Становилось вероятным, что для обеих сторон наступил последний день боя; такой ураган пулеметного огня долго можно развивать только в большой позиционной войне при технически оборудованных путях подвоза патронов, а не на горных высотах, куда мы с трудом поднимали питьевую воду.

Надо было во что бы то ни стало дотянуть до вечера.

---

* Читатель найдет его имя в главах «Дача Дурново» и «Нахамкес».

И вот верные друзья полевых войск «Карс» и «Ардаган», выйдя на легкой волне из порта, начинают залпами посылать вверх на массив снаряды своих дальнобойных 120-миллиметровых орудий. Они несутся с моря, перелетают на излете через головы защитников, иногда глохнут в лесах или выбрасывают вверх столбы земли с деревьями, но в большинстве ложатся по главным резервам Иззета на главном Кизил-Агачском подступе. Земля дрожала.

Меня сильно беспокоило: как удастся провести этот импровизированный артиллерийский маневр с моря при качке, дальней дистанции и стрельбе по «невидимой цели». В его успехе и заключался наш последний шанс задержать резервы турок и новые подошедшие к ним из Дагестана отряды.

Начав пристрелку с отметной для судов вершины, корректируя стрельбу, я поворачивал влево и все снижал огонь, передавая свои наблюдения по телефону в порт лично начальнику штаба Бичерахова Мартынову; он же сам пересылал их дальше на суда по T.S.F.

Моряки-артиллеристы еще раз показали свое искусство, ни разу не хватили по своим и, несомненно, ослабили последний удар, который с утра готовил нам Иззет.

Турки от ближайших цепей настойчиво продолжали накапливаться перебежками из леса с двух противоположных сторон в складках местности по большому открытому полю перед Тарки. Часам к 5 дня из тех, кто близко, их как будто уже несколько сот, а ближайšie из них зашли нам в тыл справа и уже у самых развалин. Они готовятся повторить свои приступы, но уже более крупными силами, которых мы не выдержим; они явно подтягивают участковые резервы.

Но их цепи не успели подняться для штурма. На них из-за развалин вышли в контратаку цепи команды штаба, а через несколько минут подтянутый последний резерв — батальон капитана Евсеева, при нем же и старый стрелок, капитан Конакин. Всех вместе с телефонистами и денщиками набралось около 400 человек.

Подъем духа офицеров был так велик, что некоторые из них: Вознесенского уланского полка ротмистр Савич, штабс-капитан Борисов, мой адъютант поручик Арский, начальника телефонной команды поручик Черноморов, ординарец

прапорщик Петров, — идя в атаку, в азарте сбрасывали на землю шинели и кителя, уверяя, что они стесняют движения винтовки и что им слишком жарко. (Некоторые офицеры опрокидывали на огонь свои котелки с горячей пищей: думали, что выходят умирать.)

Под самый конец одной тяжелой сцены не выдержали два солдата-артиллериста: потрясенные, может быть уже душевнобольные, они побежали назад и в нескольких десятках шагов бросились с отвесной скалы в пропасть к аулу Тарки, где, конечно, разбились насмерть. Остальные солдаты все вышли за своими офицерами. Головная рота последнего резерва была выведена Черноморовым по боковой тропе в свою очередь в тыл турок, зашедших перед тем нам в тыл справа. Остальные роты развернулись через Тарки.

Одновременно герой-казак хорунжий Хмара идет с нами в цепь со своими пулеметами, а конно-горные орудия штабс-капитана Гиберы выкатываются под пулеметным огнем на открытую позицию, теряют часть прислуги, но открывают огонь. Хорошо стреляли, хорошо отвлекали на себя огонь; последнее было чрезвычайно важно. Стояли в пятидесяти шагах правее вышеназванного сарая. Гибер просил меня записать действия этих орудий, что я с удовольствием и делаю.

Турки не приняли нашего штыкового удара. Они повернули и стали спешно уходить в леса, увлекая за собою и тех, кто занимал их кольцевую опушку; мы ее проходим своими цепями. Их пулеметный огонь прекращается быстро. На вылазке мы теряем убитыми и ранеными около 80 человек. Из перечисленных офицеров были ранены — легко Черноморов и Петров, они остались в строю, и тяжело в живот Евсеев, но поправился.

Наконец, за пулеметами постепенно умолкают и ружейные выстрелы. Начинает темнеть, и солдаты впервые разводят костры вокруг своей Тарки. Для меня они зажглись как-то сами собою. Ставить охранение было ни по настроению, ни по обстановке, ни по силам.

Только одни «Карс» и «Ардаган» возобновили огонь, прерванный на время вылазки. О них мне напомнил по телефону Мартынов. Я согласился, но уже на удлинённый прицел и по главной турецкой артерии.

До самой темноты они посылают свои мощные залпы по дальнему Кизил-Агачскому прицелу и своими дивными громовыми раскатами, оглушающим эхом, повторяемым в горах, вспышками разрывов, видимых на фоне темнеющих лесов, приятно напоминают собравшимся, что они тоже с ними.

Наступила ночь. Где-то высоко, высоко над головой на излете изредка проносятся никому не нужные пули, но скоро и они умолкают и на этот раз — навсегда.

Именно этим эпизодом, а не выходом турок к Петровску, и даже не подходом их к проволочным заграждениям, закончилось сражение, затеянное Иззетом после заключения всеобщего перемирия. Паника в порту, охватившая беженцев и солдат, прекращается суровыми мерами. Бежавшие солдаты возвращаются на фронт, занимают позиции западного сектора и тем смыкают линию кольцевых укреплений Петровска*.

Выход всех в контратаку из Тарки с орудиями и пулеметами был из последнего. Далее уже решала судьба: если наши силы действительно кончились, то то же оказалось и у Иззета. Те же его сподвижники, вспоминая «ад всех перемешавшихся огней», и нашего, и своего собственного, уверяли меня впоследствии, что в сражении под Петровском они расстреляли все патроны своих полевых и головных парков. Может быть, и так: вышедшие целыми из этих боев некоторое время оставались полуглухими.

Против развалин Тарки Иззет последовательно поднял на горный, лесистый Таркинский плацдарм и в конечном итоге развернул: всю 15-ю пехотную турецкую дивизию, команды пополнения закавказских татар, несколько дагестанских формирований и 2 тысячи чеченцев Али Митаева. Отдельные дагестанские отряды оставались внизу против других секторов.

---

* Оставшись в Тарки с уцелевшими солдатами, я отправил (с согласия Бичерахова) всех до одного офицеров в Петровск для водворения порядка в городе, на судах и привода солдат. Все эти офицеры были герои: после длинных боев, сейчас же после очень трудной контратаки, они спустились по тропам с гор: с расхोdivшимися нервами, имея дубину в одной руке, с револьвером в другой, они по два и даже по одному (Савич, Арский, Борисов) взбирались на суда, стреляли, ссаживали беженцев и солдат. Уже к середине следующего дня они вернулись на позиции с собранными солдатами. Турки молчали.

Ряд наших контратак (больших раздельных было четыре) и сосредоточенный огонь — главным образом артиллерийский — так и не допустили этим частям прорваться из лесов, в которых они перемешались. Человек исключительной храбрости, Иззет не был в решительном месте, а оставался с артиллерией на соседнем гребне. От захваченных пленных мы узнавали, что они изнемогают от усталости и жажды.

Через сутки, которые действительно проходят в мертвой тишине, мы с Бичераховым обсуждаем план будущих действий. Турки остановились и засели в лесах. Иззету не удалось нас сбросить в море или, говоря военным языком, взять Петровск открытой силой. Имея флот, обрекать себя на тесную осаду и пассивное сидение, то есть на верное самоубийство, или вести трудные для нас лесные бои через Тарки — не входит и никогда не входило в наши расчеты. Да это совсем не отвечает и новым задачам правительства прикаспийских областей. Наконец, можно было свободно выйти на север вдоль железной дороги, так как против северного сектора турок уже не было, но это значило бы оставить вопрос с Иззетом неразрешенным.

Мы решаем: пользуясь флотом и базируясь на Ленкорань, выйти на пути сообщения Иззета, захватить Баку.

По нашим планам, эта операция должна была привести к полному уничтожению Иззета. До сих пор стратегический выход на сообщения турок нами откладывался, так как нельзя было дробить сил. Теперь для всей массы революционно настроенных солдат он представлял единственно правильное решение, независимо от новых политических заданий, появившихся с окончанием войны. Странное положение: война с турками кончилась для союзников, но не для русских войск!

Мы эвакуируем 3 000 раненых и больных по портам Каспийского моря, сажаем при полном затишье на фронте весь отряд на 57 судов и производим десантную операцию на новое государство Азербайджан, только что построенное Турцией и превращенное в базу Иззета.

Всего с беженцами на суда посажено было более 60 000 человек. Беженцы — главным образом армяне из Эривани и Баку. Погрузили все — до последнего парка и обоза.

Русские войска с представителями союзников и их командами высаживаются прямо в столице Азербайджана — Баку, чем лишают турок базы и их единственной коммуникационной линии, идущей через Баладжары на Закавказье. Мы захватываем громадные склады и запасы снарядов, военного и интендантского снаряжения. Усиливаем личный состав. Через два дня часть отряда садится в поезда, спускается по коммуникационной линии Иззета, в Петровск, а 30 ноября высаживается на его вокзале.

Флот прикрывал десантную операцию с севера. Коммерческие пароходы «Каспий» и «Орленок», вооруженные пушками, вступают в бой у Старо-Теречной с четырьмя вооруженными кораблями большевиков, топят один из них, выводят из строя другой, после чего двое оставшихся поворачивают и уходят в Астрахань. «Орленок» загорается, но успевает справиться с пожаром. Генерал барон Арисгофен, ехавший к нам для связи от Добровольческой армии, попал случайно на «Орленка»; получив свое морское огневое крещение, он восторженно отзывался мне о действиях матросов в этом бою против большевиков.

Каспийский флот в очень трудных условиях выполнил операции переброски базы в Ленкорань и десанта в Баку. Буря, разразившаяся в открытом море, не нарушила планомерности в проведении решающего стратегического хода. Главноначальствующий флотом В. Г. Воскресенский показал всю свою находчивость, исключительную энергию и распорядительность.

Как мы рассчитывали, наш выход на пути сообщения Иззета сильно охлаждает воинственный пыл последнего. Он отказывается от плана завоевать Северный Кавказ и от провозглашения самостоятельной Горской республики. Сам Иззет с эмиссарами уходит горами в Турцию, а турецкие войска, после коротких переговоров, эвакуируются, но уже не на 25 верст назад, а через Баладжары по Закавказской железной дороге в Малую Азию.

Несколько главарей-горцев, сподвижников Иззета, запросили меня через своих родственников: «Могут ли они приехать в Баку с тем, что не будут арестованы?» Фамилии не имеют значения. Еще за год перед тем мы вместе, как бра-

тъя, ездили в Екатеринодар открывать Русский Юго-Восточный Союз.

Мой штаб волновался. Я ответил: «Могут». Новые задачи, новая политическая обстановка. Я считал, что не мы будем проводить границы России, а будущие поколения.

Я знал, что запросившие меня горцы не верили в будущую независимость своих народов, а ошибочно поддались к туркам, думая защититься от большевиков. Много раз перед тем они сами мне говорили, что неприступный Кавказский хребет с юга создает такие условия, при которых Северный Кавказ должен и может жить вместе только со своими северными соседями, и что они не хотят его превращать войной «во вторую Галицию». Однако несколько иначе звучало их и Иззета письмо, посланное в день боя 13 октября из Дербента в Петровск — Бичерахову, в котором они писали обо мне и приводили свою расценку моих боевых действий.

В Баку я принял их молча, стоя, заложив руку за спину. На всякие их приветствия я спросил: для чего они с Иззетом, после заключения мира, убили моих лучших офицеров и солдат и где теперь их турецкие войска? Они просили забыть, но ведь это невозможно: павшим на поле чести ставят памятник славы.

В литературе указывают, вероятно, за отсутствием точных данных, что турки ушли с Северного Кавказа вследствие окончания Европейской войны — 11 ноября 1918 г. и даже из-за занятия нашими союзниками Закавказья. Как можно усмотреть из приведенных выше фактов, Иззет-паша был только на пороге Северного Кавказа; сверх того, ввиду специальных заданий и соглашений, Иззет именно не признал всеобщего перемирия; результатом этого и явились кровопролитные бои, разыгранные именно после всеобщего перемирия.

Наконец, возвращение Иззета через горы в Турцию и прекращение войны были вызваны не занятием Закавказья союзниками, которые, кстати, его никогда не занимали, а захватом русскими войсками (десантом на Баку) всей базы и коммуникационных линий Иззета.

И как раз наоборот, составлявшие Закавказский край того времени республики Азербайджан и Грузия (не считая Армении) значительно содействовали планам Иззета, кото-

рый должен был построить буфер между ними и Россией (то же, выражаясь языком горцев: превратить Северный Кавказ во вторую Галицию).

В Азербайджане содействие это выражалось в превращении всей республики целиком в базу Иззета. Содействие Грузии, дипломатическое, восходит еще к самому началу — к отправлению мусульманской делегации к турецкому султану.

Наша высадка в Баку вызвала немалое волнение в Закавказье и весьма обострила антирусскую политику сепаратистских группировок этих двух республик; последние не только не составляли угрозы Иззету, но, естественно, продолжали более чем когда-либо оставаться его союзниками.

Наш противник Иззет в своих официальных письмах, его горцы отводят вышеуказанным операциям русских войск соответствующее им место. Большевики вносят путаницу, но хорошо помнят Бичерахова, что видно хотя бы по кратким заметкам в номерах «Красного Архива».

Наряду с этим, в вихре страстей разных изданий, от периода Бичерахова осталось пустое место.

Между тем Бичераховская глава, русскую кровью написанная, имела свое определенное значение как конца обще-европейской войны (хотя бы моральное), так и в истории русской революции.

В развитии гражданской войны Бичерахов получил весь флот Каспийского моря и почти весь Каспийский бассейн, отбитый им у большевиков. Стратегическое положение освобожденных областей, богатства территорий и войска, связанные флотами коммерческим и военным, делали их большим русским центром всей окраины в течение половины 1918 года и начала 1919 года.

Следы остались — могилы русских войск тянутся по длинному пути из далекой Персии до высот Тарки-Тау. По ним поднялся упавший трехцветный флаг. Это появление национальных цветов вызывало моральный подъем далеко, далеко за периферией нового центра, откуда устремлялись к нему живые силы.

Бичерахов усилил Русское Национальное движение на Каспии, его возглавил и канализировал. Совершенно реально он имел войска, один сражался с турками, один щедрой рукой во многих миллионах оказывал материальную помощь казачьим областям уральцев и терцев, поддерживал деньгами Русское Дело в

Закавказье и восстания Андраника в Армении, перебрасывал патроны кубанским и кабардинским партизанам и т. д.

Да и в самом Баку, занятом турками, резню армян предотвратили те же русские пушки, наведенные с кораблей Воскресенского, и угроза его по заложникам — пленным на острове Наргене.

С потерей большевиками прикаспийской территории вся советская Россия лишилась нефти, невзирая на прекращение для нее Европейской войны, благодаря соглашениям с турками, продолжавшими питать нефтью многие английские части в Персии и бичераховский флот, последний непрерывно применял ко всей территории Совдепии действительные нефтяные санкции*.

Наконец, на фронте с Большой войны против турок наши русские войска выполнили свои задания: оттянули значительные силы, прикрыли пути в Индию, а маневром на Баку — справились с турками собственными штыками. Они не пропустили корпус Иззета пройти на Северный Кавказ, где Иззет должен был поднять давно подготовленное восстание.

Такой итог войны признавал противник.

Без этих войск турки вышли бы на Терек в августе 1918 г., и только упорными боями был сорван план их — отбросить русских за Кубань, на которой только что начинала действовать еще маленькая Добровольческая Армия.

Казачьи станицы, русские поселения Северного Кавказа, таким образом, перешагнули в будущее, оставаясь на тех местах, где были раньше.

Весь период прошел в огне, был очень многогранным, а длиною от войны в Месопотамии — до боев кораблей Воскресенского у Старо-Теречной. Эти значительные операции не вместить в короткие строки, я вернусь к ним в моей следующей книге.

Приводить другие жуткие подробности этой эпопеи в свете международной политики — еще преждевременно.

Наш союзник, английской службы генерал Томсон говорил мне в Баку, что требовал через свое главное командование ареста и предания Иззета-паши суду Международного трибунала. Я не знаю, какие последствия имели эти требования.

---

* Вопреки известным усилиям Ленина повлиять на турок через немцев (отмечено в «Красном Архиве»).

Был бы рад узнать о них хотя бы теперь.

Ведь как ни замалчивать, а мировая война для этого отряда русской армии закончилась уже после общего мира, заключенного союзниками.

Именно после 11 ноября 1918 года — этой счастливой для союзников даты — русские войска прошли через тяжелые бои, потеряли своих лучших воинов на внешнем фронте союзников.

Не признаваемые турками и немцами за русских, давно забытые, безвестные герои отдали жизнь за честь своего русского имени.

Да будут им эти строки моим венком на могилу.

Полковник Б. Никитин

Биографическая справка о Б. В. Никитине

Никитин Борис Владимирович (1883—1943). Сын генерала от артиллерии Никитина Владимира Николаевича. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Институт путей сообщения в 1907 и академию Генштаба 1914—1915. Служил в Л.-Гв. 1-й артиллерийской бригаде, а по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Был произведен в капитаны (со старшинством с 15 июня 1913). С начала Первой мировой войны был старшим адъютантом штаба Кавказской Туземной конной дивизии, с февраля 1916 — старшим адъютантом штаба 2-го кавалерийского корпуса, 30 ноября 1916 назначен помощником старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. С 12 марта 1917 становится начальником контрразведки Петроградского военного округа, с начала июня 1917 — генерал-квартирмейстером штаба того же округа (с оставлением в его ведении контрразведки).

В конце июля 1917 назначается начальником разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба, а в начале сентября — начальником штаба Кавказского Туземного конного корпуса, с которым вскоре отбыл на Кавказ, где позже был начальником контрразведки Кавказского фронта. Полковник. Участник Белого движения на Кавказе; с 1918 по февраль 1919 командующий полевыми войсками отряда ген. Л. Ф. Бичерахова в Дагестане. В эмиграции проживал во Франции, где состоял членом объединения Л.-Гв. 1-й артиллерийской бригады, а также был председателем Союза инженеров. Умер 11 августа 1943 г.

Доктор исторических наук С. В. Волков

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

МАТЕРИАЛЫ ТЕЛЕГРАФНОГО КОНТРОЛЯ В ПЕТРОГРАДЕ ВЕСНОЙ—ЛЕТОМ 1917 Г.

В данном приложении впервые полностью воспроизводятся материалы телеграфного контроля контрразведки за обменом телеграммами между большевиками в Петрограде и их агентами в Скандинавии в апреле—июне 1917 г. Данный массив документов хранится в бумагах Российского паспортно-контрольного бюро в Копенгагене, входящих в состав коллекции российского военного атташе в Дании генерала С. Н. Потоцкого¹, в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Пало Алто, США). Часть этих материалов (69 телеграмм) была впервые опубликована в книге американского историка С. Ляндреса², однако это издание остается практически недоступным для российских читателей. Первым из отечественных исследователей телеграммы в коллекции Потоцкого независимо обнаружил петербургский историк К. М. Александров³.

По данным С. Ляндреса, машинописные копии материалов телеграфного контроля были присланы в Российское военное представительство в Копенгагене из Центрального контрразведывательного отделения Главного управления Генерального штаба — для сбора информации о лицах, упомянутых в телеграммах и находящихся в Скандинавии⁴. В этих материалах отдельный (второй) раздел, озаглавленный «Телеграфный контроль. Петроград. 28.VI.17»⁵, составляют 66 телеграмм, совпадающих с теми, которые были отобраны для обличения прогерманской деятельности большевиков и переданы во время июльского восстания 1917 г. министром юстиции П. Н. Переверзевым Г. А. Алексинскому для публикации в прессе. Последний напечатал их в двух обличительных статьях⁶. С. Ляндрес сообщает, что еще две точные копии того же набора телеграмм он обнаружил и в российских архивах⁷ и считает это подтверждением их подлинности⁸.

Материалы представляют собой 20 листов машинописных копий телеграфной корреспонденции между Петроградом и различными адресатами в Скандинавии, проживавшими в Стокгольме, шведском курортном городке Сальтшэбадене (Saltjöbaden), Христиании (ныне Осло) и др. В оригинале фамилии отправителей телеграмм и их адресатов напечатаны заглавными буквами, а также подчеркнуты красным карандашом. Весь текст состоит из 3 разделов, каждый из которых напечатан с новой страницы. В первом разделе собраны телеграммы, отправленные в апреле—мае, в третьем — в июне 1917 г. (без нумерации). Второй раздел содержит 66 пронумерованных телеграмм, отправленных в апреле—июне 1917 г. и совпадающих с опубликованными Г. А. Алексинским в июле 1917 г. Дата отправления на международных телеграммах указывалась по новому стилю (принятому в западных странах), опережая, таким образом, дату действовавшего в России календаря на 13 дней. Этим объясняется, в частности, тот факт, что во втором разделе, имеющем в заглавии дату 28 июня 1917 г. (по ст. ст.), содержатся телеграммы, на которых указаны даты вплоть до 9 июля (по н. ст.). В первом и третьем разделах телеграммы упорядочены по адресатам, во втором — хронологически. Следует также отметить, что форма записи телеграмм во всех трех разделах различается — можно предположить, что они были подготовлены к печати разными людьми, а затем перепечатаны вместе, на одной машинке. Для удобства в нашей публикации введена (в квадратных скобках) нумерация телеграмм в первом и третьем разделах, которой нет в оригинале.

29 телеграмм, опубликованных Б. В. Никитиным в его книге⁹, соответствуют следующим телеграммам из раздела II: 3, 10, 12, 13, 18, 21, 23, 26, 30, 34, 37, 43, 44, 51, 52-66. Эти 29 телеграмм, перехваченных французской контрразведкой, были переданы Никитину в июне 1917 г. капитаном Пьером Лораном¹⁰. Следует отметить небольшие расхождения в двух вариантах текстов этих 29 телеграмм, которые объясняются различными вариантами их перевода с французского, являвшегося в то время официальным языком телеграфной переписки. По мнению С. Ляндреса, большая часть телеграмм, копии которых позже были присланы в Копенгаген, была в последних числах июня 1917 г. по распоряжению П. Н. Пе-

реверзева передана Центральной контрразведке с Центрального Петроградского телеграфа (где хранились телеграфные ленты)¹¹. При этом были отобраны телеграммы, отправленные в апреле—июне 1917 г., в которых упоминались «лица, заподозренные в сношениях с Германией»¹².

Примечательно, что некоторые из 66 телеграмм второго раздела совпадают (лишь в несколько ином варианте перевода с французского) с телеграммами из других разделов. Это может быть свидетельством того, что телеграммы поступали из разных источников, где и переводились несколько по-разному. Перечислим пары идентичных телеграмм (римские цифры обозначают номер раздела): I.14 — II.7; I.15 — II.6; II.29 — III.12 (также совпадает с телеграммой II. 32, но с другой датой — возможно, была отправлена повторно); II.34 — III.20 (а также № 10 из книги Никитина); II.36 — III.13; II.38 — III.16; II.39 — III.21; II.44 — III.18 (а также № 13 из книги Никитина); II.47 — III.14; II.48 — III.19. Это дает определенное преимущество: сопоставляя телеграммы из раздела III, в которых явно указаны время и дата отправления, с их аналогами в разделе II, где в начале телеграммы указан лишь набор чисел (например, III.18 и II.44), можно установить, что обозначают эти числа в разделе II: номер телеграммы, количество слов, дата и время отправления.

В раздел I входят, в частности, 12 телеграмм, адресованных журналисту И. И. Колышко (или «публицисту К.» из книги Никитина, см. Предисловие к настоящему изданию). Наблюдением за его подозрительной деятельностью петроградская контрразведка занималась с момента его приезда в Петроград из Стокгольма в апреле 1917 г. и до его ареста 23 мая, когда при обыске у него был обнаружен проект сепаратного договора с Германией¹³. В этот период английские коллеги Никитина в Стокгольме передали ему перехваченные телеграммы, написанные Колышко, а в материалах из коллекции Потоцкого, публикуемых ниже, оказались, наоборот, телеграммы, адресованные ему (I.16—I.27). Примечательно, что и в тех, и в других встречается слово «машины», которое по заключению контрразведки обозначало крупные денежные суммы¹⁴. Как было установлено петроградской контрразведкой, Колышко вел переписку с некоей госпожой Брейденбейд в Стокгольме, кото-

рая была с ним «интимно связана», и, по сведениям английской разведки в Стокгольме находится в постоянном контакте с немецким Генеральным штабом»¹⁵. Документальное подтверждение агентурной деятельности И. И. Кольшко в пользу Германии появилось уже десятилетия спустя, в публикациях материалов из германских архивов¹⁶.

По мнению С. Ляндреса¹⁷, телеграммы III.4 и III.9 попали в этот набор по ошибке (в них упоминались однофамильцы подозреваемых лиц).

В связи с переводом текста телеграмм с французского наблюдаются разночтения и ошибки в фамилиях, названиях улиц и др. Одно из заметных разночтений: Стецкевич в II.10 и Станкевич в аналогичной телеграмме № 2 в книге Никитина; Крэзшковский в II.56 и Кржесковский в № 19 у Никитина. С. Ляндрес на основе подробных архивных исследований сообщает следующее: в первом случае правильным является вариант из коллекции Потоцкого: Стецкевич Мария Ивановна, член с.-д. партии и давняя знакомая Я. Фюрстенберга, совершавшая поездки из Петрограда в Стокгольм по делам большевиков и задержанная в мае 1917 г. в Торнео¹⁸. Во втором случае следует считать правильным вариант у Никитина: Казимир Кржесковский (Krzczkowski или Krzeczecowski), управляющий одесской компании «Гагарин и К^о», имевшей контакты с Фюрстенбергом¹⁹. Из-за отсутствия мужского и женского рода в записи фамилий на французском, фамилия подруги А. Коллонтай Зои Шадурской (вероятно, Shadursky), оказалась переведенной в мужском роде («Шадурскому»). Не останавливаясь далее на перечислении разночтений, предоставим возможность заинтересованным читателям самостоятельно продолжить изучение впервые публикуемых в России телеграмм из коллекции С. Н. Потоцкого.

Материалы телеграфного контроля воспроизводятся ниже в факсимильном виде, а затем — в современной орфографии.

Благодарим сотрудников Архива Гуверовского института, и лично Р. Булатова, за помощь в работе с архивными фондами и любезное разрешение опубликовать данные материалы.

Примечания

¹ S. N. Pototskii collection papers. Series: Office file of the Russian Imperial passport control office, Copenhagen, 1917–1920. Box 28, file 20 (Bolsheviks and Germany, reports), pp. 44–65. Hoover Institution Archives (HIA). (Коллекция С.Н.Потоцкого, ф. «Документы Российского паспортно-контрольного бюро в Копенгагене. 1917–1920 г.», коробка 28, дело 20 («Германия и большевики»), лл. 44–65. Архив Гуверовского института. О С. Н. Потоцком см. Приложение 2 к настоящему изданию.

² Lyandres S. The Bolshevik's "German Gold" Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusations. Pittsburgh, PA, 1995 (К пересмотру проблемы «немецкого золота» большевиков). С. 19–91.

³ Александров К. М. Октябрь для кайзера. Заговор против России в 1917 г. // Посев, 2004, № 1–2.

⁴ Lyandres S. Указ. соч. С. 9.

⁵ Collection Pototskii, Box 28, file 20, pp. 50–59. HIA.

⁶ Без лишних слов, № 1, 11 июля 1917 г., с. 3–4; № 2, 19 июля 1917 г., с. 3. С. Ляндрес указывает, что это издание хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, США (Коллекция Г. Алексинского, коробка 17).

⁷ ГАРФ, ф. 1826, оп. 1, дд. 14, 15; РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 3, л. 39, Дело № 87 Центрального контрразведывательного отделения ГУГШ.

⁸ Lyandres S. Указ. соч. С. 12, 114.

⁹ Никитин Б. В. Роковые годы (Новые показания участника). Париж. [Le Polonais en France], 1937. С. 112–114.

¹⁰ Никитин Б. В. Указ соч. С. 111.

¹¹ Lyandres S. Указ. соч. С. 9, 17.

¹² Pototskii collection, Box 28, file 20, p. 60. HIA.

¹³ Любимов Л. Июльское восстание большевиков. Беседа с Б. В. Никитиным // Возрождение (Париж). 1929, 27 апреля. С. 2–3; Никитин Б. В. Указ соч. С. 65–76, 104.

¹⁴ Никитин Б. В. Указ соч. С. 65–66, 73.

¹⁵ Никитин Б. В. Указ соч. С. 66–67. См. также: Троцкий И. Со ступеньки на ступеньку (к портрету И. И. Колышко) // Новое Русское Слово (Нью-Йорк), 2 декабря 1962 г.

¹⁶ Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from archives of the Foreign Ministry. Edited by Z. A. V. Zeman. London, New-York: Oxford University Press, 1958. С. 92. См. также: Аронсон Г. Чемпион сепаратного мира (по новым данным немецких архивов) // Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1963, 26 декабря.

¹⁷ Lyandres S., Указ. соч. С. 14–15.

¹⁸ Lyandres S., Указ. соч. С. 30.

¹⁹ Lyandres S., Указ. соч. С. 26.

No.

No.

Navn

Hejmdal Dokumenthæfter

№ 2002

Indhold:

Германия

и

Большевики

Beskriv

20

Beskriv

Внешний вид папки из коллекции С. Н. Потоцкого, в которой в числе других хранятся документы Российского паспортно-контрольного бюро в Копенгагене за 1917–1920 гг. (коробка 28, дело 20)

Правда. Петроградъ.
23-го мая 1917 г.

Изъ Стокгольма, 7I III 22 20 50

Четвертая. Стенограммы рѣчи АДЛЕРА посылаемъ открыто. Говорилъ за революцію противъ социаль-патріотовъ называя лидера своей партіи орудіемъ контръ-революціи, разобла- чалъ Стокгольмскую конференцію затѣю агентоу правительствъ послѣ приговора воскликнулъ здравствуетъ революціонный интернаціональ. Судѣ улицъ демонстраціи аресты, РЕННЕРЪ здѣсь увѣряетъ будетъ помилованъ это сомнительно совдеп собранія пусть протестуютъ намъ присылайте этомъ теле- граммамъ. Штутгарте арестованы редакторъ социаль-демократа РЮКЪ, представитель лѣвыхъ ГЕРМАНЪ; Забастовки Англии растутъ правительство угрожаетъ каторгой больше аресты таймс пишеть это необыкновенныя забастовки это выраженіе общаго неудовольствія "Журналь Дѣба" считаетъ ТЕРШЕНКО челоукомъ "согласія" отказъ Россіи завоевательныхъ цѣлей ничего не измѣняетъ политики согласія. Депутатъ..... АНДЕРСОНЪ докладываетъ парламентъ революціонномъ..... рабочихъ стожновеніяхъ бюрократіей тредсъ- уніоновъ ГЕНДЕРСОНЪ принужденъ поэтому отложить поѣздку Россію.

25-го мая 1917 г.
Правда, Петроградъ.

Сальтшэбаданъ 2109/25 IO 25/5 IO 5.

Послѣ ЛЕНИНЪ сейчасъ поговорить КОЗЛОВСКИМЪ дѣлу КУВЫ.

5-го мая 1917 года.

РВИНИШТЕЙНЪ 4-ая Рождественская 8, Петроградъ.

Стокгольмъ 131/5 II 4/5 22 55

Присылайте денегъ сколько можете пріѣду возврашу.

13-го мая 1917 г.

РУВИНШТЕЙНЪ Рождественская 8, Петроградъ.
Стокгольмъ, 144 9 12/5 23 20.
Телеграфируйте необходимъ ли мой прїездъ.

20-го мая 1917 г.

РУВИНШТЕЙНЪ 4 Рождественская 8, Петроградъ.
Стокгольмъ 421 10 19/5 14 35.
Ожидаю вашего прїезда пишите телеграфируйте.

25-го мая 1917 г.

Ряршь РУНГЪ Гельсингфорсь
Стокгольмъ, I 26/5 25 II 24/5 17 50
Письмо 98/5 переведите немедленно телеграфно
30910 кронъ. РУВИНШТЕЙНЪ.

10-го мая 1917 г.

Кирочная 12 Петроградъ ПОЛЫНОВА-КОЛЛОНТАЙ.
Христіанія 385 10 19 10/5 13 55.
Остаеть Христіаніи у Эрики Счастлива Сообщи Въръ
Новенскій 4 мамъ пиши обнимаемъ. Зоя, Эрикъ.

14-го мая 1917 г.

Абраму ЖИВАТОВСКОМУ Конногвардейскій Петроградъ
Христіанія 119/14 17/16 13/5 14 05.
Послѣ мѣсячнаго плѣна у англичанъ прїѣзжаю Петроградъ
семьей 18-го мая. ТРОЦКІЙ.

16-го мая 1917 г.

Новжизнь, Петроградъ.

Стокгольмъ 319 47 16/5 16 30.

Мы прибыли въ Стокгольмъ 250 русскихъ эмигрантовъ въ
томъ числѣ НАТАНСОНЪ, ТЕТАНЪ, МАРТОВЪ, ЛАПИНСКІЙ, РЯЗАНОВЪ,
АВРАМОВИЧЪ Убѣжденные невозможности проѣхать черезъ Ан-
глию ввиду политическихъ препятствій были вынуждены про-
ѣхать черезъ Швецію немедленно безъ визы про-

20
твѣ всякаго имперіализма приближаемся съ радостнымъ
біеніемъ сердца свободной родинѣ досвиданія ЛУНАЧАРСКІЙ.

19-го мая 1917 г.

Советъ рабочихъ депутатовъ Кіевъ
Стокгольмъ' 138/19 22/20 18/5 19/30
Братскій привѣтъ для украинской социаль-демократіи
отъ украинскаго социаль-демократическаго депутата вѣн-
скаго парламента Семень ВИТЪКЪ Стокгольмъ, отель
Континенталь.

19-го мая 1917 г.

Министру КЕРЕНСКОМУ для Виктора Чернова, Петроградъ
Вольнесъ 8/19 24 19/5 7 20
Робертъ ГРИММЪ сопровождаетъ насъ примите всѣ мѣры
для его пропуска Торнео безусловно необходимы телеграфи-
руйте срочно консульство Капаранде ВОВРОВЪ.

25-го мая 1917 г.

СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36.
КОЗЛОВСКОМУ Сергіевская 81, Петроградъ.
Сальтшбаденъ 2108/25 24 25/5 13 5
Телеграммы пришли.. если выѣзда будетъ субботу
утромъ Капаранда передала ему ваши телеграммы прервать
вѣстествовія не можетъ.

16-го мая 1917 г.

Д-ру БРОНШТЕЙНЪ Малоохтенскій пр. 56, Петроградъ.
Неснѣ 376/15 -20 15/5 16 50.
Прібыли Стокгольмъ. Будемъ у васъ будущей недѣль
сообщите роднымъ Нади цѣлуемъ. Надя, Сема БРОНШТЕЙНЪ

7-го мая 1917 г.

ГАГАРИНУ Одесса

Сальтшбаденъ 427/7 17 7 10

Современно 15.000 получилъ письма нѣтъ телеграфи-

Сальтшбаденъ 427/7 17 7 10

адресъ Сальтшбаденъ ФОРСТЕНБЕРГЪ.

7-го мая 1917 г.

РОЗЕНБЛИТЪ, Петровка, 17, Москва.

Сальтшбаденъ 489/7 21 1/5 10

Телеграфируйте немедленно, какое количество получили оригинала карандашей какое продали точную отчетность пришлите письменно. Телеграфный адресъ Сальтшбаденъ ФОРСТЕНБЕРГЪ.

3-го мая 1917 г.

Иосифу КОЛЫШКО, русское министерство, Петрогр.

Стокгольмъ 343/3 21 3 17 45

БЪЕРНЕБОРГЪ только что прислалъ 2.760 кронъ которыя внесъ для васъ въ Центральбанкъ. ФЕРЪ.

8-го мая 1917 г.

Иосифу КОЛЫШКО, Петроградъ, канцелярія мин. фин.

Стокгольмъ, 359/8 24 8/5 16 10.

БЪЕРНЕБОРГЪ только что уплатилъ 2.760 кронъ внесенныхъ для васъ въ Центральный банкъ. ФЕРЪ.

8-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО Европейская гостинница, Петроградъ.

Стокгольмъ 470/7 II 7 16 30

Прошу немедленно телеграфировать помѣстите когда ..... ТИШЬ.

9-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО Европейская гостинница Петроградъ.

Стокгольмъ 226/9 22 9/5 15 40.

Благодарю телеграммы дѣло о машинахъ сообщу Ивулину намъ недостають оплачиваемъ ждемъ и Вубу нужно обни-

12-го мая 1917 ⁴⁸

КОЛЫШКО Европейская гостиница, Петроградъ.

Стокгольмъ 484/II 17 II/5 19 45

Телеграмма 8 сегодня получена ждемъ подробности
письмомъ Атлантика адресъ для телеграммъ СИХА.

13-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО Европейская гостиница, Петроградъ.

Стокгольмъ, 235/13 21/20 13 10 13/5

Машины приготавлиють отправкѣ теченіе недѣли телегра-
фируйте увѣрены вы въ хорошемъ результатѣ дѣло типографія
когда ожидать представителей привѣтъ ГУРЕВИЦЪ.

16-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО Европейская гостиница, Петроградъ.

Стокгольмъ 218/15 32 15/5 14 10

СУНДБЕРГЪ и Центральный банкъ постоянно несогласіи
рекомендуетъ осторожность и яснѣя вѣрныя слова обимъ
противномъ случаѣ рискуемъ неудачей дѣла желанъ мужества
такой работѣ цѣлюю со всей любовью.

19-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО Европейская гостиница, Петроградъ.

Стокгольмъ 300/19 13 19 16 40

Перевозъ вывозъ пароходомъ воспрещенъ благоволите
постараться продать медикаменты сардинны МАНИНЯКЪ.

20-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО Русское Слово

Стокгольмъ 2027/20 25 20/5 II 04 Срочно.

Абсолютно невозможно работать съ Центральбанкомъ
СУНДБЕРГЪ тоже время постоянно несогласіи необходимо теле-
графировать, срочно твое рѣшеніе все готово сдать Поцѣлуи...

9

25-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО, Европейская гостинница, Петроградъ.
Стокгольмъ, 84/25 9 25/5 12 05.

Телеграфируйте какъ дѣло цинкомъ ТИШЬ.

25-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО, Европейская гостинница, Петроградъ.
Стокгольмъ, 70/25 25 25/5 II 50

Благодарю милыя письма страдаю всей душой съ
тобой но не теряю мужества рѣшай между СУНДВЕРГОМЪ
и Центральбанкомъ сердце Жубу всецѣло принадлежить
Юнлику.

31-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО, Европейская гостинница, Петроградъ.

..... 95/31 27 31/5 2 55.

Надѣюсь все хорошо устроится Анисъ довольна
твоей телеграммой очень безпокоилась о тебѣ ты забы
лаешь твою Бубу - поцѣлуй привѣтствія ЗИВЕТХЕНЬ

Телеграфный Контроль.

Петроградъ.

28.VI.17.

1. Сальтшбаденъ, 389/4 18 4/5 16 25.
СУМЕНСОНЪ, Надеждинская 36 Петроградъ.
Номеръ 127 больше мѣсяца безъ свѣдѣній деньги край-
не нужны новый телеграфный адресъ Сальтшбаденъ
ФЮРСТЕНБЕРГЪ.
2. Сальтшбаденъ, 438/7 28 7/5 10.
СУМЕНСОНЪ, Надеждинская 36. Петроградъ.
Номеръ 128 получилъ 84/85 телеграфируйте какое коли-
чество термогросъ какой цѣнѣ продать тогда отвѣчу
сколько еще осталось отчетности давно нѣтъ телегра-
фируйте всегда уплоченнымъ отвѣтомъ.
3. Сальтшбаденъ, 388/4 9 4/5 16 25.
УДЬЯНОВОЙ, Широкая 48/9 петроградъ.
Новый телеграфный адресъ Сальтшбаденъ ФЮРСТЕНБЕРГЪ
4. Сальтшбаденъ 390/4 4/5 10 16 25.
ПОЛНОВОЙ-КОЛОНТАЙ Кирочная 12 Петроградъ.
Новый телеграфный адресъ Сальтшбаденъ ФЮРСТЕНБЕРГЪ
5. Сальтшбаденъ 341/4 9 4/5 16 25
КОЗЛОВСКОМУ Сергѣевская 81 Петроградъ.
Новый телеграфный адресъ Сальтшбаденъ ФЮРСТЕНБЕРГЪ.
6. Сальтшбаденъ 489/7 21 7/5 10
БОЗНИКОВЪ Петровка 17 Москва.
Телеграфируйте немедленно какое количество получили
оригинала нарандашей какое продать точную отчетности
примлите письменно телеграфный адресъ Сальтшбаденъ
ФЮРСТЕНБЕРГЪ.
7. Сальтшбаденъ 427/7 17 17/5 10
ГАГАРИНУ Одесса.
Сальтшбаденъ 14 18 000 получилъ письма нѣтъ теле-

- графируйте что остальными деньгами или грузомъ телеграфный адресъ Сальтшбаденъ ФОРСТЕНБЕРГЪ.
8. Сальтшбаденъ 434/7 33/32 7/5 10 7
КОЗЛОВСКОМУ Сергѣевская 81 Петроградъ.
 Телеграмма неудовлетворительна долженъ знать сколько РОЗЕНБЛИТЪ получилъ оригинала карандашей какое количество продать безобразіе не присылаетъ никакого отчета куда перевелъ деньги пріѣхалъ бы на 2/3 недѣли можно ли телеграфируйте всегда уплоченнымъ отвѣтомъ.
9. 1905 Стокгольмъ 235/9 29 - 8/5 15 50
УЛЬЯНОВОЙ Широкая 48/9
КОЗЛОВСКОМУ Сергѣевская 81 Петроградъ.
ЛЕНИНУ ГААЗЕ ЛОНГЭ участвуютъ конференціи СПАРТАКУСЪ отказалъ точка здѣшніе Молодые приглашаютъ Ц.К. конгрессъ тринадцатаго строчите что дѣлать имени Ц.К. обоихъ случаяхъ.
10. 1874 Стокгольмъ 256 / 10 43 9/5 19 30
КОЛЛОСТАЙ Исполнительный Комитетъ Таврической,
КОЗЛОВСКОМУ Сергѣевская 81 Редакція Правды Петроградъ.
СТЕНЧЕВИЧЪ отобрали Торнео все сдѣлали личный обыскъ протестуйте требуйте немедленной высылки намъ отобранныхъ вещей не получили ни одного номера Правды ни одной телеграммы ни одного письма пусть Володя телеграфируетъ прислать ли какомъ размѣрѣ телеграммы для Правды ГАНЕЦКІЙ.
11. Петроградъ Госуд. Дума 138660 13 4 15
ШАДУРСКОМУ Лались 74 Бульваръ Шаронъ Парижъ.
 Все благополучно беспокоюсь адресуй письмо Танѣ.
КОЛЛОСТАЙ.
12. Петроградъ. 374201 20 10/5 13 35.
ФОРСТЕНБЕРГЪ Стокгольмъ Сальтшбаденъ.
 Номеръ 86 получила Вашу телеграмму 127 ссылаюсь мою телеграмму 84/85 сегодня опять внесла двадцать тысячъ вмѣстѣ семьдесятъ. СУМЕНСОНЪ.
 Петроградъ 170560 II 10/5 18 52

ФОРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ Стокгольмъ.

Кой багажъ у МЕЛАМЕЛА пришлите съ Маріей. ВЕЛЕНИНЪ.

14. Копенгагенъ 105/II 30 II/5 15 6.

Отв. Упл. 100 ЛЕНИНУ главѣ социалистической партіи
Петроградъ.

"Политикенъ" радикальная газета дани проситъ Васъ телеграфировать ваше мнѣніе о предстоящемъ конгрессѣ международномъ социалистическомъ въ Стокгольмѣ и русскія условія окончательнаго мира. Политикенъ.

15. Петроградъ. 183560 13 12/5 10 30

ФОРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ Стокгольмъ

Пришли брошюру польскую хронику заграничную статью польскую бюллетень международный. КОЗЛОВСКІЙ.

16. Петроградъ 3160 12 14/5 16 48

ФОРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ Швеція.

Какой день ЦИММЕРВАЛЬДОВСКАЯ конференція телеграфируйте члену исполнительнаго комитета КОЛЛОМТАЙ.

17. Сальтшбаденъ изъ Москвы 528, 25 14/5 12 7

Срочная Якову ФОРСТЕНБЕРГЪ. Сальтшбаденъ

Получилъ оригиналъ тысяча девятьсотъ семьдесятъ граммъ продалъ двѣсти пятьдесятъ карандашей тридцать семь ящиковъ-и фрактъ на двадцать шесть всѣ продалъ. РО-ЗЕНВЛИТЪ.

18. Петроградъ, 310640 14 15/5 1 5 Отв.упл. 80

ФОРСТЕНБЕРГЪ. Сальтшбаденъ.

Приѣхалъ благополучно. Вълоостровѣ ожидали мечиславъ Франя семьями телеграммы КОЗЛОВСКАГО всѣмъ неосновательны.

Изъ Петрограда 17660 17 16/5 16 58

Владиславу Вольфъ 19, Эрлингъ Скьяльсонгсгаде Христианія. Жди меня въ Христианіи приѣду по дѣламъ 24 мая цѣлю КОЛЛОМТАЙ.

19. Изъ Стокгольма 308/18 21 18/5 10 25

КОЛЛОМТАЙ Вольфъ Петроградъ.

Въ Стокгольмѣ остановлена половому Іюня на дняхъ ѣду Пет-
роградъ. Владиславу Вольфъ сегодня отсюда увѣзаетъ между

- ними Гриша Таня Адольф ГАНЕЦНИИ.
21. Стокгольмъ, 447/18 14 18/5 14 30.
КОЗЛОВСКОМУ Сергіевская 81
СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36 Петроградъ
 На дняхъ ъду Петроградъ день сообщу КУБА.
22. Изъ Петрограда 098570 12 21/5 12 16
 - ШАДУРСКОМУ Ротгеймъ 19 Скьяльгсонгате Христиани;
 Моя поѣздка опять отложена когда ты приѣдешь
КОЛЛОНТАЙ Дегтярная 25 кв. 5.
23. Изъ Петрограда 48160 21 21/5 16 10.
ФЮРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ Стокгольмъ.
 Созовите какъ можно больше лѣвыхъ на предстоящую
 конференцію мы посылаемъ особаго делегата телег. ми
 получены спасибо продолжайте УЛЬЯНОВЪ ЗИНОВЬЕВЪ.
24. Изъ Петрограда 113401 18 22/5 15 2
 Отв. Упл. 10 Срочная ФЮРСТЕНБЕРГЪ Стокгольмъ
 Сальтшбаденъ.
 Номеръ 89 Юрисконсулътъ просить ни подъ какимъ
 видомъ не приѣзжать ждите письма СУМЕНСОНЪ.
СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36.
25. Стокгольмъ 72/23 23 22/5 20 45
 Совдеп КОЛЛОНТАЙ Петроградъ.
АДЛЕРЪ произнесъ блестящую рѣчь приговоренъ смер-
 ти высылаемъ Правдѣ подробную телеграмму пусть
 совдеп ..... другіе присылаютъ мой адресъ про-
 тесты поздравленія. ГАНЕЦНИЙ.
26. 220 Стокгольмъ, 10 23/5 12 50.
КОЗЛОВСКОМУ Сергіевская 81 Петроградъ.
 Всагаки воскресенья приѣзду тогда урегулируемъ
 МАНДАТЪ.
27. Стокгольмъ 302/25 9 25/5 16 50
 Александръ КОЛЛОНТАЙ Комитетъ рабочихъ и сол-
 датъ Петроградъ.
 Разрѣшеніе получено ЛИНДСАГЕНЪ.
 Сальтшбаденъ изъ Петрограда Гос. Дума 88460 9
 22/5.

Мы вполне согласны Ваславъ уѣхаль КОЗЛОВСКІЙ.

29. Христіанія Петроградъ 103260 14 31 5 17 4
ШАДУРСКОМУ Ротгеймъ Скьельсонгсгаде 19
Христіанія.

Лелуа /Леля/ прїѣзжаетъ когда ты прїѣдешь при-
вѣтъ обоимъ КОЛЛОНТАЙ.

30. 2038 Сальтшэбаденъ 290/21 14 31/5 11 25
КОЗЛОВСКОМУ Сергіевская 81 Петроградъ.

Семья Мели требуетъ нѣсколько тысячъ что дѣлать
газетъ не получаемъ.

31. Изъ Петрограда 245714 13 1/6 2 25
НЕСТЛЕ Фабрика Вевэ.

Что вы хотите сказать вашей телеграммой двадцать
девять СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36.

32. Христіанія Петроградъ 103260 14 3/6 17 4
ШАДУРСКОМУ Ротгеймъ Скьельсонгсгаде 19 Христіанія.

Лелуа /Леля/ прїѣзжаетъ когда ты прїѣдешь
привѣтъ обоимъ КОЛЛОНТАЙ.

33. Изъ Христіаніи 70 35 4/6 2 30

ПОЛННОВОЙ КОЛЛОНТАЙ Кирочная 12 Петроградъ.

Должна еще отдохнуть лѣчить зубы почему Вѣра ни-
чего не отвѣчаетъ моя телеграмма просила извѣстій
мамѣ 200 кронъ приглашала прїѣхать цѣлую всѣхъ
пишите прошу Лелю вспомнить бѣдную Адриановѣ Эрика
цѣлуетъ Зоя.

34. Сальтшэбаденъ Изъ Петрограда Гос. Дума 117670
32 5. 18 30.

Отв.упл. 15 Гиз ФОРСТЕНБЕРГЪ Сальтшэбаденъ.

Финансы весьма затруднительны абсолютно не-
льзя дать крайнемъ случаѣ пятьсотъ какъ послѣдній
разъ карандахахъ громадныя убытки оригиналь без-
надеженъ пусть Нрабанкенъ телеграфируетъ относи-
тельно военнхъ сто тысячъ СУМЕНСОНЪ. Сердечно го-
судъ цѣлуетъ КОЗЛОВСКІЙ.

35. 1902 Вевз 154/9 18 7/6 13
 Евгения СУМЕНСОНЪ 36 Надеждинская Петроградъ.
 Невозможно получить разрѣшеніе ввозъ въ Нью-Йоркъ
 не можемъ поставить въ настоящее время НЕСТЛЕ.
36. Изъ Петрограда Гос. Дума 129460 138/6 18 II
ШАДУРСКОМУ Ротгеймъ 19 Скьяльсонгсгаде Христіанія
 Вѣра уѣзала Кіевъ пошлю деньги завтра обнимаю
КОЛЛОМТАЙ.
37. Сальтшбаденъ 24/9 21 8/6 17 16
КОЗЛОВСКОМУ Сергіевская 81 Петроградъ.
 Первые письма получили Ива-Банкенъ телеграфиро-
 вать телеграфируйте кто Саломонъ предлагаетъ
 совмѣстное телеграфное агентство ссылается Броне-
 на САВЕНЬЕВА. АВИЛОВА.
38. Изъ Петрограда 335629 16 11/6. 19
 Отв. упр. 75. ФОРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ.
 Тр..... подтверждаемъ девять десять Ц.К. безус-
 ловно. проситъ участія Стокгольмскои конференціи
 напечатать 55 Правдъ.
39. Сальтшбаденъ 77/16 14 15/6 17 15
КОЗЛОВСКОМУ Сергіевская 81 Петроградъ.
Ива-Банкенъ требуетъ доплаты 15.300 кронъ дифе-
 ренціи залога причина упадокъ курса.
40. Христіанія изъ Петрограда 09128 14 15/6 14 10
ШАДУРСКОМУ Ротгеймъ 19 Скьяльсонгсгаде Христіанія
 Двѣсти кронъ послано отправитель КОЗЛОВСКІЙ
 устала обнимаю КОЛЛОМТАЙ.
41. Сальтшбаденъ 2258/19. 10. 19/8 21.
КОЗЛОВСКОМУ Сергіевская 81 Петроградъ.
 Требуемъ немедленнаго пріѣзда КУВЫ. ПОРЕМЕСКІЙ.
42. Сальтшбаденъ 2258/19 10 19/6 21
КОЗЛОВСКОМУ Сергіевская 81 Петроградъ.
 Требуемъ немедленнаго пріѣзда КУВЫ ПОРЕМЕСКІЙ.

43. Сальтшбаденъ 2232/21 II 21/6 II IO
 Срочная. СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36 Петрогр.
 Строчите могу ли сейчасъ приѣхать Генрихъ ждете.
44. Сальтшбаденъ Павловска. 220 IO 25/6 I 20
 Срочная ФЮРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ
 Смогу отвѣтить только концѣ недѣли. СУМЕНСОНЪ.
45. Сальтшбаденъ 2074 II 24/6 I 6 30
СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36 Петроградъ.
 Обратитесь Месиславомъ Татьянѣ Яковлевнѣ увѣренъ
 поможетъ.
46. Сальтшбаденъ 2073 20 24/6 I 6 30
КОЗЛОВСКОМУ Углихту Знаменская 37 Петроградъ.
 Непремѣнно соберите подписи рѣшите публикаціи
 оставляемъ вамъ совѣтуйтесь Володей здѣсь публич-
 но никто не выступалъ.
47. Изъ Петрограда 30160 II 25/6 I 2 40.
ФЮРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ.
 Немедленно телеграфно съ подд..... документъ
 оправдывающій КВУ Смутный.
48. Петроградъ. 260381 7 28/6 I 1 28
ФЮРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ.
 Надѣюсь получить ждите. СУМЕНСОНЪ.
СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36.
49. Петроградъ. 40660 57 29/6 I 3 3.
 Отв. упл. 80 ФЮРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ.
 Воскресенье манифестація всей революціи наши ло-
 зунги долой контръ-революцію четвертую Думу Госу-
 дарственный Совѣтъ империалистовъ организующихъ
 контръ-революцію вся власть совѣтамъ да здравству-
 етъ контроль рабочихъ надъ производствами воору-
 женіе всего народа на сепаратный миръ съ Балльгель-
 момъ на тайныхъ договоровъ съ французскимъ и ан-
 глийскимъ правительствомъ немедленное опубликованіе
 союзовъ действительно справедливыхъ условій мира
 противъ политичека наступленій клѣба мира свободы.

50. Христианія 79/3 II 22 45 .2/7
 Петроградъ Дегтярная 25 КОЛЛОМТАЙ.
 167 кронъ получила възжаю на будущей недѣ-
 ль ПАКРИАНДЪ
51. Изъ Павловска Петроградъ 365 IO 2/7 18 56
 Сальтшбаденъ ФОРСТЕНБЕРГЪ.
 Номеръ Девяносто внесла русско-азиатскій
 сто тысячъ. СУМЕНСОНЪ.
52. Петроградъ Гос. Дума 45860 15 2/7 15 37
 ПАКРИАНДЪ 19 Скьяльсонгсгаде
 Христианія.
 Иди меня Христианія я възжаю субботу въ
 Стокгольмъ КОЛЛОМТАЙ.
53. Изъ Петрограда 470640 23 5/7 14 17
 ФОРСТЕНБЕРГЪ Грандъ Отель Стокгольмъ.
 Увы пока мало шансовъ телеграфируйте можете
 ли долго ждать или предпочитаете прѣхать
 второй разъ мой призывъ пишите. СУМЕНСОНЪ
 Надеждинская 36.
54. Изъ Петрограда 58360 20 5/7. 12 46.
 ФОРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ.
 Вашу полученіи кампанія продолжается потребу-
 те немедленно образованіи формальной комиссіи
 для разслѣдованія дѣла желательнѣо привлечь
 ЗАСЛАВСКАГО официальному суду. КОЗЛОВСКІИ.
55. Изъ Стокгольма 2097/6 6/7 0 20
 СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36 Петроградъ.
 Последняя ваша телеграмма 28 дайте окончатель-
 ный отвѣтъ долже ждать не могу.
56. Петроградъ Сальтшбаденъ X/5788 IO 6/6 21 20
 ФОРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ.
 Считаю письмо въслать 5905 рублей внести СУМЕН-
 СОНЪ КРЗРЕШОВСКІИ Грандъ Отель улица Гоголя.
57. Стокгольмъ. изъ Петрограда 470340 IO 5/7 14 II
 ФОРСТЕНБЕРГЪ Грандъ Отель Стокгольмъ.
 Недавно приславать мнѣ хлопчатѣ СУМЕНСОНЪ

- 50
- Е. М. СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36.
58. Стокгольмъ Петроградъ 470440 I6 5/7 I4 I4
ФЮРСТЕНБЕРГЪ Грандь Отель Стокгольмъ.
 Мадемуазель ЮНГБЕНКЪ вернется на дняхъ Мальмъ изъ
 Петрограда попытайтесь поговорить съ нею. Сток-
 гоольмъ Суменсонъ.
- Е. М. СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36.
59. Мальмъ Петроградъ 470540 I5 5/7 I4 I5
 Гертрудъ ЮНГБЕНКЪ Пильдамсвегенъ I2 Мальмъ.
 Пожалуйста повидайтесь ФЮРСТЕНБЕРГОМЪ по вашему
 возвращеніи Стокгольмъ Грандь Отель СУМЕНСОНЪ.
- Е. М. СУМЕНСОНЪ Звѣринецкая 30.
60. Изъ Стокгольма 2093 IO 6/7 23 I5
СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36 Петроградъ.
 Телеграфируйте сколько имѣете денегъ. НЕСТЛЕ.
61. Изъ Петрограда 357028 2I/20 8/7 I2 2I
ФЮРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ.
 Вышлите немедленно рукописи о Польшѣ и брошюру о
 литературѣ социалистической БРОНСКАГО и копию по-
 становленія ТУРАБА КОЗЛОВСКОМУ. ВЕСЕЛОВСКІЙ.
 Брониславъ ВЕСЕЛОВСКИ 6 л. 47 кв. 8.
62. Стокгольмъ IO6/9 2I 9/7 I2 30
СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36 Петроградъ.
 Невозможно пріѣхать второй разъ уважаетъ Сигизмундъ
 телеграфируйте туда остатки банкнхъ и если возмож-
 но уплатите по счету НЕСТЛЕ.
63. Сальтшбаденъ Петроградъ 65660 I5 9 I3 45.
ФЮРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ.
 Телеграфируйте Менцикенъ ААРГАУ ВАРШАВСКАЯ хорошо
 доѣхала адресъ Масловскій Васковъ переулокъ 22 кв.
 8.
64. Петроградъ 22000I 23 9/7 I7 8
ФЮРСТЕНБЕРГЪ Сальтшбаденъ Стокгольмъ.
 Чоканъ 42 банкъ вернулъ взносъ ста тысячъ точка
 пріѣхать завтра невозможно попросите Татьяну Яков-
 левну СУМЕНСОНЪ.

65. Петроградъ 2199MI 13 9/7 17 10.

НЕСТЕ Фабрика Везе.

Десять послѣднихъ словъ вашей телеграммы тридцать неразборчивы прошу повторить. СУМЕНСОНЪ.

Е.М. СУМЕНСОНЪ Надеждинская 36.

66. Петроградъ 220101 31 9/7 17

ФОРСТЕНБЕРГЪ Грандъ Отель. Стокгольмъ.

Кромѣ 20 послѣднихъ трѣхъ телеграммы пѣздна теперь невозможно послала письмо нарочнымъ когда смогу приглашу васъ прїѣхать напишите не откажите платитъ моему тестю двѣсти рублей привѣтъ. СУМЕНСОНЪ
Надеждинская 36.

60

0.20

Т Е Л Е Г Р А М М Ы

/за Іюнь м-ць/

лиця, заподозренихъ въ сношеніяхъ съ Германіей.

БАЛАБАНОВЪ   Н. 0635   21 Іюня 1917 г.   268.

Стокгольмъ Q 2/21   19 N. 20   20 x 30
Петроградъ. С О В Е Д Е Н І Я /Советъ Депутатовъ/ для
Анжелики БАЛАБАНОВОЙ

ГРЕЙСЪ намъ передалъ дѣла комисіи.

Благожелайте немедленно прїѣхать въ Стокгольмъ. Партиа
лѣвнхъ КАРЛСОНЪ БЕРМАНЪ.

Изъ Петрограда, Государственная Дума.

27260   УВС.   15 25 14 55. Спѣшно. Стокгольмъ
ПОЛИТЕКЕНЪ, КАРЛСОНЪ, БЕРМАНЪ.

Прїѣду намъ только получу паспортъ. Надѣюсь очень скоро.
Сообщите БАЛАБАНОВА.

Изъ Петрограда, Государственная Дума   39760

ВН II   23/6   17 50.

Срочно. Стокгольмъ. Политекенъ, Хогелундъ.

Отправляюсь завтра утромъ прошу прїѣхать на вокзалъ.

БАЛАБАНОВА.

Н. 0715   15.   Мая 1917 г.

Ставангеръ Q 2032   13 N. 14/5   20 55.
Петроградъ. Суворовскій 51. Ольга БАЛАБАНОВОЙ.

Прошу выслать 300 руб., вникну немедленно.

Евгеній БАЛАБАНОВЪ.

ПРАВДА

№ 1745 3 Июня 1917 г.

283.

Стокгольм Q 170/5 59/68 №. 4/6 19 x 35.
Петроградъ Правда.

Важная. Достовернаго источника узнали, 23 мая начались....
..... забастовки железнодорожниковъ продолжаются,
привести 1-го Июня большое собраніе демонстрація мира
демократіи. Въ Вѣнской прессѣ запрещено писать муниципаль-
ники забастовкахъ Але Сообщаетъ собранію представителей всѣхъ
муниципальныхъ рабочихъ и фабрикантовъ для регулированія
конфликтовъ. Польское коло въ Вѣнѣ заявляютъ о случаѣ
голодной смерти въ Галиціи. Французскіе циммервальдцы и
революціонная пресса видятъ въ забастовкахъ Парижскихъ и
Ліонскихъ начало массовой борьбы за миръ, издали первый
билетень.

№ 2188 8 Июня 1917 г.

Стокгольм Q 167/5 63 №. 7/6 19 x 55. 358.

Мое сѣдѣніе о Вѣнскихъ забастовкахъ подтверждено
АГЕНТЕМЪ ЦЕНЗУРЫ который сообщаетъ, что серьезное забастовочное
движеніе благодаря внимательству союзовъ ликви-
дировано компромисснымъ увеличеніемъ платы, сокращеніемъ
рабочаго дня. Отсутствие..... тронной рѣчи
комедія.

СЕННЕРЪ былъ на аудіенціи Кайзера. Скрываютъ передъ
рабочими, которые демонстраціей отвѣтили напакѣ ВУТНЕРА
протѣвъ Фрица АДЕРА. Билетень вынулъ, готовымъ, Франен-
скій тайе Брандъ для нѣмецкой оппозиціи о русской революціи.
Девятая Вильгельмъ задержали.

ВѢСТНИКЪ

№ 0435 16 Мая 1917 г.

Пресса Стокгольмъ Q 320/15 40 №. 14/3 20 x 55. 610.
Петроградъ Вѣстникъ.

Сегодня въ Стокгольмѣ прибылъ АНСКЕЛЬРОДЕ пропущенный

черезъ Германію. Завтра здѣсь ожидаются 250 русск. эмигрант. изъ Швейцаріи, которые тоже ѣхали черезъ Германію. ТРОЦКІЙ, ЧУДНОВСКІЙ и другіе. Задержанные въ Англіи эмигранты, прѣехали сегодня черезъ Стокгольмъ.

В. 0656 16 Мая 1917 г. 611.
Пресса. Стокгольмъ Q 335 45/43 W. 15,5. 1515.
Петроградъ Вѣстникъ.

Экстренный поѣздъ съ 257 русскими эмигрантами изъ Швейцаріи ожидается завтра утромъ въ Стокгольмъ. Они съѣдутъ въ предмѣстье Стокгольмъ Дименгольмъ. Среди эмигрантовъ находятся послѣдователи циммервальдскаго ученія: МАРКОВЪ, ВОВРОВЪ, ЯЛИНСКІЙ, БАЛАБАНОВА, известныя социаль демократы: АСТРОВЪ, МАРТИНОВЪ, ВЕЗЗАБОТНИЙ, ДУНАЧАРСКІЙ, АБРАМОВЪ.

В. 0327. 20 Іюня 1917 г.
Копенгагенъ А. 1002 17 W. 18 21 50.
Петроградъ. Редакція интернаціонала, ГОРБУНУ.
Убѣдительно прошу не посылать оплаченныхъ 500 словъ, мы ихъ некуда употребить. Привѣтъ.
ТРОЦКІЙ.

ГРИМЪ. В. 0906. 16 Іюня 1917 г.
Стокгольмъ 149/15, 84 W. 15/6 1835.
Петроградъ, Россія ГРИМЪ Сов. Деп.

Мы получили слѣдующую телеграмму: просьба сообщить немедленно ГРИМЪ въ Петроградскому Совѣту вышеупомянутую телеграмму: просьба отъ имени меньшинства французскаго отдѣла социалистовъ о ходатайствѣ передъ Петроградскимъ Совѣтомъ, чтобы Русское правительство просило французское правительство выдать паспорта въ Стокгольмъ Комитету обороны международнаго социализма по приказанію Александръ ДАНКОВЪ, Пауль УРДО, Лиси ФОРЪ, Жанни КОЛІАРЪ, Маріонна ДАНДЕРАХЪ, РАУЗЕ, МУРЪ, МУРЕНЪ, ГУРЕНЪ, БРАТЪ, ВЕРОНЪ, ЛОЖЪ, ОРОСАРЪ, ГРАНСАЛЕ, ПЕРИЛЕ, ВЕРОНЪ отъ имени ГРИМЪ, дежурна. Телеграфируйте Politiken"

13
" Газета " с приммералаальской конференци. - ЛИНДХАГЕНЬ,
СТРЕМЪ, ХЕРЛУИДЪ, ИЕРМАНЪ.

Изъ Петрограда 121760 27 6/6 17 28.

Стокгольмъ. Энергов. ГРИММУ.

Прошу сообщить Гуго ХАЗЕ, что бы онъ остался въ
Стокгольмъ до моего возвращенія. Телеграфируйте Совету
Депутатовъ продолжительность пребывания ХАЗЕ отдѣль
международныхъ сношеній исполнительнаго комитета.

КОЛЛОНТАЙ. Изъ Петрограда 103260 14 3/5 174.

Христіанія ВАДУРСКОМУ, Роткеймъ; Скіельгеонсгате 19.
Дела прійдетъ, когда ты прійдешь. Поцѣлуй обоимъ.

КОЛЛОНТАЙ.

Изъ Петрограда, Государственная Дума 129460. 13. 8/6

18. II.

Христіанія ВАДУРСКОМУ Роткеймъ, Скіельгеонсгате 19.
Вара уѣхала въ Кіевъ. Прішло деньги завтра.

Обнимаю КОЛЛОНТАЙ.

СЕРСТЕНБЕРГЪ. Изъ Петрограда 30160, II, 25, 12, 40.

Салътибаденъ. СЕРСТЕНБЕРГЪ.

Немедленно телеграфируйте съ подписями документи
оправдывающіе КУБУ.

СМИТНИЙ.

Изъ Петрограда 10360 27/26 18/6 12. 56

Салътибаденъ. СЕРСТЕНБЕРГЪ.

Телеграфируйте въ Цюрихъ Университетская ул. 26 Софія
ЛЕННИНСКАЯ. Феликсъ едетъ въ Москву, уѣхалъ на I мѣсяць
въ деревню для исправленія здоровья, если пришлете
попись, то питаніе обезпечено.

Феликсъ БЕЗЕ.

64

Изъ Петрограда 335629. 16. II/6. 19.
Сальтшэбаденъ. ФОРСТЕНБЕРГУ.
..... Подтверждаемъ 9 IO цехъ /чека./.
Безусловно просить участія Стокгольмской конференціи,
напечатанъ 55 вправдъ.

Изъ Петрограда 127360. 8/5. 13.6.
Сальтшэбаденъ. ФОРСТЕНБЕРГУ.
Вторая получивъ семь, завтра выборы въ районную
Думу, большевики идутъ самостоятельнымъ спискомъ противъ
всѣхъ оборонцевъ отклонили предложеніе совѣта вступить
въ блокъ оборонцами. Большевикамъ примкнули нефракціонные
интернаціоналисты и часть интернаціоналистовъ меньшевиковъ.

В. 0327. 20 Іюня 1917 г.
СУМЕНСОНЪ. Изъ Павловска 25-го IO ч. 20 м.
Сальтшэбаденъ. ФОРСТЕНБЕРГУ. Срочно. Смогу отвѣтить
только въ концѣ недѣли.

СУМЕНСОНЪ.

Изъ Петрограда. 28 Іюня II ч. 28 м.
Сальтшэбаденъ. ФОРСТЕНБЕРГУ. Срочно. Надѣюсь получить,
ждите.

СУМЕНСОНЪ.

КОЗЛОВСКІЙ. Изъ Петрограда, Государственная Дума II7670,
32: 5, 16, 30.

Сальтшэбаденъ. ФОРСТЕНБЕРГУ
Финанси весьма затруднительны, абсолютно нельзя дать
крайнемъ случаѣ 500 какъ прошлый разъ. Карандашахъ
громаднѣеубитки, оригиналь безнадеженъ, пусть Криванъ
~~или~~ телеграфируетъ относительно новыѣ IOO тысячъ
СУМЕНСОНЪ. Сердечно тоскую, цѣлую.

КОЗЛОВСКІЙ

В. 1654. 16 Іюня 1917 г. 276.
Сальтшэбаденъ. 9 77/16. II. 14 15, 17, 15.

Вятроградъ, Сергіевская 81. КОЗЛОВСКОМУ. Нобан-
менъ требуетъ долгати 15300 крокъ дифференціи залога,
причина упадокъ курса.

РОЗЕНФЕЛЬДЪ. Изъ Канаина 397 21, 5, 20, 59.

Стокгольмъ, Паульсгатаъ, Стоккласса, Молиторсъ
Волновискія.

Получилъ ГОЛДБЕРГА 14027 руб. телеграфируйте
если есть расчетъ, могу платитъ крокъ 12000 еще 10000.

РОЗЕНФЕЛЬДЪ.

Изъ Канаина 1661, 23, 25, 23, 50.

Стокгольмъ, Паульсгатаъ 26, Волновискія, Стоккласса
Молиторсъ.

Банкъ не принимаетъ теперь никакихъ платежей,
авось имѣемъ другой выходъ телеграфируй, плати.....
сестрѣ 300 рублей.

РОЗЕНФЕЛЬДЪ.

[РАЗДЕЛ I.]¹

К о п и я.

[I.1]

Правда, Петроград.
23-го мая 1917 г.

Из Стокгольма, 71 111 22 20 50²

Четвертая. Стенограммы речи АДЛЕРА посылаем открыто. Говорил за революцию против социал-патриотов называя лидера своей партии орудием контр-революции, разоблачал Стокгольмскую конференцию затею агентов правительств после приговора воскликнул здравствует революционный интернационал. Суд улице демонстрации аресты. РЕННЕР здесь уверяет будет помилован это сомнительно совдеп собрания пусть протестуют нам присылайте этом телеграммы. Штутгарте арестованы редактор социал-демократа РЮК, представитель левых ГЕРМАН. Забастовки Англии растут правительство угрожает каторгой большие аресты Таймс пишет это необыкновенные забастовки это выражение общего недовольствия «Журнал Дэба» считает ТЕРЕШЕНКО человеком «согласия» отказ России завоевательных целей ничего не изменяет политики согласия. Депутат ..... АНДЕРСОН докладывает парламенте революционном ..... рабочих столкновениях бюрократией тредс-унионов ГЕНДЕРСОН принужден поэтому отложить поездку Россию.

[I.2]

25-го мая 1917 г.
Правда, Петроград.

Сальтшэбаден 2109/25 10 25/5 10 5.

Пусть ЛЕНИН сейчас поговорит КОЗЛОВСКИМ делу КУБЫ.

[I.3]

5-го мая 1917 года.

РУБИНШТЕЙН 4-ая Рождественская 8, Петроград.³

---

¹ В квадратные скобки взято все добавленное от редакции.

² Здесь и далее: пункт отправления, номер телеграммы, количество слов, дата (по нов. ст.), время.

³ Здесь и далее в первой строке указан адресат.

Стокгольм 131/5 11 4/5 22 55.

Переведите денег сколько можете приеду возвращу.

- [I.4] 13-го мая 1917 г.
РУБИНШТЕЙН 4 Рождественская 8, Петроград.
Стокгольм 144 9 12/5 23 20.
Телеграфируйте необходим ли мой приезд.
- [I.5] 20-го мая 1917 г.
РУБИНШТЕЙН 4 Рождественская 8, Петроград.
Стокгольм 421 10 19/5 14 35.
Ожидаю Вашего приезда пишите телеграфируйте.
- [I.6] 25-го мая 1917 г.
Рирш РУНГ Гельсингфорс
Стокгольм 1 26/5 25 11 24/5 17 50
Письмо 98/5 переведите немедленно телеграфно 30910 крон.
РУБИНШТЕЙН.
- [I.7] 10-го мая 1917 г.
Кирочная 12 Петроград ПОЛЫНОВА-КОЛЛОНТАЙ.¹
Христиания 385 10 19 10/5 13 55
Остаюсь Христиании у Эрики Счастлива Сообщи Вере
Ковенский 4 маме пиши обнимаем. Зоя, Эрик.
- [I.8] 14-го мая 1917 г.
Абраму ЖИВАТОВСКОМУ Конногвардейский Петроград
Христиания 119/14 17/16 13/5 14 05
После месячного плена у англичан приезжаю Петроград
семьей 18-го мая. ТРОЦКИЙ.
- [I.9] 16-го мая 1917 г.
Новжизнь, Петроград.
Стокгольм 319 47 16/5 16 30.
Мы прибыли в Стокгольм 250 русских эмигрантов в том
числе НАТАНСОН, ТЕТАН, МАРТОВ, ЛАПИНСКИЙ, РЯ-

---

¹ Согласно данным С. Ляндреса (*Lyandres S.* Указ. соч. С. 22, 24), А. М. Коллонтай после возвращения в Петроград в марте 1917 г. временно проживала у своей подруги Т. Л. Щепкиной-Куперник, в квартире, зарегистрированной на ее мужа Н. Б. Полынова.

ЗАНОВ, АБРАМОВИЧ Убежденные невозможности проехать через Англию ввиду политических препятствий были вынуждены проехать Германию чтобы занять немедленно боевые посты против всякого империализма приближаясь с радостным биением сердца свободной родине досвидания **ЛУНА-ЧАРСКИЙ**.

[I.10] 19-го мая 1917 г.

Совет рабочих депутатов Киев
Стокгольм 138/19 22/20 18/5 19 30.

Братский привет для украинской социал-демократии от украинского социал-демократического депутата венского парламента Семен **ВИТЫК** Стокгольм, отель Континенталь.

[I.11] 19-го мая 1917 г.

Министру **КЕРЕНСКОМУ** для Виктора Чернова, Петроград.

Больнес 8/19 24 19/5 7 20.

Роберт **ГРИММ** сопровождает нас примите все меры для его пропуска Торнео безусловно необходимы телеграфируйте срочно консульство Хапаранде **БОБРОВ**.

[I.12] 25-го мая 1917 г.

СУМЕНСОН Надеждинская 36.
КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81, Петроград.

Сальтшэбаден 2108/25 24 25/5 13 5

Телеграммы пришли если выезда будет субботу утром Хапаранда передала ему ваши телеграммы прервать путешествия не может.

[I.13] 16-го мая 1917 г.

Д-ру **БРОНШТЕЙН** Малоохтенский пр. 58, Петроград
Несшэ 376/15 20 15/5 16 50.

Прибыли Стокгольм. Будем у Вас будущей неделе сообщите родным Нади целуем. Надя, Сема **БРОНШТЕЙН**.

[I.14] 7-го мая 1917 г.

ГАГАРИНУ Одесса.
Сальтшэбаден 427/7 17 7 10

Своевременно 15.000 получил письма нет телеграфируйте что остальными деньгами или грузом телеграфный адрес Сальтшэбаден **ФЮРСТЕНБЕРГ**.

[I.15] 7-го мая 1917 г.

РОЗЕНБЛИТ Петровка, 17, Москва.

Сальтшэбаден 439/7 21 1/5 10

Телеграфируйте немедленно какое количество получили оригинала карандашей какое продали точную отчетность пришлите письменно. Телеграфный адрес Сальтшэбаден **ФЮРСТЕНБЕРГ**.

[I.16] 3-го мая 1917 г.

Иосифу **КОЛЫШКО**, русское министерство, Петрогр.

Стокгольм 343/3 21 3 17 45.

БЬЕРНЕБОРГ только что прислал 2.760 крон которые и внес для вас в Центральбанк. **ФЕР**.

[I.17] 8-го мая 1917 г.

Иосифу **КОЛЫШКО**, Петроград, канцелярия мин. фин.

Стокгольм 359/8 24 8/5 16 10.

БЬЕРНЕБОРГ только что уплатил 2.760 крон внесенных для вас в Центральный банк. **ФЕР**.

[I.18] 8-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО Европейская гостиница, Петроград

Стокгольм 470/7 11 7 16 30.

Прошу немедленно телеграфировать поместите когда ..... **ТИШ**.

[I.19] 9-го мая 1917 г.

КОЛЫШКО Европейская гостиница Петроград.

Стокгольм 226/9 22 9/5 15 40.

Благодарю телеграммы дело о машинах сообщу Ивулика нам недостает оплакиваем ждем и Кубу¹ нужно обнимаю мужайся работай.

---

¹ В оригинале буква «К» напечатана поперх другой буквы, в виде исправления.

- [I.20] 12-го мая 1917 г.
КОЛЫШКО Европейская гостиница Петроград.
Стокгольм 484/11 17 11/5 19 45.
Телеграмма 8 сегодня получена ждем подробности пись-
мом Атлантика адрес для телеграмм СИХА.
- [I.21] 13-го мая 1917 г.
КОЛЫШКО Европейская гостиница Петроград.
Стокгольм 235/13 21/20 13 10 13/5
Машины приготавливают отправке течение недели теле-
графируйте уверены вы в хорошем результате дело типогра-
фия когда ожидать представителей привет ГУРЕВИЦ.
- [I.22] 16-го мая 1917 г.
КОЛЫШКО Европейская гостиница Петроград.
Стокгольм 218/15 32 15/5 14 10
СУНДБЕРГ и Центральный банк постоянно несогласии
рекомендует осторожность и ясные верные слова обоим про-
тивном случае рискуем неудачей дела желаю мужества твоей
работе целую со всей любовью.
- [I.23] 19-го мая 1917 г.
КОЛЫШКО, Европейская гостиница Петроград.
Стокгольм 300/19 13 19 16 40
Перевоз вывоз пароходом воспрещен благоволите поста-
раться продать медикаменты сардины МАЛИНЯК.
- [I.24] 20-го мая 1917 г.
КОЛЫШКО Русское Слово
Стокгольм 2027/20 25 20/5 11 04 Срочно.
Абсолютно невозможно работать с Центральбанком
СУНДБЕРГ тоже время постоянно несогласии необходимо
телеграфировать срочно твое решение все готово сдаче По-
целуи...
- [I.25] 25-го мая 1917 г.
КОЛЫШКО, Европейская гостиница, Петроград.
Стокгольм 84/25 9 25/5 12 05
Телеграфируйте как дело цинком ТИШ

[I.26] 25-го мая 1917 г.
КОЛЫШКО, Европейская гостиница, Петроград.
Стокгольм 70/25 25 25/5 11 50
Благодарю милые письма страдаю всей душой с тобой но
не теряй мужества решай между СУНДБЕРГОМ и Централь-
банком сердце Кубу¹ всецело принадлежит Ионлику.

[I.27] 31-го мая 1917 г.
КОЛЫШКО, Европейская гостиница, Петроград.
..... 95/31 27 31/5 2 55.
Надеюсь все хорошо устроится Анис довольна твоей теле-
граммой очень беспокоилась о тебе ты забываешь твою Бубу
поцелуй приветствия ЗИБЕТХЕН.

[РАЗДЕЛ II.]

Телеграфный Контроль.
Петроград.
28.VI.17.

[II.1] 1. Сальтшэбаден, 389/4 18 4/5 16 25.
СУМЕНСОН, Надеждинская 36 Петроград.
Номер 127 больше месяца без сведений деньги крайне нуж-
ны новый телеграфный адрес Сальтшэбаден ФЮРСТЕНБЕРГ.

[II.2] 2. Сальтшэбаден, 438/7 28 7/5 10.
СУМЕНСОН, Надеждинская 36. Петроград.
Номер 128 получил 84/85 телеграфируйте какое количе-
ство термогрос какой цене продать тогда ответу сколько еще
осталось отчетности давно нет телеграфируйте всегда упло-
ченным ответом.

[II.3] 3. Сальтшэбаден, 388/4 9 4/5 16 25.
УЛЬЯНОВОЙ, Широкая 48/9 Петроград.
Новый телеграфный адрес Сальтшэбаденъ ФЮРСТЕНБЕРГ.

---

¹ В оригинале буква «К» напечатана поверх другой буквы, в виде исправления.

[II.4] 4. Сальтшэбаден, 390/4 4/5 10 16 25.

ПОЛЫНОВОЙ-КОЛЛОНТАЙ Кирочная 12 Петроград.
Новый телеграфный адрес Сальтшэбаден ФЮРСТЕН-
БЕРГ.

[II.5] 5. Сальтшэбаден 341/4 9 4/5 16 25

КОЗЛОВСКОМУ, Сергиевская 81 Петроград.
Новый телеграфный адрес Сальтшэбаден ФЮРСТЕН-
БЕРГ.

[II.6] 6. Сальтшэбаден 439/7 21 7/5 10

РОЗЕНБЛИТТ Петровка 17 Москва.
Телеграфируйте немедленно какое количество получили
оригинала карандашей какое продал точную отчетность при-
шлите письменно телеграфный адрес Сальтшэбаден ФЮР-
СТЕНБЕРГ.

[II.7] 7. Сальтшэбаден 427/7 17 17/5 10

ГАГАРИНУ Одесса.
Своевременно 14 15 000 получил письма нет телеграфи-
руйте что остальными деньгами или грузом телеграфный ад-
рес Сальтшэбаден ФЮРСТЕНБЕРГ.

[II.8] 8. Сальтшэбаден 434/7 33/32 7/5 10 7

КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81 Петроград.
Телеграмма неудовлетворительна должен знать сколько
РОЗЕНБЛИТТ получил оригинала карандашей какое коли-
чество продал безобразия не присылает никакого отчета куда
перевел деньги приехал бы на 2/3 недели можно ли телегра-
фируйте всегда уплоченным ответом.

[II.9] 9. 1905 Стокгольм 235/9 29 8/5 15 50

УЛЬЯНОВОЙ Широкая 48/9
КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81 Петроград.
ЛЕНИНУ ГААЗЕ ЛОНГЭ участвуют конференции СПАР-
ТАКУС отказал точка здешние молодые приглашают Ц.К.
конгресс тринадцатого строчите что делать имени Ц.К. обоих
случаях.

[II.10] 10. 1874 Стокгольм 256/10 43 9/5 19 30

КОЛЛОНТАЙ Исполнительный Комитет Таврический,
КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81 Редакция Правды Пет-
роград.

СТЕЦКЕВИЧ отобрали Торнео все сделали личный обыск
протестуйте требуйте немедленной высылки нам отобранных
вещей не получили ни одного номера Правды ни одной теле-
граммы ни одного письма пусть Володя телеграфирует при-
слать ли каком размере телеграммы для Правды ГАНЕЦКИЙ.

[II.11] 11. Петроград. Госуд. Дума 138660 13 4 15

ШАДУРСКОМУ Лалис 74 Бульвар Шарон Париж.

Все благополучно беспокоюсь адресуй письмо Тане.
КОЛЛОНТАЙ.

[II.12] 12. Петроград. 374201 20 10/5 13 35.

ФЮРСТЕНБЕРГ Стокгольм Сальтшэбаден.

Номер 86 получила Вашу телеграмму 127 ссылаюсь мою
телеграмму 84/85 сегодня опять внесла двадцать тысяч вместе
семьдесят. СУМЕНСОН.

[II.13] 13. Петроград 170560 11 10/5 18 52

ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден Стокгольм.

Мой багаж у МЕЛАМЕДА пришлите с Марией.

БЕЛЕНИН.

[II.14] 14. Копенгаген 105/11 30 11/5 15 6.

Отв. Упл. 100 ЛЕНИНУ главе социалистической партии
Петроград.

«Политикен» радикальная газета Дании просит Вас те-
леграфировать ваше мнение о предстоящем конгрессе меж-
дународном социалистическом в Стокгольме и русские усло-
вия окончательного мира. Политикен.

[II.15] 15. Петроград. 183560 13 12/5 10 30

ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден Стокгольм

Пришли брошюру польскую хронику заграничную статью
польскую бюллетень международный. КОЗЛОВСКИЙ.

- [II.16] 16. Петроград 3160 12 14/5 16 48
ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден Швеция.
 Какой день **ЦИММЕРВАЛЬДОВСКАЯ** конференция теле-
 графируйте члену исполнительного комитета **КОЛЛОНТАЙ**.
- [II.17] 17. Сальтшэбаден из Москвы 528, 25 14/5 12 7
 Срочная Якову **ФЮРСТЕНБЕРГ**. Сальтшэбаден
 Получил оригинал тысяча девятьсот семьдесят грамм
 продал двести пятьдесят карандашей тридцать семь ящиков
 и фрахт на двадцать шесть все продал. **РОЗЕНБЛИТТ**.
- [II.18] 18. Петроград, 310640 14 15/5 1 5 Отв. упл. 80
ФЮРСТЕНБЕРГ, Сальтшэбаден.
 Приехал благополучно Белоострове ожидали Мечислав
 Франя семьями телеграммы **КОЗЛОВСКОГО** совсем неосно-
 вательны.
- [II.19] 19. Из Петрограда 17660 17 16/5 16 58
ШАДУРСКОМУ Ротейм¹ 19, Эрлинг Скьяльсонгсгаде Хри-
 стиания.
 Жди меня в Христиании приеду по делам 24 мая целую
КОЛЛОНТАЙ.
- [II.20] 20. Из Стокгольма 308/18 21 18/5 10 25
КОЛЛОНТАЙ Совдеп Петроград.
 Конференция отложена половину июня на днях еду Пет-
 роград 250 швейцарцев сегодня отсюда уезжает между ними
 Гриша Таня Адольф **ГАНЕЦКИЙ**.
- [II.21] 21. Стокгольм, 447/18 14 18/5 14 30.
КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81
СУМЕНСОН Надеждинская 36 Петроград
 На днях еду Петроград день сообщу **КУБА**.

---

¹ По данным С. Ляндреса (*Lyandres S.* Указ. соч. С. 34): Эрика Ротхейм (Rotheim), подруга Коллонтай и З. Шадурской, проживавшая в Христиании. В 1917 г. Шадурская жила в ее квартире, а в 1914–1917 гг. Ленин и Фюрстенберг-Ганецкий использовали ее адрес для переписки с Россией.

[II.22] 22. Из Петрограда 098570 12 21/5 12 16
ШАДУРСКОМУ Ротгейм 19 Скъяльгсонгате Христиания
Моя поездка опять отложена когда ты приедешь КОЛЛОН-
ТАЙ Дегтярная 25 кв. 5.

[II.23] 23. Из Петрограда 48160 21 21/5 16 10.
ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден Стокгольм.
Созовите как можно больше левых на предстоящую кон-
ференцию мы посылаем особого делегата телеграммы полу-
чены спасибо продолжайте УЛЬЯНОВ ЗИНОВЬЕВ.

[II.24] 24. Из Петрограда 113401 18 22/5 15 2
Отв. Упл. 10 Срочная ФЮРСТЕНБЕРГ Стокгольм Саль-
тшэбаден.
Номер 89 Юрисконсулт просит ни под каким видом не
приезжать ждите письма СУМЕНСОН. СУМЕНСОН Надеж-
динская 36.

[II.25] 25. Стокгольм 72/23 23 22/5 20 45
Совдеп КОЛЛОНТАЙ Петроград.
АДЛЕР произнес блестящую речь приговорен смерти вы-
сылаем Правде подробную телеграмму пусть совдеп ... другие
присылают мой адрес протесты поздравления. ГАНЕЦКИЙ.

[II.26] 26. 220 Стокгольм, 10 23/5 12 50.
КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81 Петроград. Всетаки
воскресенье приеду тогда урегулируем МАНДАТ.

[II.27] 27. Стокгольм 302/25 9 25/5 16 50
Александре КОЛЛОНТАЙ Комитет рабочих и солдат
Петроград.
Разрешение получено ЛИНДГАГЕН.

[II.28] 28. Сальтшэбаден из Петрограда Гос. Дума 88460 9 29/5.
Отв. упл. 10 ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.
Мы вполне согласны Васлав уехал КОЗЛОВСКИЙ.

[II.29] 29. Христиания Петроград 103260 14 31 5 17 4
ШАДУРСКОМУ Ротгейм Скъельсонгсгаде 19 Христиания.

Лелуа /Леля/¹ приезжает когда ты приедешь привет обоим КОЛЛОНТАЙ.

[II.30] 30. 2038 Сальтшэбаден 290/21 14 31/5 11 25
КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81 Петроград.

Семья Мели требует несколько тысяч что делать газет не получаем.

[II.31] 31. Из Петрограда 245714 13 1/6 2 25
НЕСТЛЕ Фабрика Вевэ.

Что Вы хотите сказать вашей телеграммой двадцать девять СУМЕНСОН Надеждинская 36.

[II.32] 32. Христиания Петроград 103260 14 3/6 17 4
ШАДУРСКОМУ Ротгейм Скъельсонгсаде 19 Христиания.

Лелуа /Леля/ приезжает когда ты приедешь привет обоим КОЛЛОНТАЙ.

[II.33] 33. Из Христиании 70 35 4/6 2 30
ПОЛЫНОВОЙ КОЛЛОНТАЙ Кирочная 12 Петроград.

Должна еще отдохнуть лечить зубы почему Вера ничего не отвечает мои телеграммы просила известий маме 200 крон приглашала приехать целую всех пишите прошу Лелю вспомнить бедную Адрианова Эрика целует Зоя.

[II.34] 34. Сальтшэбаден Из Петрограда Гос. Дума 117670 32 5 18 30

Отв. упл. 15 Гиза ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.

Финансы весьма затруднительны абсолютно нельзя дать крайнем случае пятьсот как последний раз карандашах громадные убытки оригинал безнадежен пусть Ньюбанкен теле-

---

¹ По данным С. Ляндреса (*Lyandres S.* Указ. соч. С. 52), Елена Даниельсен (урожд. Витовская), давняя подруга Коллонтай и Шадурской, проживала в Христиании. В 1915–1917 гг. Ленин использовал ее адрес для переписки с Коллонтай и Ганецким; весной-летом 1917 г. Заграничное бюро РСДРП(б) продолжало использовать его для переписки с Петроградом.

графирует относительно новых сто тысяч СУМЕНСОН. Сер-
дечно тоскую целую КОЗЛОВСКИЙ.

[II.35] 35. 1902 Вевэ 154/9 18 7/6 13

Евгении СУМЕНСОН 36 Надеждинская Петроград.

Невозможно получить разрешение ввоз в Нью-Йорк не
можем поставить в настоящее время. НЕСТЛЕ.

[II.36] 36. Из Петрограда Гос. Дума 129460 138/6 18 11

ШАДУРСКОМУ Ротгейм 19 Скьяльсонгсгаде Христиа-
ния

Вера уехала Киев пошлю деньги завтра обнимаю КОЛ-
ЛОНТАЙ.

[II.37] 37. Сальтшэбаден 24/9 21 8/6 17 16

КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81 Петроград.

Первые письма получили Нью-Банкен телеграфировал
телеграфируйте кто Саломон предлагает совместное теле-
графное агентство ссылается Бронекса САВЕЛЬЕВА. АВИ-
ЛОВА.

[II.38] 38. Из Петрограда 335629 16 11/6 19

Отв. упл. 75 ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.

Тр... подтверждаем девять десять Ц.К. безусловно просит
участия Стокгольмской конференции напечатан 55 Правде.

[II.39] 39. Сальтшэбаден 77/16 14 15/6 17 15

КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81 Петроград.

Нью-Банкен требует доплаты 15.300 крон дифференции
залога причина упадок курса.

[II.40] 40. Христиания из Петрограда 09128 14 15/6 14 10

ШАДУРСКОМУ Ротгейм 19 Скьяльсонгсгаде Христиания.

Двести крон послано отправитель КОЗЛОВСКИЙ уста-
ла обнимаю КОЛЛОНТАЙ.

[II.41] 41. Сальтшэбаден 2258/19 10 19/6 21.

КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81 Петроград.

Требую немедленного приезда КУБЫ ПОРЕМБСКИЙ.

- [II.42] 42. Сальтшэбаден 2258/19 10 19/6 21
КОЗЛОВСКОМУ Сергиевская 81 Петроград.
Требую немедленного приезда КУБЫ ПОРЕМБСКИЙ.
- [II.43] 43. Сальтшэбаден 2232/21 11 21/6 11 10
Срочная. СУМЕНСОН Надеждинская 36 Петроград.
Строчите могу ли сейчас приехать Генрих ждет.
- [II.44] 44. Сальтшэбаден Павловска 220 10 25/6 10 20
Срочная. ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.
Смогу ответить только конце недели СУМЕНСОН.
- [II.45] 45. Сальтшэбаден 2074 11 24/6 16 30
СУМЕНСОН Надеждинская 36 Петроград.
Обратитесь Месиславом Татьяне Яковлевне уверен поможет
- [II.46] 46. Сальтшэбаден 2073 20 24/6 16 30
КОЗЛОВСКОМУ Утлихту¹ Знаменская 37 Петроград.
Непременно соберите подписи решите публикации остав-
ляем вам советуйтесь Володей здесь публично никто не высту-
пал.
- [II.47] 47. Из Петрограда 30160 11 25/6 12 40
ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.
Немедленно телеграфно с подд ... документ оправдыва-
ющий КУБУ Смутный.
- [II.48] 48. Петроград. 260381 7 28/6 11 28
ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.
Надеюсь получить ждите. СУМЕНСОН.
СУМЕНСОН Надеждинская 36.
- [II.49] 49. Петроград. 40660 57 29/6 13 3.
Отв. упл. 80 ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.
Воскресенье манифестация всей революции наши лозун-
ги долой контр-революцию четвертую Думу Государственный
Совет империалистов организующих контр-революцию вся

---

¹ Возможно, погрешность перевода — Уншлихту.

власть советам да здравствует контроль рабочих над производствами вооружение всего народа ни сепаратный мир с Вильгельмом ни тайных договоров с французским и английским правительством немедленное опубликование советом действительно справедливых условий мира против политики наступлений хлеба мира свободы.

[II.50] 50. Христиания 79/3 11 22 45 2/7
Петроград Дегтярная 25 КОЛЛОНТАЙ
167 крон получил уезжаю на будущей неделе. ШАДУРСКИЙ.

[II.51] 51. Из Павловска Петроград 365 10 2/7 18 56
Сальтшэбаден ФЮРСТЕНБЕРГ.
Номер Девяносто внесла русско-азиатский сто тысяч.
СУМЕНСОН.

[II.52] 52. Петроград. Гос. Дума 45860 15 2/7 15 37
ШАДУРСКОМУ Ротгейм 19 Скьяльсонгсгаде Христиания.
Жди меня Христиании я выезжаю субботу в Стокгольм.
КОЛЛОНТАЙ.

[II.53] 53. Из Петрограда 470640 23 5/7 14 17
ФЮРСТЕНБЕРГ Гранд Отель Стокгольм
Увы пока мало шансов телеграфируйте можете ли долго ждать или предпочитаете приехать второй раз мой призыв пишите. СУМЕНСОН Надеждинская 36.

[II.54] 54. Из Петрограда 58360 20 5/7 12 46.
ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.
Вашу получили кампания продолжается потребуйте немедленно образования формальной комиссии для расследования дела желательно привлечь ЗАСЛАВСКОГО официальному суду. КОЗЛОВСКИЙ.

[II.55] 55. Из Стокгольма 2097/6 6/7 0 20
СУМЕНСОН, Надеждинская 36 Петроград.
Последняя ваша телеграмма 28 дайте окончательный ответ дольше ждать не могу.

- [II.56] 56. Петроград Сальтшэбаден X/5788 10 6/6 21 20
ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.
Счет письмо выслал 5905 рублей внес СУМЕНСОН КРЭ-РЕШКОВСКИЙ Гранд Отель улица Гоголя.
- [II.57] 57. Стокгольм. Из Петрограда 470340 10 5/7 14 11
ФЮРСТЕНБЕРГ Гранд Отель Стокгольм.
НЕСТЛЕ не присылает муки хлопчите. СУМЕНСОН.
Е. М. СУМЕНСОН Надеждинская 36.
- [II.58] 58. Стокгольм Петрограда 470440 16 5/7 14 14
ФЮРСТЕНБЕРГ Гранд Отель Стокгольм.
Мадемуазель ЮНГБЕКК вернется на днях Мальмэ из Петрограда попытайтесь поговорить с нею. Стокгольм Суменсон.
Е. М. СУМЕНСОН Надеждинская 36.
- [II.59] 59. Мальмэ Петроград 470540 15 5/7 14 15
Гертруд ЮНГБЕКК Пильдамсвеген 12 Мальмэ.
Пожалуйста повидайтесь ФЮРСТЕНБЕРГОМ по вашем возвращении Стокгольм Гранд Отель СУМЕНСОН.
Е. М. СУМЕНСОН Зверинецкая 30.
- [II.60] 60. Из Стокгольма 2093 10 6/7 23 15
СУМЕНСОН Надеждинская 36 Петроград.
Телеграфируйте сколько имеете денег. НЕСТЛЕ.
- [II.61] 61. Из Петрограда 357928 21/20 8/7 12 21
ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.
Вышлите немедленно рукописи о Польше и брошюру о литературе социалистической БРОНСКОГО и копию постановления ТУРАБА КОЗЛОВСКОМУ. ВЕСЕЛОВСКИЙ. Бронислав ВЕСЕЛОВСКИЙ 6 л. 47 кв. 8.
- [II.62] 62. Стокгольм 106/9 21 9/7 12 30
СУМЕНСОН Надеждинская 36 Петроград.
Невозможно приехать второй раз уезжает Сигизмунд телеграфируйте туда остатки банках и если возможно уплатите по счету НЕСТЛЕ.

[II.63] 63. Сальтшэбаден Петроград. 65660 15 9 13 45.

ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден.

Телеграфируйте Менцикен ААРГАУ ВАРШАВСКАЯ хорошо доехала адрес Костовский, Басков переулок 22 кв. 8

[II.64] 64. Петроград 220001 23 9/7 17 8

ФЮРСТЕНБЕРГ Сальтшэбаден Стокгольм.

Номер 92 банк вернул взнос ста тысяч точка приехать теперь невозможно попросите Татьяну Яковлевну вернувшись помочь мне она там. СУМЕНСОН.

Е. М. СУМЕНСОН Надеждинская 36.

[II.65] 65. Петроград 219901 13 9/7 17 10

НЕСТЛЕ Фабрика Вевэ.

Десять последних слов вашей телеграммы тридцать неразборчивы прошу повторить. СУМЕНСОН.

Е. М. СУМЕНСОН Надеждинская 36.

[II.66] 66. Петроград 220101 31 9/7 17

ФЮРСТЕНБЕРГ Гранд Отель Стокгольм.

Кроме 28 посланы три телеграммы поездка теперь невозможна послала письмо нарочным когда смогу приглашу вас приехать напишите не откажите платить моему тестю двести рублей привет. СУМЕНСОН Надеждинская 36.

[РАЗДЕЛ III.]

ТЕЛЕГРАММЫ

(за июнь м-ц)

лиц, заподозренных в сношениях с Германией.

БАЛАБАНОВ

[III.1] R. 0635 21 июня 1917 г. 268.

Стокгольм Q 2/21 19 W. 20 20 x 30

Петроград. СОВЕДЕП /Совет депутатов/ для Анжелики БАЛАБАНОВОЙ.

ГРИММ нам передал дела комиссии.

Благоволите немедленно приехать в Стокгольм. Партия левых **КАРЛСОН НЕРМАН**.

[III.2] Из Петрограда, Государственная Дума.
27260 URG. 15 25 14 55. Спешно. Стокгольм
ПОЛИТИКЕН, КАРЛСОН, НЕРМАН
Приеду как только получу паспорт. Надеюсь очень скоро. Сообщите **БАЛАБАНОВА**.

[III.3] Из Петрограда, Государственная Дума 39760
DR 11 28/6 17 50.
Срочно. Стокгольм. Политекен, Хогелунд.
Отправляюсь завтра утром прошу приехать на вокзал.
БАЛАБАНОВА.

[III.4] R. 0715 15 мая 1917 г. 268.
Ставангер Q 2032 13 W. 14/5 20 55.
Петроград. Суворовский 51. Ольге **БАЛАБАНОВОЙ**.
Прошу выслать 300 руб., вышлю немедленно.
Евгений БАЛАБАНОВ.

«ПРАВДА»

[III.5] R. 1745 5 июня 1917 г. 283.
Стокгольм Q 170/5 69/68 W. 4/6 19 x 35.
Петроград Правда.
Важная. Достоверного источника узнали, 23 мая начались
..... забастовки железнодорожников продолжаются, провед-
сти 1-го июня большое собрание демонстрация мира демокра-
тия. В Венской прессе запрещено писать муниципальных забастовках Але Сообщает собранию представителей всех муницип-
онных рабочих и фабрикантов для регулирования конфликтов.
Польское коло в Вене заявляет о случае голодной смерти в Галиции. Французские циммервальдцы и реакционная пресса видят в забастовках Парижских и Лионских начало массовой борьбы за мир, издали первый бюллетень.

[III.6] R. 2188 8 июня 1917 г.
Стокгольм Q 163/8 63 W. 7/6 19 x 55. 353.
Мое сведение о Венских забастовках подтверждено **АР-БЕЙТЕРЦЕЙТУНГ** который сообщает, что серьезное забасто-

вочное движение благодаря вмешательству союзов ликвидировано компромиссным увеличением платы, сокращением рабочего дня. Отсутствие ..... тронной речи комедия.

ФЕННЕР был на аудиенции Кайзера. Скрывают перед рабочими, которые демонстрацией ответили нападкам ЛЕУТНЕРА против Фритца АДЛЕРА. Бюлетень вышел, готовым, Франенский тоже брошюру для немецкой оппозиции о русской революции. Девятая восьмую задержали.

«ВЕСТНИК»

[III.7] R. 0435. 16 мая 1917 г.

Пресса Стокгольм Q 329/15 40 W. 14/3 20 x 55. 610.

Петроград Вестник.

Сегодня в Стокгольм прибыл АКСЕЛЬРОДЕ пропущенный через Германию. Завтра здесь ожидаются 250 русск. эмигрант. из Швейцарии, которые тоже ехали через Германию. ТРОЦКИЙ, ЧУДНОВСКИЙ и другие. Задержанные в Англии эмигранты проехали сегодня через Стокгольм.

[III.8] R. 0656. 16 мая 1917 г. 611.

Пресса Стокгольм Q 335 45/43 W. 15,5 1515.

Петроград Вестник.

Экстренный поезд с 257 русскими эмигрантами из Швейцарии ожидается завтра утром в Стокгольм. Они сойдут в предместье Стокгольм Лименгольме. Среди эмигрантов находятся последователи циммервальдского учения: МАРКОВ, БОБРОВ, ЛАПИНСКИЙ, БАЛАБАНОВА, известные социал демократы: АСТРОВ, МАРТЫНОВ, БЕЗЗАБОТНЫЙ, ЛУНАЧАРСКИЙ, АБРАМОВ.

[III.9] R. 0327. 20 июня 1917 г.

Копенгаген А. 1002 17 W. 18 21 50.

Петроград. Редакция интернационала. ГОРДОНУ.

Убедительно прошу не посылать оплаченных 500 слов, мне их некуда употребить. Привет. ТРОЦКИЙ.

ГРИММ

[III.10] R. 0906. 16 июня 1917 г.

Стокгольм 149/15, 84 W. 15/6 1835.

Петроград, Россия, ГРИММ Сов. Деп.

Мы получили следующую телеграмму: просьба сообщить немедленно ГРИММУ и Петроградскому Совету вышеупомянутую телеграмму: просьба от имени меньшинства французского отдела социалистов о ходатайстве перед Петроградским Советом, чтобы Русское правительство просило французское правительство выдать паспорта в Стокгольм Комитету обороны международного социализма по приказанию Александра ДЕЛЕПИН, Павла УРДО, Люси ФОР, Жанны КОЛИАР, Марианны ХАЛЬДЕРАХ, РАУЗЕ, МУРЭ, МУРЕН, ГУРЕН, ЗОРЕТТИ, ВЕРФЕЙЛЬ, ЛОНГЕ, ФРОСАРЬ, ГРАНСАЛЕ, ПЕРИЛЕ. Передать ответ ГЮЛЬБО, Денева. Телеграфируйте «Politiken» «Temps» о циммервальдской конференции. ЛИНДХАГЕН, СТРЕМ, ХЕГЛУНД, НЕРМАН.

[III.11] Из Петрограда 121760 27 6/5 17 28.

Стокгольм. Energos. ГРИММУ.

Прошу сообщить Гуго ХАЗЕ, чтобы он остался в Стокгольме до моего возвращения. Телеграфируйте Совету Депутатов продолжительность пребывания ХАЗЕ отдел международных сношений исполнительного комитета.

КОЛЛОНТАЙ

[III.12] Из Петрограда 103260 14 3/5 174.

Христиания ШАДУРСКОМУ, Ротхейм; Скиельгсонсгаге 19.

Лея приедет, когда ты приедешь. Поцелуй обоим.

КОЛЛОНТАЙ.

[III.13] Из Петрограда Государственная Дума 129460. 13. 8/6. 18.11

Христиания. ШАДУРСКОМУ Ротхейм Скъяльсонгсгаде 19

Вера уехала в Киев. Пришлю деньги завтра.

Обнимаю КОЛЛОНТАЙ.

ФЮРСТЕНБЕРГ

[Ш.14] Из Петрограда 30160, 11, 25, 12 40.

Сальтшэбаден. ФЮРСТЕНБЕРГ

Немедленно телеграфно с подписями документы оправды-
вающие КУБУ СМИТНИЙ.

[Ш.15] Из Петрограда 10360 27/26 18/6 12.56.

Сальтшэбаден. ФЮРСТЕНБЕРГУ

Телеграфируйте в Цюрих Университетская ул. 26 София
ДЖЕВИЖИНСКАЯ. Феликс жил в Москве, уехал на 1 месяц в
деревню для поправления здоровья, если пришлете помощь,
то питание обеспечено. Феликс БЕЗЕ.

[Ш.16] Из Петрограда 335629, 16, 11/6, 19.

Сальтшэбаден. ФЮРСТЕНБЕРГ.

... Подтверждаем 9 10 цех /чека/. Безусловно просит уча-
стия Стокгольмской конференции, напечатан 55 правде.

[Ш.17] Из Петрограда 127360. 8/5. 13.6.

Сальтшэбаден. ФЮРСТЕНБЕРГУ.

Вторая получила семь, завтра выборы в районную Думу,
большевики идут самостоятельным списком против всех обо-
ронцев отклонили предложение совета вступить в блок
оборонцами. Большевикам примкнули нефракционные интер-
националисты и часть интернационалистов меньшевиков.

R. 0327. 20 июня 1917 г.

СУМЕНСОН

[Ш.18] Из Павловска 25-го 10 ч. 20 м.

Сальтшэбаден. ФЮРСТЕНБЕРГУ. Срочно.

Смогу ответить только в конце недели.

СУМЕНСОН.

[Ш.19] Из Петрограда. 28 июня 11 ч. 28 м.

Сальтшэбаден. ФЮРСТЕНБЕРГУ. Срочно.

Надеюсь получить, ждите.

СУМЕНСОН.

КОЗЛОВСКИЙ

[Ш.20] Из Петрограда Государственная Дума 117670, 32, 5 16 30
Сальтшэбаден. **ФЮРСТЕНБЕРГУ**

Финансы весьма затруднительны, абсолютно нельзя дать крайнем случае 500 как прошлый раз. Карандашах громадные убытки, оригинал безнадежен, пусть Ньюбанкен телеграфирует относительно новых 100 тысяч СУМЕНСОН. Сердечно тоскую, целую.

КОЗЛОВСКИЙ.

R. 1654. 16 июня 1917 г. 276.

[Ш.21] Сальтшэбаден 77/16 W.14 15, 17 15

Петроград. Сергиевская 81. **КОЗЛОВСКОМУ**

Ньюбанкен требует доплаты 15300 крон дифференции залога, причина упадок курса.

РОЗЕНФЕЛЬД

[П.22] Из Канавина 397 21, 5, 20 59.

Стокгольм, Паульсгатан, Стоккласс, Мелиторс, Волковысский.

Получил **ГОЛЬДБЕРГА** 14027 руб. телеграфируйте если есть расчет, могу платить кроме 12000 еще 10000.

РОЗЕНФЕЛЬД.

[Ш.23] Из Канавина 1661, 23, 25, 23 50.

Стокгольм, Паульсгатан 26, Волковысский, Стоккласс Мелиторс

Банк не принимает теперь никаких платежей, авось имеешь другой выход телеграфируй, плати ..... сестре 300 рублей.

РОЗЕНФЕЛЬД.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

К. М. АЛЕКСАНДРОВ*

НЕСОМНЕННОЕ УЧАСТИЕ ГЕРМАНСКИХ АГЕНТОВ И ГЕРМАНСКИХ КАПИТАЛОВ

Немцы и большевики в 1917 году:

**документы из коллекции Российского военного агента
в Дании генерал-майора С. Н. Потоцкого**

Ценные воспоминания полковника Б. В. Никитина существенно дополняют документы и материалы Генерального штаба генерал-майора С. Н. Потоцкого (1877–1954), по долгу службы в 1917 г. занимавшегося сбором информации о немецко-большевистских связях. Сергей Николаевич Потоцкий родился 13 сентября 1877 г.,¹ по окончании Пажеского корпуса 12 августа 1896 г. вышел Л.-гв. подпоручиком во 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1903 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба и затем служил в Московском, Санкт-Петербургском и Киевском военных округах. В 1908 г. подполковник С. Н. Потоцкий стал помощником делопроизводителя (позднее делопроизводителем) в разведывательном (Особом) отделении Главного управления Генерального штаба (ГУГШ).

Всея заграничной разведкой, изучением возможных театров военных действий и армий вероятного противника зани-

---

* Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (по специальности «Отечественная история») энциклопедического отдела Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Автор публикации выражает искреннюю признательность неправительственной организации США Конгресс Русских Американцев (КРА), президенту Г.Б. Ависову, администратору М.В. Алякринской, членам Главного правления КРА (Сан-Франциско) за предоставленную возможность занятий в русских архивах США в 1995, 2003 и 2005 гг., специалистам Архива Гуверовского института Стэнфордского университета (Hoover Institution Archives, Stanford University) Р. Булатову, Н. Порфиренко и А. Шмелеву за помощь в занятиях.

мался отдел 2-го обер-квартирмейстера ГУГШ. В 1909–1910 гг. 2-м обер-квартирмейстером был генерал-майор Е. К. Миллер — будущий руководитель Белого движения на Севере России и Председатель РОВС в 1930–1937 гг., похищенный в Париже и расстрелянный большевиками 11 мая 1939 г. во Внутренней тюрьме НКВД. Благодаря Миллеру, в отделе царил спокойная и приятная атмосфера. Вместе с Сергеем Николаевичем служили такие незаурядные русские офицеры как Б. В. Геруа, С. Л. Марков, Н. Н. Стогов и др.². 15 марта 1914 г. полковник Потоцкий получил ответственное назначение Российским военным агентом (атташе при Императорской Российской миссии) в Бельгии и Нидерландах, занимаясь организацией разведывательных операций и анализом текущей информации, а во время Великой войны занимал ту же должность в нейтральной Дании, отлично справляясь с возложенными на него обязанностями.

В знаменитом Архиве Гуверовского института Стэнфордского университета (Hoover Institution Archives, Stanford University) в Пало-Альто (Калифорния, США) хранится богатая коллекция генерала Потоцкого, рукописные и печатные материалы которой представляют огромный интерес для российских исследователей. В круг обязанностей Российского военного агента и его сотрудников входили не только разведка против Германии и Австро-Венгрии, но и составление оперативных сводок на мигрантов, выезжавших из нейтральных стран в Россию, оказание помощи бежавшим из плена бывшим русским военнопленным, наблюдение за лицами, интересующими Особое отделение генерал-квартирмейстера (Огенквар) ГУГШ и т. д. Не меньший интерес представляют и сохранившиеся в коллекции ведомственные письма и запросы, поступавшие в Копенгаген из Петрограда. Публикуемые входящие телеграммы позволяют составить впечатление о тех проблемах, которые беспокоили Огенквар в период от Февраля к Октябрю 1917 г.

Будучи профессиональным офицером службы Генерального штаба, С. Н. Потоцкий не сомневался в том, что противник финансировал деятельность большевиков в России при помощи законспирированной цепочки посредников, замыкавшейся на И. Л. Гельфанда (А. Парвуса). Еще в 1915 г. в специаль-

ной докладной записке, сохранившейся в коллекции, указывалось на возможность использования врагом «крайних революционеров» и «пораженцев».³ В своих донесениях 1917 г. Российский военный агент в Дании неоднократно сообщал о критической ситуации с продовольствием в Германии и Австро-Венгрии, истощении их людских ресурсов,⁴ неотвратимо приближавших катастрофу Центральным державам в самое ближайшее время.⁵ Так, например, в донесении № 365 от 9 августа 1917 г. генерал-майор Потоцкий сообщал о призыве в июле в Германии 120 тыс. 17-летних юношей 1899 г. р., проходивших подготовку в «эрзац-батальонах».⁶ Поэтому, с точки зрения Сергея Николаевича, единственный шанс противника заключался в ликвидации Восточного фронта при помощи сепаратного мира, долженствующего стать следствием радикального революционного переворота.

Разумеется, Потоцкий не знал о том, что 14 марта (н. ст.) 1917 г. МИД Германской империи просил Государственное казначейство выделить 5 млн марок на политическую пропаганду в России.⁷ Парвус, мгновенно разобравшийся в *двоевластии*, сложившемся после Февральской революции, в беседе с немецким посланником в Копенгагене графом У. Брокдорфом-Ранцау — будущим послом в 1922—1928 гг. в СССР(!) — решительно утверждал: «Победа социал-демократов в России будет означать мир».⁸ Мир, в котором Германия и Австро-Венгрия, и по оценке Парвуса, и с точки зрения Потоцкого, нуждались как в воздухе. С середины марта на протяжении последующих полутора месяцев Потоцкий по каналам агентурной сети получил неопровержимые сведения о финансировании противником пораженческой деятельности социал-демократов, возвращавшихся из эмиграции на родину с целью создания условий для заключения сепаратного мира (см. док. II). Выводы, к которым Сергей Николаевич пришел в конце апреля, полностью согласуются с содержанием известного сообщения Верховного командования Германской Императорской армии переданным в те же дни для политического отдела Генерального штаба в Берлине: «Въезд Ленина в Россию прошел успешно. Он действует точно так, как нам бы хотелось».⁹ Возможно, Российский военный агент в Дании был первым, сообщившим об этом русской контрразведке за два

месяца до июльского кризиса и задолго до передачи французскими союзниками Никитину первой серии перехваченных телеграмм.

Более четверти века спустя целенаправленный характер немецкой операции по организации въезда Ленина в Россию в частном совещании подтвердил даже Гитлер: «Мы разбили и растерли Россию и в эту разбитую Россию доставили Ленина, которому тогда было там место».¹⁰ Но деятельность РСДРП(б) и руководимых большевиками солдатских комитетов весной — летом 1917 г., видимо, не ограничивалась пропагандой с целью разложения тыла и Действующей армии. Начальник австро-венгерской разведслужбы генерал М. Ронге с удовлетворением констатировал: до лета 1917 г. австро-германские разведывательные органы сумели установить контакты с солдатскими комитетами 107 из 214 находившихся на фронте русских дивизий. По свидетельству Ронге, австро-германское командование широко использовало в своих интересах призывы Ленина к братанию и миру.¹¹ При активном участии большевиков из местных солдатских комитетов за май 1917 г. только разведотделы 3-й и 7-й австро-венгерских армий осуществили на Восточном фронте при помощи акций по «братанию» 285 разведывательно-шпионских контактов.¹²

После Октябрьского переворота 1917 г. все чины российской миссии в Копенгагене категорически отказались признавать власть Совнаркома, возникшую при участии германской агентуры (см. док. XIII—XIV). Сохранив должность и скромный аппарат миссии в Копенгагене, генерал-майор Потоцкий в годы Гражданской войны занимался судьбами русских военнопленных в Германии в 1918—1919 гг., выполнял ответственные военно-дипломатические поручения Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака, Главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта А. И. Деникина, Главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, оказывал помощь Северной и Северо-Западной Добровольческой армиям. После прекращения Белой борьбы в России Сергей Николаевич оказался в эмиграции в Дании, где состоял Председателем Русского Красного Креста, Офицерского союза в Копенгагене, участвовал в жизни

русских воинских организаций. Умер Сергей Николаевич Потоцкий 7 января 1954 г. в Копенгагене, а собранные и сохраненные им материалы оказались в фондах Архива Гуверовского института.

Предлагая вниманию читателя 14 документов,¹³ так или иначе касающихся актуальной проблемы немецко-большевистских связей и финансового участия Германии в Октябрьском перевороте, мы не сомневаемся, что в значительной степени они сочетаются со свидетельствами полковника Б. В. Никитина о деле по обвинению ленинской партии, которое вела контрразведка Петроградского военного округа в 1917 г.

ДОКУМЕНТ I.

**Петроград — Копенгаген. COPENHAGUE RUSMILITA.
10 апреля 1917.**

Шифр A1063/10 28/6/22W 10 10 40

По сведениям Великобританской Миссии русские евреи в Копенгагене на заседании 22-го марта решили вернуться в Россию для пропаганды в русских войсках против войны.

Благоволите установить наблюдение за отъезжающими ввиду опасности подобной пропаганды. № 99.

65048

ЗАНКЕВИЧ¹⁴

ДОКУМЕНТ II.

Копенгаген — ШТАЗАП.¹⁵ Полковнику Бранту.¹⁶

Установлено двоеточие настоящее время почти во всех городах Германии Австро-Венгрии не хватает хлеба мяса картофеля муки вообще съестных продуктов точка Повсюду продовольственный кризис и всеобщее неудовольствие народных масс точка Германское правительство желая вывести Германию из тяжелого положения во что бы то ни стало хочет заключить мир с Россией точка С этой целью высылает социал-демократов нейтральных стран Россию платя большие деньги точка 13/Б. 147

2/V. 1917.

ПОТОЦКИЙ

ДОКУМЕНТ III.

Копенгаген — Огенквар. Потапову.¹⁷

24265. Установлено что арестованный имеет сношения с Винцом.¹⁸ Последний получал из России телеграммы условного содержания. Подробности почтой. 206.¹⁹

ПОТОЦКИЙ

ДОКУМЕНТ IV.

Петроград — Копенгаген. COPENHAGUE RUSMILITA.

13 июня 1917.

Шифр A1336/12 119W 12/6 22 7

Огенквар просит Вас непосредственно и при содействии союзных военных агентов настойчиво и планомерно усилить и развить возможно шире контрразведывательную деятельность по наблюдению за германским шпионажем и германскою пацифистскою и антимилитаристическою пропагандою в России — в целях выяснения германских руководящих органов, личного состава их и пути связи с Россией что в настоящее время имеет первостепенное значение. Результаты благоволите доносить возможно чаще по телеграфу и почтою. № 24227. ПОТАПОВ. 22005. ЮДИН.

ДОКУМЕНТ V.

Копенгаген — Огенквар. Потапову.

24227. В этой области²⁰ работают Эрцбергер, Винц, редактор газеты “Vorgwärts” Рубинштейн, Парвус. Подробности донесу почтой. Сбор сведений такого рода труден. 207.²¹

ПОТОЦКИЙ

ДОКУМЕНТ VI.

Копенгаген — Огенквар. Федорову. Птрд.²²

9-го июля Парвус по телефону известил Винца о получении из Петрограда телеграммы от Шифтана. Подробности нет. 284.²³

ПОТОЦКИЙ

ДОКУМЕНТ VII.

Копенгаген — Огенквар. Федорову. Птрд.

Мне сообщают что выехавший [...] ²⁴в Россию Владислав Львович Шатеншдейн — агент Парвуса. О нем я докладывал еще в прошлом году. 293.²⁵

ПОТОЦКИЙ

ДОКУМЕНТ VIII.

Петроград — Копенгаген. COPENHAGUE RUSMILITA.

21 июля 1917.

Шифр A1251/21 117W 21/7 12 40

Ввиду неудавшейся попытки некоторых крайних групп солдат и рабочих вооруженного воздействия на совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и имеющихся сведениях, что некоторые из лиц этой группы подозреваемы сношениях Германией намереваются скрыться за границу, сообщая, что Временное Правительство постановило арестовать всех главарей руководивших последним восстанием, как частных последнему, так и подозреваемых сношениях Германией; в связи изложенным прошу усилить меры по № 24227²⁶ а также срочно и чаще доносить о ходе дела. 24625.

№ 28355. ПОТАПОВ.

ДОКУМЕНТ IX.

Петроград — Копенгаген. COPENHAGUE RUSMILITA.

4 августа 1917.

Шифр A1097/4 360W 4 12 40

Несомненное участие германских агентов и германских капиталов, подготовлявших события 3 и 5 июля в Петрограде наглядно, указывают на гибкое применение германской разведки и пропаганды к новому государственному строю в России.²⁷ Неудавшаяся попытка вызвать анархию в России путем пропаганды крайне левых лозунгов, приведшая к укреплению власти Временного Правительства может заставить германцев переменить тактику и обосновать свою пропаганду и агитацию на крайних правых контрреволюционных лозун-

гах, с целью вызвать новое движение против Временного Правительства и тем способствовать прекращению войны. В целях своевременного обнаружения подобных попыток надлежит самым энергичным образом вести соответствующее наблюдение за германскими деятелями и очагами германской разведки и пропаганды, а также за сочувствующими русскими кружками и лицами безотлагательно телеграфируя Огенквар каждом сведении указанном смысле. 33036.

ПОТАПОВ. ЮДИН.

ДОКУМЕНТ X.

Петроград — Копенгаген. COPENHAGUE RUSMILITA.
7 августа 1917.

Шифр A1004/7 226/222W 7/8 2 30

Получены сведения, что Geteborg Bank покупает в Финляндии марки за счет Германии. Возможно, что это делается с последующей скупкой за бесценок наших рублей. Прошу следить за этой скупкой и продажей наших рублей. По сведениям французского отдела союзнического бюро²⁸ за последнее время контрабандным [путем]²⁹ вывозом русских рублей и спекуляциями с ними занимается в Хапаранде³⁰ агент финляндских железных дорог Штерман и экспедитор Аксель Стирман, а в Стокгольме — служащий Северной жел. дорожной компании Sansleppez. Последний получает рубли от одного иностранца, которого видели выходящим из Русской Миссии. Встречи происходят в <...>³¹ Drottningsgatan № 29 <...>³² Стокгольм. Есть подозрения, что рубли эти, скупаемые преимущественно Стокгольмским банком Hegman, а также за счет банков в Цюрихе и Амстердаме употребляются на германскую пропаганду в России.³³ Участвует в спекуляциях банк Suomen Каурра в Выборге. 15223. Гиссер.³⁴ 65127.

ЮДИН.

ДОКУМЕНТ XI.

Копенгаген — Огенквар. Федорову. Птрд.

В сношениях с Фюрстенбергом³⁵ несколько лет тому назад находился Виктор Давидович Морацевич, имевший на За-

городном проспекте³⁶ контору, под фирмой «Фридлянд и Морачевич». 367.³⁷

ПОТОЦКИЙ.

ДОКУМЕНТ XII.

Копенгаген — Париж, Лондон.³⁸

На состоявшемся в первых числах декабря³⁹ совещании в германской ставке Восточного фронта были выработаны подробные директивы комиссии для заключения перемирия на русском фронте. Был между прочим поднят вопрос — должно ли гермпра⁴⁰ признать большевиков правительством правомочным для заключения мира и нужно ли требовать от них сперва занятия Ставки перед началом мирных переговоров.⁴¹ Возникли крупные разногласия между гражданскими и военными представителями. Первые предлагали признать всякое русское правительство;⁴² вторые высказывались в том смысле, что признание шайки социалистов, которая не сумеет удержать за собой власть — может скомпрометировать Германию. Они настаивали на ведении переговоров с командными составами отдельных армий и войсковых частей. Сведение это получено агентурным путем. 1339. 1340.

ПОТОЦКИЙ.

ДОКУМЕНТ XIII.

**Копенгаген — Огенквар 2⁴³ Птрд.
2 декабря 1917. На № 46744⁴⁴**

Повторяю мою телеграмму № 548:⁴⁵ все чины российской миссии в Копенгагене решили не признавать законности захвата власти большевиками. Вполне присоединился к этому постановлению. Все поступившие после 25 октября сведения агентурно-разведывательного характера мною передаются союзникам а важнейшие кроме того по телеграфу в Париж и Лондон. 550.

Мнения своего не изменил.

ПОТОЦКИЙ.

ДОКУМЕНТ XIV.

Из списка лиц, получивших в период времени с 1 по 15 октября из Российского Генерального консульства в Копенгагене паспорта на проезд в Германию // Документ Контрольно-паспортного бюро в Копенгагене. 16 октября 1919. № 68. Л. 2.

№ 9. Фейнштейн Исаак (Айзик)

По агентурным сведениям, по приезде из Германии в 1914 году открыл торговую контору в компании с неким Мейснером, который был впоследствии выслан из Дании. Контора находилась под покровительством начальника бюро печати при Германской миссии в Копенгагене Л. Винца, а потому получала из Германии в дипломатической вализе⁴⁶ запрещенные к вывозу аптекарские товары и переправляла их в Россию, участвуя в известной операции большевистских руководителей Парвуса-Гельфанда и Фюрстенберга-Ганецкого, переправлявших посредством аптекарских товаров средства на большевистскую пропаганду и организацию восстания своим петроградским корреспондентам присяжному поверенному Козловскому и госпоже Симонс⁴⁷ (дело Петроградской контрразведки летом 1917 года).

После высылки Мейснера Ф[ейнштейн] всецело перешел на службу к Винцу и дважды ездил курьером в Германию под фамилией Грасс (сведения о его поездке в Германию подтверждаются из другого источника). Ф[ейнштейн] был близок с рижским мешанином Долгопольским, высланным за шпионаж из Дании.

Примечания

¹ Подробнее о нем, см.: Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 / Сост. В. Н. Чуваков. Т. VI. Кн. I. С. 26–27; Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии / Сост. по 1 янв. 1909. СПб., 1909. С. 17; Список Генерального штаба. Исправлен по 1 янв. 1916. (С приложением изменений по 1 марта 1916). Пг., 1916. С. 79; Список полковникам по старшинству. Исправлен по 1 авг. 1916. Пг., 1916. С. 131; Волков С. В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 389; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии

и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). М., 1997. С. 199–200.

² *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. I. Париж, 1969. С. 232–233.

³ Цит. по: Докладная записка № 303 // Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). S. N. Pototskii collection. Box 7. Folder «Прочая переписка (исходящая) 1915».

⁴ Донесения № № 135 10/Б (апр. 1917), 321 (б. д.), 335 (б. д.), 383 от 16 авг. 1917 // HIA. Там же. Folder «Исходящие 1917».

⁵ В телеграмме № 127 от 22 апр. 1917, адресованной полковнику Бранту в штаб Западного фронта, подчеркивалось: «В настоящее время в Германии большой продовольственный кризис и германцы надеются только на сепаратный мир с Россией» // Цит. по: там же.

⁶ Донесение № 365 от 9 авг. 1917, 1431Б // Там же.

⁷ *Хереш Э.* Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2005. С. 237.

⁸ Цит. по: док. № 14. Посланник в Копенгагене — в МИД. Телеграмма № 476 от 21 марта 1917 // Был ли Ленин немецким агентом? Документы «Германия и революция в России 1915–1918». Под ред. З. А. Земана [Лондон — Нью-Йорк — Торонто, 1958]. Пер. с англ. / Сост. В. И. Кузнецов. СПб., 1994. С. 25.

⁹ Цит. по: док. № 51. Офицер связи МИД при Имперском дворе — в МИД. Телеграмма № 551 от 21 апр. 1917 // Там же. С. 35. Фотокопию документа, см.: *Хереш Э.* Указ. соч. С. 255.

¹⁰ Цит. по: Совещание фюрера с генерал-фельдмаршалом Кейтелем и генералом Цейслером. 8 июня 1943, Бергхоф // *Двинов Б.Л.* Власовское движение в свете документов (с приложением секретных документов). Нью-Йорк, 1950. С. 93.

¹¹ *Френкин М.С.* Русская армия и революция 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 173.

¹² Там же. С. 174, 265–266.

¹³ HIA. Collection S.N. Potozky. Box 7. Folder «Исходящие 1917»; box 8. Folder «Переписка 1917–1918»; box 10. Folder «Входящие, 1916, 1917»; box 28. Folder «Сводки на лиц, отправляющихся в Германию». Документы публикуются в соответствии с требованиями новой орфографии, стилистические и пунктуационные особенности сохранены.

¹⁴ *Занкевич Михаил Ипполитович* (1872–1945) — генерал-майор, генерал-квартирмейстер ГУГШ (1916–1917). После Октябрьского переворота 1917 — в белых войсках Восточного фронта, генерал-лейтенант (на 1920). В эмиграции во Франции.

¹⁵ Штаб Западного фронта.

¹⁶ Не установлен. В «Списке полковникам по старшинству» (1916) отсутствует. Некоторые другие донесения, которые С. Н. По-

тоцкий направлял в 1917 в Огенквар ГУГШ, параллельно направлялись и полковнику Бранту (Бранду).

¹⁷ *Потапов Николай Михайлович* (1871–1946) — генерал-лейтенант, генерал-квартирмейстер ГУГШ (с 13 апр. 1917). После Октябрьского переворота 1917 — на службе в РККА. В 1920-е — активный участник операции «Трест», направленной против воинских организаций Русского Зарубежья.

¹⁸ *Винц (Винс) Л.* — германский разведчик на дипломатической службе, в 1917 — начальник бюро печати при Германской миссии в Копенгагене.

¹⁹ Предыдущая телеграмма № 205 (не публикуется) датирована 7 июня 1917. Телеграмма № 206 была отправлена в последующие дни.

²⁰ По организации пораженческой агитации в России.

²¹ Без даты. Ответ на № 24227 и № 22005.

²² Петроград (*сокращ.*).

²³ Предыдущая телеграмма № 283 (не публикуется) датирована 12 июля 1917. Возможно, что телеграмма № 284 была отправлена в тот же день или в последующие дни.

²⁴ Не разборчиво, вероятно «морем».

²⁵ Предыдущая телеграмма № 292 (не публикуется) датирована 17 июля 1917. Возможно, что телеграмма № 293 была отправлена в тот же день или в последующие дни.

²⁶ См. док. IV.

²⁷ Интересно, что на заседании Петроградского комитета РСДРП (б) 17(30) авг. 1917 было принято решение об увеличении содержания членам комитета («*Приходится бегать и обедать в разных местах*»), несмотря на то, что даже старые оклады (до 17/30 авг.) уже значительно превышали жалованье служащих госучреждений («*Ни одно учреждение не дает так много*»). См.: док. № 56. Заседание Петербургского комитета РСДРП(б) 17(30) августа // Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 402.

²⁸ В круг обязанностей II (разведывательного) бюро Генерального штаба Французской армии входил сбор и анализ информации по международным вопросам.

²⁹ «Путем» — зачеркнуто в рукописном оригинале.

³⁰ *Ханаранда* — город в Швеции, близ устья реки Торноо у Ботнического залива, на границе с Финляндией.

³¹ Пропуск в документе.

³² Пропуск в документе.

³³ Позднее, в телеграмме № 1723 (не публикуется) Огенквар подчеркнул еще раз: «Германия и Австрия с середины прошлого года усиленно скупают русские рубли, по-видимому, для оплаты своих

агентов и подкупов в России. Разменный курс и другие серьезные финансовые причины сделали рынком для этой скупки Швейцарию. Туда стекают рубли контрабандой вывозимые из России через Францию, Англию, Голландию и даже через Швецию» // Цит. по: НИА. S. N. Pototskii collection. Box 10. Folder «Входящие, 1916, 1917».

³⁴ *Гиссер Георгий Георгиевич* (1872—?) — Генерального штаба генерал-майор, генерал-квартирмейстер ГУГШ (на 13 авг. 1917). С осени 1917 состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. В февр. 1918 в Петрограде участвовал в работе штаба Высшего Военного Совета.

³⁵ Я. С. Ганецким.

³⁶ В Петрограде.

³⁷ Предыдущая телеграмма № 366 (не публикуется) датирована 9 августа 1917. Возможно, что телеграмма № 367 была отправлена в тот же день или в последующие дни.

³⁸ Российским военным агентам в союзных столицах. Дата телеграммы неразборчива.

³⁹ 1917.

⁴⁰ Германское правительство.

⁴¹ Ставка в Могилеве была занята большевиками 20 ноября (2 дек. н. ст.) 1917, не исключено, что по требованию германской стороны.

⁴² В телеграмме № 1628 от 9 ноября 1917 представитель МИД при Ставке Верховного командования барон К. фон Лерснер сообщал в Берлин, в МИД, ссылаясь на слова 1-го генерал-квартирмейстера генерала пехоты Э. Людендорфа: «Победа Совета рабочих и солдатских депутатов желанна для нас» // Цит. по: *Хереш Э.* Указ. соч. С. 313.

⁴³ Отдел 2-го обер-квартирмейстера ГУГШ.

⁴⁴ Не обнаружена.

⁴⁵ Не обнаружена.

⁴⁶ Почте.

⁴⁷ Правильно: Е. М. Суменсон.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Беседа с Б. В. Никитиным¹

Г. Керенский неосторожно попытался в своих воспоминаниях («Современные Записки», кн. XXXVII) оправдать свое поведение по отношению к большевикам, обвинив других в том, что главари партии не были арестованы.

П. Н. Переверзев, которого я просил рассказать об июльском восстании в связи с возводимыми на него г. Керенским обвинениями, сообщил факты, бросающие новый свет как на связь большевиков с немцами, так и на развитие и окончание июльских событий*. Июльское восстание, после неудачи которого большевики потеряли значительную долю своего влияния в столице, еще недостаточно изучено. После воспоминаний ген. Половцова, Керенского и заявлений Переверзева мне захотелось узнать мнение человека, близко стоявшего тогда к событиям и знавшего лучше кого бы то ни было о деятельности большевиков в первые месяцы революции. Этот свидетель — подполковник Генерального штаба Борис Владимирович Никитин.

13 марта Б. В. Никитин был назначен начальником Петроградской контрразведки после ее восстановления Временным правительством, а в середине июня — генерал-квартирмейстером штаба Петроградского округа, причем после его нового назначения контрразведка не только, как то полагалось, продолжала быть ему подчиненной, но, согласно с желанием ген. Половцова, вся ее работа по выяснению деятельности большевиков осталась под его прямым руководством.

Б. В. Никитин, которого я подробно расспросил, рассказал все, что ему было известно о союзе большевиков с немцами, а также и о июльских событиях.

---

¹ Впервые опубликовано: «Возрождение» (Париж). 1929, 27 апреля. С. 2—3.

* См. «Возрождение», № 1415.

Приведенный ниже рассказ Б. В. Никитина был записан мною, а затем проверен автором.

* * *

— Я могу говорить лишь о том, — начал Б. В. Никитин, — что произошло после 13 марта по июльское восстание включительно, когда, вопреки настояниям нового главнокомандующего ген. Васильковского, я покинул пост генерал-квартирмейстера Петроградского округа.

Все, что я знаю о событиях того времени, мною подробно записано. Эти записи хранятся в надежном месте и будут, надеюсь, со временем опубликованы. Сейчас же, в беседе с вами, я хотел бы высказаться лишь по двум вопросам, затронутым Керенским в своих воспоминаниях. А именно:

Имеет ли Керенский основания заявлять, что Переверзев был уволен с поста министра юстиции за то, что опубликование им сведений об измене большевиков якобы помешало вести до конца само расследование?

И во-вторых, действительно ли, как пишет Керенский, из-за опубликования этих сведений была навсегда потеряна возможность документально установить измену Ленина?

Государственная контрразведка, характер работы которой был хорошо известен Керенскому, представила против большевиков обвинение в получении ими немецких денег. Причем это обвинение было построено следствием по трем совершенно различным направлениям.

О первом направлении уже упомянул в беседе с вами П. Н. Переверзев. Сношения производились через дачи в районе Выборга, снятые на имя Коллонтай, и по двум пограничным пунктам около Торнео, через которые пересылались письма Ленина — Парвусу. Эти письма перехватывались нашими агентами, командированными туда под начальством одного очень видного юриста, бывшего товарища прокурора и столоначальника контрразведки Н. (Б. В. Никитин назвал мне его имя, однако просил не упоминать его).

О том, что почерк Ленина был установлен экспертизой, а равно о самом содержании писем, уже говорил П. Н. Переверзев.

Второе направление мы получили из пресловутого дела публициста Колышко, более известного под псевдонимом «Баян», работавшего в интересах Германии, в целях содействия заключению сепаратного мира, посаженного при Переверзеве в Трубецкой бастион, а в сентябре месяце освобожденного Малянтовичем.

Из этого дела мы уже в мае добыли первые документальные, неопровержимые доказательства участия немцев в организации большевицких выступлений, и в частности апрельского — перед Мариинским дворцом, после которого не только ушел Корнилов, но и Милюков. При обыске у Колышко мы обнаружили собственноручное его письмо для передачи лидеру одной из наиболее влиятельных германских политических партий с прямым указанием на роль Ленина.

Кстати сказать, из дела Колышко мы узнали о деятельности некоего Степина, бывшего коммерческого агента одной известнейшей иностранной фирмы в России. Степин получал деньги от Ленина и был одним из его агентов по найму участников в большевицкие демонстрации.

Арестовав Колышко в мае месяце, я, с согласия Переверзева, искусственно выделил дело Степина из его дела, так как первое только поступило в разработку и его преждевременная огласка могла повредить расследованию.

Первым на роль Козловского мне указал сам Переверзев. Затем, при самом начале наблюдения за большевиками, было установлено, что Козловский по утрам обходил разные банки и в одних получал деньги, а в других открывал новые текущие счета: по мнению финансовых экспертов контрразведки, он просто заметал следы. Расследование, однако, приняло серьезный характер лишь после того, как блестящий офицер французской службы, капитан Пьер Лоран вручил мне 26 телеграмм, отправленных Парвусом и Ганецким на имя Ленина, Коллонтай, Козловского, Суменсон и некоторых других. Эти телеграммы прямо указывали на связь большевиков с немцами.

Следует отметить, что только из этих телеграмм мы узнали о роли деми монденки Суменсон.

Кстати сказать, Ермоленко, на которого ссылается Керенский как на главного осведомителя, ничего не говорил о

Козловском, Фюрстенберг-Ганецком и Суменсон. Сведения Ермоленка можно было рассматривать, лишь как первые общие указания при начале расследования существа дела.

Как было давно известно, Парвус состоял на службе германского правительства, а Ганецкий был его помощником и одновременно очень близким человеком к Ленину.

Эти сведения о Парвусе, Ленине и Ганецком может подтвердить вам В. Л. Бурцев.

Суменсон, арестованная во время июльского восстания, во всем чистосердечно призналась двум допрашивавшим ее в моем присутствии следователям. Она показала, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому, состоявшему в то время членом ЦК партии большевиков, какие бы суммы денег он ни потребовал, без всякой расписки. Из предъявленных ею чековых книжек явствовало, что некоторые из таких выдач доходили до 100 тысяч рублей.

Ганецкий переводил деньги Суменсон под видом средств, необходимых для ее «торговли аптекарскими товарами». Суменсон, однако, созналась, что никакого аптекарского склада у нее не было и вообще никакой торговлей она не занималась.

Показания Суменсон представились мне настолько исчерпывающими, что, занятый другими делами, я даже не считал нужным присутствовать при ее дальнейшем допросе.

Теперь перехожу к июльским событиям.

Я имел обыкновение собирать каждый день в 11 часов утра высших чинов контрразведки — восемь выдающихся юристов, военных и гражданских — на совещание.

На таком совещании, 1 июля, я предложил всем присутствующим, начиная с младшего, высказаться о том, достаточны ли имеющиеся у нас данные для ареста большевиков. Единогласно было признано, что, по каждому в отдельности, из трех перечисленных выше направлений данных было более чем достаточно, чтобы арестовать большевиков по обвинению их в государственной измене.

Последним я спросил П. А. Александрова, следователя по особо важным делам, начальника всех агентов наружного наблюдения, мнение которого меня особенно интересовало, принимая во внимание его общепризнанную репутацию одного из наиболее выдающихся русских судебных деятелей.

— Какое же может быть еще сомнение Б. В., — сказал Александров и, пожав плечами, добавил: — Что же еще надо!

Тут же было высказано сомнение относительно физической возможности произвести аресты. Действительно, в то время мы не располагали ни одним штыком в гарнизоне. Не было ни одного солдата, которому можно было поручить не то что стрелять в большевиков, но всего лишь сопровождать нас при арестах.

Для того чтобы была понятна эта моя основная мысль, иллюстрирую вам положение следующими примерами.

Контрразведка занимала два этажа на Воскресенской набережной в старом здании Императорского Конвоя. В квартиру на третьем этаже, по одной с нами лестнице, самолично въехал боевой отдел партии большевиков Литейного района. Ни ген. Половцову, ни его помощнику, кап. Козьмину, ни ген. Дутову, при всем их старании, не удалось найти желающих освободить нас от этого соседства.

Мы провели экспедицию на дачу Дурново только благодаря следующему обстоятельству.

Расторопному старшему агенту контрразведки удалось принести нам чрезвычайно ценное сведение. Из тюрьмы были незадолго перед тем освобождены двое преступников: водворение назад, в тюрьму требовалось частью членов Совета рабочих и солдатских депутатов. Эти преступники будто бы находились среди засевших на даче Дурново. Таким образом, мы могли туда явиться, поддержанные требованием части совдепа.

Тем временем ген. Половцов должен был изодрать всю свою изобретательность, чтобы притянуть солдат, можно сказать, буквально на аркане хотя бы в район дачи Дурново. Его фантазия разыгралась в самой крайней степени, когда ему пришлось уверять остановившихся на Литейном мосту семеновцев, что разрешение на экспедицию от Совета рабочих и солдатских депутатов имеется у него в кармане. Я очень боялся тогда, что солдаты потребуют, чтобы он показал эту несуществующую бумагу.

Ликвидация дачи Дурново прошла благополучно. Это не помешало Козловскому на другой же день ворваться с целой бандой в помещение контрразведки, обещая стереть нас в

порошок. Акции генерала Половцова в Таврическом дворце упали еще ниже. Хуже всех, однако, пришлось Переверзеву. На даче Дурново, среди прочих, был арестован матрос Железняков. И вот каждый день, с утра, в приемную министра юстиции, вваливалась пачка вооруженных кронштадтских матросов и не уходила до самого вечера, требуя освобождения Железняка, грозя убить, в противном случае, Переверзева. Тот выходил к матросам раз или два в день и неизменно отвечал, что Железняков будет сидеть в тюрьме до тех пор, пока он, Переверзев, останется министром. Эти угрозы временами доводили до иступления секретарей министра, Бесарабова и Данчича.

Учитывая эту обстановку, я тут же на заседании, 1 июля, принял следующие меры:

1) Приказал отменить производство всех 913 дел по шпионажу, находящихся в разработке контрразведки и не имеющих отношения к большевикам, дабы усилить работу против большевиков.

2) Мы составили список двадцати восьми большевицких главарей, начиная с Ленина, и я тут же подписал именем главнокомандующего двадцать восемь ордеров на аресты. По желанию начальника штаба главнокомандующего генерала Балабина единоличное право подписывать такого рода ордера именем главнокомандующего было предоставлено мне еще генералом Корниловым и сохранено затем генералом Половцовым.

3) Практика мне показала, что то, чего мы не могли провести в Петрограде из-за вмешательства Совета раб. и солд. депутатов, нам иногда удавалось осуществить вне столицы. Я «переселил» в тот же день за границу Финляндии целый отдел контрразведки с 40 агентами. Начальнику его, тому же Н., я вручил ордера, приказал ему арестовать указанных в них лиц при их появлении на границе и немедленно мне о том доносить по телефону.

4) Я поставил в известность всех своих помощников, что такой порядок будет продолжаться самое большее семь дней. В случае же, если за этот срок нам не удастся создать благоприятной обстановки, мы все равно 7 июля приступим к ликвидации большевиков в Петрограде.

В тот же день, около десяти часов вечера, я приехал в штаб округа. Сходя с автомобиля, я встретился на тротуаре с генералами Половцовым и Балабиным. Половцов отвел меня в сторону и в присутствии Балабина сказал:

— Вот тебя-то как раз мне и надо. Положение Временного правительства — отчаянное, оно просило меня спросить тебя, когда ты будешь в состоянии ликвидировать большевиков, уличить их в государственной измене?

Я ответил:

— Данных у меня совершенно достаточно. Но я не вижу тех войск, которыми мы будем штурмовать дом Кшесинской и около тридцати боевых организаций большевиков, разбросанных по всему городу. Во всяком случае, передай Временному правительству, что, если мы чего-нибудь не придумаем до 7 июля, я все равно приступлю в этот день к арестам.

Здесь же, в кратких словах, я доложил Половцову о сделанных мною утром распоряжениях.

Как известно, во время июльского восстания большевики, игнорируя Временное правительство, направили главный удар на Таврический дворец, где заседала та часть депутатов Совета, которая поддерживала Временное правительство. На приглашение Совета приехать в Таврический дворец для руководства обороной генерал Половцов совершенно справедливо ответил отказом, дабы иметь возможность остаться на фланге с несколькими сотнями казаков. Вместо себя он отправил меня в Таврический дворец.

Должен заметить, что за весь день 5 июля, несмотря на все обещания членов Совета, им не удалось привлечь на защиту Таврического дворца ни одного солдата. Военная секция отдала себя в мое распоряжение. Члены ее временами истерически на меня нападали за то, что я не хочу набросать им плана баррикад и приступить к их постройке. В ответ я тщетно требовал привести мне хотя бы один батальон.

<...> (Неразборчивый газетный текст. — *Ред.*)

Непосредственная оборона дворца фактически была выполнена воинской секцией: мы от времени до времени выкакивали из разных дверей, отбивали отбираемые у нас автомобили, выставляли ворвавшиеся банды, ставили при входах декоративные караулы и тому подобное...

Около пяти часов дня мне позвонил из штаба округа генерал Балабин:

— П. Н. Переверзев, который сидит здесь с нами, спрашивает, не имеешь ли ты препятствий к немедленному опубликованию части тех данных об измене большевиков, о которых ты сегодня ночью докладывал Половцову. При этом сведения были бы подписаны не тобой, так как твое имя не вызовет доверия масс, а Г. Алексинским и старым шлиссельбуржцем Панкратовым. Теперь спрошу от себя, как ты думаешь, не создаст ли нам, наконец, это опубликование благоприятную обстановку для ареста большевиков?

Я ответил:

— Совершенно согласен. Считаю опубликование своевременным и могущим быть решающим при настоящем положении. Только прошу тебя, позови сейчас же начальника контрразведки, он должен быть у вас в штабе, и помоги ему немедленно приступить к арестам.

Должен добавить, что Переверзев мне часто говорил, что Россия погибла и ее может спасти только наша контрразведка. Из этого следует, что он прекрасно отдавал себе отчет, что делает ставку на последнюю карту. Он удивительно правильно выбрал психологический момент. Но ответствен за опубликование сведений не он один, а он, Половцов, Балабин и я.

В 8 час вечера как бомба влетел в комнату, где я сидел с членами воинской секции, один из членов Совета и закричал:

— Мы спасены. У Временного правительства есть данные об измене большевиков.

В мгновение весть распространилась по дворцу. Депутаты ликовали, поздравляли друг друга, благодарили нас.

Не могу, однако, забыть фигуры нового сенатора Н. Д. Соколова, избитого за два дня перед тем юнкерами, который с повязанной головой и трясущимся подбородком бегал в сопровождении Нахамкеса от телефона к телефону, старался кого-то вызвать и в панике восклицал:

— Неужели Переверзев позволил дискредитировать целую политическую партию!

Уже около 8 часов вечера, по собственной инициативе, узнав об измене большевиков, прибыли первыми на защиту Таврического дворца вооруженные солдаты ближайшей к нам

воинской части, гвардейского саперного батальона. Затем явился Измайловский полк. Члены Исполнительного комитета встречали приходившие войска громогласными речами.

Всякий раз они начинали так:

— Временное правительство имеет сведения, что Ленин продан немцам.

Дворец гудел от восторга.

Около 10 час вечера ко мне явились казаки, входившие в состав отряда гр. Ребиндера. Мне было уже ясно, что восстание окончено, я поблагодарил их от имени Половцова и отпустил по домам.

Ночью телефон Балабина:

— Временное правительство спешно требует тебя в штаб округа. Приезжай немедленно.

Найти автомобиль, шофер которого согласился бы свезти меня туда, было не так легко.

Ночью прибыл я в штаб округа. Подымаясь по лестнице, я встретил Козьмина, который сообщил, что два раза ездил спасать контрразведку, но что все ее помещение разгромлено. Встреченный дальше ротмистр Рагозин предупредил меня, что Терещенко и Некрасов только что вернулись в штаб округа...

Войдя в комнату, отведенную Временному правительству, я застал в ней треть министров. Направо от двери стоял Переверзев, налево — лицом к двери, за небольшим столиком — Некрасов, против него — Терещенко. Говорил со мной один Терещенко. Он спросил:

— У вас достаточно данных, чтобы обвинить большевиков в связи с немцами?

Я ответил ему:

— Более чем достаточно.

Терещенко: В таком случае приступите к аресту.

Я: Это уже сделано.

Аресты производились по обвинению большевиков в связи с немцами. Керенский же, вернувшись с фронта и производя на первых порах дальнейшие аресты, в сущности, восстановил в отношении большевиков отмененные после революции статьи о преследовании за попытку свержения существующего государственного строя.

Это не помешало Керенскому уже через несколько часов дать всей машине обратный ход и начал отменять аресты и экспедиции по разоружению большевиков.

Своим приказанием мне Терешенко, на которого, кстати сказать, ссылается Керенский как на противника мер, принятых в этот день Переверзевым, лишь санкционировал от имени Временного правительства мои распоряжения и ордера, отданные именем главнокомандующего, и приказ генерал-прокурора Переверзева, отданный штабу округа.

Для полноты картины хочу добавить, что мною в присутствии, с одной стороны, членов Совета раб. и солд. депутатов Чхеидзе, Сомова, Богданова и Нахамкеса, а с другой, — Балабина, Лебедева, Паршина и Рагозина, был отдан категорический приказ начальнику контрразведки передать всем ее членам, чтобы они никому ни на какие вопросы по делу о большевиках не отвечали, а если бы к ним обратился кто-либо из министров, то чтобы направили его прямо ко мне. Никто ко мне не обращался. Из этого следует, что ни один из министров перед увольнением Переверзева, конечно, кроме его самого, с данными контрразведки об измене большевиков не познакомился. Из всех членов Временного правительства один лишь Терешенко задал мне вышеуказанный вопрос, на который и получил утвердительный ответ. Этот ответ он даже не счел нужным проверить.

— Позвольте же вас спросить, — сказал я Б. В. Никитину, — какова была, по вашему мнению, истинная причина увольнения Переверзева?

— Как факт совершенно установленный, — ответил он мне, — важно считать, что Переверзев был уволен, во всяком случае, не за то, что расследование измены большевиков не могло быть якобы из-за него закончено: о ходе его члены правительства даже не знали.

Причину увольнения министра юстиции следует искать в вышеприведенных словах Соколова. То же, что Соколов, высказали мне затем и члены Исполнительного комитета, входившие в комиссию, состоявшую при главнокомандующем, да и все вошедшие в штаб после ликвидации восстания члены совдепа.

Они нас обвиняли в том, что мы дискредитировали не только целую политическую партию, но и всю левую социалистическую идеологию.

Что же касается документальных данных, которых, по словам Керенского, якобы не было и возможность нахождения которых после сообщения, сделанного Переверзевым, была якобы навсегда утрачена, — прошу обратить ваше внимание, сказал в заключение Б. В. Никитин, на тот факт, что мнение о том, что данных контрразведки для уличения большевиков в измене было более чем достаточно, — не мое единоличное: как я вам уже сказал, оно разделялось всеми теми восемью выдающимися юристами, которых я 1 июля созвал на совещание.

Л. Любимов

ОТВЕТ ЖУРНАЛИСТУ К.¹

В «Последних Новостях» от 25 октября напечатано письмо в редакцию за подписью журналиста К., по поводу его дела, изложенного в моих воспоминаниях. Подробности этого дела мною заимствованы не только из русских источников, они были известны английской контрразведке (через майора Alley) и французской контрразведке (через капитана Laurent). Первый из них сейчас в Англии, второй во Франции, а в контрразведках этих двух стран имеются соответствующие письменные материалы.

В упомянутом выше письме журналиста К. неверно переписаны некоторые слова моих фельетонов, а именно: «неопровержимые улики», «отношения с германской подданной», а также: как «удостоверяет» Никитин, что К. был выпущен под залог.

В моих фельетонах от 23 и 25 июля с. г. ни одного из этих слов нет.

Вместо них: «прямые улики»; — о подданстве я совсем не говорю; — залог же не «удостоверил», так как фактически уже не имел возможности его доказать, а о нем лишь написал: «В

---

¹ Опубликовано: «Последние Новости» (Париж). 1932, № 4248, 8 ноября, с. 4.

сентябре, находясь на Кавказе, я прочел телеграмму из Петрограда» и т. д.

Я резко отделил подлинные документы от слухов и косвенных улик и назвал последние «бесплатными приложениями». «Прямые улики» — судебный термин, который исключает всякое предположение, что обвинение было брошено «с разбега». В написанных мною воспоминаниях я ни одного слова не только переменить, но переставить не могу, а основания для обвинения получал не «от кого-то», а от поименованных мною должностных лиц, которые, до министра юстиции включительно, были в курсе всех подробностей.

Если журналист К. всего через 3 месяца так неточно переписывает в кавычках мои слова на столбцах той же газеты, то могу себе представить, как точно переписал он свое досье. В этом издании «сборника следственного производства», под редакцией К., по словам того же К., заключается «упоминание о всех обвинениях г. Никитина», а «договор на 12 листах о сепаратном мире (NB., написанных на машинке) оказывается клочком бумаги, на котором женским почерком написаны десять условий возможного перемирия на русском и других фронтах».

В своей главе я последовательно привожу, как и с кем началось дело К., а именно с переговоров о сепаратном перемирии, как постепенно вырисовывался текст договора, какую он составлял нашу заботу по розыску, и как его нашли (в моем и следователя присутствии) в номере Европейской гостиницы в чемодане самого К. Другой проект договора, написанный «женским почерком», мне не известен, хотя всякому понятно, что, написанный рукой г-жи Брейденбейд, он должен бы был обратить на себя мое особое внимание.

К. пишет, что в его сборнике имеется и секретное письмо К., «извлеченное из дипломатической вализы», в котором «единственным обвинением, пожалуй, могло бы служить указание на борьбу К. с шовинистическими течениями в лице г.г. Милюкова и Гучкова».

Но ведь и это секретное письмо, а равно и вся корреспонденция К. отправлялась все в тот же адрес г-жи Брейденбейд, а последняя «проходит» по английской контрразведке. По удостоверению не русской, а английской контрразведки и

по дознанию майора Alley в Стокгольме, Брейденбейд была интимно связана с К. и была зарегистрирована как агент немецкого штаба. Но является ли такая переписка («имеющие уши, да услышат») с интимным немецким агентом достаточно доказательной?

Открывать дальше свои карты я сейчас не хотел бы, а вести полемику с клиентами контрразведки для меня совсем неприемлемо.

Я получил несколько писем с просьбой высказаться о письме б. председателя Петроградского окружного суда Рейнбота, которое имеется у журналиста К.

Для непосвященных эта должность, конечно, импонирует, но в том-то и дело, что дела контрразведки отнюдь не разбирались в Петроградском окружном суде, а направлялись прокурору Судебной палаты и слушались в особых сессиях при Судебной палате, а дело К. даже нигде не слушалось. Таким образом, председатель окружного суда в отношении дела журналиста К. мог высказываться не по занимаемой должности, а только как постороннее частное лицо. При этих условиях, под каким «свежим впечатлением» мог написать письмо г. Рейнбот через 4 года, — я не ведаю.

В полемике, которую неизбежно должны были вызвать 7 глав моих воспоминаний (могу себе представить, что посыплется на меня, когда выйдет вся книга), вопрос о приказах, об арестах уже вернулся к точной редакции моего фельетона от 23 сентября. А вот был ли ген. Половцов уволен 6 июля, или, как я доказываю, — 12-го? Был ли отменен арест Троцкого и Нахамкеса? — Скрыть эти факты уже невозможно. Шесть лишних дней ликвидации восстания Половцовым составили для нашего маленького штаба целую новую эпоху; в нее вошли и ряд громких историй, вызванных отменой ареста Троцкого и Нахамкеса. Естественно, эта маленькая эпоха, а равно и все названные истории зафиксированы много раз и в документах, и в печати, и фактами сопряженными, и в памяти участников, на которых я сослался. Правда обнаружится, а такие опровержения меня только устраивают.

Прошу Вас принять, господин редактор, уверение в моем искреннем к Вам уважении.

Б. Никитин

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович С. Л., соц.-дем., меньшевик 133, 331
- Адлер Виктор, лидер австрийских соц.-дем. 31, 265, 329, 338
- Александров К. М., историк 35, 301
- Александров П. А., юрист, следователь по особо важным делам 19, 26, 27, 48, 49, 124, 125, 128, 131, 136, 139, 142, 149, 152–154, 215, 336, 367
- Алексеев М. В., генерал, нач. штаба Верховн. Главнокомандующего 70, 72, 74, 219, 230–232
- Алексинская Т. И., публицистка, жена Г. А. Алексинского 13, 264
- Алексинский Г. А., соц.-дем. (меньшевик) 12, 13, 17–21, 26, 29, 35, 111, 171, 185, 188, 256, 257, 260, 301, 302, 370
- Аллей (Alley), майор, англ. разведчик 8, 86–89, 99, 109, 270, 273, 373, 375
- Амилахвари А., князь, ком. 3-й сотни Туземной див. 224
- Амилахори Г., князь, генерал 246
- Амфитеатров А. В., писатель 12
- Анатра, сотр. контрразведки 152
- Андраник, предв. восстания армян 285, 299
- Анисимов Н. А., с.-р. 161, 164, 166, 167
- Аносов, агент контрразведки 142
- Апушкин В. А., полковник, гл. воен. прокурор в 1917 г. 54
- Арисгофен, барон, генерал 296
- Аронсон Г. Я., меньшевик 11
- Аснин, вор-рецидивист, анархист 122–126, 270–272, 274
- Ашберг О., швед. банкир 15
- Багратион Д. П., князь, ген., ком. Кавказской Туземной конной див. 237, 246
- Багратуни Я. Г., ген.-майор, нач. штаба Петрогр. воен. округа 213–216, 218, 220, 222, 239
- Бакунин М. А., революционер, идеолог анархизма 19, 264
- Балабанова А. И., соц.-дем., эмигрантка 133, 134, 344, 345
- Балабин Ф. И., полк., пом. нач. штаба Петроградского воен. округа 46, 47, 51, 52, 55, 69, 76, 81, 82, 84, 117, 118, 121, 129, 130, 151, 156, 163, 166, 169, 171, 177, 182, 185, 189, 199, 202, 204–206, 209–213, 237, 273, 368–371
- Барановский В. Л., ген.-майор, нач. штаба воен. министра 189, 200, 220, 221
- Бекович-Черкасский Т. Н., князь, ген.-майор Туземной див. 246
- Бемме, нем. коммерсант 55, 274
- Бенасик, член Петр. совета 195
- Бессарабов 124, 126
- Бичерахов Л. Ф., ген.-лейт., участник 1-й мир. войны 215, 283–286, 288, 289, 294, 298
- Богданов (Малиновский) А. А., большевик 98, 205, 208, 256
- Бонч-Бруевич В. Д., большевик, член Исполкома Петр. совета 201
- Борисов, поручик, агент контрразведки в Торнео 139, 140, 142
- Брасова Н. С. (княгиня Палей), супруга Вел. Кн. Михаила Александровича 70, 226, 227, 233

- Брейденбейд, нем. агентка 98, 99, 104, 106, 137, 275, 303, 374, 375
- Брусилов А. А., генерал 232
- Брэндстрём (Brandström), ген., посол Швеции в России 93–96
- Бурцев В. Л., публицист 134, 141, 366
- Быков, автор книги «Последние дни Романовых» 236
- В., судебный следователь 215
- Вадбольский А. А., подпоруч. Л.-Гв. Егерского полка 223
- Валентинов Н. В., публицист 19
- Вандервельде Э., бельгийский социалист 257
- Васильковский, ген., в 1917 г. Главнокоманд. Петроград. воен. округом 215, 216, 239, 241
- Вердеревский Д. Н., контр-адм., морской мин. Врем. пр-ва 250
- Верховский А. И., ген.-майор, команд. войсками Моск. воен. округа 250, 251
- Веселовский Бр. Б., историк, экономист, с.-д. 91, 146, 147, 276, 343
- Войтинский В. С., экономист, историк 160
- Волгогонов Д. А., историк 34
- Воронцов-Дашков И. И., граф, наместник на Кавказе (1905–1915), член Гос. Совета 223
- Воскресенский В. Г., полк., он же де Базиль, антрепренер 288, 296, 299
- Врангель Н. А., барон, полк. 225
- Вяземский В. Б., корнет, адъютант Вел. Кн. Михаила Александровича 224
- Гагарин А. С., князь, нач. 1-й дивизии 246
- Ганецкая (Фюрстенберг) Гиза, жена Я. Ганецкого 27, 145
- Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С., член Загран. бюро ЦК РСДРП 13, 15, 16, 18, 22, 27, 91, 143–147, 149, 150, 185, 265, 271, 275, 332, 334–344, 348, 349, 357, 359
- Гатовский, нач. штаба Кавк. див. 237, 243
- Гегечкори Е. П., меньшевик 117
- Гибсон Карл, немецкий агент 41, 42, 53, 274
- Гиммер, см. Суханов
- Гитлер А., рейхсканцлер Германии 353
- Гнедин Е. А., сын Парвуса 27
- Головин Н. Н., генерал 75
- Гольдгаар В. А., полк. Ген. штаба 246
- Гончаров, штаб-ротмистр, ординарец Багратуни 239, 240
- Горький М. (Пешков А. М.), писатель 25, 58, 141
- Гофман А.-Г., немецкий вице-консул в Женеве 112, 132, 134, 266
- Гоц А. Р., с.-р., член ИК Петросовета 161, 164, 166, 167, 187
- Гредингер, тов. прокурора 51, 102, 103
- Гримм Роберт, швейцарский соц.-дем. 106, 107, 132–134, 266, 274, 347
- Гуревич Э. Л., меньшевик 98
- Гурко В. И., ген. от кав., в 1917 г. команд. армиями Зап. фронта 217–222
- Гусев, вор-рецидивист 123
- Гучков А. И., деп. III и IV Гос. Дум, мин. Вр. пр. 9, 70, 72–74, 85, 104, 106, 135, 137, 233, 275, 374

Гуйсманс К., бельгийский социалист 257

Д., полк., см. Раевский

Дан (Гурвич) Ф. И., соц.-дем. (меньшевик) 161

Данилов, юрист 54, 67

Данчич И. И., секретарь П. Н. Перверзева 64, 126, 368

Дейч Л. Г., меньшевик 111

Джонсон Брайан, поручик, секретарь Вел. Кн. Михаила Александровича 226, 231, 236

Дзержинский Ф. Э., большевик 103, 279

Диккер, эсер 111

Дистерло Ю. Р., барон, 223

Дитрихс 104, 275

Добронравов Л. М., писатель, юрист 188

Дутов А. И., генерал 66, 367

Егиазаров, ротмистр 57

Еремеев К. С., большевик, член Петр. ВРК 116, 117, 120, 124

Ермоленко Д. Г., прап., сотр. контрразведки 18, 135, 136, 185, 365

Железняков А. Г., матрос Балт. флота, анархист 120, 122, 123, 126, 127, 270, 271, 368

Жибер (Guibert), франц. воен. агент 87–89

Живатовский А. Л., банкир, дядя Л. Д. Троцкого 15

Житомирский Я. А., соц.-дем., провокатор 260

Завойко, ординарец 246

Зайонц (Хаимов М. М.), эсер 111, 112

Заславский Д. И., журналист 146, 342

Зеeman А., историк 10, 32

Зиновьев Г. Е. (Радомысльский), большевик, член Исполкома Петросовета 18, 147, 258, 276, 338

Иванов Н. И., ген.-ад. 230, 252

Иззет-паша (Юсуф Иззет-паша), турецкий ген. 284, 286, 287, 289, 290, 292, 294–298, 300

Иоффе А. А., большевик 267

К., публицист, см. Колышко И. И.

Каледин А. М., ген. от кав. 223

Каменев Л. Б., большевик 126, 157, 259, 267, 272

Камков (Кац) Б. Д., эсер 111, 112

Каринский Н. С., прокурор Судебной палаты 18, 114, 121, 193, 196, 204, 215

Каропачинский В. Н., сотруд. контрразведки 48, 49, 99, 100, 118, 123, 150, 152, 184, 221

Касаткин Г. В., ст. агент контрразведки 99, 148, 199

Катков Г. М., мемуарист 14

Каутский К., нем. социалист, лидер II Интернационала 257

Керенский А. Ф., адвокат, мин. и председ. Вр. пр-ва, 9, 17, 52–54, 68, 69, 76, 77, 110, 161, 169, 185, 188–192, 198, 202–204, 209, 213, 214, 235, 236, 240, 242, 245–248, 250, 252, 331, 363, 364, 372

Клемансо Ж., франц. полит. деятель 199

Козловский М. Ю., с.-д., член Исп. Петросовета 14, 16, 18, 27, 66, 77, 124, 125, 143, 146, 150, 184, 275, 276, 329, 331, 335–343, 365

- Козьмин, помощник Половцова, с.-р. 66, 178, 182, 199, 200, 203, 210, 217, 245, 371
- Коллонтай А. М., член РСДРП, 9, 15, 17, 18, 22, 30, 31, 139, 140, 142, 143, 145, 276, 304, 330, 335, 337–340, 341, 347, 364
- Колчак А. В., адмирал 87, 353
- Колышко И. И., публицист, нем. агент 10, 11, 25, 35, 81, 97–107, 136, 137, 139, 275, 303, 332–334, 365, 373–375
- Корнилов Л. Г., генерал 7, 40, 46–48, 50, 51, 54, 55, 67, 76, 78, 81, 85, 88, 89, 93, 110, 129, 153, 214, 240–252, 273
- Красин Л. Б., большевик 18, 151, 275
- Краснов П. Н., генерал 252
- Крупская Н. К. (Ульянова), жена В. И. Ленина 183, 258–260, 265, 266, 334, 335
- Крымов А. М., генерал 249, 252
- Крымов В. П., журналист 11
- Кускова Е. Д. 30
- Кучук-хан, турецкий военачальник 284
- Кюльман Рихард, гос. контролер Германии 28
- Лавернь (Lavergne), франц. генерал 87
- Лбов А., революционер 256, 257
- Ленин (Ульянов) В. И., вождь большевиков 5, 12, 14–19, 22, 27, 31, 32, 34, 68, 83, 89, 101, 104, 113, 129, 135–145, 149, 151, 154, 157, 170, 172, 177, 179, 181, 183, 185, 187, 193, 196, 201, 214, 254–280, 299, 329, 335, 336, 338, 352, 353, 364, 366, 368
- Лехович В. А., ген.-лейт., нач. Гл. арт. упр. 200
- Либер (Гольдман) М. И., соц.-дем., член Исполкома Петровета 114, 157, 187
- Ловцов Петр, ст. агент контрразведки 115–117, 189, 215
- Лоран (Laurent) Пьер, франц. капитан 8, 11, 12, 87, 90–92, 124, 143, 144, 152, 185, 302, 365, 373
- Луначарский А. В., большевик 18, 126, 256, 331, 346
- Лурье М. З. (Ларин Ю.), большевик 17, 142, 276
- Львов Г. Е., князь, пред. Вр. пр. 61, 62, 72, 91, 229, 233, 245, 246
- Любимов Л. Д., писатель 6, 9
- Людендорф Э., нем. генерал 28, 30, 281, 362
- Люксембург Роза, нем. с.-д. 103, 257
- Лядов (Мандельштам) М. Н., большевик 259
- Ляндрес С., историк 19–22, 24, 300, 302, 304, 330, 338
- Магалов Ленко, князь, ком. Татарского полка 250
- Мазуренко, прапорщик, меньшевик 188, 252
- Малиновский Р. В., большевик, провокатор 260
- Малянтович П. Н., министр юстиции Врем. пр-ва 27, 108
- Мануильский Д. З., большевик, член Петрогр. ВРК 256
- Манус И. П., банкир 102, 103
- Манусевич-Мануйлов И. Ф., авантюрист 50
- Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.), лидер меньшевизма 133, 255, 256, 258, 259, 330

- Масленников М. А., корнет, адъютант Половцова 121
- Мельгунов С. П., историк 16, 24–26, 28, 29, 31–34
- Менжинский В. Р., большевик, в 1917 г. член ВРК 256
- Милюков П. Н., к.-д., мин. ин. дел Вр. пр. 6, 9, 10, 25, 72, 89, 98, 104, 106, 107, 135, 137, 233, 238, 275, 365, 374
- Миронов, помощник Керенского 69, 238, 240, 241–243
- Митаев Али, вождь Веденского округа 290, 294
- Михаил Александрович, Вел. Князь, ген.-майор 70, 74, 223–229, 230–236, 244, 252, 278
- Моохид А., англ. историк 33
- Моргари, итал. социалист 133
- Муравьев Н. К., адвокат, предс. Чрезв. следственной комиссии Врем. пр-ва 49, 64
- Мурсал-паша, турецкий генерал 284
- Мюллер, нем. агент 116, 117, 120, 123, 124, 270–272, 275
- Назимов П. И., полк., команд. запасными частями Петрограда 122, 123
- Натансон М. А., эсер 111, 112, 330
- Нахамкес, см. Стеклов
- Нахичеванский Гусейн, хан, ген.-ад., ген. от кав. 223
- Некрасов Н. В., мин. Вр. пр. 91, 113, 178, 185, 186, 191, 219, 371
- Нератов, тов. мин. ин. дел 89
- Никитин Б. В. 6–10, 12, 16, 17, 21, 22, 24, 25, 28, 302–304, 354, 363, 364
- Никитин В. Н., генерал 7, 300
- Николай II, Император России 197, 219, 227, 229, 231, 232, 244
- Николай Михайлович, Вел. Кн., ген.-адъютант, историк 163
- Николай Николаевич, Вел. Кн. 71
- Никольский, подполк. 287
- Нокс А.-У., англ. генерал, воен. атташе в России 6–9, 86
- Нотович, издатель 101, 105
- Нэн, швейцар. социалист 133
- Оссендовский А. М., польский журналист 34, 35
- П., Пальчинский, горный инженер 77
- Палеолог М., посол Франции 102
- Панкратов В. С., народник 17, 18, 29, 171, 370
- Пантелеев, ротмистр 225
- Парвус А. (Гельфанд И. Л.), соц.-дем., нем. агент 5, 13, 14, 17, 18, 21, 31, 33, 140–144, 148, 154, 271, 275, 351, 352, 355, 356, 359, 364, 366
- Пашенный, зам. Потапова 128
- Пельке фон Норденшталь А., австрийский консул 109, 112
- Переверзев П. Н., прокурор Судебной палаты, мин. юстиции Вр. пр-ва 8, 16–18, 25, 52, 53, 63, 64, 68, 69, 100, 101, 107–110, 118, 120, 121, 124, 125–127, 133, 139, 140, 143, 168, 171, 176, 178, 185, 186, 191, 273, 301–303, 363, 364, 365, 370, 373
- Пестрецов Даниил, казак 1-го Донского казачьего полка 176
- Пестрецов Петр, казак 176
- Петров, прапорщик 287, 293
- Плеве В. К., мин. вн. дел 52
- Плеханов Г. В., марксист 13, 63, 90, 110, 257, 259, 262, 269

- Плюшевский-Плюшик Ю. Н.,
 ген.-майор Ген. штаба 243, 247
- Половцов П. А., ген., команд.
 войсками Петрогр. воен. окру-
 га 8, 17, 66, 76, 82, 118–123,
 129, 156, 157, 159, 160, 163,
 171, 177, 183, 185, 191, 211,
 213, 237, 240–242, 250, 251,
 273, 363, 367–371, 375
- Пораделов Н. Н., ген.-кварт.
 штаба 130, 188, 275
- Потапов Н. М., генерал-кварт. Гл.
 упр. Ген. штаба 45–50, 60, 65,
 86–89, 124, 128, 216, 282, 355
- Потоцкий С. Н., воен. атташе в
 Дании 35, 301, 303, 304, 350–
 356, 358
- Похвиснев, гл. нач. почт и теле-
 графов 90, 91
- Путилов А. И., предс. правления
 Русско-Азиатского банка 247
- Рагозин Е. И., ротмистр 121,
 205, 287, 291, 371, 372
- Радек К., большевик 27
- Раевский, полк. Ген. штаба 45,
 46, 49, 87
- Раскольников, большевик 165
- Ребиндер, граф, полк. 169, 371
- Родзянко М. В., предс. III и IV
 Гос. Дум 70, 74, 229, 231–233
- Романов, провокатор 260
- Романовский Ю. Д., ген., нач. Ген.
 штаба 48, 68, 69, 164, 187, 216
- Рошаль С. Г., большевик 18, 63,
 64, 165, 168, 170
- Рубец-Масальский, ген., нач.
 штаба Петр. воен. округа 40
- Рыков А. Н., большевик 260
- Савинков Б. В., с.-р., тов. воен-
 ного мин. Врем. пр-ва 111,
 112, 235, 240–243, 246
- Савицкий, агент контрразвед-
 ки 137–139
- Савицкий, есаул, комендант
 Белоострова 90, 142
- Савич, ротмистр 287, 292
- Саттеруп К. В., генерал 130
- Сахаров, прапорщик 167
- Семашко Н. А., соц.-дем. 164,
 256, 275
- Симсон фон Гимельшерн, полк.,
 пом. градоначальника 56
- Скарятин В. В., тов. министра
 юстиции 191, 192, 201
- Скобелев М. И., меньшевик,
 министр труда Врем. пр-
 ва 132, 191, 194, 197
- Скоропись-Иелтуховский А. Ф.,
 укр. бурж. националист 135, 136
- Скосырев В., корнет 124
- Снегиревский, капитан-юрист
 118, 201, 205, 206, 208
- Соколов Н. Д., юрист, соц.-дем.,
 масон, член Исп. Петр. сове-
 та 52–54, 77, 176, 184, 370, 372
- Сомов, с.-д. 118, 166, 205–207
- Сорокин, большевик 131, 275
- Спиридович А. И., ген.-майор
 отд. корпуса жандармов 197
- Сталин И. В., большевик 27, 280
- Стеклов О. М. (наст. фам. Нахам-
 кес), член РСДРП 41, 44, 79,
 125, 176, 189, 192, 197–209,
 239, 252, 262, 271, 372, 375
- Степин, агент большевиков 81,
 100–102, 105–107, 115, 137–
 139, 150, 275, 365
- Ступин, генерал 75
- Суворин А. А., издатель 194
- Суменсон Евгения М., финанс.
 агентка большевиков 14–16,
 18, 143, 145, 148–150, 183,
 185, 237, 275, 331, 334, 336–
 344, 348, 365

- Суханов Н. Н. (Гиммер Н. И.), экономист, публицист, с.-р. 197, 267, 271
- Сухомлинов В. А., ген. от кав., воен. мин. 58
- Тарарыкин, полк. 287
- Тарасов С. Г., коммерсант 47, 53
- Терещенко М. И., заводчик, мин. Вр. пр-ва 87, 91, 98, 124, 178, 185, 186, 191, 329, 371
- Тихобразов Мика, полк. 242, 243
- Томсон, англ. генерал 215, 300
- Топорков, ген. Туземной див. 246
- Трауптман Й., нем. историк 34
- Троцкий И. М., журналист 10, 11
- Троцкий (Бронштейн) Л. Д., с сент. 1917 г. предс. Петр. Совета 126, 140, 168, 172, 177, 181, 189–193, 196, 201, 215, 253, 260–262, 267, 268, 274, 276–278, 280, 330, 346, 375
- Трошин Г. З., поручик 188
- Туган-Барановский, нач. канцелярии 40, 41
- Туманов Г. Н., князь, тов. воен. мин. Вр. пр. 40, 189, 200, 241
- Ульке Альфред, унтер-оф. 206-го Прусского полка 152, 275
- Уншлихт И. С., большевик, член Петрогр. ВРК 184, 276
- Филимонов, подьесаул 170
- Филипповский, член «контактной комиссии» 197
- Филотти, биржевой делец 67
- Фюрстенберг, см. Ганецкий
- Халвег Вернер, историк 32
- Хереш Э., австр. историк 34
- Хоранов, полк. Тузем. див. 246
- Цагурия, штабс-капитан конной артиллерии 170, 176, 177, 180
- Церетели И. Г., меньшевик 78, 133, 161, 162, 169, 273
- Чернов В. М., с.-р., мин. Вр. пр-ва 109–113, 168, 169, 172, 190, 191, 248, 331
- Черномазов, провокатор 260
- Черноморов, поручик 292, 293
- Чернышев Ф., сослуживец Б. Никитина 142
- Черячукин А. В., ген. 224
- Чхеидзе Н. С., меньш., пред. Петр. совета 79, 81, 117, 161, 162, 169, 195, 197, 205–209, 372
- Шадурская З. Л. (Шадурский, см. Прил. 1) 304, 336–340, 342, 347
- Шапшелевич, эсер 111
- Шарлау В., историк 10, 33
- Шварц, ген., нач. Гл. технического управления 211, 212
- Шиссер Г., нем. историк 34
- Штейберг 147, 275
- Штрейх Ханс, унтер-офицер 206-го Прусского полка 152
- Шурканов В. Е., соц.-дем. 260
- Щеголев П. Е., историк 26
- Шукин, юрист 54
- Энвер-паша, один из лидеров младотурок 57
- Эрлиш Г. 97
- Юзефович Я. Д., генерал, нач. штаба Туземной див. 225
- Юренев П. П., министр путей сообщения Вр. пр-ва 248
- Якубов, полк., нач. контрразведки 137, 237
- Якубович, тов. военного министра 169, 172, 189, 200

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Емельянов Ю. Н. Б. В. Никитин и его свидетельства о «роковом семнадцатом»</i>	5
--	---

Роковые годы

(Новые показания участника)

От автора	39
1. На развалинах	40
2. По-новому	47
3. Петроградская трясина	56
4. Войска	70
5. Союзники	86
6. Генерал Brandström	93
7. Прямые улики	97
8. Чернов	109
9. Дача Дурново	114
10. Из журнала контрразведки	128
11. Немецкие деньги	135
12. Июльское восстание	156
13. Последняя карта	181
14. Нахамкес	197
15. Обреченные	210
16. Дело генерала Гурко	217
17. Светлой памяти Великого Князя Михаила Александровича	223
18. Великая провокация	237
19. В музей Ленина	254
20. Еще два слова	281
21. Забытые могилы	283
<i>С. В. Волков. Биографическая справка о Б. В. Никитине</i>	300
Приложение 1 Материалы телеграфного контроля в Петрограде весной-летом 1917 г.	301

Приложение 2	
<i>К. М. Александров. Несомненное участие германских агентов и германских капиталов</i>	350
Приложение 3	
<i>Любимов Л. Июльское восстание большевиков (Беседа с Б. В. Никитиным)</i>	363
<i>Никитин Б. Ответ журналисту К.</i>	373
Указатель имен	376

Научное издание

Никитин Борис Владимирович

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(Новые показания участника)

Ведущий редактор *Е. М. Гончарова*

Художественный редактор *А. М. Кузнецов*

Оформление обложки *А. М. Драговой*

Технический редактор *Т. В. Исаева*

Компьютерная верстка *Г. В. Доронина*

Корректор *З. А. Тихонова*

Подписано в печать 20.04.07. Бумага офсетная.
 Формат 84×108/32. Печать офсетная. Печ. л. 12.
 Усл.-печ. л. 20,16. Тираж 3000 экз. Заказ № 6958.

ООО «Издательство «АЙРИС-пресс»

113184, Москва, ул. Б. Полянка, д. 50, стр. 3.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

ET ДЕН
ПРАВ

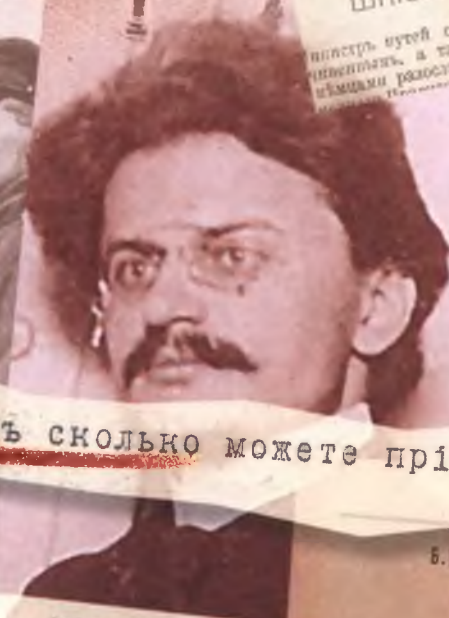

Чити германского
шпіонажа.

платить путей союзники
интервалы, а также
иными разностями

амамо, итак, соимъ.
платить о томъ,
иными разностями

Три года войны возмезди намъ, салто
широкую сеть предательства и шпіонажа
сими вѣщми у насъ и у нашихъ союз-

Переведите денегъ сколько можете приѣду

радъ, Сергіевская 81. КОЗЛОВСКОМУ.
ть доплаты 15300 кронъ дифференці залога,

НЕ РОКОВЫЕ ГОДЫ

Б.ЛИКИТИНЪ

ФОРСТЕНБЕРГЪ Сальтшэбаденъ.

Счетъ письмо выслалъ 5905 рублей внесъ С
КРЭРЕШКОВСКІЙ Грандъ Отель улица Г

ВНИМАТЕЛЬНО ПОКАЗАТЬ (ЧАСТНИКА)

через Германію. Завтра здѣсь ожидаются 250 русск.
эмигрант, изъ Швейцаріи, которые точе ѣхали черезъ
ЦКТИ, ЧУДНОВСКИИ и другіе. Задержанные
анты, проѣхали сегодня черезъ Стокгольм

9 785811 227402

АЙРИС ПРЕСС